# БИБЛІОТЕКА

# ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

# РЫЦАРЬ РОЛЛОНЪ.

Былъ удалецъ и отважный наѣздникъ Роллонъ;
Съ шайкой своей по дорогамъ разбойничалъ онъ.
Разъ, запоздавъ, онъ въ лѣсу на усталомъ конѣ
Ѣхалъ, и видитъ, часовня стоитъ въ сторонѣ.

Лѣсъ былъ дремучій и былъ ужъ полуночный часъ;
Было такъ темно, такъ темно, хоть выколи глазъ;
Только въ часовнѣ лампада горѣла одна,
Блѣдно сквозь узкія окна свѣтила она.

Рано еще на добычу, подумалъ Роллонъ,
Здѣсь отдохну; — и въ часовню пустынную онъ
Входитъ; въ часовнѣ, онъ видитъ, гробница стоитъ;
Трепетно, тускло надъ нею лампада горитъ.

Сѣлъ онъ на камень, вздремнулъ съ полчаса, и потомъ
Снова поѣхалъ лѣснымъ одинокимъ путёмъ;
Вдругъ своему щитоносцу сказалъ онъ: скорѣй
Съѣзди въ часовню; перчатку оставилъ я въ ней.

Посланный, блѣденъ какъ мертвый, назадъ прискакалъ.
Этой перчаткой другой завладѣлъ, онъ сказалъ;
Кто-то не здѣшній въ часовнѣ на камнѣ сидитъ;
Руку онъ всунулъ въ перчатку и страшно глядитъ;

Треплетъ и гладитъ перчатку другой онъ рукой;
Чуть я со страха не умеръ отъ встрѣчи такой.
— Трусъ! на него запальчиво Роллонъ закричалъ,
Шпорами стиснулъ коня и назадъ поскакалъ.

Смѣло на гостя ночнаго ударилъ Роллонъ;
Отнялъ перчатку свою у нечистаго онъ.
«Если не хочешь одной мнѣ совсѣмъ уступить,
«Обѣ ссуди мнѣ перчатки, хоть годъ поносить.»

Молвилъ нечистый; а Рыцарь сказалъ ему: «на!
«Радъ испытать я, заплатитъ ли долгъ сатана;
«Вотъ тебѣ обѣ перчатки; отдай черезъ годъ.»
— Слышу! прости до свиданья! — отвѣтствовалъ тотъ.

Выѣхалъ въ поле Роллонъ; вдругъ далекій пѣтухъ
Крикнулъ, и топотъ коней поражаетъ имъ слухъ.
Робость Роллона взяла; онъ глядитъ въ темноту;
Что-то ночную наполнило вдругъ пустоту;

Что-то въ ней движется, ближе и ближе, и вотъ
Черные рыцари ѣдутъ попарно; ведётъ
Сзади слуга въ поводахъ воронаго коня;
Черной попоной покрытъ онъ; глаза изъ огня.

Съ дрожью невольной спросилъ у слуги Паладинъ:
Кто воронаго коня твоего господинъ?
— «Вѣрный слуга моего господина, Роллонъ.
«Нынѣ лишь парой перчатокъ расчелся съ нимъ онъ;

«Скоро отдастъ онъ иной и послѣдній отчётъ;
«Самъ онъ поѣдетъ на этомъ конѣ черезъ годъ.»
Такъ отвѣчавъ, за другими послѣдовалъ онъ.
«Горе мнѣ!» въ страхѣ сказалъ щитоносцу Роллонъ.

«Слушай, тебѣ я коня моего отдаю;
Съ нимъ и всю сбрую возьми боевую мою:
Ими отнынѣ, мой вѣрный товарищъ, владѣй.
Только молись о душѣ осужденной моей.»

Въ ближній пришедъ монастырь, онъ Пріору сказалъ:
«Страшный я грѣшникъ, но Богъ мнѣ покаяться далъ.
Ангельскій чинъ я еще не достоинъ носить;
Служкой простымъ я желаю въ обители быть.»

— Вижу, ты въ шпорахъ, конечно бывалъ ѣздокомъ;
Будь же у насъ на конюшнѣ, ходи за конёмъ. —
Служитъ Роллонъ на конюшнѣ, а время идётъ;
Вотъ наконецъ совершился ровнехонько годъ.

Вотъ наступилъ ужъ и вечеръ послѣдняго дня;
Вдругъ привели въ монастырь молодаго коня:
Статенъ, красивъ, но еще не объѣзженъ былъ онъ.
Взять дикаря за узду подступаетъ Роллонъ.

Взвизгнулъ, вскочивъ на дыбы, разъярившійся конь;
Грива горой, изъ ноздрей какъ изъ печи огонь;
Въ сердце Роллона ударилъ копытами онъ;
Умеръ, и разу вздохнуть не успѣвши, Роллонъ.

Вырвавшись, конь убѣжалъ и его не нашли.
Къ ночи, какъ должно, Роллона отцы погребли.
Въ полночь къ могилѣ ужасный ѣздокъ прискакалъ;
Чернаго, злаго коня за узду онъ держалъ;

Пара перчатокъ висѣла на черномъ сѣдлѣ.
Жалобно охнувъ, Роллонъ повернулся въ землѣ;
Вышелъ изъ гроба, со вздохомъ перчатки надѣлъ,
Сѣлъ на коня, и какъ вихорь съ нимъ конь улетѣлъ.

**В. ЖУКОВСКІЙ.**

Вернѐ, на берегу Женевскаго озера,
5 Декабря 1832.

*

# БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

=

## ЛИТОВСКАЯ БАЛЛАДА.

=

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три Литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода.
Пазъ идетъ на Поляковъ, а Ольгердъ на Прусаковъ,
А на Русскихъ Кестутъ Воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранятъ васъ Литовскіе боги!)
Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду;
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ Русскихъ добычей.
Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ Прусаковъ, отъ проклятыхъ Крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго,
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта. —
Янтаря — что песку тамъ морскаго.

Третій съ Пазомъ на Ляха пусть ударитъ безъ страха:
Въ Польшѣ мало богатства и блеску,
Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

Нѣтъ на свѣтѣ Царицы краше Польской дѣвицы.
Весела — что котенокъ у печки —
И какъ роза румяна, а бѣла, что сметана;
Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки!

Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздилъ я тоже
И оттуда привезъ себѣ жёнку;
Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,
Дни за днями проводитъ, ни одинъ не приходитъ.
Будрысъ думалъ: ужъ видно убиты!

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
«Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге! не рубли ли?»
— «Нѣтъ, отецъ мой; Полячка младая.»

Снѣгъ пушистый валится; всадникъ съ ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?»
— «Нѣтъ, отецъ мой; Полячка младая.»

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.
Старый Будрысъ хлопочетъ, и спросить ужъ не хочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

**А. ПУШКИНЪ.**

# ВОЕВОДА.

=

## ПОЛЬСКАЯ БАЛЛАДА.

=

Поздно ночью изъ похода
Воротился Воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ..... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ.....
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я, васъ, хамы!..... Дай ружьс;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!..... я жъ ее!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: «Все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье,
Воевода все купилъ.

Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ;
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
И ему ты отдалась.

Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новосельи
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣни ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,»
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
«Вѣтеръ, что ли, плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.»

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!

Сынъ на полку.... Наводи....
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе.... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише;
Прежде я; ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался.
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся.....
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

**А. ПУШКИНЪ.**

---

# С. А. Ж.

## ПРИ ВЫХОДѢ ЕЯ ИЗЪ ПАНСІОНА.

Путь новой жизни предъ тобою;
Терпистъ и труденъ этотъ путь;
Все можетъ встрѣтиться съ тобою;
Но ты хранима небомъ будь!
Да окружатъ тебя, Софія,
Да идутъ за тобою вновь
Твои сопутницы младыя:
Надежда, Вѣра и Любовь,
Союзъ прекрасный и священный!
Когда ему не измѣнишь,
То, вѣрь, стопой непреткновенной
Ты жизни поприще свершишь.

**В. ПАНАЕВЪ.**

# НОЧЬ.

## ЭЛЕГІЯ.

Корабль нашъ разсѣкалъ стекло морскихъ равнинъ,
И сѣялъ искрами бездонный мракъ пучинъ;
Ужъ мѣсяцъ пламенѣлъ, вздымался паръ душистой,
И снопъ серебряной дрожалъ въ лазури чистой
Дремотныхъ волнъ; и звѣздъ лелѣяла краса,
И волны, и эѳиръ, и мракъ и небеса.
На палубѣ сидѣлъ, накинувъ плащъ широкій,
Влюбленный юноша, красивый, черноокій;
Онъ думой тайною въ родимый край леталъ,
Гдѣ бракъ съ прекрасною счастливца ожидалъ;
Гитары трепетной со звонкими струнами
Сливалъ онъ пѣснь любви надъ тихими волнами;
Онъ пѣлъ, воспламененъ дѣвичьей красотой,
И встрѣчу первую съ невѣстой молодой,
И взгляды робкіе, и лепетъ торопливый,
И буйный пламень свой, и жаръ ея стыдливый,
И грудь лилейную, и шелкъ ея кудрей,
И алыя уста, и томный блескъ очей;
Онъ пѣлъ, — а сердце въ немъ отъ нѣги замирало,
Одной невѣстою, одною ей дышало, —
И мнилось, для нея, для ихъ святой любви,
Часы полночные такъ сладостно текли;
Для нихъ вкругъ корабля вздымался паръ душистой,
И снопъ серебряной дрожалъ въ лазури чистой
Дремотныхъ волнъ; и звѣздъ лелѣяла краса
И волны, и эѳиръ, и мракъ и небеса.

**И. КОЗЛОВЪ.**

# ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ.

## I.

Въ обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слёзъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ.

Ахъ! тщетно все! Изъ вѣчной сѣни,
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе, все хладно, все молчитъ;
Надгробный факелъ мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали, властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ?
Но ты, о мать земля! съ сей данью горкихъ слезъ,
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими, и успокой въ гостепріимной сѣни!

## II.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любитъ мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь;
Завялъ, но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепелъ твой любилъ оставшись на земли.

**К. БАТЮШКОВЪ.**

# ЦЫГАНКА.

=

Ко мнѣ, Вакхантка молодая,
Краса кочующихъ цыганъ!
Быть можетъ, пѣсня удалая
Разгонитъ горести туманъ,
Быть можетъ.....

Вотъ, вскочила, полетѣла,
Пѣсню громкую запѣла;
Вотъ, пустилася плясать,
Члены всѣ ея дрожатъ,
Ясно чувствамъ говорятъ.

Смѣлые взгляды
Черныхъ очей,
Кольцы густыя
Темныхъ кудрей,
Страстные вздохи
Юныхъ грудей,
Свѣжій румянецъ
Смуглыхъ ланитъ,
Все къ наслажденью,
Къ нѣгѣ манитъ.

Взоръ за ней не успѣваетъ,
Быстро такъ она летитъ;
Вдругъ совсѣмъ изнемогаетъ,
Чуть жива — едва стоитъ.
То въ неистовомъ волненьѣ
Снова вихремъ понеслась,
И въ какомъ-то изступленьѣ
Звонкой трелью залилась.

Цыганка.

Грусть, печали прочь гоните,
Жизнь на радость намъ дана;
Пойте, пейте и любите,
Въ жизни разъ цвѣтетъ весна.

Общій хоръ.

Пойте, пейте и любите,
Жизнь для радостей дана.

Цыганка.

Намъ одинъ законъ, — природа;
Намъ всего милѣй — свобода,
Ей одною дорожимъ.
Если любимъ,
Прямо скажемъ;
Если любимъ,
То докажемъ,
Но себя не продадимъ.

Общій хоръ.

Такъ! себя не продадимъ.

Цыганка.

Гей! — печали прочь гоните,
Жизнь на радость намъ дана;
Пойте, пейте и любите,
Въ жизни разъ цвѣтетъ весна.

Общій хоръ.

Пойте, пейте и любите,
Жизнь для радостей дана.

Замолчала въ утомленьѣ,
Щеки пламенемъ горятъ,
Сердце бьется — всѣ движенья
Ясно чувствамъ говорятъ.
Грудь вздымается волнами,
Вся желаніемъ кипитъ,
И волшебными красами
Упоеніе сулитъ.

Сладострастія слезою
Отуманенъ свѣтлый взоръ,
И уста полуоткрыты
Манятъ жаркой поцѣлуй.

Пой, Вакхантка молодая,
Пой, степей свободныхъ дочь!
Пѣсня вольная, живая,
Грусть отъ сердца гонитъ прочь.

Пой! живая наслажденья,
На минуту все забудь,
И въ восторгахъ упоенья
Упади ко мнѣ на грудь!

**В. БАКУНИНЪ.**

---

# УЛАНЫ.

Крутя передъ стаканомъ
Свой усъ, какъ лунь сѣдой,
Уланъ сказалъ уланамъ:
«Съ разсвѣтомъ, братцы, бой!

«За Вислой зрѣетъ жатва
«Для сабель и мечей!
«Туда, друзья!..... вотъ клятва
«Героевъ — усачей!

«Туда, бойцы лихіе!
«И слава вторитъ намъ:
«Да здравствуетъ Россія,
«И смерть ея врагамъ!

«Вы возмужали въ дракѣ,
«Вамъ свыченъ гулъ ядра,
«Вашъ отзывъ при атакѣ:
«Георгій и Ура!

«Но вѣкъ нося кольчуги,
«Глотая пыль и кровь,
«Вы не забыли, други,
«Ни женщинъ, ни любовь!

«И такъ наполнимъ стклянки
«И выпьемъ заодно:
«Здоровье маркитанки,
«Прекрасной какъ вино!

Вдругъ выстрѣлъ съ аванпоста!
Сѣдлай! мундштучь! садись!
Готовы!..... (не до тоста)
И въ поле понеслись.

**ВЕРЕВКИНЪ.**

# ВОЕННАЯ ПѢСНЬ

## ВЪ ВАЛЛЕНШТЕЙНОВОМЪ ЛАГЕРѢ.

*Изъ Шиллера.*

=

Ну, братцы! вставай, на коней, на коней!
И въ поле, къ свободѣ, скорѣе!
Тамъ удаль и храбрость безстрашныхъ видней
И сердце тамъ бьется живѣе!
На мѣсто твое тамъ не станетъ другой,
И всякъ отвѣчай тамъ своей головой!

Приволья на свѣтѣ не стало давно,
Тщету и позоръ лишь встрѣчаютъ;
А смертными хитрость и ложь заодно
Всегда и вездѣ управляютъ.
Солдатъ отъ того и свободенъ душой,
Что съ смертью онъ свыкся въ грозѣ боевой.

Забылъ онъ печали, забылъ суеты,
Чего жъ ему болѣ страшиться?
И бодро летитъ онъ на встрѣчу судьбы,
Сегодня иль завтра онъ съ жизнью простится.
Пусть завтра! такъ нынѣшнимъ пользуясь днемъ,
Мы, други, въ раздольѣ хоть мигъ проживемъ.

Веселая доля съ небесъ упадетъ,
Солдату трудиться не стоитъ!
Работникъ мечтаетъ, что кладъ онъ найдетъ
И землю все роетъ и роетъ;
Какой же конецъ его вѣчнымъ трудамъ?
Себѣ же могилу онъ выроетъ самъ.

И всадникъ съ своимъ окрыленнымъ конемъ
На праздникъ незваный являлся;
Все въ замкѣ, на свадьбѣ, блистало огнемъ,
Но грозныхъ гостей всякъ боялся!
Онъ златомъ, тоскою, любви не искалъ,
Утѣхи жъ ея на полетѣ хваталъ.

Что дѣвица плачетъ?... грустить отъ чего?
Въ путь должно ему непремѣнно,
Угла постояннаго нѣтъ у него,
Что жъ ждешь ты любви неизмѣнной?
А рокъ его мощный такъ быстро влечетъ,
Что мѣста на отдыхъ нигдѣ не найдетъ!

Скорѣй же, дружина! на борзыхъ коней,
Чтобъ битва намъ грудь освѣжила;
Въ насъ юность кипитъ, насладимся мы ей,
Пока въ насъ душа не застыла.
Но жизнью играя въ кровавомъ пиру,
Вы жизни безумно не ставьте въ игру.

**АВДОТЬЯ ГЛИНКА.**

---

# НАДГРОБІЕ Н. И. ГНѢДИЧУ.

Прохожій! Гнѣдичъ здѣсь, наперсникъ Музъ и славы;
Безъ спора гдѣ рожденъ сынъ громкія Полтавы,
Въ семъ мірѣ суеты хотя не долго жилъ, —
Омира древняго онъ Россамъ подарилъ.

**ГРАФЪ ХВОСТОВЪ.**

---

# ПИКОВАЯ ДАМА.

## ПОВѢСТЬ.

Пиковая дама означаетъ тайную недоброжелательность.

*Новѣйшая гадательная книга.*

### I.

А въ ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — Богъ ихъ прости! —
Отъ 50
На 100,
И выигрывали,
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ, въ ненастные дни,
Занимались они
Дѣломъ.

Однажды играли въ карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незамѣтно; сѣли ужинать въ пятомъ часу утра. Тѣ, которые остались въ выигрышѣ, ѣли съ большимъ апетитомъ; прочіе, въ разсѣянности, сидѣли передъ пустыми своими приборами. Но шампанское явилось, разговоръ оживился, и всѣ приняли въ немъ участіе.

— Что ты сдѣлалъ, Суринъ? спросилъ хозяинъ.

— Проигралъ, по обыкновенію. Надобно признаться, что я несчастливъ: играю мирандолемъ, никогда не горячусь, ничѣмъ меня съ толку не собьешь, а все проигрываюсь!

— И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставилъ на *руте?*... Твердость твоя для меня удивительна.

— А каковъ Германнъ! сказалъ одинъ изъ гостей, указывая на молодаго инженера: отъ роду не бралъ онъ карты въ руки, отъ роду не загнулъ ни одного

пароли, а до пяти часовъ сидитъ съ нами, и смотритъ на нашу игру!

— Игра занимаетъ меня сильно, сказалъ Германнъ: но я не въ состояніи жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее.

— Германнъ Нѣмецъ: онъ расчетливъ, вотъ и все! замѣтилъ Томскій. А если кто для меня непонятенъ, такъ это моя бабушка, Графиня Анна Ѳедотовна.

— Какъ? что? закричали гости.

— Не могу постигнуть, продолжалъ Томскій: какимъ образомъ бабушка моя не понтируетъ!

— Да что жъ тутъ удивительнаго, сказалъ Нарумовъ, что осьмидесятилѣтная старуха не понтируетъ?

— Такъ вы ничего про нее не знаете?

— Нѣтъ! право, ничего!

— О, такъ послушайте! Надобно знать, что бабушка моя, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, ѣздила въ Парижъ, и была тамъ въ большой модѣ. Народъ бѣгалъ за нею, чтобъ увидѣть la Vénus moscovite; Ришелье за нею волочился, и бабушка увѣряетъ, что онъ чуть было не застрѣлился отъ ея жестокости. Въ то время дамы играли въ фараонъ. Однажды при Дворѣ она проиграла на слово Герцогу Орлеанскому что-то очень много. Пріѣхавъ домой, бабушка, отлѣпливая мушки съ лица и отвязывая фижмы, объявила дѣдушкѣ о своемъ проигрышѣ, и приказала заплатить. Покойный дѣдушка, сколько я помню, былъ родъ бабушкина дворецкаго. Онъ ея боялся, какъ огня; однако, услышавъ о такомъ ужасномъ проигрышѣ, онъ вышелъ изъ себя, принесъ счеты, доказалъ ей, что въ полгода они издержали полмилліона, что подъ Парижемъ нѣтъ у нихъ ни Подмосковной, ни Саратовской деревни, и начисто отказался отъ платежа. Бабушка дала ему пощечину, и легла спать одна, въ знакъ своей немилости. На

другой день она велѣла позвать мужа, надѣясь, что домашнее наказаніе надъ нимъ подѣйствовало, но нашла его непоколебимымъ. Въ первый разъ въ жизни она дошла съ нимъ до разсужденій и объясненій; думала усовѣстить его, снисходительно доказывая, что долгъ долгу розь, и что есть разница между Принцемъ и каретникомъ. — Куда! дѣдушка бунтовалъ. Нѣтъ, да и только! Бабушка не знала, что дѣлать. Съ нею былъ коротко знакомъ человѣкъ очень замѣчательный. Вы слышали о Графѣ Сенъ-Жерменѣ, о которомъ разсказываютъ такъ много чудеснаго. Вы знаете, что онъ выдавалъ себя за вѣчнаго жида, за изобрѣтателя жизненнаго эликсира и философскаго камня, и прочая. Надъ нимъ смѣялись, какъ надъ шарлатаномъ, а Казанова въ своихъ Запискахъ говоритъ, что онъ былъ шпіонъ, впрочемъ Сенъ-Жерменъ, не смотря на свою таинственность, имѣлъ очень почтенную наружность, и былъ въ обществѣ человѣкъ очень любезный. Бабушка до сихъ поръ любитъ его безъ памяти, и сердится если говорятъ объ немъ съ неуваженіемъ. Бабушка знала, что Сенъ-Жерменъ могъ располагать большими деньгами. Она рѣшилась къ нему прибѣгнуть. Написала ему записку, и просила немедленно къ ней пріѣхать. Старый чудакъ явился тотчасъ, и засталъ въ ужасномъ горѣ. Она описала ему самыми черными красками варварство мужа, и сказала наконецъ, что всю свою надежду полагаетъ на его дружбу и любезность. Сенъ-Жерменъ задумался. — «Я могу вамъ услужить этой суммою,» сказалъ онъ, «но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь, а я бы не желалъ вводить васъ въ новыя хлопоты. Есть другое средство: вы можете отыграться.» — «Но, любезный Графъ,» отвѣчала бабушка, «я говорю вамъ, что у насъ денегъ вовсе нѣтъ.» — «Деньги тутъ не нужны,» возразилъ Сенъ-Жерменъ: «извольте меня

выслушать.» Тутъ онъ открылъ ей тайну, за которую всякой изъ насъ дорого бы далъ.....

Молодые игроки удвоили вниманіе. Томскій закурилъ трубку, затянулся, и продолжалъ.

Въ тотъ же самый вечеръ бабушка явилась въ Версали, au jeu de la Reine. Герцогъ Орлеанскій металъ; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, въ оправданіе сплела маленькую исторію, и стала противъ него понтировать. Она выбрала три карты, поставила ихъ одну за другою: всѣ три выиграли ей сонка, и бабушка отыгралась совершенно.

– Случай! сказалъ одинъ изъ гостей.

– Сказка! замѣтилъ Германъ.

– Можетъ статься, порошковыя карты? подхватилъ третій.

– Не думаю, отвѣчалъ важно Томскій.

– Какъ! сказалъ Нарумовъ: у тебя есть бабушка, которая угадываетъ три карты сряду, а ты до сихъ поръ не перенялъ у ней ея кабалистики?

Да, чорта съ два! отвѣчалъ Томскій: у ней было четверо сыновей, въ томъ числѣ и мой отецъ; всѣ трое отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны; хоть это было бы не худо для нихъ, и даже для меня. Но вотъ что мнѣ разсказывалъ дядя, Графъ Иванъ Ильичъ, и въ чемъ онъ меня увѣрялъ честью. Покойный Чаплицкій, тотъ самый, который умеръ въ нищетѣ, промотавъ милліоны, однажды въ молодости своей проигралъ – помнится Зоричу, – около трехъ сотъ тысячъ. Онъ былъ въ отчаяніи. Бабушка, которая всегда была строга къ шалостямъ молодыхъ людей, какъ-то сжалилась надъ Чаплицкимъ. Она дала ему три карты, съ тѣмъ, чтобъ онъ поставилъ ихъ одну за другою, и взяла съ него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкій явился къ своему побѣдителю: они сѣли

играть. Чаплицкій поставилъ на первую карту пятьдесятъ тысячъ, и выигралъ соника; загнулъ пароли, пароли-не, — отыгрался, и остался еще въ выигрышѣ....

Однако пора спать: уже безъ четверти шесть.

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ разсвѣтало: молодые люди допили свои рюмки, и разъѣхались.

## II.

— Il paraît que monsieur est décidément pour les suivantes.
— Que voulez-vous, madame? Elles sont plus fraîches.

*Свѣтскій Разговоръ.*

Старая Графиня *** сидѣла въ своей уборной передъ зеркаломъ. Три дѣвушки окружали ее. Одна держала банку румянъ, другая коробку со шпильками, третья высокій чепецъ съ лентами огненнаго цвѣта. Графиня не имѣла ни малѣйшаго притязанія на красоту давно увядшую, но сохраняла всѣ привычки своей молодости, строго слѣдовала модамъ семидесятыхъ годовъ, и одѣвалась такъ же долго, такъ же старательно, какъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. У окошка сидѣла за пяльцами барышня, ея воспитанница.

— Здравствуйте, grand'-maman, сказалъ, вошедши, молодой офицеръ. Bon jour, mademoiselle Lise. Grand'-maman, я къ вамъ съ просьбою.

— Что такое, Paul?

— Позвольте вамъ представить одного изъ моихъ пріятелей, и привезти его къ вамъ въ Пятницу на балъ.

— Привези мнѣ его прямо на балъ, и тутъ мнѣ его и представишь. Былъ ты вчерась у ***?

— Какъ же! очень было весело; танцовали до пяти часовъ. Какъ хороша была Елецкая!

— И, мой милый! Что въ ней хорошаго? Такова ли была ея бабушка, Княгиня Дарья Петровна?...

Кстати: я чай она ужъ очень постарѣла, Княгиня Дарья Петровна?

– Какъ, постарѣла? отвѣчалъ разсѣянно Томскій: она лѣтъ семь какъ умерла.

Барышня подняла голову, и сдѣлала знакъ молодому человѣку. Онъ вспомнилъ, что отъ старой Графини таили смерть ея ровесницъ, и закусилъ себѣ губу. Но Графиня услышала вѣсть, для нея новую, съ большимъ равнодушіемъ.

– Умерла! сказала она: а я и не знала! Мы вмѣстѣ были пожалованы во Фрейлины, и когда мы представились, то Государыня.....

И Графиня въ сотый разъ разсказала внуку свой анекдотъ.

– Ну, Paul, сказала она потомъ: теперь помоги мнѣ встать. Лизанька, гдѣ моя табакерка?

И Графиня со своими дѣвушками пошла за ширмами оканчивать свой туалетъ. Томскій остался съ барышнею.

– *Кого это вы хотите представить? тихо спросила Лизавета Ивановна.*

– Нарумова. Вы его знаете?

– Нѣтъ! Онъ военный, или статскій?

– Военный.

– Инженеръ?

– Нѣтъ! кавалеристъ. А почему вы думали, что онъ инженеръ?

Барышня засмѣялась, и не отвѣчала ни слова.

– Paul! закричала Графиня изъ-за ширмовъ: пришли мнѣ какой нибудь новый романъ, только, пожалуйста, не изъ нынѣшнихъ.

– Какъ это, grand'-maman?

– То есть, такой романъ, гдѣ бы герой не давилъ ни отца, ни матери, и гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ. Я ужасно боюсь утопленниковъ!

– Такихъ романовъ нынче нѣтъ. Не хотите ли развѣ Русскихъ?

– А развѣ есть Русскіе романы?.... Пришли, батюшка, пожалуйста пришли!

– Простите, grand'-maman: я спѣшу..... Простите, Лизавета Ивановна! Почему же вы думали, что Нарумовъ инженеръ?

И Томскій вышелъ изъ уборной.

Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу и стала глядѣть въ окно. Вскорѣ на одной сторонѣ улицы изъ-за угольнаго дома показался молодой офицеръ. Румянецъ покрылъ ея щеки: она принялась опять за работу, и наклонила голову надъ самой канвою. Въ это время вошла Графиня, совсѣмъ одѣтая.

– Прикажи, Лизанька, сказала она, карету закладывать, и поѣдемъ прогуляться.

Лизанька встала изъ-за пяльцевъ и стала убирать свою работу.

— Что ты, мать моя! глуха, что-ли! закричала Графиня. Вели скорѣй закладывать карету.

– Сейчасъ! отвѣчала тихо барышня, и побѣжала въ переднюю.

Слуга вошелъ, и подалъ Графинѣ книги отъ Князя Павла Александровича.

– Хорошо! Благодарить, сказала Графиня. Лизанька, Лизанька! да куда жъ ты бѣжишь?

– Одѣваться.

– Успѣешь, матушка. Сиди здѣсь. Раскрой-ка первый томъ; читай вслухъ....

Барышня взяла книгу, и прочла нѣсколько строкъ.

– Громче! сказала Графиня. Что съ тобою, мать моя? съ голосу спала, что ли?... Погоди: подвинь мнѣ скамеечку; ближе,... ну!

Лизавета Ивановна прочла еще двѣ страницы. Графиня зѣвнула.

– Брось эту книгу, сказала она: что за вздоръ! Отошли это Князю Павлу, и вели благодарить.... Да что-жъ карета?...

Карета готова, сказала Лизавета Ивановна, взглянувъ на улицу.

– Чтожъ ты не одѣта? сказала Графиня: всегда надобно тебя ждать! Это, матушка, несносно.

Лиза побѣжала въ свою комнату. Не прошло двухъ минутъ, Графиня начала звонить изо всей мочи. Три дѣвушки вбѣжали въ одну дверь, а камердинеръ въ другую.

– Что это васъ не докличешься? сказала имъ Графиня. Сказать Лизаветѣ Ивановнѣ, что я ее жду.

Лизавета Ивановна вошла въ капотѣ и въ шляпкѣ.

– Наконецъ, мать моя! сказала Графиня. Что за наряды! За чѣмъ это?... кого прельщать?... А какова погода? – кажется, вѣтеръ.

– Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Сіятельство! очень тихо-съ! отвѣчалъ камердинеръ.

– Вы всегда говорите наобумъ! Отворите форточку. Такъ и есть: вѣтеръ! и прехолодный! Отложить карету! Лизанька, мы не поѣдемъ: нечего было наряжаться.

И вотъ моя жизнь! подумала Лизавета Ивановна.

Въ самомъ дѣлѣ, Лизавета Ивановна была пренесчастное созданіе. Горекъ чужой хлѣбъ, говоритъ Данте, и тяжелы ступени чужаго крыльца, а кому и знать горечь зависимости, какъ не бѣдной воспитанницѣ знатной старухи? Графиня ***, конечно, не имѣла злой души; но была своенравна, какъ женщина, избалованная свѣтомъ, скупа и погружена въ холодный эгоизмъ, какъ и всѣ старые люди, отлюбившіе въ свой вѣкъ и чуждые настоящему. Она участвовала во всѣхъ суетностяхъ большаго

свѣта; таскалась на балы, гдѣ сидѣла въ углу, разрумяненная и одѣтая по старинной модѣ, какъ уродливое и необходимое украшеніе бальной залы; къ ней съ низкими поклонами подходили пріѣзжающіе гости, какъ по установленному обряду, и потомъ уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь городъ, наблюдая строгій этикетъ и не узнавая никого въ лицо. Многочисленная челядь ея, разжирѣвъ и посѣдѣвъ въ ея передней и дѣвичьей, дѣлала, что хотѣла, наперерывъ обкрадывая умирающую старуху. Лизавета Ивановна была домашней мученицею. Она разливала чай, и получала выговоры за лишній расходъ сахара; она вслухъ читала романы, и виновата была во всѣхъ ошибкахъ автора; она сопровождала Княгиню въ ея прогулкахъ, и отвѣчала за погоду и за мостовую. Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали; а между тѣмъ требовали отъ нее, чтобъ она одѣта была, какъ и всѣ, то есть, какъ очень немногія. Въ свѣтѣ играла она самую жалкую роль. Всѣ ее знали, и никто не замѣчалъ; на балахъ она танцовала только тогда, какъ не доставало vis-à-vis, и дамы брали ее подъ руку всякой разъ, какъ имъ нужно было итти въ уборную поправить что-нибудь въ своемъ нарядѣ. Она была самолюбива, живо чувствовала свое положеніе, и глядѣла кругомъ себя, — съ нетерпѣніемъ ожидала избавителя; но молодые люди, расчетливые въ вѣтреномъ своемъ тщеславіи, не удостоивали ея вниманія, хотя Лизавета Ивановна была сто разъ милѣе наглыхъ и холодныхъ невѣстъ, около которыхъ они увивались. Сколько разъ, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать въ бѣдной своей комнатѣ, гдѣ стояли ширмы, оклеенныя обоями, комодъ, зеркальце и красная кровать, и гдѣ сальная свѣча темно горѣла въ мѣдномъ шандалѣ!

Однажды, — это случилось два дня послѣ вечера, описаннаго въ началѣ этой повѣсти, и за недѣлю передъ той сценой, на которой мы остановились, — однажды Лизавета Ивановна, сидя подъ окошкомъ за пяльцами, нечаянно взглянула на улицу, и увидѣла молодаго инженера, стоящаго неподвижно и устремившаго глаза къ ея окошку. Она опустила голову и снова занялась работой; черезъ пять минутъ взглянула опять, — молодой офицеръ стоялъ на томъ же мѣстѣ. Не имѣя привычки кокетничать съ прохожими офицерами, она перестала глядѣть на улицу, и шила около двухъ часовъ, не приподнимая головы. Подали обѣдать. Она встала, начала убирать свои пяльцы, и, взглянувъ нечаянно на улицу, опять увидѣла офицера. Это показалось ей довольно страннымъ. Послѣ обѣда она подошла къ окошку съ чувствомъ нѣкотораго безпокойства, но уже офицера не было, — и она про него забыла....

Дня черезъ два, выходя съ Княгиней садиться въ карету, она опять его увидѣла. Онъ стоялъ у самаго подъѣзда, закрывъ лице бобровымъ воротникомъ: черные глаза его сверкали изъ-подъ шляпы. Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и сѣла въ карету съ трепетомъ неизъяснимымъ.

Возвратясь домой, она подбѣжала къ окошку, — офицеръ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, устремивъ на нее глаза: она отошла, мучась любопытствомъ и волнуемая чувствомъ, для нея совершенно новымъ.

Съ того времени не проходило дня, чтобъ молодой человѣкъ, въ извѣстный часъ, не являлся подъ окнами ихъ дома. Между имъ и ею учредились неусловленныя сношенія. Сидя на своемъ мѣстѣ за работой, она чувствовала его приближеніе, — подымала голову, смотрѣла на него съ каждымъ днемъ долѣе и долѣе. Молодой человѣкъ, казалось, былъ за

то ей благодаренъ: она видѣла острымъ взоромъ молодости, какъ быстрый румянецъ покрывалъ его блѣдныя щеки всякой разъ, когда взоры ихъ встрѣчались. Черезъ недѣлю она ему улыбнулась....

Когда Томскій спросилъ позволенія представить Княгинѣ своего пріятеля, сердце бѣдной дѣвушки забилось. Но узнавъ, что Нарумовъ, не инженеръ а конногвардеецъ, она сожалѣла, что нескромнымъ вопросомъ высказала свою тайну вѣтреному Томскому.

Германнъ былъ сынъ обрусѣвшаго Нѣмца, оставившаго ему маленькій капиталъ. Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германнъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволялъ себѣ малѣйшей прихоти. Впрочемъ, онъ былъ скрытенъ и честолюбивъ, и товарищи его рѣдко имѣли случай посмѣяться надъ его излишней бережливостью. Онъ имѣлъ сильныя страсти и огненное воображеніе, но твердость спасла его отъ обыкновенныхъ заблужденій молодости. Такъ, напримѣръ, будучи въ душѣ игрокъ, никогда не бралъ онъ карты въ руки, ибо расчиталъ, что его состояніе не позволяло ему (какъ сказывалъ онъ) *жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее*, — а между тѣмъ, цѣлыя ночи просиживалъ за карточными столами, и слѣдовалъ съ лихорадочнымъ трепетомъ за различными оборотами игры.

Анекдотъ о трехъ картахъ сильно подѣйствовалъ на его воображеніе, и цѣлую ночь не выходилъ изъ его головы. — Что, если, думалъ онъ на другой день вечеромъ, бродя по Петербургу: что, если старая Графиня откроетъ мнѣ свою тайну! — или назначитъ мнѣ эти три вѣрныя карты! Почему жъ не попробовать своего счастія?... Представиться ей, подбиться въ ея милость, — пожалуй, сдѣлаться ея лю-

бовникомъ, — но на все это требуется время — а ей 87 лѣтъ, — она можетъ умереть черезъ недѣлю, — черезъ два дня!... Да и самый анекдотъ?... Можно ли ему вѣрить?... Нѣтъ! расчетъ, умѣренность и трудолюбіе: вотъ мои три вѣрныя карты, вотъ что утроитъ, усемеритъ мой капиталъ, и доставитъ мнѣ покой и независимость! — Разсуждая такимъ образомъ, очутился онъ въ одной изъ главныхъ улицъ Петербурга, передъ домомъ старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились къ освѣщенному подъѣзду. Изъ каретъ поминутно вытягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулокъ и дипломатическій башмакъ. Шубы и плащи мелькали мимо величаваго швейцара. Германнъ остановился.

— Чей это домъ? спросилъ онъ у угловаго будочника.

— Графини ***, отвѣчалъ будочникъ.

Германнъ затрепеталъ. Удивительный анекдотъ снова представился его воображенію. Онъ сталъ ходить около дома, думая объ его хозяйкѣ и о чудной ея способности. Поздно воротился онъ въ смиренный свой уголокъ; долго не могъ заснуть, и, когда сонъ имъ овладѣлъ, ему пригрѣзились карты, зеленый столъ, кипы ассигнацій и груды червонцевъ. Онъ ставилъ карту за картой, гнулъ углы рѣшительно, выигрывалъ безпрестанно, и загребалъ къ себѣ золото, и клалъ ассигнаціи въ карманъ. Проснувшись уже поздно, онъ вздохнулъ о потерѣ своего фантастическаго богатства, пошелъ опять бродить по городу, и опять очутился передъ домомъ Графини ***. Невѣдомая сила, казалось, привлекала его къ нему. Онъ остановился, и сталъ смотрѣть на окна. Въ одномъ увидѣлъ онъ черноволосую головку, наклоненную, вѣроятно, надъ книгой или

надъ работой. Головка приподнялась. Германъ увидѣлъ свѣжее личико и черные глаза. Эта минута рѣшила его участь.

=

## III.

> Vous m'écrivez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire.
>
> *Переписка.*

Только Лизавета Ивановна успѣла снять капотъ и шляпу, какъ уже Графиня послала за нею, и велѣла опять подавать карету. Онѣ пошли садиться. Въ то самое время, какъ два лакея приподняли старуху и просунули въ дверцы, Лизавета Ивановна у самаго колеса увидѣла своего инженера; онъ схватилъ ея руку; она не могла опомниться отъ испугу, и молодой человѣкъ исчезъ: письмо осталось въ ея рукѣ. Она спрятала его за перчатку, и во всю дорогу ничего не слыхала и не видала. Графиня имѣла обыкновеніе мимоходомъ дѣлать въ каретѣ вопросы: кто это съ нами встрѣтился? — какъ зовутъ этотъ мостъ? — что тамъ написано на вывѣскѣ? Лизавета Ивановна на сей разъ отвѣчала наобумъ и не въ попадъ, и разсердила Графиню.

— Что съ тобою сдѣлалось, мать моя! Столбнякъ на тебя нашелъ, что ли? Ты меня или не слышишь или не понимаешь?...! Слава Богу, я не картавлю, и изъ ума еще не выжила!

Лизавета Ивановна ея не слушала. Возвратясь домой, она побѣжала въ свою комнату, вынула изъ-за перчатки письмо: оно было незапечатано. Лизавета Ивановна его прочитала. Письмо содержало въ себѣ признаніе въ любви: оно было нѣжно, почтительно и слово-въ-слово взято изъ Нѣмецкаго романа. Но Лизавета Ивановна по-Нѣмецки не умѣла и была очень имъ довольна.

Однако принятое сю письмо безпокоило ее чрезвычайно. Впервые входила она въ тайныя, тѣсныя сношенія съ молодымъ мужчиною. Его дерзость ужасала ее. Она упрекала себя въ неосторожномъ поведеніи, и не знала, что дѣлать: перестать ли сидѣть у окошка, и невниманіемъ охладить въ молодомъ офицерѣ охоту къ дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ? — отослать ли ему письмо? — отвѣчать ли холодно и рѣшительно? Ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться: у ней не было ни подруги, ни наставницы. Лизавета Ивановна рѣшилась отвѣчать.

Она сѣла за писменный столикъ, взяла перо, бумагу, — и задумалась. Нѣсколько разъ начинала она свое письмо, — и рвала его: то выраженія казались ей слишкомъ снисходительными, то слишкомъ жестокими. Наконецъ ей удалось написать нѣсколько строкъ, которыми она осталась довольна. «Я увѣрена, писала она, что вы имѣете честныя намѣренія, и что вы не хотѣли оскорбить меня необдуманнымъ поступкомъ; но знакомство наше не должно бы начаться такимъ образомъ. Возвращаю вамъ письмо ваше, и надѣюсь, что не буду впредь имѣть причины жаловаться на незаслуженное неуваженіе.»

На другой день, увидя идущаго Германна, Лизавета Ивановна встала изъ-за пяльцевъ, вышла въ залу, отворила форточку, и бросила письмо на улицу, надѣясь на проворство молодаго офицера. Германнъ подбѣжалъ, поднялъ его, и вошелъ въ кандитерскую лавку. Сорвавъ печать, онъ нашелъ свое письмо, и отвѣтъ Лизаветы Ивановны. Онъ того и ожидалъ, и возвратился домой, очень занятый своей интригою.

Три дня послѣ того, Лизаветѣ Ивановнѣ молоденькая, быстроглазая мамзель принесла записочку изъ модной лавки. Лизавета Ивановна открыла ее

съ безпокойствомъ, предвидя денежныя требованія, и вдругъ узнала руку Германна.

— Вы, душенька, ошиблись, сказала она: эта записка не ко мнѣ.

— Нѣтъ, точно къ вамъ! отвѣчала смѣлая дѣвушка, не скрывая лукавой улыбки. Извольте прочитать!

Лизавета Ивановна пробѣжала записку. Германнъ требовалъ свиданія.

— Не можетъ-быть! сказала Лизавета Ивановна, испугавшись и поспѣшности требованій, и способу, имъ употребленному. Это писано вѣрно не ко мнѣ! — И разорвала письмо въ мелкіе кусочки.

— Коли письмо не къ вамъ, зачѣмъ же вы его разорвали? сказала мамзель: я бы возвратила его тому, кто его послалъ.

— Пожалуйста, душенька! сказала Лизавета Ивановна, вспыхнувъ отъ ея замѣчанія: впередъ ко мнѣ записокъ не носите. А тому, кто васъ послалъ, скажите, что ему должно быть стыдно.....

Но Германнъ не унялся. Лизавета Ивановна каждый день получала отъ него письма, то тѣмъ, то другимъ образомъ. Онѣ уже не были переведены съ Нѣмецкаго. Германнъ ихъ писалъ, вдохновенный страстію, и говорилъ языкомъ, ему свойственнымъ: въ нихъ выражались и непреклонность его желаній, и безпорядокъ необузданнаго воображенія. Лизавета Ивановна уже не думала ихъ отсылать: она упивалась ими; стала на нихъ отвѣчать, — и ея записки часъ отъ часу становились длиннѣе и нѣжнѣе. Наконецъ, она бросила ему въ окошко слѣдующее письмо:

— «Сегодня балъ у ***скаго Посланника. Графиня тамъ будетъ. Мы останемся часовъ до двухъ. Вотъ вамъ случай увидѣть меня наединѣ. Какъ скоро Графиня уѣдетъ, ея люди вѣроятно разойдутся, въ сѣняхъ останется швейцаръ, но и онъ обыкновенно уходитъ въ свою каморку. Приходите въ половинѣ

двѣнадцатаго. Ступайте прямо на лѣстницу. Коли вы найдете кого въ передней, то выспросите, дома ли Графиня. Вамъ скажутъ нѣтъ, — и дѣлать нечего. Вы должны будете воротиться. Но вѣроятно вы не встрѣтите никого. Дѣвушки сидятъ у себя, всѣ въ одной комнатѣ. Изъ передней ступайте на-лѣво, идите все прямо до Графининой спальни. Въ спальнѣ за ширмами увидите двѣ маленькія двери: справа въ кабинетъ, куда Графиня никогда не входитъ; слѣва въ коридоръ, и тутъ же узенькая витая лѣстница: она ведетъ въ мою комнату.»

Германнъ трепеталъ, какъ тигръ, ожидая назначеннаго времени. Въ десять часовъ вечера онъ ужъ стоялъ передъ домомъ Графини. Погода была ужасная: вѣтеръ выдъ, мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; фонари свѣтились тускло; улицы были пусты. Изрѣдка тянулся Ванька на тощей клячѣ своей, высматривая запоздалаго сѣдока. Германнъ стоялъ въ одномъ сюртукѣ, не чувствуя ни вѣтра, ни снѣга. Наконецъ Графинину карету подали. Германнъ видѣлъ, какъ лакеи вынесли подъ руки сгорбленную старуху, укутанную въ соболью шубу, и какъ вослѣдъ за нею, въ холодномъ плащѣ, съ головой, убранною свѣжими цвѣтами, мелькнула ея воспитанница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покатилась по рыхлому снѣгу. Швейцаръ заперъ двери. Окна померкли. Германнъ сталъ ходить около опустѣвшаго дома: онъ подошелъ къ фонарю, взглянулъ на часы, — было двадцать минутъ двѣнадцатаго. Онъ остался подъ фонаремъ, устремивъ глаза на часовую стрѣлку и выжидая остальныя минуты. Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго Германнъ ступилъ на Графинино крыльцо и взошелъ въ яркоосвѣщенныя сѣни. Швейцара не было. Германнъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, отворилъ двери въ переднюю, и увидѣлъ слугу, спящаго подъ лампою, въ старинныхъ, запачканныхъ креслахъ. Лег-

кимъ и твердымъ шагомъ Германнъ прошелъ мимо его. Зала и гостиная были темны. Лампа слабо освѣщала ихъ изъ передней. Германнъ вошелъ въ спальню. Передъ киотомъ, наполненнымъ старинными образами, теплилась золотая лампада. Полинялыя штофныя кресла и диваны съ пуховыми подушками, съ сошедшей позолотою, стояли въ печальной симметріи около стѣнъ, обитыхъ Китайскими обоями. На стѣнѣ висѣли два портрета, писанные въ Парижѣ Mr Lebrun. Одинъ изъ нихъ изображалъ мужчину лѣтъ сорока, румянаго и полнаго, въ свѣтлозеленомъ мундирѣ и со звѣздою; другой, молодую красавицу съ орлинымъ носомъ, съ зачесанными висками и съ розою въ пудренныхъ волосахъ. По всѣмъ угламъ торчали фарфоровыя пастушки, столовые часы работы славнаго Leroy, коробочки, рулетки, вѣера и разныя дамскія игрушки, изобрѣтенныя въ концѣ минувшаго столѣтія вмѣстѣ съ Монгольфьеровымъ шаромъ и Месмеровымъ магнетизмомъ. Германнъ пошелъ за ширмы. За ними стояла маленькая желѣзная кровать; справа находилась дверь, ведущая въ кабинетъ; слѣва, другая въ корридоръ. Германнъ ее отворилъ, увидѣлъ узкую, витую лѣстницу, которая вела въ комнату бѣдной воспитанницы.....Но онъ воротился и вошелъ въ темный кабинетъ.

Время шло медленно. Все было тихо. Въ гостиной пробило двѣнадцать; по всѣмъ комнатамъ часы одни за другими прозвонили двѣнадцать, — и все умолкло опять. Германнъ стоялъ, прислонясь къ холодной печкѣ. Онъ былъ спокоенъ; сердце его билось ровно, какъ у человѣка, рѣшившагося на что-нибудь опасное, но необходимое. Часы пробили первый и второй часъ утра, — и онъ услышалъ дальній стукъ кареты. Невольное волненіе овладѣло имъ. Карета подъѣхала и остановилась. Онъ услышалъ стукъ опускаемой подножки. Въ домѣ засуетились. Люди побѣжали, раз-

дались голоса и домъ освѣтился. Въ спальню вбѣжали три старыя горничныя, и Графиня, чуть живая, вошла, и опустилась въ Вольтеровы кресла. Германнъ глядѣлъ въ щелку: Лизавета Ивановна прошла мимо его. Германнъ услышалъ ея торопливые шаги по ступенямъ ея лѣстницы. Въ сердцѣ его отозвалось нѣчто похожее на угрызеніе совѣсти, и снова умолкло. Онъ окаменѣлъ.

Графиня стала раздѣваться передъ зеркаломъ. Отололи съ нее чепецъ, украшенный розами; сняли напудренный парикъ съ ея сѣдой и плотно остриженой головы. Булавки дождемъ сыпались около нея. Желтое платье, шитое серебромъ, упало къ ея распухлымъ ногамъ. Германнъ былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ таинствъ ея туалета: наконецъ, Графиня осталась въ спальной кофтѣ и ночномъ чепцѣ: въ этомъ нарядѣ, болѣе свойственномъ ея старости, она казалась менѣе ужасна и безобразна.

Какъ и всѣ старые люди вообще, Графиня страдала безсонницею. Раздѣвшись, она сѣла у окна въ Вольтеровы кресла, и отослала горничныхъ. Свѣчи вынесли, комната опять освѣтилась одною лампадою. Графиня сидѣла вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налѣво. Въ мутныхъ глазахъ ея изображалось совершенное отсутствіе мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качаніе страшной старухи происходило не отъ ея воли, но по дѣйствію скрытаго гальванизма.

Вдругъ это мертвое лице измѣнилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: передъ Графинею стоялъ незнакомый мужчина.

— Не пугайтесь, ради Бога, не пугайтесь! сказалъ онъ внятнымъ и тихимъ голосомъ. Я не имѣю намѣренія вредить вамъ; я пришелъ умолять васъ объ одной милости.

Старуха молча смотрѣла на него и, казалось, его

не слыхала. Германнъ вообразилъ, что она глуха, и наклонясь надъ самымъ ея ухомъ повторилъ ей то же самое. Старуха молчала по-прежнему.

– Вы можете, продолжалъ Германнъ, составить счастіе моей жизни, и оно ничего не будетъ вамъ стоить: я знаю, что вы можете угадать три карты сряду.....

Германнъ остановился. Графиня казалось, поняла, чего отъ нее требовали; казалось, она искала словъ для своего отвѣта.

– Это была шутка, сказала она наконецъ: клянусь вамъ, это была шутка!

– Этимъ нечего шутить, возразилъ сердито Германнъ. Вспомните Чаплицкаго, которому помогли вы отыграться.

Графиня видимо смутилась. Черты ея изобразили сильное движеніе души, но она скоро впала въ прежнюю безчувственность.

– Можете ли вы, продолжалъ Германнъ, назначить мнѣ эти три вѣрныя карты?

Графиня молчала; Германнъ продолжалъ:

– Для кого вамъ беречь вашу тайну? Для внуковъ? Они богаты и безъ того; они же не знаютъ и цѣны деньгамъ. Моту не помогутъ ваши три карты. Кто не умѣетъ беречь отцовское наслѣдство, тотъ все-таки умретъ въ нищетѣ, не смотря ни на какія демонскія усилія. Я не мотъ; я знаю цѣну деньгамъ. Ваши три карты для меня не пропадутъ. Ну!.....

Онъ остановился, и съ трепетомъ ожидалъ ея отвѣта. Графиня молчала; Германнъ сталъ на колѣни.

– Если когда нибудь, сказалъ онъ, сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ея восторги, если вы хоть разъ улыбнулись при плачѣ новорожденнаго сына, если что нибудь человѣческое билось когда-нибудь въ груди вашей, то умоляю васъ чув-

ствами супруги, любовницы, матери, – всѣмъ, что ни есть святаго въ жизни, – не откажите мнѣ въ моей просьбѣ! – откройте мнѣ вашу тайну! – что вамъ въ ней?..... Можетъ-быть, она сопряжена съ ужаснымъ грѣхомъ, съ пагубою вѣчнаго блаженства, съ дьявольскимъ договоромъ..... Подумайте: вы стары; жить вамъ ужъ недолго, – я готовъ взять грѣхъ вашъ на свою душу. Откройте мнѣ только вашу тайну. Подумайте, что счастіе человѣка находится въ вашихъ рукахъ; что не только я, но дѣти мои, внуки и правнуки благословятъ вашу память и будутъ ее чтить, какъ святыню.....

Старуха не отвѣчала ни слова.

Германнъ всталъ.

– Старая вѣдьма! сказалъ онъ, стиснувъ зубы: такъ я жъ заставлю тебя отвѣчать.....

Съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ.

При видѣ пистолета Графиня во второй разъ оказала сильное чувство. Она закивала головою, и подняла руку, какъ бы заслоняясь отъ выстрѣла..... Потомъ покатилась навзничь... и осталась недвижима.

– Перестаньте ребячиться, сказалъ Германнъ, взявъ ея руку. Спрашиваю въ послѣдній разъ: хотите ли назначить мнѣ ваши три карты? – да или нѣтъ?

Графиня не отвѣчала. Германнъ увидѣлъ, что она умерла.

=

## IV.

7 Mai 18**.

Homme sans moeurs et sans religion!

*Переписка.*

Лизавета Ивановна сидѣла въ своей комнатѣ, еще въ бальномъ своемъ нарядѣ, погруженная въ глубокія размышленія. Пріѣхавъ домой, она спѣшила

отослать заспанную дѣвку, нехотя предлагавшую ей свою услугу, – сказала, что раздѣнется сама, и съ трепетомъ вошла къ себѣ, надѣясь найти тамъ Германна, и желая не найти его. Съ перваго взгляда она удостовѣрилась въ его отсутствіи, и благодарила судьбу за препятствіе, помѣшавшее ихъ свиданію. Она сѣла, не раздѣваясь, и стала припоминать всѣ обстоятельства, въ такое короткое время и такъ далеко ее завлекшія. Не прошло трехъ недѣль съ той поры, какъ она въ первый разъ увидѣла въ окошко молодаго человѣка, – и уже она была съ нимъ въ перепискѣ, – и онъ успѣлъ вытребовать отъ нея ночное свиданіе! Она знала имя его, потому только, что нѣкоторыя изъ его писемъ были имъ подписаны; никогда съ нимъ не говорила, не слыхала его голоса, никогда о немъ не слыхала..... до самаго сего вечера. Странное дѣло! Въ самый тотъ вечеръ, на балѣ, Томскій дуясь на молодую Княжну Полину ***, которая, противъ обыкновенія, кокетничала не съ нимъ, желалъ отомстить, оказывая равнодушіе: онъ позвалъ Елисавету Ивановну, и танцовалъ съ нею безконечную мазурку. Во все время шутилъ онъ надъ ея пристрастіемъ къ инженернымъ офицерамъ, увѣрялъ, что онъ знаетъ гораздо болѣе, нежели можно было ей предполагать, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были такъ удачно направлены, что Елисавета Ивановна думала нѣсколько разъ, что ея тайна была ему извѣстна.

– Отъ кого вы все это знаете? спросила она, смѣясь.

– Отъ пріятеля извѣстной вамъ особы, отвѣчалъ Томскій: человѣка очень замѣчательнаго!

– Кто жъ этотъ замѣчательный человѣкъ?

– Его зовутъ Германномъ.

Елизавета Ивановна не отвѣчала ничего, но ея руки и ноги поледенѣли.....

– Этотъ Германнъ, продолжалъ Томскій, лице

истинно романическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совѣсти по крайней мѣрѣ три злодѣйства. Какъ вы поблѣднѣли!.....

— У меня голова болитъ..... Что же говорилъ вамъ Германнъ, — или какъ бишь его?.....

— Германнъ очень недоволенъ своимъ пріятелемъ: онъ говоритъ, что на его мѣстѣ онъ поступилъ бы совсѣмъ иначе..... Я даже полагаю, что Германнъ самъ имѣетъ на васъ виды, по крайней мѣрѣ онъ очень неравнодушно слушаетъ влюбленныя восклицанія своего пріятеля.

— Да гдѣ жъ онъ меня видѣлъ?

— Въ церкви, можетъ-быть, — на гуляньѣ!..... Богъ его знаетъ! можетъ-быть въ вашей комнатѣ, во время вашего сна: отъ него станетъ.....

Подошедшія къ нимъ три дамы съ вопросами — oubli ou regret? — прервали разговоръ, который становился мучительно любопытенъ для Лизаветы Ивановны.

Дама, выбранная Томскимъ, была сама Княжна ***. Она успѣла съ нимъ изъясниться, обѣжавъ лишній кругъ и лишній разъ повертѣвшись передъ своимъ стуломъ. Томскій, возвратясь на свое мѣсто, уже не думалъ ни о Германнѣ, ни о Лизаветѣ Ивановнѣ. Она непремѣнно хотѣла возобновить прерванный разговоръ; но мазурка кончилась, и вскорѣ послѣ старая Графиня уѣхала.

Слова Томскаго были не что иное, какъ мазурочная болтовня, но они глубоко заронились въ душу молодой мечтательницы. Портретъ, набросанный Томскимъ, сходствовалъ съ изображеніемъ составленнымъ ею самою, и, благодаря новѣйшимъ романамъ, это, уже пошлое лице, пугало и плѣняло ея воображеніе. Она сидѣла, сложа крестомъ голыя руки, наклонивъ на открытую грудь голову, еще убранную

цвѣтами.... Вдругъ дверь отворилась, и Германнъ вошелъ. Она затрепетала.....

– Гдѣ же вы были? спросила она испуганнымъ шепотомъ.

– Въ спальнѣ у старой Графини, отвѣчалъ Германнъ: я сей часъ отъ нее. Графиня умерла.

– Боже мой!..... что вы говорите?.....

– И кажется, продолжалъ Германнъ, я причиною ея смерти.

Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томскаго раздались въ ея душѣ: *у этого человѣка по крайней мѣрѣ три злодѣйства на душѣ!* Германнъ сѣлъ на окошко подлѣ нее, и все разсказалъ.

Лизавета Ивановна выслушала его съ ужасомъ. И такъ эти страстныя письма, эти пламенныя требованія, это дерзкое, упорное преслѣдованіе, все это было не любовь! Деньги, – вотъ чего алкала его душа! Не она могла утолить его желанія и осчастливить его! Бѣдная воспитанница была не что иное, какъ слѣпая помощница разбойника, убійцы старой ея благодѣтельницы!..... Горько заплакала она, въ позднемъ, мучительномъ своемъ раскаяніи. Германнъ смотрѣлъ на нее, молча: сердце его также терзалось, но ни слезы бѣдной дѣвушки, ни удивительная прелесть ея горести не тревожили суровой души его. Онъ не чувствовалъ угрызенія совѣсти при мысли о мертвой старухѣ. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, отъ которой ожидалъ обогащенія.

– Вы чудовище! сказала наконецъ Лизавета Ивановна.

– Я не хотѣлъ ея смерти, отвѣчалъ Германнъ: пистолетъ мой не заряженъ.

Они замолчали.

Утро наступало. Лизавета Ивановна погасила догарающую свѣчу: блѣдный свѣтъ озарилъ ея ком-

нату. Она отерла заплаканныя глаза, и подняла ихъ на Германна: онъ сидѣлъ на окошкѣ, сложа руки и грозно нахмурясь. Въ этомъ положеніи удивительно напоминалъ онъ портретъ Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну.

— Какъ вамъ отъ меня выйти изъ дому? сказала наконецъ Лизавета Ивановна. Я думала провести васъ по потаенной лѣстницѣ, но надобно итти мимо спальни, а я боюсь.

— Разскажите мнѣ, какъ найти эту потаенную лѣстницу; я выйду.

Лизавета Ивановна встала, вынула изъ комода ключъ, вручила его Германну и дала ему подробное наставленіе. Германнъ пожалъ ея холодную, безотвѣтную руку, поцѣловалъ ея наклоненную голову, и вышелъ.

Онъ спустился внизъ по витой лѣстницѣ, и вошелъ опять въ спальню Графини. Мертвая старуха сидѣла, окаменѣвъ; лице ея выражало глубокое спокойствіе. Германнъ остановился передъ нею, долго смотрѣлъ на нее, какъ бы желая удостовѣриться въ ужасной истинѣ; наконецъ вошелъ въ кабинетъ, ощупалъ за обоями дверь, и сталъ сходить по темной лѣстницѣ, волнуемый странными чувствованіями. По этой самой лѣстницѣ, думалъ онъ, можетъ-быть лѣтъ шестьдесятъ назадъ, въ эту самую спальню, въ такой же часъ, въ шитомъ кафтанѣ, причесанный à l'oiseau royal, прижимая къ сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливецъ, давно уже истлѣвшій въ могилѣ, а сердце престарѣлой его любовницы сего дня перестало биться.....

Подъ лѣстницею Германнъ нашелъ дверь, которую отперъ тѣмъ же ключемъ, и очутился въ сквозномъ корридорѣ, выведшемъ его на улицу.

=

## V.

Въ эту ночь явилась ко мнѣ покойница Баронесса фонъ-В***. Она была вся въ бѣломъ, и сказала мнѣ: «Здравствуйте, господинъ Совѣтникъ!»

*Шведенборгъ.*

Три дня послѣ роковой ночи, въ девять часовъ утра, Германнъ отправился въ *** монастырь, гдѣ должны были отпѣвать тѣло усопшей Графини. Не чувствуя раскаянія, онъ не могъ однако совершенно заглушить голосъ совѣсти, твердившей ему: ты убійца старухи! Имѣя мало истинной Вѣры, онъ имѣлъ множество предразсудковъ. Онъ вѣрилъ, что мертвая Графиня могла имѣть вредное вліяніе на его жизнь, – и рѣшился явиться на ея похороны, чтобы испросить у ней прощенія.

Церковь была полна. Германнъ насилу могъ пробраться сквозь толпу народа. Гробъ стоялъ на богатомъ катафалкѣ подъ бархатнымъ балдахиномъ. Усопшая лежала въ немъ съ руками, сложенными на груди, въ кружевномъ чепцѣ и въ бѣломъ атласномъ платьѣ. Кругомъ стояли ея домашніе: слуги въ черныхъ кафтанахъ съ гербовыми лентами на плечѣ, и со свѣчами въ рукахъ; родственники въ глубокомъ траурѣ, – дѣти, внуки и правнуки. Никто не плакалъ; слезы были бы – une affectation. Графиня такъ была стара, что смерть ея никого не могла поразить, и что ея родственники давно смотрѣли на нее, какъ на отжившую. Славный Проповѣдникъ произнесъ надгробное слово. Въ простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ представилъ онъ мирное успеніе праведницы, которой долгіе годы были тихимъ, умилительнымъ приготовленіемъ къ Христіанской кончинѣ. «Ангелъ смерти обрѣлъ ее, сказалъ

ораторъ, бодрствующую въ помышленіяхъ благихъ и въ ожиданіи жениха полунощнаго.» Служба совершилась съ печальнымъ приличіемъ. Родственники первые пошли прощаться съ тѣломъ. Потомъ двинулись и многочисленные гости, пріѣхавшіе поклониться той, которая такъ давно была участницею въ ихъ суетныхъ увеселеніяхъ. Послѣ нихъ и всѣ домашніе. Наконецъ приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Двѣ молодыя дѣвушки вели ее подъ руки. Она не въ силахъ была поклониться до земли, — и одна пролила нѣсколько слезъ, поцѣловавъ холодную руку госпожи своей. Послѣ нее Германнъ рѣшился подойти ко гробу. Онъ поклонился въ землю, и нѣсколько минутъ лежалъ на холодномъ полу усыпанномъ ельникомъ. Наконецъ приподнялся, блѣденъ какъ сама покойница, взошелъ на ступени катафалка и наклонился..... Въ эту минуту показалось ему что мертвая насмѣшливо взглянула на него, прищуривая однимъ глазомъ. Германнъ, поспѣшно подавшись назадъ, оступился, и навзничь грянулся объ земь. Его подняли. Въ то же самое время Лизавету Ивановну вынесли въ обморокѣ на паперть. Этотъ эпизодъ возмутилъ на нѣсколько минутъ торжественность мрачнаго обряда. Между посѣтителями поднялся глухой ропотъ, а худощавый Каммергеръ, близкій родственникъ покойницы, шепнулъ на ухо стоящему подлѣ него Англичанину, что молодой офицеръ ея побочный сынъ, на что Англичанинъ отвѣчалъ холодно: Oh!

Цѣлый день Германнъ былъ чрезвычайно разстроенъ. Обѣдая въ уединенномъ трактирѣ, онъ, противъ обыкновенія своего, пилъ очень много, въ надеждѣ заглушить внутреннее волненіе. Но вино еще болѣе горячило его воображеніе. Возвратясь домой,

онъ бросился, не раздѣваясь, на кровать, и крѣпко заснулъ.

Онъ проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Онъ взглянулъ на часы: было безъ четверти три. Сонъ у него прошелъ; онъ сѣлъ на кровать, и думалъ о похоронахъ старой Графини.

Въ это время, кто-то съ улицы взглянулъ къ нему въ окошко, — и тотчасъ отошелъ. Германнъ не обратилъ на то ни какого вниманія. Чрезъ минуту услышалъ онъ, что отпирали дверь въ передней комнатѣ. Германнъ думалъ, что денщикъ его, пьяный по своему обыкновенію, возвращался съ ночной прогулки. Но онъ услышалъ незнакомую походку: кто-то ходилъ, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась, вошла женщина въ бѣломъ платьѣ. Германнъ принялъ ее за свою старую кормилицу, и удивился, что могло привести ее въ темную пору. Но бѣлая женщина, скользнувъ, очутилась вдругъ передъ нимъ, — и Германнъ узналъ Графиню!

— Я пришла къ тебѣ противъ своей воли, сказала она твердымъ голосомъ: но мнѣ велѣно исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и тузъ выиграютъ тебѣ сряду, — но съ тѣмъ, чтобы ты въ сутки болѣе одной карты не ставилъ, и чтобъ во всю жизнь уже послѣ не игралъ. Прощаю тебѣ мою смерть, съ тѣмъ, чтобъ ты женился на моей воспитанницѣ Лизаветѣ Ивановнѣ.....

Съ этимъ словомъ она тихо повернулась, пошла къ дверямъ, и скрылась, шаркая туфлями. Германнъ слышалъ, какъ хлопнула дверь въ сѣняхъ, и увидѣлъ, что кто-то опять поглядѣлъ къ нему въ окошко.

Германнъ долго не могъ опомниться. Онъ вышелъ въ другую комнату. Денщикъ его спалъ на полу; Германнъ насилу его добудился. Денщикъ былъ пьянъ по обыкновенію: отъ него нельзя было до-

биться ни какого толку. Дверь въ сѣни была заперта. Германнъ возвратился въ свою комнату, засвѣтилъ свѣчку, и записалъ свое видѣніе.

=

## VI.

— *Атанде!*
— Какъ вы смѣли мнѣ сказать *атанде?*
— Ваше Превосходительство, я сказалъ *атанде-съ!*

Двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной Природѣ, такъ же, какъ два тѣла не могутъ въ физическомъ мірѣ занимать одно и то же мѣсто. Тройка, семерка, тузъ — скоро заслонили въ воображеніи Германна образъ мертвой старухи. Тройка, семерка, тузъ — не выходили изъ его головы и шевелились на его губахъ. Увидѣвъ молодую дѣвушку, онъ говорилъ: — Какъ она стройна!..... Настоящая тройка червонная. У него спрашивали: который часъ: онъ отвѣчалъ: — безъ пяти минутъ семерка. — Всякой пузастый мужчина напоминалъ ему туза. Тройка, семерка, тузъ — преслѣдовали его во снѣ, принимая всѣ возможные виды. тройка цвѣла передъ нимъ въ образѣ пышнаго грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, тузъ огромнымъ паукомъ. Всѣ мысли его слились въ одну, — воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила. Онъ сталъ думать объ отставкѣ и о путешествіи. Онъ хотѣлъ въ открытыхъ игрецкихъ домахъ Парижа выпудить кладъ у очарованной фортуны. Случай избавилъ его отъ хлопотъ.

Въ Москвѣ составилось общество богатыхъ игроковъ, подъ предсѣдательствомъ славнаго Чекалинска-

го, проведшаго весь вѣкъ за картами и нажившаго нѣкогда милліоны, выигрывая векселя и проигрывая чистыя деньги. Долговременная опытность заслужила ему довѣренность товарищей, а открытый домъ, славный поваръ, ласковость и веселость пріобрѣли уваженіе публики. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Молодежь къ нему нахлынула, забывая балы для картъ и предпочитая соблазны фараона обольщеніямъ волокитства. Нарумовъ привезъ къ нему Германна.

Они прошли рядъ великолѣпныхъ комнатъ, наполненныхъ учтивыми офиціантами. Всѣ были полны народу. Нѣсколько Генераловъ и Тайныхъ Совѣтниковъ играли въ вистъ; молодые люди сидѣли, развалясь на штофныхъ диванахъ, ѣли мороженое и курили трубки. Въ гостиной за длиннымъ столомъ, около котораго тѣснилось человѣкъ двадцать игроковъ, сидѣлъ хозяинъ и металъ банкъ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, самой почтенной наружности; голова, покрыта серебряной сѣдиною; полное и свѣжее лице изображало добродушіе; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою. Нарумовъ представилъ ему Германна. Чекалинскій дружески пожалъ ему руку, просилъ не церемониться, и продолжалъ метать.

Талья длилась долго. На столѣ стояло болѣе тридцати картъ Чекалинскій останавливался послѣ каждой прокидки, чтобы дать играющимъ время распорядиться, записывалъ проигрышъ, учтиво вслушивался въ ихъ требованія, еще учтивѣе отгибалъ линій уголъ, загибаемый разсѣянною рукою. Наконецъ талья кончилась. Чекалинскій стасовалъ карты, и приготовился метать другую.

— Позвольте поставить карту, сказалъ Германнъ протягивая руку изъ-за толстаго господина, тутъ-

же понтировавшаго. Чекалинскій улыбнулся и поклонился, молча, въ знакъ покорнаго согласія. Нарумовъ, смѣясь, поздравилъ Германна съ разрѣшеніемъ долговременнаго поста, и пожелалъ ему счастливаго начала.

– Идетъ! сказалъ Германнъ, надписавъ мѣломъ кушъ надъ своею картою.

– Сколько-съ? спросилъ, прищуриваясь, банкометъ: извините-съ, я не разгляжу.

– Сорокъ семь тысячъ, отвѣчалъ Германнъ.

При этихъ словахъ, всѣ головы обратились мгновенно, и всѣ глаза устремились на Германна. – Онъ съ ума сошелъ! подумалъ Нарумовъ.

– Позвольте замѣтить вамъ, сказалъ Чекалинскій съ неизмѣнной своею улыбкою, что игра ваша сильна: никто болѣе двухъ сотъ семи десяти пяти семпелемъ здѣсь еще не ставилъ.

– Что жъ? возразилъ Германнъ: бьете вы мою карту или нѣтъ?

Чекалинскій поклонился съ видомъ того же смиреннаго согласія.

– Я хотѣлъ только вамъ доложить, сказалъ онъ, что, будучи удостоенъ довѣренности товарищей, я не могу метать иначе, какъ на чистыя деньги. Съ моей стороны я конечно увѣренъ, что довольно вашего слова, но для порядка игры и счетовъ, прошу васъ поставить деньги на карту.

Германнъ вынулъ изъ кармана банковый билетъ, и подалъ его Чекалинскому, который, бѣгло посмотрѣвъ его, положилъ на Германнову карту.

Онъ сталъ метать. На право легла девятка, на лѣво тройка.

– Выиграла! сказалъ Германнъ, показывая свою карту.

Между игроками поднялся шопотъ. Чекалинскій нахмурился, но улыбка тотчасъ возвратилась на его лице.

– Изволите получить? спросилъ онъ Германна.

– Сдѣлайте одолженіе.

Чекалинскій вынулъ изъ кармана нѣсколько банковыхъ билетовъ, и тотчасъ расчелся. Германнъ принялъ свои деньги и отошелъ отъ стола. Нарумовъ не могъ опомниться. Германнъ выпилъ стаканъ лимонаду и отправился домой.

На другой день вечеромъ, онъ опять явился у Чекалинскаго. Хозяинъ металъ. Германнъ подошелъ къ столу; понтеры тотчасъ дали ему мѣсто. Чекалинскій ласково ему поклонился.

Германнъ дождался новой тальи, поставилъ карту, положивъ на нее свои 47,000 и вчерашній выигрышъ.

Чекалинскій сталъ метать. Валетъ выпалъ на право, семерка на лѣво.

Германнъ открылъ семерку.

Всѣ ахнули. Чекалинскій видимо смутился. Онъ отсчиталъ 94,000, и передалъ Германну. Германнъ принялъ ихъ съ хладнокровіемъ, и въ ту же минуту удалился.

Въ слѣдующій вечеръ Германнъ явился опять у стола. Всѣ его ожидали. Генералы и Тайные Совѣтники оставили свой вистъ, чтобъ видѣть игру, столь необыкновенную. Молодыя офицеры соскочили съ дивановъ; всѣ офиціанты собрались въ гостиной. Всѣ обступили Германна. Прочіе игроки не поставили своихъ картъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, чѣмъ онъ кончитъ. Германнъ стоялъ у стола, готовясь одинъ понтировать противу блѣднаго, но все улыбающагося, Чекалинскаго. Каждый распечаталъ колоду картъ. Чекалинскій стасовалъ. Германнъ

снялъ, и поставилъ свою карту, покрывъ ее кипой банковыхъ билетовъ. Это похоже было на поединокъ. Глубокое молчаніе царствовало кругомъ.

Чекалинскій сталъ метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налѣво тузъ.

— Тузъ выигралъ! сказалъ Германнъ, и открылъ свою карту.

— Дама ваша убита, сказалъ ласково Чекалинскій.

Германнъ вздрогнулъ: въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто туза у него стояла пиковая дама. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, не понимая, какъ могъ онъ обдернуться.

Въ эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмѣхнулась. Необыкновенное сходство поразило его.....

— Старуха! закричалъ онъ въ ужасѣ.

Чекалинскій потянулъ къ себѣ проигранные билеты. Германнъ стоялъ неподвижно. Когда отошелъ онъ отъ стола, поднялся шумный говоръ. — Славно спонтировалъ! говорили игроки. — Чекалинскій снова стасовалъ карты: игра пошла своимъ чередомъ.

## ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Германнъ сошелъ съ ума. Онъ сидитъ въ Обуховской больницѣ въ 17 нумерѣ, не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы, и бормочетъ необыкновенно скоро: — Тройка, семерка, тузъ! Тройка, семерка, дама!.....

Лизавета Ивановна вышла замужъ за очень любезнаго молодаго человѣка; онъ гдѣ-то служитъ и имѣетъ порядочное состояніе: онъ сынъ бывшаго управителя у старой Графини. У Лизаветы воспитывается бѣдная родственница.

Томскій произведенъ въ Ротмистры и женился на Княжнѣ Полинѣ.

Р.

# ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ.

## НОЧНОЕ МЕЧТАНІЕ.

— Кто тамъ?

— Я-съ!.... Петръ!

— Чего хочешь?

— Тотъ высокій, блѣдный господинъ, въ очкахъ, который обѣдалъ у насъ въ понедѣльникъ, — какъ бишь его фамилія? — пріѣзжалъ сюда вчера, поздно, безъ васъ, и оставилъ какія-то бумаги.

— Покажи. Отдавая, онъ ничего не сказалъ тебѣ?

— Ничего-съ! Онъ только сказалъ: отдай эту статью барину, и попроси, чтобъ онъ прочелъ.

— Хорошо, ступай! Посмотримъ, что это такое..... «Любовь и смерть, *ночное мечтаніе*:» слава Богу, что не Повѣсть! Надо прочитать ночное мечтаніе. Ночью люди иногда мечтаютъ умнѣе, нежели днемъ.

Знаете ли вы сладость, или, говоря языкомъ вѣка, поэзію одинокаго, но совершенно одинокаго, сидѣнія въ третьемъ часу ночи, въ огромной и пустой залѣ передъ каминомъ, когда двѣ стоявшія подлѣ васъ на подвижномъ столикѣ свѣчи уже испарились въ тюльповое пламя, и самое пламя медленно умерло въ прозрачномъ жерлѣ стекла, оберегающаго металлъ подсвѣчника? Когда ваша любимая книга, товарищъ вашихъ думъ и источникъ наслажденій, упала изъ вашихъ рукъ, и какое-то странное оцѣпе-

нѣніе всѣхъ членовъ, въ которое повергаетъ человѣка мысль, сильно овладѣвшая его мозгомъ, какъ бы приковываетъ васъ къ кресламъ, и запрещаетъ поднять ее съ земли подъ карою мгновеннаго разстройства всего блага? Когда догорающая глыба каменнаго угля, еще вся насыщенная огнистою матеріею, но уже потерявшая игру пламени, мертво лежитъ на черныхъ ребрахъ огнива, и вокругъ васъ разливаетъ тусклый красный свѣтъ, отражающійся кровавыми полосами на мебели, картинахъ и карнизахъ, оставляя по угламъ комнаты грозныя колонны мрака, храмины таинственности, и образуя въ ближайшей части воздуха страшный растворъ огня и ночи, – какой-то румяно-бурый отливъ яву, – отливъ скорѣе черный нежели румяный, – одинъ изъ тѣхъ зловѣщихъ свѣтовъ, какими, я представляю себѣ, должны освѣщаться пещеры ада?..... О, если вы никогда не испытывали на себѣ дѣйствія подобной поэзіи, то приходите ко мнѣ въ эту минуту, и присядьте здѣсь со мною!.... Нѣтъ, лучше не приходите! Оставьте меня здѣсь одного; не мѣшайте моему упоенію: я теперь счастливъ. Не похищайте у меня моего счастія, моего бѣднаго счастія: оно такъ рѣдко меня навѣщаетъ!.... Оно заглядываетъ ко мнѣ только ночью, и то украдкою, на минутку, когда вы спите, когда исполнило оно свою службу при вашихъ особахъ, уложило васъ въ постели, и болѣе нечего ему дѣлать въ вашей передней; навѣщаетъ только изъ состраданія, какъ навѣщаютъ больнаго, чтобъ узнать, скоро ли кончатся его мученія. Оставьте его теперь со мною: съ райскою улыбкою, съ улыбкою самаго счастія, оно бросило въ душу мою утѣшительную мечту..... Если бъ вы теперь исторгли эту мечту изъ моей груди, вмѣстѣ съ нею исторгли бъ и жизнь мою!.....

Я не тронусь съ этихъ креселъ, не пошевелюсь, пробуду здѣсь неподвижно, пока эта мечта, драгоцѣнный даръ навѣстившаго меня счастія, сама собою не потухнетъ въ моей головѣ, подобно послѣдней искрѣ огня въ каминѣ, передающей терпкому минеральному холоду то мѣсто, которое согрѣвала она эѳирнымъ веществомъ своимъ. Долго, долго пробуду здѣсь въ роскошныхъ объятіяхъ моей очаровательной мечты, страстно прижавъ ее къ сердцу, объявъ ее всею душею; и приклоню мое чело къ бѣлой и пахучей ея груди, и вопьюсь въ эту сладкую грудь устами, и не отторгну ихъ до самой смерти или до новаго страданія. Пребуду такъ на ея груди камнемъ, — мыслящимъ камнемъ, потому, что въ эту минуту душа моя слилась въ одну массу съ тѣломъ; я даже не чувствую тѣла; его нѣтъ на мнѣ!.... Я свободенъ отъ тѣла: тѣмъ лучше! — оно всегда мѣшало мнѣ въ счастіи. Я весь превратился въ мысль. Я духъ!..... или все мое тѣло мысль!

И гдѣ я?.... Я здѣсь! я на Землѣ! на томъ же мѣстѣ, гдѣ недавно чувствовалъ и страдалъ, гдѣ черезъ часъ опять буду чувствовать и страдать. Этотъ слабый огонекъ, повисшій въ туманномъ воздухѣ, какъ звѣзда въ промежуткѣ разорванной бурею тучи — блѣдный, дрожащій, осѣненный короткими лучами, съ трудомъ пробирающійся сквозь стекло моихъ оконъ, — это свѣтъ фонаря, освѣщающаго ту сторону улицы. Его оставили тамъ люди. И такъ, я не только на Землѣ, но даже въ ихъ обществѣ!..... Гдѣ же они!..... Сонъ, періодическая смерть всего одушевленнаго, положилъ ихъ въ кратковременную могилу, спряталъ ихъ на нѣсколько часовъ отъ нихъ самихъ, изъ опасенія, чтобъ ихъ не растерзали дозавтра собственныя ихъ страсти: завтра онъ опять возвратитъ имъ жизнь и страсти, и позволитъ

играть въ нихъ весь день; завтра они опять будутъ сожалѣть о вчерашнемъ, и надѣяться на завтрашнее!....

Зенеида, Зенеида! Зачѣмъ не можешь и ты возвратиться къ жизни вмѣстѣ съ ними, когда лучи солнца поутру вскипятятъ въ этой атмосферѣ все видимое и невидимое движущееся бытіе!... Ты уже не проснешься, несчастная!.... Вѣчный сонъ закрылъ для меня навсегда твои большіе, голубые глаза! Горсть сырой земли лежитъ на твоихъ бѣлыхъ, атласныхъ вѣкахъ, тогда, какъ я еще попираю эту Землю и ищу твоей тѣни печальнымъ взоромъ въ этихъ массахъ мрака, скитающихся по угламъ пустаго моего жилища. Зенеида, я знаю, что ты здѣсь!.... Явись!.... Я тебя вижу!....

Ты исчезаешь!.....

Нѣтъ, тебя здѣсь не было!.... Ты теперь на небѣ: я вижу тебя между Ангелами, вижу, какъ ты прелестно тамъ движешь твоими крыльями изъ бриллiантовыхъ разноцвѣтныхъ лучей!.... Вотъ теперь ты превратилась въ звѣзду!.... Ты опять исчезла!!... О! какъ далеко до тебя!.... Увы, я на Землѣ!....

Да, я здѣсь, на Землѣ!.... Я ощущаю присутствіе времени, то есть, живу, — потому, что время не что иное какъ жизнь. Смотрю на движеніе маятника въ часахъ, стоящихъ на моемъ каминѣ, и вижу, какъ измѣряетъ онъ мою жизнь. О, какъ быстро она летитъ!.... Лети, лети, жизнь моя! лети въ свою сторону: я тебя не удерживаю, — ты не можешь уже возвратиться ко мнѣ, не принесешь мнѣ изъ твоего воздушнаго путешествія, какъ голубица Ноева, зеленой вѣтки надежды!.... Я вижу быстрое теченіе моей жизни, вижу въ глаза жизнь и время..... Время и жизнь одно и то же: въ этомъ никто меня не разувѣритъ. Терять время, значитъ—терять жизнь; терять жизнь, значитъ — терять время. Когда умру,

я лишусь только чувства времени, и часы не будутъ нужны. Смерть есть то состояніе, въ которомъ не можетъ быть часоваго мастера.....

Уже молотокъ трижды ударилъ по звонку: пробило три часа моей жизни!.... Серебряный звукъ троекратнаго удара распрыснулся по красному воздуху, пронесся мимо меня съ эхомъ, и исчезъ въ отдаленныхъ столбахъ мрака. Я слышалъ, — нѣтъ! я видѣлъ этотъ звукъ собственными глазами. Я его видѣлъ, какъ нельзя лучше. При каждомъ прикосновеніи молотка къ пустому металлу, отъ точки прикосновенія разбѣгались во всѣ стороны по этой легкой и упругой жидкости, по этому красному воздуху, безчисленные дрожащіе круги, бѣлые, тонкіе обручи летучихъ волнъ, погоняющіе другъ друга и расширяющіеся по мѣрѣ удаленія отъ центра, похожіе на кругообразныя черты, зыблющіяся на поверхности воды около того мѣста, гдѣ въ нее упалъ камень, — и эти обручи были звукъ. На этихъ тонкихъ, дрожащихъ обручахъ основана наша слава, которая вся состоитъ въ звукахъ. Мы можемъ быть славными, потому, что воздухъ упругъ!.....

Но точно ли я на Землѣ?.... Напротивъ, я въ Землѣ: я нахожусь въ нѣдрахъ огромнаго шара, а не на его поверхности; не вижу ея, и не знаю, что на ней происходитъ. Границы этого плавающаго въ пространствѣ шара, въ которомъ я роюсь, высоко надъ моею головою. Почва, по которой ползаю, обложена вся толстымъ слоемъ воздуха, облита глубокимъ океаномъ тонкой, упругой, сухой матеріи. Воздухъ есть сухая вода. О, какъ внѣшняя поверхность этого огромнаго воздушнаго океана должна быть красива и блестяща! На ней-то пылаетъ то чистое огненное мерцаніе, которымъ красуются яркія сестры нашей Земли, текущія вмѣстѣ съ нею около солнца. Зачѣмъ не могу я посмотрѣть издали

на планету, въ которой погруженъ какъ рыба, внутри которой обитаю какъ червь. Она должна быть великолѣпна!.... Да! я купаюсь въ летучей жидкости; я на днѣ сухаго, но очень глубокаго океана. Въ немъ есть еще другія жидкости, плотнѣе и тяжеле первой: одна изъ нихъ, вода, составляя родъ осада, заняла всѣ углубленія и впадины дна большаго воздушнаго океана, и на днѣ его образуетъ другія, влажныя моря. Дно сухаго океана и влажныхъ морей та же жидкость, только погуще воды и воздуха, жидкость сыпучая, опирающаяся на слояхъ другой жидкости, еще болѣе сгущенной, – сгущенной до степени камня. Камень, гранитъ, тоже жидкость, но которой уже мы не можемъ укусить нашими мягкими зубами. Въ Природѣ, въ мірозданіи, все жидкость, только въ разныхъ состояніяхъ, – жидкость безпрестанно кипящая, переработывающая, плавящая одна другую.

Что такое планета! – едва замѣтный шарикъ скомканныхъ паровъ, клочекъ летучей, внутри застылой, сверху расплавленной, жидкости; безпрестанно текущій въ другой жидкости, весьма тонкой, разлитой вокругъ солнца; кружащійся около этого свѣтлаго центра жизни, какъ атомъ приведеннаго въ броженіе теплотворомъ яичнаго желтка около перваго зародыша цыпленка, около будущаго сердца будущей птицы.

Что же такое я самъ? – я тоже жидкость, маленькая мѣрка жидкости, сгущенной до извѣстной степени, вылитой по особенному образу, и зажженной внутри искрою небеснаго огня. Въ мірѣ все жидкость, – все жизнь: жизнь есть различныя состоянія различныхъ жидкихъ составовъ мірозданія. Міръ бродитъ, движется, живетъ. Земля, бродитъ, движется, живетъ; всѣ ея части живутъ; камень живетъ тоже – живетъ подобно мнѣ, подобно мнѣ ощущаетъ

время, имѣетъ начало и конецъ: онъ только живетъ жизнію неорганическою, быть-можетъ совсѣмъ безчувственною, хотя еще имѣетъ свои движенія, потому что самъ собою образуетъ свои кристаллы, ростетъ и сокрушается, нѣсколько иначе чѣмъ я. Камень слишкомъ удалился отъ летучаго и жидкаго состоянія матеріи, и его частицы потеряли ту способность химически сочетаться съ духомъ, которая свойственна самому совершенному и замысловатому составу различныхъ жидкостей, человѣку. И такъ, въ Природѣ нѣтъ смерти: то, что мы называемъ смертію, есть только переходъ изъ одного состоянія всеобщей жизни въ другое, простая перемѣна званія. Духъ, данный мнѣ на время моей органической жизни, по ея окончаніи воспаритъ выше, туда, гдѣ ему назначено; мое тѣло будетъ жить другою, неорганическою жизнію; будетъ перерабатываться, скитаться по другимъ тѣламъ, одушевленнымъ или бездушнымъ, — но будетъ жить, будетъ еще сочетаться въ разныхъ видахъ со временемъ, то есть, со всеобщею жизнію созданнаго, доколѣ Божеству не подобаетъ уничтожить самое время, для исполненія высокой тайны Откровенія; доколѣ вся матерія міра опять не расплавится, не испарится въ летучую жидкость, въ газъ, въ эѳиръ, — въ самое тончайшее и почти нематеріяльное вещество, изъ котораго оно возвратится къ духу; доколѣ все не исчезнетъ, а останется только духъ, — Богъ, Провидѣніе.

Между-тѣмъ, какъ теперь, моя планета оборотилась другою стороною къ своему солнцу, и та половина, на которой я нахожусь, лишена его лучей, погружена въ тѣни, во мракѣ, — и вся жизнь органическая, дѣйствующая и бродящая только его теплотою, вокругъ меня поверглась въ оцѣпенѣніе, изъ котораго скоро опять разбудитъ ее сіяніе того же средо-

точнаго свѣтила, — и мысль моя блуждаетъ между отдаленными солнцами мірозданія, едва примѣчая въ его пространствѣ мелкое движущееся пятнышко, называемое Землею, — между-тѣмъ, я вижу себя въ этой Землѣ; вижу издали мѣсто, занимаемое мною въ планетѣ. Я лежу на днѣ глубокаго, прозрачнаго океана, какъ блестящая пылинка слюды, какъ крошечная фосфорная букашка, которую пловецъ съ любопытствомъ наблюдаетъ съ палубы на днѣ моря, сквозь хрустальныя пучины тропическихъ водъ. Я вижу себя въ этой глубинѣ: это свѣтлое зерно, эта точка свѣта, такъ ярко пылающая въ какомъ-то родѣ болота, есть моя безсмертная душа. Вознеситесь надъ Землею: вы увидите то же; увидите милліоны другихъ подобныхъ точекъ, рдѣющихъ такимъ же небеснымъ огнемъ въ пескѣ того же океана, — увидите самихъ себя, ваши души, управляющія вашею временною органическою жизнію. О, если бъ вы теперь были со мною тамъ, гдѣ повисла моя мысль между звѣздами, въ далекой странѣ міра, и могли видѣть то, что я вижу!.... Какъ эта маленькая планета красива! Я вижу все дно синяго воздушнаго ея океана усѣяннымъ этими огненными точками: посреди черной ночи, разлитой въ его пучинахъ, это дно горитъ въ глубинѣ тучею алмазныхъ искръ, издающихъ самые великолѣпные радужные лучи и освѣщающихъ засоренную его поверхность. Одной только не достаетъ тутъ блестки, и самой драгоцѣнной!.... Но нѣтъ ничего прелестнѣе и восхитительнѣе этого зрѣлища. Люди! услышьте меня: когда вы проснетесь, когда станете шевелиться тѣломъ по дну этого океана, шевелитесь осторожно, — какъ-можно осторожнѣе, — чтобъ не затоптать въ песокъ, въ тину, этихъ чудесныхъ, безподобныхъ искръ: это частицы Божества!.... Я не затопчу, увѣряю васъ, ни одной изъ нихъ: но вы! —

вы ставьте ваши ноги со вниманіемъ, и не забейте въ грязь гордою пятою этихъ свѣтлыхъ пылиночекъ, а вмѣстѣ съ ними и моей еще кое-какъ мерцающей тамъ пылинки.....

Люди! почитайте эти благородныя пылинки: это настоящее золото мірозданія!.... Что такое ваша органическая жизнь! — Хаосъ всеобщаго, взаимнаго пожранія. Воздухъ, которымъ вы дышите, вода, которую пьете, кровь, которая течетъ въ вашихъ жилахъ, набиты неосязаемыми для зрѣнія, органическими, такими же какъ вы, существами: онѣ, подобно намъ, живутъ, движутся, веселятся, страждутъ, плодятся и пожираютъ другъ друга. Открыто вы пожираете видимыхъ звѣрей, птицъ и растенія; непримѣтно и невольно въ каждой каплѣ воды вы глотаете милліоны невидимыхъ змѣй и разныхъ чудовищныхъ животныхъ, которыхъ можете примѣтить только съ помощію микроскопа; въ каждой каплѣ воздуха вы втягиваете въ себя другіе милліоны такихъ же уродливыхъ и хищныхъ тварей, которыхъ уже и при пособіи орудій различить вы не въ состояніи. Звѣри, посильнѣе васъ, обращаютъ жизнь вашу себѣ на пищу; въ вашей крови, въ сокахъ, въ каждой частицѣ тѣла, гнѣздятся другія подобныя тмы змѣй, гидръ, червей и разныхъ невидимыхъ уродовъ, которые пожираютъ васъ даже тогда, когда вы растете, пожираете другихъ, увеличиваетесь объемомъ и укрѣпляете свои силы. Вотъ ваша органическая жизнь! Она только сцѣпленіе безчисленныхъ милліоновъ другихъ жизней; я только мелкій клочекъ огромной органической жизни моей планеты, который пожираетъ и пожирается, — и тутъ съ благоговѣніемъ повергаюсь передъ всеобъемлющею мудростью Создателя, могущество котораго поражаетъ меня ужасомъ, непостижимыя намѣренія котораго превосходятъ всѣ сред-

ства моего понятія. Я не смѣю ихъ испытывать. Я только вижу ясно, что моя душа, мои умственныя силы, даны мнѣ лишь для того, чтобъ я узналъ все свое ничтожество, и смирился передъ Творцемъ; что мое тѣло, мои физическія силы, дарованы мнѣ для того, чтобъ я какъ-можно скорѣе спасалъ свой родъ отъ истребленія въ этой ужасной общей борьбѣ жизней, быстро поглощающихъ одна другую. Самосохраненіе и взаимнопоглощеніе, – любовь и смерть, вотъ двѣ главныя точки, около которыхъ обращается временное наше существованіе въ человѣческомъ видѣ, два полюса моего бытія и бытія всего созданнаго, два великія, таинственныя состоянія человѣка.

Любовь и смерть! – кромѣ этого, болѣе нѣтъ ничего въ органической жизни Да! въ жизни есть только любовь и смерть. Остальное – суета. Хотя смерть животнаго тѣла не смерть, – это только жизнь отрицательная; но какъ переходъ изъ одной жизни въ другую названъ у людей смертію, то пусть его такъ и называется. Смерть есть жизнь безъ любви. Жизнь до смерти есть любовь, окруженная формами животнаго существованія. Жизнь и любовь одно и то же. Любовь – цвѣтъ органической жизни, верховная точка высоты всей горы земнаго бытія, возносящейся между двумя его границами, – рожденіемъ и смертію. Это положительный полюсъ органической жизни: вся ея сила, вся теплота, все духовное и животное начало, стремятся съ цѣлой ея поверхности къ этой главной точкѣ существованія. Если въ человѣкѣ есть что-либо возвышеннаго, отраднаго, добродѣтельнаго, прекраснаго, – все это сильно течетъ туда, и скопляется у этого полюса, какъ электричество, и, какъ оно, выскакиваетъ изъ нашего сердца въ видѣ мощной искры, чтобъ передать свое начало другому существу. Любовь есть самое сильное, доведенное до послѣдней степени

напряженія восторженное состояніе органической жизни, и въ этомъ восторгѣ, въ этомъ напряженіи бытія, заключается человѣческое счастіе, — счастіе единственное, неподдѣльное, совершенное, потому что въ немъ сосредоточиваются и участвуютъ всѣ силы духа и тѣла, все существо. Да! любовь есть цѣль жизни, исполненіе великаго намѣренія Божества и высочайшій пунктъ одушевленнаго бытія. И вся животная жизнь есть только феноменъ любви, — осуществленное, осязаемое чувствомъ, проявленіе этой великой души мірозданія. Посмотрите на этихъ мелкихъ насѣкомыхъ, которыя живутъ всего только полчаса времени: они родятся, цѣлуются, несутъ яйца и умираютъ, даже безъ обѣда. Не есть ли это молнія жизни, — и молнія любви въ то же время? Напротивъ, это одна молнія. Жизнь органическая и любовь одно и то же: время, жизнь органическая и любовь — три однозначащія названія одного феномена. Наша молнія длиннѣе, — вотъ вся разница! Она сначала долго тлѣетъ, пока возгорится. Но отъ первой минуты рожденія всѣ наши жизненныя силы, духовныя и тѣлесныя, уже восходятъ, бѣгутъ, рвутся къ этой заоблачной вершинѣ жизни. Наконецъ, мы достигли вершины, на которой долженъ раздаться, съ ослѣпительнымъ для чувствъ блескомъ, громъ нашего жизненнаго начала. Увы! не долго остаемся мы на ней; не рѣдко, развращенные искусственными потребностями и условіями общественнаго быта, не примѣчаемъ даже того, что мы уже на ней находимся, и не умѣемъ пользоваться всемірною сладостью, приготовленною для насъ Провидѣніемъ въ этомъ взрывѣ жизни. Но скоро, скоро наступаетъ время оставить цвѣтущую вершину, гдѣ стоитъ и единственный храмъ нашего счастія: самая Природа безъ чиновъ выводитъ насъ за руку оттуда, и жестоко сталкиваетъ съ горы по противоположному скату.

Всякой шагъ по этой отлогости есть уже прямой шагъ къ смерти; стремленіе наше усиливается по мѣрѣ пути; у подошвы мы уже катимся шаромъ, и вырытая внизу яма поглощаетъ насъ навсегда. Молнія погасла! Жизнь неорганическая достается въ удѣлъ нашему тѣлу.

Неужели любовь оканчивается органическою жизнію?.... Неужели благодатный Создатель отказалъ въ этой единственной сладости существованія неподвижнымъ тѣламъ? Неужели дерево во время цвѣта, или камень, въ минуту превращенія своего въ кристаллъ, не ощущаетъ дѣйствія волшебной теплоты, которая привела его въ броженіе, и возбудила въ немъ жизнь? Неужели его частицы не дрожатъ тогда ея роскошью? Неужели что либо можетъ создаться въ Природѣ безъ этого небеснаго отголоска воли Творца въ членахъ создающагося тѣла? Неужели любовь не есть общая сила матеріи?..... Войдите въ пальмовую рощу: эти деревья стоятъ на весьма низкой ступени органической жизни, — еще одинъ шагъ, и вы очутитесь въ неорганическомъ царствѣ. Но взгляните на эту наклоненную пальму, тощую, блѣдную, почти безжизненную!.... Подлѣ нея, въ нѣсколькихъ шагахъ, стоитъ величественная пальма самецъ, съ богатымъ вѣнцомъ длинныхъ и здоровыхъ листьевъ; подъ вѣнцомъ висятъ, подобно молочнымъ сосцамъ лани, огромныя кисти цвѣтовъ, покрытыхъ бѣлою какъ снѣгъ пылію; но блѣдная, тощая пальма отворачивается отъ своего сосѣда: она наклонилась къ другому дереву самцу, красующемуся въ отдаленномъ углу рощи, и ни какая сила не можетъ дать ей другаго направленія. — Она больна! говоритъ вамъ смуглый Аравитянинъ, вздыхая, — она больна любовію! — Уже три года сряду не посылаетъ она ему финиковъ; тщетно всякую весну переноситъ онъ на ея цвѣты снѣжную

пыль кистей ея сосѣда: она не даетъ плодовъ, и сохнетъ. И, — несчастная страдалица! — она не порадуетъ его сборомъ, пока онъ не отыщетъ ея любезнаго, и не принесетъ ей плодотворной пыли съ его кистей: тогда она зазеленѣетъ и будетъ весела попрежнему. Нѣтъ! не здѣсь предѣлъ этой могущественной силѣ! Она еще такъ мощно дѣйствуетъ въ неподвижномъ деревѣ, — она должна простираться еще далѣе, проникать и до холодной, неподвижной матеріи минерала, согрѣвать самое ядро планеты. Назовите ее силою притяженія, силою сцѣпленія, какою угодно силою, — все это одна и та же сила, — сила всемірной любви, являющаяся нашему уму въ видѣ трехъ различныхъ понятій, — жизни органической, неорганической и времени. Любовь, — я въ томъ увѣренъ! — любовь не оканчивается съ нашею жизнію: она еще рдѣетъ въ нашемъ тѣлѣ и въ гробу; она, вѣроятно, еще приводитъ въ сладостное дрожаніе всякую отдѣльную пылинку нашей персти, ежели при жизни мы чувствовали ее сильно, истинно, безпредѣльно..... Эта мысль не можетъ разстаться со мною: она слита съ моимъ существованіемъ.

Эта мысль лежитъ на моемъ сердцѣ, какъ камень: я умру съ нею, и желалъ бы, чтобъ она выросла цвѣткомъ на моей могилѣ!....

Да, моя несчастная Зепенда! я вѣрю въ любовь послѣ смерти: ты убѣдила меня въ этой священной для моего сердца истинѣ. Я бы сейчасъ умеръ, или, еще хуже, — я бы сошелъ съ ума, если бъ потерялъ эту вѣру.

Ты давно уже не существуешь, давно уже земля держитъ въ ледовитыхъ своихъ объятіяхъ то прекрасное тѣло, которое никогда не долженствовало бъ выходить изъ моихъ; но ты еще меня любишь,

Зенеида?..... Не правда ли?..... ты меня любишь въ твоей могилѣ?....

Явись, мой другъ, моимъ взорамъ! Если ты теперь стоишь въ этомъ столбѣ мрака, если твоя робкая тѣнь прячется въ этомъ черномъ воздухѣ, который теперь такъ страшно скопился въ углу комнаты, — выйди оттуда, Зенеида, и присядь здѣсь, — здѣсь на моихъ колѣняхъ! Зенеида!..... Ты вѣрно меня слышишь!..... Зенеида! ты должна быть гдѣнибудь близъ меня!.... Покажись! Я теперь тебя не испугаюсь.

Она теперь не хочетъ предстать передъ меня!..... Но я чувствую ея присутствіе; она непремѣнно должна быть теперь въ этой комнатѣ.....

Она бросила въ юную душу мою свой волшебный образъ, и поспѣшно ушла съ сего свѣта, для того, чтобъ я ни когда не могъ отдать ей обратно безцѣннаго ея подарка!.... Она исчезла, какъ падающая звѣзда, нарисовавъ по всему небу моего воображенія длинную огненную черту, которая никогда не исчезнетъ. Какъ тѣнь высокой горы, увеличивающаяся по мѣрѣ склоненія солнца къ закату, такъ во мнѣ продолжается воспоминаніе объ ней, разстилая безконечную черную полосу сквозь всю длину моей жизни. Этимъ воспоминаніемъ оканчиваются всѣ мои мысли.....

Я люблю воспоминать о подробностяхъ моего съ нею знакомства. Всякой вечеръ я объ нихъ воспоминаю, и на слѣдующій день они опять кажутся мнѣ новыми.

Гдѣ та красивая дача, въ девяти верстахъ отъ Петербурга, на которой я впервые, сквозь зыблющуюся сѣтку листьевъ аллеи, увидѣлъ двое волшебныхъ голубыхъ глазъ, мерцающихъ блескомъ утренней росы? Эта дача уже не существуетъ; эта аллея

уже истреблена; но я и теперь вижу тѣ же листья, то же дрожаніе листьевъ, — могъ бы и теперь вѣрно нарисовать положеніе всякаго листочка въ той зеленой движущейся путаницѣ, сквозь которую въ первый разъ блеснули предо мною эти глаза, отрываясь отъ зеленой книги, и медленно направляясь въ ту сторону, гдѣ я давно уже стоялъ за кустомъ акаціи, — откуда слишкомъ полчаса смотрѣлъ на нее украдкою, подстрекаемый дѣтскимъ любопытствомъ подсмотрѣть лице читающей дамы. На этихъ глазахъ волновались двѣ крупныя слезы: одна изъ нихъ упала на книгу, — въ ней заключалась судьба цѣлой моей жизни!....

То была слеза огорченія, а не удовольствія: я прочиталъ это въ лицѣ Зенеиды, которое было молодо и очаровательно.

О, если бъ могъ я тогда испить эту слезу!.....

Мы были сосѣди по дачѣ. Я успѣлъ познакомиться съ нею. Сколько хитростей употребилъ я, чтобъ достигнуть этого счастія! Сколько безсонныхъ, мучительныхъ ночей провелъ я съ тѣхъ поръ, какъ достигъ его!....

Зенеида была замужняя: это ужасное для меня обстоятельство узналъ я только при первомъ съ нею разговорѣ. Мои надежды, — мои милыя, сладкія, блистательныя надежды, были разражены этимъ извѣстіемъ, какъ громомъ. Я поблѣднѣлъ, и она это примѣтила. Въ послѣдствіи, она часто напоминала мнѣ объ этомъ, — и потомъ, обернувшись, вздыхала. Я не смѣлъ даже спросить, о чемъ она вздыхаетъ: ея глаза, волшебные голубые глаза, для которыхъ я бросился бы въ огонь и въ воду, положительно запрещали мнѣ быть любопытнымъ.

Я скоро проникъ тайну ея души, хотя она старалась скрыть ее отъ меня: она была несчастна. Мужъ ея, ужас-

ный мужъ, былъ одинъ изъ тѣхъ дикихъ мужчинъ, пойманныхъ въ лѣсахъ Канады и пріодѣтыхъ въ Европейское платье, которыхъ какая-то зловредная рука безпрестанно впускаетъ въ нашу образованность, чтобъ они свирѣпствовали въ ней какъ на полѣ сраженія, устланномъ трупами враждебнаго поколѣнія. О, сколько я знаю такихъ дикихъ людей! Они рождены и воспитаны посреди самыхъ утонченныхъ формъ общества, и остались дикими. Смѣло и безнаказанно производятъ они неслыханныя опустошенія въ нашемъ нравственномъ мірѣ, позволяя себѣ дѣлать всякія неистовства въ виду нашихъ сентиментальныхъ Романовъ и Нравоученій, и мы, вмѣсто того, чтобъ прогнать ихъ за Аллеганскія Горы, еще нерѣдко удивляемся ихъ молодечеству. Раздавить благородное чувство и осквернить его своимъ хохотомъ — для нихъ величайшее удовольствіе, торжество. Поймать бѣлую и слабую Европейку хитростью, исторгнуть сердце изъ ея груди, и потомъ выжимать изъ него кровь, и терзать его зубами, и бить ее по лицу собственнымъ ея сердцемъ съ насмѣшками палача XVI вѣка, — для нихъ дѣло такое же естественное, какъ для Патагонца пить вино изъ вражьяго черепа. Повергнуть въ послѣднее рабство, въ самое унизительное и жестокое рабство, завоеванную приверженность, есть, по ихъ мнѣнію, доказательство доблести. Мужъ Зенеиды былъ одинъ изъ тѣхъ дикарей. Онъ былъ красавецъ собою, отлично хорошо воспитанъ, милъ въ обществѣ и съ большими дарованіями, гордъ и честолюбивъ до крайности. Онъ нѣкогда тронулъ ея молодое сердце; быть-можетъ и самъ въ нее былъ влюбленъ, — не любить ея было невозможно! Чтобъ получить ея руку, онъ припадалъ къ ея ногамъ, къ ногамъ родителей, даже къ ногамъ послѣдней служанки въ домѣ: отецъ ея считался тогда богатымъ и значительнымъ человѣкомъ. Но скоро послѣ свадьбы, несчастія лишили отца ея всего состоянія и знатности. Обманутый въ своихъ расчетахъ на огромное

приданое и протекцію, супругъ превратился въ мстителя за свою обиду. Онъ началъ гнать дочь за несчастіе родителей, и она претерпѣла отъ него всѣ роды домашней тираніи. Онъ, однако жъ, скоро возвысился посредствомъ собственныхъ своихъ дарованій; но и тогда не простилъ несчастной за то, что союзъ съ нею былъ ему безполезенъ. Онъ презрѣлъ ея любовь, сталъ насмѣхаться надъ ея нѣжностью, и находилъ удовольствіе унижать ее въ глазахъ другихъ и ея полъ въ собственныхъ ея глазахъ; онъ поносилъ передъ нею супружество и его обязанности, и безчеловѣчно издѣвался надъ ея скорбію. На устахъ его для всѣхъ была улыбка; для ней были только упрекъ и горечь. Всякой ея поступокъ, всякое неправившееся ему слово становились уголовными преступленіями, которыя слѣдовало выкупать мольбою, рыданіемъ, отчаяніемъ. Вся тяжесть обязанностей была свалена на слабыя ея плеча: онъ не почиталъ себя ни къ чему обязаннымъ. И съ какою ангельскою кротостью, съ какою покорностію, достойною только Персидской рабыни, — съ какою добродѣтельною улыбкою, несла она это ужасное бремя! Она никогда не жаловалась на свое положеніе даже передъ сестрою, которую любила, какъ только можно любить друга въ несчастіи.

Въ заключеніе, онъ связался съ какою-то безнравственною женщиною, не получившею даже приличнаго воспитанія, и приказалъ своей женѣ быть пріятельницею его любовницы. Она сочла своимъ долгомъ и въ этомъ повиноваться ему безпрекословно.

Я зналъ все это, — жестокость и грубіянство въ обращеніи его съ женою были всѣмъ извѣстны, — и удивлялся небесной красотѣ ея души, неземному ея терпѣнію: сердце разрывалось у меня въ груди. Бѣдная, бѣдная Зенеида!.....

Онъ пріѣзжалъ къ ней изъ города, но только для того, чтобъ пообѣдать, погулять въ саду, побранить ее и са-

довника, и уѣхать назадъ къ ночи. Иногда забывалъ онъ объ ней по цѣлымъ недѣлямъ. Я тогда навѣщалъ ее, и читывалъ ей новыя книги на крыльцѣ ихъ дачи, въ великолѣпной рощѣ, составленной изъ огромныхъ миртовъ, камелій, розъ, гортензій, лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ. Бо̀льшую часть времени мы проводили въ этой миніятурной Италіи, устроенной на доскахъ и озаренной однимъ изъ прекраснѣйшихъ сѣверныхъ лѣтъ, прибывшимъ нарочно изъ полуденныхъ краевъ, чтобъ довершить прелесть этого пріюта и произвести полный обманъ надъ моими чувствами, въ которыхъ небо Италіи оставило неизгладимое впечатлѣніе. Въ этой рощѣ мы часто разсуждали объ Италіи, которую пылкое и исполненное Изящнаго ея воображеніе представляло себѣ очарованною землею, — землею, гдѣ всѣ должны быть счастливы!.... Въ этой роскошной рощѣ она никогда не плакала, и глаза ея, казалось, благодарили меня за это.

Но она, несчастная, плакала всякой день въ той аллеѣ, въ которой я подсмотрѣлъ ее въ первый разъ изъ-за куста акацій. Уединенно, скорыми шагами, прохаживалась она по ней всякое утро, въ страшномъ волненіи; потомъ вдругъ садилась на скамейкѣ, раскрывала свою зеленую книгу, и приближала ее къ лицу, представляя видъ читающей. Я обыкновенно стоялъ за тѣмъ же кустомъ, пронзенный жгучею грустью, съ заломанными руками, неподвижно, не смѣя ни пошевелиться, ни перевести дыханіе, чтобъ не быть ею примѣченнымъ. Во время этого чтенія, страница ни однажды не перекидывалась, и слезы лились градомъ въ книгу. Она даже не догадывалась, что въ то же время другія слезы, — слезы состраданія, въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда орошали кустъ акаціи.

Потомъ она внезапно закрывала перемокшую книгу, осушала глаза платкомъ, и тихими шагами направлялась въ конецъ аллеи, гдѣ былъ небольшой, но прекрасный каскадъ, осѣненный пышнымъ тисомъ. Я поспѣшалъ

туда другою дорожкою, и мы всегда встрѣчались у каскада, всегда въ одинъ и тотъ же часъ, и всегда случайно, — къ обоюдному и неизъяснимому удивленію: иногда на свѣтѣ бываютъ странные случаи!

Я говорилъ ей:

— Какая прекрасная погода!... Что жъ? вы опять печальны?...

Она говорила мнѣ:

— Кажется, будетъ дождь?... нѣтъ, я совсѣмъ не печальна!... Какая жара!... Съ чего вы это всегда берете? Наконецъ стану на васъ сердиться....

И эти слова произносила съ такою ангельскою улыбкою, что я никогда не боялся слѣдствія опасной угрозы. Тогда начинала она жаловаться на мигрень, и увѣрять меня въ своемъ счастіи,—въ своемъ совершенномъ счастіи! Упомянувъ, какъ-будто не нарочно, о своемъ мужѣ, она тотчасъ заводила рѣчь объ его добромъ сердцѣ, его нѣжности, кротости и другихъ отличныхъ качествахъ души. — Надобно его знать такъ, какъ она знаетъ, чтобъ оцѣнить безчисленныя его добродѣтели! — Другаго такого мужа нѣтъ въ цѣломъ Петербургѣ! — Она даже не достойна того счастія, которое нашла въ союзѣ съ нимъ! — Онъ такой вѣжливый! онъ такой снисходительный! — И я видѣлъ, какъ говоря это, она робко устремляла на меня дрожащій взоръ, чтобъ испытать, вѣрю ли я словамъ ея. Всего болѣе она боялась, чтобъ я не презиралъ ея мужа. Злополучная! сквозь мою вѣжливость, сквозь приличіе совершеннаго согласія съ ея мнѣніемъ, она ясно читала въ глубинѣ души моей убѣжденіе въ противномъ, и съ отчаяніемъ простирала ко мнѣ взоръ, блѣдный, умоляющій, который, казалось, именемъ всего священнаго въ мірѣ заклиналъ меня, чтобъ я не презиралъ его, — для ея счастія! Но этотъ взоръ, отъ котораго растрескался бы гранитъ, не могъ исторгнуть у меня ничего, кромѣ безпредѣльнаго уваженія къ просительницѣ.

Отъ каскада я провожалъ ее до ея дома, и на крыльцѣ, въ рощѣ, еще оставался съ нею по нѣскольку часовъ въ день. То были самые очаровательные часы юной моей жизни, въ которой все казалось мнѣ очаровательнымъ: она столько же сіяла умомъ, какъ и красотою, и превосходное воспитаніе, усовершенное обширною начитанностью, дѣлало бесѣду съ нею истиннымъ наслажденіемъ. Но нельзя сказать, чтобъ эти очаровательные часы были для насъ обоихъ самые счастливые, особенно подъ конецъ лѣта. Ея твердость въ добродѣтели, для исполненія долга которой такъ благородно жертвовала она собою; мое почтеніе къ священному ея намѣренію остаться всегда вѣрною и доброю супругою, и къ собственному ея спокойствію, сдѣлавшемуся для меня священнѣе всего въ мірѣ, нерѣдко поставляли несносную преграду непринужденности нашего разговора. случались минуты истинной пытки. Мы говорили одно, а думали другое, — знали, что обманываемъ другъ друга, что притворно терзаемъ себя холодными выраженіями, произносимыми, какъ-бы мимоходомъ, для скрытія настоящей мысли, — и терзали изъ приличія. Съ того времени, какъ она, добродушно и невинно, удостоила меня имени друга, положеніе наше сдѣлалось подлинно нестерпимымъ. Сколько короткихъ изліяній мысли, начатыхъ неосторожно, въ минуту сладостной разсѣянности, и вдругъ прерванныхъ, вдругъ жестоко переломанныхъ въ самомъ сердцѣ! Сколько ночей, проведенныхъ въ слезахъ и мученіяхъ послѣ подобныхъ полуизліяній!... Я увѣрялъ самого себя, что отнюдь не чувствую къ ней любви, что это только уваженіе;..... и почти сожалѣлъ, что она имѣетъ столько правъ на мое уваженіе.

Одно лишнее слово было въ состояніи рѣшить навсегда нашу участь; уже не доставало только одного слова, и мы трепетали передъ этимъ словомъ, страшась его, какъ искры, которая всякую минуту гро-

зитъ упасть на подкопанную подъ насъ мину и мгновенно взорвать насъ на воздухъ. Одно роковое слово, — и она преступница! — я виновникъ ея срама, несчастія, угрызенія совѣсти!.....

Мы боялись, чтобы оно не вырвалось изъ нашей груди, и не имѣли довольно твердости благовременно оставить другъ друга.

У меня было тоненькое колечко съ именемъ моей сестры: однажды я потерялъ его въ саду. Ея слуги нашли его у крыльца, и отдали ей. Она мнѣ о томъ сказала, обѣщала отослать его ко мнѣ, и потомъ забыла.

Я просилъ ее, шутя, подарить мнѣ ту зеленую книгу, которую всегда читаетъ она въ аллеѣ. Она смутилась, и хотѣла знать причину подобнаго желанія.

Я сказалъ, съ чувствомъ какой-то невольной грусти, что подозрѣваю, что частыя ея мигрени происходятъ отъ этой книги: по моему мнѣнію, ей было бы здоровѣе, если бъ книга находилась въ моихъ рукахъ.

Она покраснѣла и отвѣчала мнѣ съ безпокойствомъ, что мнѣ всегда странныя идеи приходятъ въ голову, и что книга не ея, а чужая.

И слезы мелькнули въ ея глазахъ. Я строго укорялъ себя за то, что необдуманно тронулъ эту жестокую рану ея сердца, и опечалилъ добрую Зеиеиду. На другой день она была блѣдна и разстроена. На третій, я нашелъ зеленую книгу, забытую на скамейкѣ въ аллеѣ. Съ какою радостью схватилъ я ее въ руки, тотчасъ рѣшась овладѣть ею и не разставаться съ ней никогда! И съ какою скорбію увидѣлъ я тутъ же, что почти всѣ страницы носили на себѣ широкіе слѣды засохшихъ слезъ, а нѣкоторыя были еще промочены ими! Бѣдная Зеиеида!..... Но она меня поняла; я думаю, она нарочно забыла здѣсь эту книгу; она не могла ввѣрить своей ужасной тайны лучшему и вѣрнѣйшему другу!..... Бѣдная женщина! сколько ду-

шевныхъ борений должна была вынести ея слабая грудь въ теченіе этихъ трехъ дней, пока рѣшилась она сдѣлать подобное признаніе!..... Я долго стоялъ на мѣстѣ, перелистывая драгоцѣнную книгу дрожащею рукою; тысячи горестныхъ ощущеній раздирали мою внутренность, тысячи пасмурныхъ мыслей бурно неслись по моему воображенію, какъ голубое платье мелькнуло между деревьями. – Это она!..... Она идетъ въ эту аллею!..... Быть-можетъ, она ищетъ этой книги! – И я выскочилъ изъ аллеи съ книгою, и спрятался за кустомъ акаціи.

Я сталъ внимательнѣе разсматривать книгу. То былъ второй томъ Вальтеръ-Скоттова Романа, *Шотландскіе Пуритане,* по-Англійски. На внутренней сторонѣ переплета было написано по-Французски карандашемъ: Silence à jamais*! Я съ умиленіемъ поцѣловалъ эти слова.

Между-тѣмъ она быстро шла по аллеѣ, устремивъ безпокойный взоръ на скамейку. Увидѣвъ, что на ней уже нѣтъ книги, она вдругъ умѣрила шаги. Она тихо подошла къ скамейкѣ, бросилась на нее, какъ-бы отъ усталости, и, закрывая глаза платкомъ, больно издышала изъ угнетенной груди нѣсколько словъ по-Французски: – А!!..... Теперь мнѣ легче!..... По крайней мѣрѣ хоть одинъ человѣкъ въ свѣтѣ будетъ сожалѣть о моемъ несчастіи!

Просидѣвъ четверть часа въ глубокой задумчивости, она вдругъ вскочила съ мѣста, и воскликнула почти внѣ себя: – Я несчастна!..... я сдѣлала глупость!..... Дай Богъ, чтобъ онъ былъ великодушенъ!.....

– О, не опасайся, бѣдная Зенеида! съ своей стороны воскликнулъ я въ душѣ, восторженный ея довѣренностью и растерзанный этою безмолвною, убійствен-

* Секретъ навсегда!

ною сценою. Почти не помню, что со мною дѣлалось потомъ.....

Поди ко мнѣ, безцѣнная книга! Поди, другъ мой, вѣрная спутница мой жизни! Я уронилъ тебя среди разстройства чувствъ и мыслей. Ты долго пролежала у моихъ ногъ: твое мѣсто на моемъ сердцѣ, а потомъ — въ моемъ гробу.....

Какъ сильно моя судьба занимала добрую Зенеиду! Какъ часто и съ какимъ дружескимъ вниманіемъ слушала она юныя мои мечтанія и разсматривала живописные планы только-что начинавшагося существованія моего въ мірѣ! Женитьба тоже бывала предметомъ нашихъ разсужденій: мнѣ тогда было двадцать два года. Я говорилъ ей, что женюсь только на той, которую она для меня выберетъ. И я говорилъ это очень серіозно, не думая даже о важности подобнаго предложенія. Она приняла порученіе, какъ нѣжная сестра, не далѣе меня вникая въ его существо. Дѣло это было рѣшено между нами, — даже утверждено мужемъ Зенеиды, который, въ своей конской игривости, говаривалъ мнѣ съ хохотомъ: — Ну, ужъ выберетъ она вамъ невѣсту! Чувствительности будетъ на милліонъ, а приданаго на копѣйку!..... Повѣрьте мнѣ, любезный Н***, что женщина безъ приданаго все равно, что кошелекъ безъ денегъ.

Мы часто разсуждали съ нею объ этомъ порученіи. Ужасный вечеръ!..... Какъ сильно врѣзался онъ въ мое сердце! Сколько онъ стоилъ мнѣ здоровья!..... мнѣ и ей тоже!.....

— Вы знаете, какъ мы васъ любимъ! сказала она мнѣ растроганнымъ голосомъ, сидя со мною одна, — что весьма рѣдко случалось! — въ рощѣ, потерявшей уже свой блескъ и свѣжесть отъ холодныхъ ночей Августа. — Мы считаемъ васъ болѣе нежели нашимъ сыномъ.....

Она принуждена была сама улыбнуться при этомъ словѣ: я былъ моложе ея только двумя годами. Впрочемъ привязанность ихъ ко мнѣ могла оправдываться тою дружескою готовностью, съ которою я, со времени кратковременнаго нашего знакомства, оказалъ имъ разныя мелкія услуги.

— Хорошо! сказалъ я: послѣ этого вступленія я долженъ ожидать, что вы дадите мнѣ родительское наставленіе, чтобъ я былъ пай, умница, не дѣлалъ глупостей..... Слушаю, добрая маменька!

Она разсмѣялась.

— Нѣтъ, не маменька! сказала она: я бы желала носить въ разсужденіи васъ совсѣмъ другое званіе, и качество вашей сестры болѣе льстило бы моему самолюбію. Выслушайте то, что я вамъ скажу, какъ отъ вашего друга. Мы такъ васъ любимъ, что желали бъ всегда видѣть васъ въ нашемъ семействѣ. Я, можетъ-быть, скажу нелѣпость, но вы меня простите, — не правда ли?..... Впрочемъ, это только моя мысль, моя собственная. Дайте мнѣ слово, что она останется между нами.....

— Это вовсе не нужно.

— Вѣрю. Хотите ли принять изъ моихъ рукъ невѣсту?

— Лишь бы не Г-жу Г***.

Г-жа Г*** была общая наша сосѣдка, красавица прошлаго столѣтія, искавшая себѣ жениха по всѣмъ смежнымъ садамъ.

— Не бойтесь! Я лучше отдамъ въ ваши руки судьбу родной моей сестры.

Эта мысль мгновенно прельстила мое воображеніе: я видѣлъ въ ней средство опредѣлить чѣмъ-нибудь родъ нашей дружбы; я чувствовалъ только счастіе называть Зенеиду сестрою, и, въ первое мгновеніе, не подумалъ даже о той, которая долженствовала быть моею женою. Я принялъ съ восторгомъ ея предложеніе. О, какъ она была счастлива въ ту минуту!.....

Цѣлый вечеръ говорили мы съ нею объ этомъ. Лиза была красавица и очень добрая дѣвушка. Ей тогда былъ только шестнадцатый годъ. Слѣдственно, было еще довольно времени, чтобъ приготовиться къ супружескому сану, и насладиться прелестью важной тайны, которая отнынѣ такъ свято связывала меня съ Зенендою. Но въ теченіе разговора о супружествѣ, трудно было избѣгнуть вопроса — о любви.

— А любовь? сказалъ я. Мы совсѣмъ забыли объ этомъ ничтожномъ дѣлѣ!

— Лиза васъ будетъ любить! сказала она съ жаромъ. Охъ, она будетъ любить васъ!... Вы въ состояніи сдѣлать ея счастіе!... Вы его сдѣлаете!.... Я отвѣчаю, что она васъ будетъ любить.

— А я?

— Вы тоже будете ее лю.....

Голосъ ея пресѣкся въ половинѣ слова: она потомъ повторила его вполнѣ, но слабо, съ большимъ усиліемъ, и лице ея попеременно покрывалось то румянцемъ, то блѣдностью, и уста ея дрожали: она не могла скрыть смятенія.

— Вы располагаете моимъ сердцемъ, произнесъ я разсѣянно, борясь съ собственными чувствами, уже похищаемый внезапно нахлынувшимъ потокомъ печальныхъ мыслей: вы располагаете моимъ сердцемъ, не зная,..... въ состояніи ли я любить что-нибудь внѣ того, что.....

Она молчала. Грудь ея вздымалась. Мрачныя думы быстро проходили по разстроенному лицу. Все нѣжное ея тѣло дрожало какъ отъ испуга, или какъ въ припадкѣ лихорадки. Мы почувствовали нашу неосмотрительность!....

Она хотѣла что-то сказать, и сильный вздохъ поглотилъ ея слова. Мои уста казались склеенными. Я схватилъ шляпу; она вскочила съ мѣста въ то же время.

— Прощайте, прощайте! сказала она внѣ себя. Я безразсудна!....

— Простите! сказалъ я съ отчаяніемъ. Забудьте!.....

— Да! да!... воскликнула она раздирающимъ голосомъ, опрометью удаляясь съ крыльца въ залу.

Я ушелъ домой. Колѣни шатались подо мною, голова горѣла, дачи и деревья кружились радужнымъ жерновомъ около меня. Состояніе моей души было ужасное. Сорванный вихремъ думъ, мой умъ носился высоко, въ пустомъ пространствѣ, гдѣ прежде обитали мои мечты и надежды, или падалъ и разражался о темныя вершины будущности, низвергаясь изъ одной пропасти въ другую, не видя выхода изъ этого безконечнаго ряда жерлъ страданія, смуты, опасности. Кто виноватъ въ этомъ, что случилось?.... Не я! — и не она!... Кто жъ? Нравственное неблагоустройство нашихъ обществъ. Не надобно даже быть слишкомъ проницательнымъ, — довольно имѣть столько природной независимости души, сколько нужно человѣку, чтобъ рѣшиться наблюдать вещи собственными глазами, и не думать чужими, готовыми мыслями, — чтобъ вдругъ примѣтить весь хаосъ нашей Европейской образованности, такъ сильно ослѣпляющей блескомъ своей поверхности обыкновенныя понятія. Это безпрерывное и страшное бореніе безчисленнаго множества хорошихъ и дурныхъ нравственныхъ началъ, которыя явно и скрытно истребляютъ, пожираютъ другъ друга, такъ точно, какъ разнородные населенцы органическаго царства. Ни одно изъ нихъ не обезпечено въ своихъ правахъ, ни одно не ограждено безопасностью: повсюду пропасти или камни преткновенія, о которые разбиваются самыя добродѣтельныя мысли и поступки. Въ домашнемъ быту слабость совершенно лишена защиты. Образованность наша, презирая всякія положительныя учрежденія общежитія, отвергая всякое дѣй-

ствіе человѣческаго закона на нравственное поведеніе, избрала умъ и честь для удержанія въ порядкѣ этихъ враждебныхъ началъ; она довѣрила имъ все спокойствіе частной жизни: слабыя орудія! — они едва могутъ прикрыть безпорядокъ, едва въ силахъ удержать общество, чтобъ оно безстыдно не сорвало съ себя личины благопристойности, которою обманываетъ насъ и себя на счетъ безопасности общаго нашего положенія. Я, конечно, не проповѣдую Китайскаго Устава о десяти тысячахъ церемоній, но не могу не видѣть, что умъ и честь, внѣ Китайской Стѣны, дурно исполняютъ свою обязанность въ отношеніи къ нашему счастію. Эта бѣдная Зенеида!.... Она просто жертва неопредѣленности нашего быта! Живая утопленница зыбкихъ его формъ, окруженная неизбѣжною погибелью, еще борющаяся съ волнами страшнаго хаоса и въ лицѣ погибели хватающаяся за подмытые утесы, которые обрушаются и дробятся въ ея рукахъ! Уже наша образованность обманула ее своимъ призракомъ супружескаго счастія; уже смолола ея существованіе въ своей пасти, и бросила его безъ всякой доски въ омутъ домашняго насилія: теперь она еще увлекаетъ ее далѣе и далѣе, въ новыя, гораздо ужаснѣйшія испытанія!.... Какъ-бы подать ей руку? Какъ спасти ее?.... Всему этому причиною безтолковыя условія общества, которое украшаетъ она собою, и которое оставило ее безъ защиты! Необходимость устроить такъ называемымъ приличнымъ образомъ судьбу сестры, принудила ее хорошо принимать меня въ домѣ, потому что я молодъ и богатъ, — тогда, какъ личная ея безопасность повелѣвала ей запретить входъ въ него всякому мужчинѣ!... И что бы изъ этого вышло, если бъ я, случайно, не сохранилъ въ себѣ юношескаго энтузіязма къ добродѣтели, если бъ не составилъ себѣ собственнаго своего понятія о чести, или былъ развращеннѣе только двумя годами?.... Нѣтъ! она не пострадаетъ: я беру ее подъ

защиту моей чести. Но вы, господа мужья, которые посылаете вашихъ женъ на дачи, чтобъ удобнѣе предаваться въ городѣ вашимъ страстямъ, разврату или честолюбію; которые не заглядываете къ нимъ по цѣлымъ недѣлямъ, — какъ часто, какъ жестоко бываете наказаны!....

Я, по истинѣ, не зналъ, что съ собою дѣлать, и какъ исторгнуть бѣдную Зенейду изъ этого плачевнаго состоянія души. Я готовъ былъ тотчасъ пожертвовать собою, и предложить свою руку молодой Лизѣ: быть-можетъ, Зенейда мало-по-малу привыкнетъ къ родственнымъ сношеніямъ съ врагомъ своего спокойствія, и, въ чистомъ своемъ воображеніи, назоветъ братнею любовію то чувство, которое теперь разоряетъ ея сердце и усугубляетъ несчастіе?.... Но въ такомъ случаѣ надобно пожертвовать и невинною Лизою! — я не могу любить ее; я буду принужденъ обманывать ее всю жизнь; за любовь, которою юная и пламенная душа ея окружитъ меня, злосчастнаго, она не найдетъ на груди своего супруга ни одного пламеннаго, ни одного искренняго пожатія! Можно ли надѣяться, что ревность не прольетъ новой чаши яду въ сердце Зенейды?.... Она не могла даже вымолвить, что я буду любить другую! Страсть пылаетъ въ ней со всею силою, — съ цѣлымъ напряженіемъ жизни, личной обиды и домашняго несчастія. Боже мой! Боже мой! что будетъ съ нею, когда къ судорожнымъ усиліямъ, которыя употребляетъ она теперь для подавленія въ себѣ пожирающаго ее пламени, присоединятся еще мученія ревности!... Но съ другой стороны непреоборимая преграда кровной связи, можетъ-статься, внушитъ ей болѣе довѣрія къ собственнымъ силамъ, и она восторжествуетъ надъ собою?... Я терялся въ соображеніяхъ, и, думаю, былъ несчастнѣе самой Зенейды. Жестокое положеніе!.... И оно было чистый результатъ формъ нашей образованности. Тутъ завязка драмы состояла

не въ игрѣ случайныхъ препятствій; — нѣтъ! это было единоборство, на жизнь и на смерть, Природы съ нравственнымъ безпорядкомъ утонченно-образованнаго общества, препоручившаго свой частный бытъ одному уму и слабой его помощницѣ, — чести. Умъ и честь, однако жъ, всегда почти бываютъ постыдно опрокинуты на землю въ этой неровной борьбѣ. Тогда общество, съ отчаяніемъ въ лицѣ, прибѣгаетъ на поле сраженія, чтобъ закрыть шитою золотомъ полою низложеніе своихъ слугъ и дать имъ время приподняться съ грязи. Оно спасло ихъ сегодня въ одномъ мѣстѣ; на другой день они опять лежатъ въ двухъ шагахъ оттуда подъ ногами гордой Природы. Скоро ли дойдемъ мы этимъ путемъ къ идеальному совершенству?

Я не видалъ Зенеиды нѣсколько дней сряду, и не искалъ встрѣчи съ нею. Впрочемъ, и сама она не показывалась.

Они съѣзжали съ дачи 25 Августа. Я намѣревался прожить за городомъ еще десять дней. Уединеніе въ мѣстѣ, освященномъ ея страданіями, обѣщало моему воображенію какую-то прелесть ночнаго ужаса на кладбищѣ: я желалъ насладиться ею непремѣнно.

Наканунѣ того дня, мужъ ея пришелъ ко мнѣ, и обременилъ меня упреками, что я ихъ забываю. Онъ всегда былъ чрезвычайно вѣжливъ со мною, — и мнѣ кажется, что мысль женить меня на Лизѣ первоначально родилась въ его головѣ!..... Я долженъ былъ отобѣдать съ ними: пріѣхало еще нѣсколько человѣкъ гостей изъ города. Зенеида была блѣдна какъ смерть. Мы не смѣли взглянуть другъ на друга.

Послѣ обѣда, всѣ мы пошли гулять въ садъ. Я примѣтилъ въ ней безпокойство: она, казалось, хотѣла переговорить со мною. При первой удобности, когда толпа гуляющихъ разсѣялась по узкой дорожкѣ, которою мы шли, я поровнялся съ нею. При по-

воротъ на другую дорожку, мы благополучно очутились впереди нашихъ спутниковъ. За нами шла Лиза съ какою-то незнакомою барышнею: онѣ разговаривали объ осеннихъ шляпкахъ.

— Я желала сказать вамъ два слова.

— Я это примѣтилъ.

— Вы, по несчастію, удивительно какъ все примѣчаете!..... Могу ли я полагаться на ваше великодушіе?

— Сударыня, полагайтесь на мой долгъ и на мое къ вамъ уваженіе.

— Скажите мнѣ правду: просилъ ли васъ мой мужъ посѣщать насъ въ городѣ?

— Нѣсколько разъ.

— Вы ему обѣщали?

— Отъ всей души!

— И вы намѣрены сдержать обѣщаніе, — не правда ли?....

Я не отвѣчалъ ни слова.

Она быстро взглянула на меня: глаза ея мгновенно наполнились росою, сквозь которую вдругъ пробились лучи удивительнаго свѣта, и проникли до глубины моего сердца. Она была въ сильномъ волненіи.

— Я прибѣгаю къ вашему великодушію!.... Здѣсь объясненія не нужны..... Вы знаете все.... Ахъ, вы все знаете!!..... Я несчастна: болѣе не могу сказать вамъ.... Но если еще смѣю называть васъ другомъ.... Да! вы не можете быть врагомъ моимъ!.... Именемъ этой дружбы заклинаю васъ, сжальтесь надъ несчастною, надъ самою несчастною женщиною въ мірѣ!....

— Довольно, довольно! Вы желаете, чтобъ я не сдержалъ моего слова?.... такъ ли?.... Будьте совершенно спокойны: это давно уже рѣшено въ душѣ

моей. Мы никогда не увидимся, и я беру на себя всѣ послѣдствія.

— А!!.... У меня отлегло сердце!.... Я не обманулась въ разсужденіи васъ..... Я была въ томъ увѣрена!....

Разговоръ такого рода не могъ быть продолжителенъ. Мы слишкомъ хорошо понимали другъ друга, и долѣе не могли мучить себя словами. Казалось, будто громъ упалъ въ нашу грудь, и будто въ то же самое время мы были спасены отъ какой-то погибели. Мы шли въ безмолвіи минутъ десять: потомъ говорили о погодѣ, говорили о росѣ, говорили о занимательности осенней пестроты деревъ.....

— Я еще въ долгу передъ вами.

— Какъ! что такое, сударыня?

— Помните, кольцо вашей сестры?.... Мнѣ его отдали; я все хотѣла отослать его къ вамъ, и потеряла. Но, вмѣсто его, я купила другое, которое прошу васъ принять въ замѣну потеряннаго.....

Она вынула изъ платка гладкое золотое кольцо со звѣздочкою наверху, и подала его мнѣ робкою рукою.

Я взялъ его.

— Нужды нѣтъ! сказалъ я съ натянутою холодностію. Оно всегда будетъ считаться у меня сестринымъ кольцемъ.

Удовольствіе мелькнуло на прекрасномъ ея челѣ.

Я все лѣто видѣлъ это кольцо на пальчикѣ Зенеиды, и она, казалось, была мнѣ очень благодарна, что я притворился, будто не узнаю его.

Возвратясь къ крыльцу дома, я простился съ хозяиномъ, и сказалъ ему, что намѣренъ уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Петербурга..... О, кто мнѣ

теперь укажетъ то волшебное сіяніе, какимъ при этихъ словахъ озарилось ея лице! Радость прыснула изъ ея взоровъ струею радужныхъ искръ. Она торжествовала; она видѣла, что самовластно располагаетъ мною..... Несчастная! она была благодарна за то, что я вонзалъ ей ножъ въ сердце по ея приказанію.

Прошло полтора года: я не выѣзжалъ изъ Петербурга, но совершенно оставилъ общества, въ которыхъ безъ нея не предвидѣлъ для себя удовольствія, и гдѣ однако жъ боялся встрѣтиться съ нею. Я мучился, я грустилъ, плакалъ, приходилъ въ отчаяніе, – даже былъ боленъ. Потомъ мнѣ казалось, будто я забылъ объ ней, – и двадцать разъ въ день повторялъ я про себя: – Да! я забылъ объ ней!.....

Это, какъ говорятъ многіе, ничтожное событіе сообщило моей жизни совсѣмъ другое направленіе: прежде я существовалъ въ свѣтѣ для людей, то есть, для себя; теперь пристрастился къ Наукамъ, къ Словесности, къ размышленію, сталъ даже писать со скуки, и жилъ совершенно для себя, то есть, для людей. Я писалъ! Любители чтенія меня читали; любители Словесности меня преслѣдовали: все было, какъ должно быть, и очень весело.

Въ городѣ свирѣпствовала нервическая горячка. Я занемогъ, и чуть не умеръ. Въ припадкахъ бреда, мнѣ грѣзилось, что на какомъ-то балѣ я вальсирую съ Зенеидою: на другой день сказывалъ мнѣ каммердинеръ, что я кружился по комнатѣ съ подушкою. Однажды, я увѣрялъ доктора, что иду за ея гробомъ на кладбище, и описывалъ ему всѣ подробности погребальнаго шествія. Я выздоровѣлъ, послѣ трехмѣсячной болѣзни, и всѣ видѣнія кончились.

Выздоравливая, я тоже думалъ о Зенендѣ, но совсѣмъ иначе: любимая моя мечта была, – представлять ее себѣ счастливою, веселою, забывшею обо мнѣ, и только по-временамъ воспоминающею о существованіи гдѣ-то на землѣ, въ неопредѣленномъ мѣстѣ, совершенно преданнаго ей человѣка.

Весна случилась прекрасная: я скоро началъ выѣзжать, и разъ вздумалъ навѣстить одну родственницу, которая всегда была дружна съ семействомъ Зенеиды. Я надѣялся услышать отъ нея что-нибудь о той, которой образъ и идеальное счастіе съ такою отрадою лелѣялъ въ своемъ воображеніи. Еще до моей болѣзни я слышалъ, что мужъ ея оставилъ свою любовницу: мнѣ пріятно было предполагать, что теперь онъ хорошо живетъ съ женою. Впрочемъ, я рѣшился самъ ни объ чемъ не спрашивать.

Въ передней засталъ я чужаго лакея въ траурѣ, и не обратилъ на него вниманія. Я вошелъ въ гостиную безъ доклада. На диванѣ, подлѣ моей родственницы, сидѣла молодая и прекрасная собою дама, также въ траурѣ. Лице ея казалось мнѣ знакомымъ, и недовѣрчивое любопытство, съ какимъ всматривалась она въ меня, произвело во мнѣ какое-то раздражительное дѣйствіе: я приписывалъ его слѣдствіямъ болѣзни, чрезвычайно усилившей чувствительность моихъ нервовъ. Вдругъ хозяйка, случайно, произнесла мою фамилію.

– А!!.... Такъ это вы? воскликнула незнакомая дама съ радостнымъ движеніемъ тѣла. Вѣрно меня не узнаете?

Я узналъ ее по голосу: то была Лиза. Какъ она выросла, какъ пополнѣла!.... Ей тогда было только восемнадцать лѣтъ, но она казалась двадцати двухъ или трехъ. Я извинился передъ нею обыкновенными фразами, будучи еще не въ силахъ сочинять новыя.

— Но я васъ вижу въ этомъ печальномъ нарядѣ! По комъ это?

У доброй дѣвушки слезы градомъ покатились по розовому личику; она сказала со вздохомъ:

— По моей сестрѣ, Зенендѣ!

— По Зенендѣ!!.... Она умерла?

— Уже пятый мѣсяцъ!

Страшный огонь пробѣжалъ у меня отъ мозга по всѣмъ жиламъ, и вспыхнулъ подобно пороху въ желудкѣ, заливая всю внутренность удушливымъ жаромъ нервическаго припадка; голова закружилась; я чуть не лишился чувствъ. Съ трудомъ соединилъ я разбѣжавшіяся изъ тѣла силы, чтобъ распросить о подробностяхъ. Лиза рыдала, разсказывая мнѣ объ ея кончинѣ; я закрылъ глаза платкомъ; хозяйка оставила насъ однихъ въ гостиной, не желая быть свидѣтельницею невеселой сцены. Бѣдная Зенида занемогла тою же болѣзнію, какъ и я, только двумя сутками прежде меня, и умерла на девятый день. Первые семь дней провела она въ безпамятствѣ; два послѣдніе, пользовалась совершеннымъ присутствіемъ духа, предчувствовала свой конецъ, и говорила объ немъ равнодушно, — даже съ удовольствіемъ, — какъ объ избавленіи своемъ отъ горькой и несносной жизни. Лиза въ особенности была озлоблена на ея недостойнаго мужа: она приписывала ея смерть огорченіямъ, обидамъ и жестокому рабству, подъ которыми покойная безпрерывно стонала, хотя никогда не жаловалась на свое положеніе, стараясь до послѣдней минуты извинять супруга передъ собою и обезпечивать для него уваженіе остающихся въ живыхъ. Она сообщила мнѣ нѣсколько такихъ гнусныхъ подробностей объ его жестокомъ поведеніи съ добродѣтельною и нѣжною женою, что я содрогнулся всѣмъ тѣломъ. Те-

перь онъ чувствуетъ всю важность своей потери, и приходитъ въ отчаяніе. Киргизецъ!.....

– У меня есть къ вамъ одно порученіе, присовокупила она.

– Что такое, сударыня?

– За два часа до смерти, бѣдная моя Зенеида приказала мнѣ спросить у васъ, если когда нибудь съ вами увижусь: у васъ ли та зеленая книга, которую потеряла она на дачѣ въ 18** году? Если она у васъ, то Зенеида приказала васъ просить, чтобъ вы сохранили ее навсегда и никому не отдавали.

– Ахъ, она у меня!..... У меня эта святая книга, и она никогда не разлучится со мною.....

Я не могъ сказать болѣе ни слова: мнѣ дѣлалось дурно..... Лиза еще довершила мое разстройство, описывая съ чувствомъ разныя обстоятельства кончины несчастной сестры. За часъ до смерти она простилась съ родными и домашними: мужъ ея, вѣроятно пожираемый угрызеніемъ совѣсти, не могъ вынести зрѣлища умирающей жены, которую такъ жестоко обидѣлъ, такъ измѣнически ограбилъ со всей сладости жизни: онъ заперся плакать въ своемъ кабинетѣ и только отъ времени до времени приходилъ посмотрѣть на нее минутку, въ раздирающемъ уныніи. Лиза одна сидѣла у ея постели. Чувствуя въ груди послѣдній пылъ угасающей жизни, Зенеида просила сестру принести къ ней изъ ящика, въ которомъ хранились ея драгоцѣнности, тонкое гладкое кольцо, съ эмалевою чертою вокругъ и съ надписью внутри, «Александра»: по этимъ примѣтамъ я не могъ не узнать кольца моей сестры, которое нѣкогда потерялъ съ пальца на ихъ дачѣ. Лиза вынула его изъ ящика.

– Возьми мою руку, Лиза! сказала она слабымъ

голосомъ, силясь улыбнуться въ послѣдній разъ. Она уже холодна?.....

– Да! отвѣчала Лиза уныло.

– Она уже умерла!..... примолвила злополучная. Теперь она свободна..... Теперь она не принадлежитъ..... никому въ свѣтѣ!..... никому!..... Я могу располагать ею.....

Она просила Лизу надѣть ей это кольцо на охладѣлый палецъ и имѣть попеченіе, чтобъ его не сняли по ея кончинѣ.

– Я желаю носить его..... на томъ свѣтѣ..... въ могилѣ.....

То были послѣднія ея слова, которыхъ уже она не кончила: нечаянно повторенныя предо мною Лизою, они лишили меня чувствъ. Я упалъ съ креселъ. Когда свѣтъ опять проникъ въ мои зѣницы, я увидѣлъ себя въ своей спальнѣ, на постели. Подлѣ меня сидѣлъ незнакомый докторъ, и скоро вошла ко мнѣ моя родственница, у которой случилось это со мною. Я узналъ, что, при этихъ словахъ, глаза у меня запылали; лице, блѣдное какъ снѣгъ, искривилось ужаснымъ образомъ, волосы съѣжились на головѣ, и я судорожно схватилъ зубами кольцо, бывшее у меня на пальцѣ, – данное мнѣ нѣкогда Зенендою въ замѣнъ моего, – и держалъ его такъ крѣпко, что съ трудомъ вырвали у меня изо рта согнутый колѣномъ палецъ, когда устрашенная Лиза подняла своимъ крикомъ весь домъ моей родственницы. Г-жа Х*** не понимала, что это значитъ: я обѣщалъ ей объяснить послѣ.

Сильная невральгія, – самый мучительный и жестокій недугъ измятаго образованностью человѣка, – былъ послѣдствіемъ этого свиданія съ сестрою покойницы. Лекарства принесли мнѣ нѣкоторое облегченіе, но корень болѣзни навсегда остался въ моихъ истерзанныхъ нервахъ. Теперь я съ пользою могъ бы

быть повѣшенъ на стѣнѣ въ кабинетѣ ученаго испытателяПрироды, и служить ему превосходнѣйшимъ въ мірѣ барометромъ и электрометромъ. Никто лучше меня не въ состояніи сказать, сколько сырости и электричества въ атмосферѣ; я слышу громъ за четверть часа до отраженія его треска въ нижнихъ слояхъ воздуха. Иногда скрипъ пера по бумагѣ кажется мнѣ громомъ..... Варвары не могутъ ощущать такой ученой болѣзни.

— Дѣло конченное! сказалъ я про себя, какъ скоро силы позволили мнѣ разсуждать нѣсколько связно. Рѣшено! я никогда не женюсь: она моя жена!..... Она отдала мнѣ свою мертвую руку, и я не отрину этого драгоцѣннаго, добродѣтельнаго дара. Ея образъ, ея тѣнь, трупъ ея, будутъ сопутствовать моей жизни, какъ звѣзда странникамъ, идущимъ безконечною пустынею на поклоненіе колыбели Мессіи!.....

Одно лѣто, проведенное на дачѣ, для забавы, дало такой дивный оборотъ цѣлой моей жизни!..... Я не вѣрю многому, — не считая безпристрастія, пользы театра для нравовъ и «Промысла народовъ», — но что-то непонятное, однако отнюдь не сверхъ естественное, связывало и связываетъ мое существованіе съ этою женщиною. Съ перваго дня нашего знакомства мы страстно, безпредѣльно любили другъ друга, хотя никогда слово «любовь» не выходило изъ нашихъ устъ, никогда нескромный взглядъ не объявлялъ того, чего уста произнести не смѣли. Безъ словъ, мы понимали себя такъ ясно, что ни малѣйшая мысль не могла родиться въ умѣ одного, не бывъ тотчасъ извѣстною другому, когда бывали мы вмѣстѣ; — а раздѣленныхъ пространствомъ, безъ всякаго вещественнаго сообщенія, скажите мнѣ, какая волшебная цѣпь невидимо окружала наши жизни и сковывала ихъ въ одну жизнь? Эта одинако

вая болѣзнь въ одно и то же время, – эта ея увѣренность въ минуту самой смерти, что я люблю ее и теперь, какъ прежде, хотя и прежде никогда не говорилъ ей объ этомъ, – это видѣніе въ бреду, будто я слѣдую за ея гробомъ, именно въ тотъ самый день, когда душа ея улетѣла на небо!..... Мой докторъ утверждалъ, что все это вещь очень понятная; что это магнетизмъ, животное электричество, симпатія, восторженіе нервнаго сока: словомъ, именно то нѣчто-такое, которое есть, – есть! – но чего схватить, ни понять никакъ невозможно.

– Теперь понимаю! отвѣчалъ я ему.

– Вы помните исторію того Нѣмецкаго монаха, о которомъ упоминаетъ Бюффонъ? Того, который отъ продолжительнаго цѣломудрія вдругъ, не учась музыкѣ, сталъ превосходно играть на всѣхъ инструментахъ и пѣть лучше Г-жи Каталани? – и потерялъ эти чудесныя свойства, нарушивъ чистоту плоти? Это тоже одна изъ тѣхъ очень понятныхъ вещей, которыхъ никакъ нельзя понять.

– Понимаю!

– Вы знаете, что многіе, въ порывѣ сильной любви, писали прекрасные стихи и отличныя картины, или разрѣшали алгебраическія задачи, хотя до пароксизма и по его прошествіи ни писать, ни читать, ни даже счесть до десяти не умѣли?

– Понимаю!

– Постойте. Гдѣ ваша соната?

– Какая?

– Та, которую часто играли вы мнѣ на фортепіано.

– Sonnata del diavolo?

– Да! Чертовская соната!..... Ну, вотъ она! Знаете ли ея исторію? Тартини, весьма посредственный музыкантъ, долго мучился и не могъ сочинить

ничего порядочнаго. Онъ легъ спать, и ему приснилось, будто чортъ, пришедши къ нему въ гости, взялъ скрыпку и сыгралъ надъ самымъ его ухомъ восхитительную сонату. Онъ проснулся, и тотчасъ положилъ на ноты слышанную во снѣ музыку. Тартини во всю жизнь не сочинилъ ничего подобнаго. Эта соната произведеніе геніяльное. Какъ же это сталось?..... Вы понимаете!

— Понимаю!

— Вы мнѣ сказывали сами, что лично знали извѣстную Г-жу Беркманнъ, жену извѣстнаго часоваго мастера, о которой извѣстнѣйшій изъ извѣстныхъ, Докторъ Іосифъ Франкъ, столько писалъ въ Вѣнскихъ и Лейпцигскихъ Журналахъ. Вы знаете, что, во время своего эпилептическаго сна она говорила и читала книги на всѣхъ языкахъ; переводила съ Греческаго, Латинскаго, Халдейскаго, Бискайскаго, и прочая; объясняла составныя части химическихъ смѣсей, положенныхъ у ней на груди подъ ложкою; видѣла насквозь внутренность особъ, стоящихъ передъ нею, и описывала кроющіяся въ ихъ тѣлѣ поврежденія, и такъ далѣе. Безъ-сомнѣнія, вы были сами свидѣтелемъ этихъ чудесныхъ явленій?

— Нѣтъ! Я былъ раза три у Г-жи Беркманнъ, и въ тѣ дни, какъ нарочно, пароксизмъ не удавался. Но я очень хорошо понимаю это.

— Вы можете еще прибавить къ нимъ Нѣмецкаго мужика Мюллера, который въ началѣ нынѣшняго столѣтія предсказалъ политическія перемѣны, сбывшіяся потомъ въ 1813 и 1814 годахъ; Французскаго поселянина, который предостерегалъ Лудовика XVIII о погибели, угрожавшей Герцогу Беррійскому; молодую Княжну Любомирскую, падавшую всегда въ обморокъ при видѣ дверей, въ которыхъ въ послѣдствіи она погибла; Французскаго посла въ Лондонѣ, съ которымъ случалось то же самое, когда его брилъ молодой Англій-

скій цырюльникъ, какъ потомъ оказалось, родной его сынъ, потерянный въ Германіи; наконецъ многочисленные примѣры лицъ, видѣвшихъ и описывавшихъ другимъ кончину своихъ отцовъ, матерей и сестеръ, которые въ ту самую минуту разставались съ жизнію въ отдаленной странѣ. Сообразите все это, и тогда еще легче постигнете вы то, что теперь приключилось съ вами. А что касается до причины подобныхъ явленій, то вы понимаете ее такъ же хорошо, какъ и я.

— Какъ не понимать!...

Но едва докторъ уходилъ изъ спальни, я опять не понималъ ничего, и вѣрилъ только въ любовь, — въ которую и теперь вѣрю, — болѣе чѣмъ когда либо!.....

Я былъ неутѣшенъ, но спокоенъ, — спокоенъ, какъ любовникъ, который уже не боится разстаться съ предметомъ своей страсти. Казалось, я обладалъ Зенеидою, и она была моя навсегда. Какъ скоро находился одинъ въ своей комнатѣ, или оставлялъ занятіе, чтобъ предаться думѣ, я думалъ о Зенеидѣ, и тотчасъ ощущалъ ея присутствіе, — и былъ счастливъ. Это состояніе продолжается со мною и до сихъ поръ. И странное дѣло! — на улицѣ, въ полѣ, въ чужомъ домѣ, я не могу наслаждаться этою мечтою: тамъ мнѣ скучно; я спѣшу домой, бѣгу къ моей мечтѣ, какъ къ возлюбленной супругѣ, ожидающей меня съ тоскою въ сердцѣ и всегда готовой принять вѣрнаго друга въ пламенныя свои объятія: удаляюсь въ кабинетъ, запираю дверь, и моя мечта является ко мнѣ съ свѣтлою, розовою улыбкою. Нѣтъ сомнѣнія, что духъ Зенеиды обитаетъ въ моемъ домѣ!

Судьба Лизы очень меня озабочивала, и даже приводила въ большое затрудненіе. Она была не богата, и, потерявъ сестру, теряла все. Родня ея была слишкомъ богата и знатна, чтобъ могла пособить ей. Дочь разорившихся родителей — самое несчастнее созданіе въ

свѣтѣ! Зенеида, такъ сказать, завѣщала мнѣ Лизу: теперь бы я долженъ былъ предложить мою руку..... Нѣтъ! это сверхъ моихъ силъ!..... Посчастно, я узналъ, что она была уже помолвлена за одного тогдашняго Флигель-Адъютанта, храбраго и честнаго офицера, котораго уважалъ я отъ всей души. Она теперь счастлива.

Но мнѣ всегда хотѣлось увидѣть гробницу моей Зенеиды, и я не имѣлъ смѣлости отправиться на Смоленское. Я боялся, что не вынесу вида ея могилы: притомъ, какая-то невидимая сила всегда внезапно и непреоборимо останавливала меня въ самомъ намѣреніи. Холодный потъ выступалъ на челѣ, при одной мысли о путешествіи на кладбище. Я сказалъ о томъ однажды моему доктору, и онъ не совѣтовалъ мнѣ дѣлать опыта, утверждая, что когда, при такомъ какъ у меня состояніи нервныхъ соковъ, самое предчувствіе противно исполненію этого долга памяти о другѣ, то не слѣдуетъ пренебрегать голосомъ Природы: это можетъ быть одно изъ тѣхъ ясновидѣній, въ которыя я и онъ не вѣримъ, — одна изъ тѣхъ непонятныхъ вещей, которыя очень хорошо понимаются, — словомъ, одна изъ тѣхъ глупостей, которыя иногда бываютъ умнѣе сорока умныхъ вещей.

— Съ вами можетъ случиться несчастіе, сказалъ докторъ: ваши соки не даромъ боятся Смоленскаго кладбища.

— Пустое, любезный Эскулапъ! Мои соки не любятъ Смоленскаго, потому, что знаютъ, что когда-нибудь прійдется имъ изсякнуть въ его пескѣ.

— Но вы можете подвергнуться возврату прежней сильной невральгіи, а я не люблю, когда мои годичные паціенты хворяютъ.

— Я обѣщаю вамъ быть здоровымъ круглый годъ не въ счетъ нашихъ условій.

Я велѣлъ заложить коляску, и поѣхалъ на Смоленское. У самыхъ воротъ, мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что я принужденъ былъ скорѣе воротиться домой, и опять слегъ въ постель.

Съ тѣхъ поръ, я не пытался болѣе проникнуть въ ограду кладбища, но завелъ для себя особый родъ прогулки: въ хорошую погоду ѣздилъ на Васильевскій Островъ, оставлялъ коляску въ седьмой или осьмой линіи на Маломъ Проспектѣ, и оттуда ходилъ пѣшкомъ до воротъ кладбища, отъ которыхъ поворачивалъ назадъ, отправлялся къ экипажу, и уѣзжалъ домой или въ городъ. Такъ провелъ я пять лѣтъ.

Эти таинственныя прогулки, всегда въ одно время, всегда въ одно мѣсто и съ одинаковыми обстоятельствами, довольно похожими на мѣры предосторожности, крайне удивляли моихъ людей и подстрекали ихъ любопытство. Мой каммердинеръ всегда *горько* улыбался, — онъ читалъ мои Русскіе Романы, и, негодяй, до тѣхъ поръ кривлялъ губы передъ зеркаломъ, пока не выучился, по точной мысли автора, улыбаться чистымъ перцомъ, — мой, говорю, каммердинеръ горько улыбался, когда я приказывалъ кучеру ѣхать къ Исакіевскому Мосту, потому что, какъ говоритъ пословица, которую я самъ выдумалъ на прошедшей недѣлѣ: «у всякаго смертнаго человѣка есть своя Нѣмочка на Васильевскомъ Острову!» Мнѣ надоѣли его горькія улыбки.

Я счелъ нужнымъ оправдать свое поведеніе передъ коварными слугами, и рѣшился впередъ оставлять экипажъ въ такомъ мѣстѣ, откуда бы мой кучеръ могъ видѣть всю невинность моихъ путешествій.

Въ Маѣ 18** года, по обыкновенію, поѣхалъ я на Островъ, въ исходѣ третьяго часа по-полудни. День былъ прелестный. Я приказалъ везти себя другимъ путемъ, по Большому Проспекту, и остановиться у Финляндскихъ казармъ. Оттуда пошелъ я тихо, задумчиво,

печально, по направленію къ кладбищу. Только одна тропинка была суха въ этомъ мѣстѣ, и на ней приходилось довольно часто миноваться съ мужиками и гуляющими островитянками, — что не весьма мнѣ нравилось. Однако, я пошелъ далѣе, чтобъ подать моему кучеру примѣръ хорошей нравственности. Пройдя тысячу шаговъ, увидѣлъ я впереди даму въ черной шляпкѣ и клокѣ особеннаго цвѣта, нѣсколько мнѣ знакомомъ. Она была одна, безъ лакея, и шла очень тихо мнѣ на встрѣчу. Я началъ высматривать поблизости себя сухое мѣсто, куда бы могъ посторониться для нея съ тропинки. Мы скоро поровнялись. Чтобъ пропустить ее, я остановился, и не смотрѣлъ ей въ лице, изъ учтивости. Она тоже остановилась.

— Вы уже на меня не смотрите! сказала она голосомъ, который разорвалъ мнѣ сердце.

Я приподнялъ глаза.

— Зенеида!!!.....

Я оледенѣлъ. То была она!.... Она! — та же, какъ семь лѣтъ тому назадъ, молодая, свѣжая, розовая, съ тѣми же голубыми глазами, — чистыми и голубыми, какъ пучины Средиземнаго Моря, — съ тою же плѣнительною улыбкою! Я видѣлъ ее наяву, среди бѣлаго дня, — видѣлъ, и не могъ не сомнѣваться. Но испугъ потушилъ во мнѣ голосъ; уста мои были заклеймены холоднымъ и тяжелымъ свинцомъ; я стоялъ неподвижно, подобно надгробному памятнику. Она смотрѣла мнѣ въ глаза, и улыбалась, какъ солнце.

— Что жъ вы меня боитесь? сказала она.

Я долго еще стоялъ въ безмолвіи, которое еще болѣе усиливало ея веселость. Наконецъ произнесъ робкимъ голосомъ:

— Мнѣ сказали, что вы умерли!

– Кто вамъ сказывалъ это?

– Лиза, всѣ!

– Я умерла для всѣхъ, но для васъ я жива.

Говоря это, она опять улыбалась такъ прелестно, – такъ нѣжно на меня глядѣла, что я не зналъ, что думать.

– Да, мой другъ! сказала она съ умильною грустію, перемѣняя и голосъ и выраженіе лица. Шутки въ сторону, тебѣ сказали правду: я умерла!... Не вѣришь? На, дай мнѣ руку!

Я снялъ перчатку, обливаясь холоднымъ потомъ по всему тѣлу, и подалъ ей руку, которую она легонько пожала: это пожатіе оставило на моихъ пальцахъ ощущеніе долгаго тренія кускомъ льду по кожѣ.

– Видишь, что я умерла! присовокупила она, опять мило улыбаясь. Не бойся меня, мой другъ, мой добрый другъ!... Развѣ я не твоя жена?

– Да, Зенеида! воскликнулъ я, вдругъ воспламенясь всею силою моей любви: ты моя жена!... Нѣтъ, я тебя не боюсь! Я только изумился! Ты мечта моей жизни; ты наполняешь всю ее собою....

– Мой добрый Н***! прервала она, нѣжно прислонясь ко мнѣ и взявъ меня подъ руку. Я знаю, что ты меня любишь, и твоя любовь мнѣ жизнь по смерти. Я движусь твоею любовью: когда ты перестанешь любить меня, я не поднимусь болѣе изъ гроба; я тотчасъ разсыплюсь въ сѣрый прахъ.... Зачѣмъ прежде не хаживалъ ты гулять по этой дорожкѣ?.... Я бы давно вышла тебѣ на встрѣчу. Тамъ мнѣ ходить не ловко: тамъ много народу..... и безпрестанно проѣзжаютъ покойники.... Хочешь ли проводить меня въ мой домикъ?

– Да, мой ангелъ; хочу!

Она пустила мою руку, и поворотила къ кладбищу: я пошелъ за нею. Сердце страшно трепетало въ моей

груди. Слишкомъ полчаса шли мы тою же тропинкою, и я, среди счастія, восторга, среди упоенія, котораго ни какое перо описать не въ силахъ, – которое легко постигнутъ только души, сильно любившія, – я всячески, даже для обезпеченія моего счастія, старался объяснить себѣ здоровымъ разсудкомъ случившееся со мною приключеніе. Я долго думалъ, – думалъ на разные способы и системы, – и принужденъ былъ сознаться, что это ужъ одна изъ тѣхъ непонятныхъ вещей, которыя даже и не понимаются!..... Въ возможности ея не могъ я сомнѣватся, – это было днемъ и въ виду людей! – но она разрушала всѣ основанія вѣроятности и правдоподобія, что̀, съ другой стороны, иногда подвигаетъ дѣло ближе къ истинѣ. «Воображеніе человѣка, говоритъ «одинъ Московскій философъ, еще не представляло себѣ «невозможнаго: чего не было или нѣтъ, то сбудется.» Послѣ этого я пересталъ и думать.

Взойдя на кладбище, она опять подала мнѣ руку. Мы миновали множество надгробныхъ памятниковъ, не глядя даже на нихъ: у насъ было столько, что сказать другъ другу!..... «Тебя тутъ не было, когда меня привезли сюда!» говорила добрая Зенеида. «Ты былъ боленъ, и я очень боялась, чтобъ ты не умеръ..... Я очень сожалѣла, что тебя не было на мосмъ балѣ. То былъ мой балъ, мой свадебный балъ! Какъ мнѣ было легко на сердцѣ и отрадно!..... Страданія мои кончились, – ужасныя страданія! – ты ихъ знаешь!..... Для меня начиналась новая жизнь: я чувствовала, что теперь я твоя; что уже никто не имѣетъ надо мною права, кромѣ твоей любви, которой обязанъ я всѣмъ. Я теперь счастлива; я награждена за свою добродѣтель, и вижу Того, кого ты не можешь видѣть, – но котораго и ты увидишь!...» Мы пришли къ одному небольшому, но чрезвычайно красивому памятнику, и остановились. Она указала пальцемъ на надпись.

— Вотъ злополучное имя, подъ которымъ столько я страдала! Этотъ человѣкъ дѣлалъ все, что могъ, чтобъ погубить меня. Я стояла на краю пропасти: ты спасъ меня!..... Я молю Всевышняго за тебя денно и нощно: не бойся, мой другъ; люди не могутъ ничего тебѣ сдѣлать; я сторожу тебя. Знаешь ли? — я твой ангелъ хранитель!

Я смотрѣлъ ей въ глаза, и плакалъ. Мы обошли кругомъ памятникъ. Она взяла меня за руку, топнула ножкою, и мы вдругъ опустились подъ землю. Я очутился съ нею въ небольшой квадратной комнатѣ, озаренной прекраснымъ свѣтомъ, хотя въ ней не было ни окна, ни видимаго отверзтія. Комнатка снизу до верху была убрана цвѣтами, разливавшими въ воздухѣ упоительное благоуханіе. Въ углу, на маленькомъ пьедесталѣ, стояло распятіе; съ боку, закрытый розовый гробъ, обитый богатыми серебряными галунами. Я узналъ его: я видѣлъ этотъ гробъ въ горячкѣ!...

Вотъ моя кровать! сказала она: присядь на ней со мною; у меня нѣтъ другой мебели. Теперь ты видишь мой домикъ! Онъ не такъ великолѣпенъ, какъ твои комнаты, но здѣсь весело жить доброму. Останься здѣсь, другъ мой, со мною!... Хочешь ли здѣсь остаться?

— Хочу! ахъ, хочу! воскликнулъ я: къ людямъ возвращаться я не желаю! Здѣсь чувствую я себя проникнутымъ такою возвышенною, неизъяснимою радостью, которой на землѣ мы не знаемъ; какою-то сладкою, огненною жизнію!..... Я здѣсь останусь съ тобою. Не высылай меня отсюда, добрая Зенеида!

— Нѣтъ, мой другъ! Ты еще долженъ возвратиться къ людямъ! грустно сказала она. Но я большею частію подлѣ тебя, хотя ты меня не видишь. Ночью я часто сижу у твоихъ ногъ; днемъ, сижу противъ

тебя. Я тебѣ не показываюсь, чтобъ не пугать твоего воображенія.....

Долго бесѣдовалъ я съ нею въ ея прелестномъ домикѣ: къ сожалѣнію, не могу упомнить всего, что мы тамъ говорили; какое-то роскошное смятеніе, волновавшее мою душу, мгновенно поглощало впечатлѣнія, которыя, не останавливаясь, только мелькали въ ней одни за другими съ неимовѣрною быстротою. Здѣсь выписываю единственно тѣ слова, которыя глубоко врѣзались въ мою память и навсегда срослись съ моею жизнію; ихъ хочу имѣть безпрестанно передъ моими глазами. Помню однако жъ, что наконецъ она мнѣ замѣтила, что уже пора мнѣ итти домой, и что болѣе никогда не увижу ея такимъ образомъ. Помню, что показала мнѣ на своемъ пальцѣ мое кольцо, и, снявъ его, сама надѣла мнѣ на палецъ, въ память моего посѣщенія. Помню еще, — о, это не только помню, но чувствую! — помню, что привставъ съ гроба, она тихонько приблизилась ко мнѣ и вдругъ напечатлѣла на моихъ устахъ холодный, какъ намерзлое желѣзо, поцѣлуй, который разошелся по моимъ жиламъ жестокимъ морозомъ и оледенилъ кровь: она сказала, что я ощущу его на устахъ всякой разъ, какъ стану думать объ ней съ любовью. Я его ощущаю!

Уже сбиралась она вывести меня изъ своего волшебнаго жилища, какъ вдругъ остановилась, и сказала:

— Постой, Н***! я покажу тебѣ что-то.

Она придвинулась ко мнѣ легко и быстро какъ вѣтеръ, взяла меня подъ руку, привела къ розовому гробу, и тихонько подняла крышу. Я увидѣлъ внутри его обнаженный скелетъ, съ торчащими изъ праха зубами, съ бѣлымъ костянымъ челомъ, без-

образно засореннымъ присохшими клочками волосъ, съ глубокими ямами, налитыми мракомъ, вмѣсто глазъ и щекъ.....

— Это твоя Зенеида! сказала она.

Я затрепеталъ отъ ужаса. И въ то же мгновеніе все исчезло; при мнѣ уже не было милой, молодой, румяной Зенеиды. Повсюду темно и страшно!..... Пространство вокругъ меня сжимается. Я спертъ со всѣхъ боковъ землею. Что-то сильно душитъ меня въ горлѣ: я хочу кричать, и голосъ не раздается въ моей груди. Я безъ чувствъ!.....

Спустя нѣсколько часовъ, я лежалъ на постелѣ, въ своей комнатѣ. Все это странное, непостижимое происшествіе стояло у меня передъ глазами: я громко призывалъ имя Зенеиды..... Безъ всякаго сомнѣнія, то была она! — то былъ ея духъ — мой ангелъ-хранитель!..... Я распрашивалъ, какимъ образомъ я у себя, кто вынулъ меня изъ земли, кто принесъ сюда: мнѣ отвѣчали, что солдаты нашли меня почти мертвымъ на тропинкѣ, по которой я гулялъ, и принесли къ казармамъ, гдѣ кучеръ узналъ меня, и осторожно привезъ домой. Я послалъ въ казармы отыскать сострадательныхъ воиновъ, чтобъ наградить ихъ; приказалъ распросить о мѣстѣ, гдѣ былъ подобранъ, осмотрѣть мѣсто и замѣтить его съ точностію. Нашлось, что я лежалъ повергнутымъ на землю, безъ признака жизни, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтился съ Зенеидою, — съ моею осуществленною мечтою! Между-тѣмъ неимовѣрное потрясеніе всего животнаго зданія уже превращалось во мнѣ въ лихорадку; пламя пожирало мои члены, и бѣлая горячка послѣдовала за этимъ страшнымъ, но драгоцѣннымъ видѣніемъ. Мой докторъ былъ въ отчаяніи, и, третично спасши меня отъ смерти, объ-

явилъ, что я неминуемо убью себя своимъ несчастнымъ воображеніемъ.

Все это была бы шутка, игра разстроенной фантазіи, дѣло непонятное, которое весьма удобно понимается, если бъ, послѣ этого, на моемъ пальцѣ не нашлось въ самомъ дѣлѣ кольцо моей сестры, съ ея именемъ, — то самое кольцо, а не иное, — кольцо такъ же хорошо мнѣ знакомое, какъ мой собственный палецъ: я носилъ его шесть лѣтъ среду!..... Оправившись отъ болѣзни, я дѣлалъ всѣ возможныя разысканія, подозрѣвалъ всѣхъ и каждаго, — даже моего доктора; распрашивалъ у Лизы, которая по сіе время любитъ меня какъ брата, и съ удовольствіемъ слушаетъ, когда я называю ее Лизою и сестрою; хотѣлъ непремѣнно добиться до «достаточной причины», чтобъ отдать себѣ отчетъ естественными средствами въ обратномъ появленіи на моемъ пальцѣ кольца, несомнѣнно зарытаго за семь лѣтъ въ могилу, — и до сихъ поръ теряюсь въ тщетныхъ догадкахъ!

— Докторъ! скажи, другъ мой, правду: что̀ ты думаешь обо всемъ этомъ происшествіи?..... хотя ты сегодня завтракаешь что-то безъ аппетита. Возьми еще кусокъ *пате́ фруа*.....

— Ничего не думаю!..... Гдѣ ты покупаешь вино? — Твоя монтилья удивительная!... Восторженіе нервнаго сока, родъ магнетическаго полюса въ органическомъ тѣлѣ, животное электричество, котораго свойства, образъ дѣйствія и сила вѣроятно навсегда останутся непонятными.....

— Но это кольцо?

— А!!..... Это металлъ!..... хорошій проводникъ электричества!.....

Пять часовъ!..... Какъ пролетѣло время! Уже свѣтаетъ!..... Пора мнѣ ложиться спать. Италія, Италія!.... Не правда ли, Зенеида, что ты и въ томъ далекомъ краю не разлучишься со мною?.... что ты будешь со мною повсюду?..... Да! ты меня не оставишь!.....

**Н. Н.**

=

Слава Богу, конецъ! Какое длинное вступленіе!... Какія странныя мысли!..... Что жъ это онъ написалъ, мой пріятель Н***?..... Вѣдь это родъ клиническаго журнала о невральгическомъ паціентѣ! Морочитъ ли онъ меня, или описываетъ истинное съ нимъ событіе?..... Я знаю, что онъ съ давняго времени страждетъ невральгіей, и страждетъ отъ какой-то несчастной любви. Что-то подобное въ самомъ дѣлѣ съ нимъ случилось: мнѣ разсказывалъ его докторъ..... Петръ!

– Слушаю-съ.

– Если въ мое отсутствіе заѣдетъ сюда этотъ блѣдный господинъ въ очкахъ, отдай ему обратно эту статью.

– Слушаю. А когда онъ спроситъ, не сказали ли вы чего-нибудь?

– Скажи ему, что онъ мечтатель, что все это нервы. Мечтатель! нервы!.... будешь ли помнить эти слова?

– Какъ не помнить!

– Повтори же ихъ.

– Я скажу ему: Баронъ приказалъ вамъ, сударь, доложить, что вы *писатель*–съ: *не ври*, сударь! скажу ему. Врать не хорошо!.....

– Поди прочь, дуракъ! Лучше не говори ему ни слова: я самъ съ нимъ увижусь..... Чего тебѣ еще угодно?

– Виноватъ, сударь, Ваше Высокородіе! Забылъ вамъ доложить, что онъ сюда не заѣдетъ. Онъ пріѣзжалъ проститься съ вами: сегодня чуть свѣтъ хотѣлъ онъ уѣхать за границу, а по утру нашли его въ Невѣ, противъ нашего дома. Вы еще спали.

– Какъ! Онъ утонулъ!..... Сказать правду, послѣ этой статьи ему ничего болѣе не оставалось и дѣлать. Бѣдный Н*** !..... Снеси же ее къ Издателю зеленаго Журнала съ загнутымъ угломъ въ видѣ пароли, – и скажи, что она отъ меня.

Въ самомъ дѣлѣ: пусть ее читаютъ!.... Я же имѣлъ терпѣніе прочитать ее, всю!

**БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.**

# ОТРЫВОКЪ

## ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

## ПРИПЕЯ МОДЕСТОВИЧА ГОМОЗЕЙКИ.

=

Критикъ. Какая цѣль вашей сказки?

Авторъ. *(униженно кланяясь).* Разсказать ее вамъ.

Въ бытность свою въ городѣ Рѣженскѣ, покойная моя бабушка была свидѣтельницею одного страннаго происшествія: будучи увѣренъ, что публикѣ необходимо знать все, что касается до меня или до моихъ родственниковъ и знакомыхъ, я разскажу сіе происшествіе со всею подробностью, какъ мнѣ его разсказывали, и, по моему обыкновенію, не прибавляя отъ себя ни единаго слова.

Много лѣтъ тому назадъ, находился въ нашемъ городѣ въ званіи Городничаго отставной Прапорщикъ, Иванъ Трофимовичъ Зернушкинъ. Давно уже исправлялъ онъ эту должность, – да и не мудрено: всѣ такъ имъ были довольны: никогда онъ ни во что не мѣшался; позволялъ всякому дѣлать, что ему было угодно: за то не позволялъ никому и въ свои дѣла вмѣшиваться. Нѣкоторые затѣйники, побывавшіе въ Петербургѣ, часто приступали къ нему съ разными, небывалыми у насъ и вредными нововведеніями; они, напримѣръ, толковали, что не

худо бы осматривать, хотя изрѣдка, лавки съ съѣстными припасами, потому, что Рѣженскіе торговцы имѣли, не знаю отъ чего, привычку продавать въ мясоястіе баранину, а въ постъ рыбу, да такую, прости Господи! — что хоть вонъ бѣги съ рынка; иные прибавляли, что не худо бы хотя песку подсыпать по улицамъ и запретить выкидывать на нихъ всякой вздоръ изъ домовъ, ибо отъ того, будто бы, въ осень никуда пройти нельзя, и, будто бы, отъ того заражается воздухъ; бывали даже такіе, которые утверждали, что необходимо въ городѣ завести хотя одну пожарную трубу съ лѣстницами, баграми, топорами и другими вычурами. Иванъ Трофимовичъ — на всѣ сіи неразумныя требованія отвѣчалъ весьма разсудительно, остроумно и съ твердостію. Онъ доказывалъ, что лавочники никому своего товару не навязываютъ, и что всякой самъ долженъ смотрѣть, что покупаетъ; что одни лишь пустодомы да непорядочные люди могутъ требовать отъ Городничаго наблюденія за такимъ дѣломъ, которое должна знать послѣдняя кухарка. Касательно мостовой онъ говорилъ, что Богъ даетъ дождь и хорошую погоду, и видно ужъ такой отъ Него положенъ предѣлъ, чтобы осенью была по улицамъ грязь по колѣно: сверхъ того добрые люди сидятъ дома, и не шатаются по улицамъ, а когда Русскому человѣку нужда, такъ онъ вездѣ пройдетъ. Если бы, прибавлялъ онъ, на улицу ничего не выкидывали, свиньямъ бѣдныхъ людей нечего было бы ѣсть въ осеннее и зимнее время. Что касается до воздуха, то воздухъ не человѣкъ и заразиться не можетъ. Относительно пожарной трубы, Иванъ Трофимовичъ доказывалъ, что таковой и прежде въ городѣ Рѣженскѣ не имѣлось, а нынѣ, когда три части онаго уже выгорѣли, для четвертой нечего уже затѣвать такія затѣи; что наконецъ онъ, карабинернаго

полка отставной Прапорщикъ, Иванъ Трофимовъ сынъ Зернушкинъ, уже не первый десятокъ на семъ свѣтѣ живетъ, и самъ знаетъ свою должность исправлять, городомъ управлять, и начальству отвѣчать. Такія благоразумныя и неоднократно повторенныя разсужденія скоро закрыли уста затѣйникамъ, особенно, когда однажды, въ сердитый часъ, Иванъ Трофимовичъ присовокупилъ, что его, Городничаго, должность, не за грязью на мостовыхъ и не за гнилою рыбою смотрѣть, а за тѣми, которые учнутъ въ фортеціи злые толки распускать и противу службы злое умышлять.

Всѣ въ городѣ похвалили Ивана Трофимовича за его твердый нравъ и обычай, и, благодаря Бога, у насъ, въ Рѣженскѣ, и до сихъ поръ все осталось по прежнему: на улицахъ грязь по колѣно, по рынкамъ пройти нельзя. Та только разница, что, вмѣсто пожарной трубы, въ послѣднее время у насъ заведена прекрасная зеленая бочка съ двумя также зелеными баграми, но, по завѣщанію Ивана Трофимовича, на пожаръ они никогда не вывозятся, ибо иначе легко могли бы испортиться, а хранятся за замкомъ, въ нарочно для того опредѣленномъ сараѣ.

Время оправдало благоразумное распоряженіе Ивана Трофимовича: скоро потомъ, проѣзжавшій чиновникъ долгомъ почелъ донести Губернатору объ отличномъ устройствѣ пожарныхъ инструментовъ въ городѣ Рѣженскѣ.

Какъ бы то ни было, Иванъ Трофимовичъ, избавившись отъ докуки Рѣженскихъ затѣйниковъ, обратился къ своимъ любимымъ занятіямъ, которыхъ у него было два, — а именно: чай и кошка. Да, милостивые государи! Иванъ Трофимовичъ очень любилъ чай, и даже былъ въ немъ большой знатокъ.

По сей-то причинѣ, онъ часто хаживалъ по лавкамъ собирать у купцовъ чайныя пробочки, чтобъ

не ошибиться. Такимъ образомъ у Ивана Трофимовича набиралось когда четверть, когда полфунтика. Не то, чтобы онъ всѣ пробочки мѣшалъ вмѣстѣ: нѣтъ! Какъ настоящій знатокъ, онъ выпивалъ каждую по одиначкѣ, и котораго чай онъ похвалитъ, тотъ купецъ и несетъ ему гостинецъ. Говорятъ однако же, къ чести Ивана Трофимовича, — такая была у него добрая душа! — что онъ при этомъ случаѣ руководствовался не столько качествомъ чая, сколько или очередью между купцами, или разными случавшимися обстоятельствами: такъ, напримѣръ, тотъ, у кого что нибудь было на душѣ, уже навѣрное зналъ, что Иванъ Трофимовичъ прійдетъ къ нему за пробочкою. Не то, чтобы это можно было назвать взяткою! Нѣтъ! Наши Рѣженскіе лавочники такъ любили Ивана Трофимовича, что носили къ нему все изъ чести! Да не для чего было и взятки давать: дѣлъ такихъ, какъ нынче, не было. Разумѣется, и тогда въ городѣ было не безъ ссоръ, не безъ зависти, не безъ злости, — только тогда обычай былъ другой; прійдутъ, бывало, къ Ивану Трофимовичу тяжущіеся: оба говорятъ, говорятъ, — кто кого перекричитъ; а Иванъ Трофимовичъ послушаетъ, послушаетъ, — да одному толчекъ, другому другой: — никого не обидитъ, покойникъ, и вотъ тяжущіеся потолкуютъ между собою, потолкуютъ, много что подерутся, — душеньку отведутъ, да тутъ же въ питейномъ дому и помирятся, — да еще за здравіе Ивана Трофимовича выпьютъ. Счастливое тогда времечко было!

Любилъ кушать чай Иванъ Трофимовичъ, но не менѣе того любилъ онъ и кошку. Не то, чтобы онъ кошку любилъ, — нѣтъ! — а любилъ, чтобы кошка у него вокругъ шеи ходила, ластилась, терлась, да на ухо ему шептала. Правду сказать, да что и за кошка! Нынче ужъ нѣтъ такихъ кошекъ! Большая, лоснистая,

черная, а мордка, душка и лапки бѣлыя, какъ снѣгъ, словно въ перчаткахъ. Ужъ нѣчего и говорить: у Ивана Трофимовича мышей и въ заводѣ не бывало. Да какія у ней были милыя привычки! Говорю вамъ, что нынче ужъ нѣтъ такихъ кошекъ. Бывало, Иванъ Трофимовичъ проснется, а кошка прямо къ нему на постелю, то вытянется, то согнется дугою, то замурлычитъ, то замяучитъ, — а зеленые глазки у ней такъ и катаются, словно изумруды. Тогда Иванъ Трофимовичъ вставалъ, разводилъ огонь, ставилъ чайникъ въ печку, надѣвалъ фризовую шинель, бралъ кулечекъ и отправлялся на рынокъ, а кошка вслѣдъ за нимъ. Тутъ и собаки лаютъ, и возы везутъ, и народъ кричитъ, а ей горя мало: только, что черезъ лужицы перепрыгиваетъ, да лапки отряхаетъ. Куда въ лавку Иванъ Трофимовичъ, туда и его кошка, — удивленье всему городу! — и вотъ ей гдѣ рыбку, гдѣ свѣжинки: она знай кушаетъ, да мурлычитъ! Возвратится Иванъ Трофимовичъ, возметъ чайникъ, сядетъ къ столику возлѣ окошка, а кошка даромъ что сыта: не думайте, чтобы она, какъ нынѣшнія кошки, свернулась въ кружокъ, да захрапѣла, — нѣтъ! — она на столикъ проберется между чашки и сахарницы, ничего не задѣнетъ, или сядетъ на окошкѣ на солнышко, или на плечо къ Ивану Трофимовичу, и мурлыкать не мурлычетъ, а трется, трется вокругъ шеи, и шепчетъ — шепчетъ на ухо Ивану Трофимовичу; Иванъ же Трофимовичъ то погладитъ ее, то чайку прихлебнетъ..... Такъ протекали долгіе дни.

Одинъ изъ новѣйшихъ сочинителей описалъ эти нѣмыя минуты семейственнаго счастія, когда въ головѣ не проходитъ ни одной мысли, въ душѣ раждается какое то тихое, невыразимое чувство; но кто опишетъ счастіе Ивана Трофимовича въ этомъ уединеніи! Теплая избушка, теплый тулупъ, не-

стрые обои, мыши кота погребаютъ во всю стѣну, треугольная шляпа, шпага; солнышко свѣтитъ, отъ чаю паръ столбомъ, мимо окошка всякой кланяется, вкругъ шеи теплая Васькина шкурка, и больше никого, — ни дѣтей, ни жены, ни кухарки, и 500 верстъ отъ губернскаго города! И еще это тихое, невыразимое счастіе повторяется каждый день; и не одинъ разъ въ день, а два, поутру и послѣ обѣда; иногда же и въ промежуткахъ! Двѣ было цѣли въ жизни Ивана Трофимовича, — напиться чаю и, молча, держать Ваську на шеѣ. Эта мысль не оставляла его ни на минуту: онъ засыпалъ съ нею, видѣлъ ее во снѣ и съ нею просыпался; къ этой мысли были привязаны всѣ его поступки, всѣ желанія, всѣ малѣйшія движенія его души, — другихъ въ ней не было. Приставалъ ли къ нему кто нибудь съ дѣломъ, случалось ли что важное въ городѣ, онъ отлагалъ все, чтобъ не пропустить положеннаго часа для чаю. Говорили ли о ревизорѣ, — онъ боялся его только потому, что къ нему неловко будетъ явиться вмѣстѣ съ Ваською.

Но нѣтъ вѣчнаго счастія въ этой жизни! У Ивана Трофимовича была однофамилица, и даже нѣсколько съ родни, изъ дворянъ, — вдова Мароа Осиповна Зеркушкина. Случись у ней какое-то дѣло въ городѣ Рѣженскѣ: никакъ кто-то у ней мельницу околдовалъ, ртути въ плотину напустилъ. Мароа Осиповна была женщина бойкая, умная, скопидомка, и хотя грамотѣ не умѣла, но тяжебныя дѣла знала лучше иного приказнаго: потому рѣшилась она хлопотать о дѣлахъ сама, своею особою, а Иванъ Трофимовичъ былъ ей нуженъ, чтобы за нее, по родству, руку прикладывать. Она въѣхала къ нему прямо въ домъ. Соблазна тутъ ни какого быть не могло, потому, что имъ обоимъ вмѣстѣ было лѣтъ сотня слишкомъ: добрый Иванъ

Трофимовичъ съ радушіемъ отвелъ ей у себя каморку. Вотъ, разумѣется, при свиданіи родные обрадовались. Пошли толки о томъ, о семъ, о старинѣ, о новизнѣ, объ урожаѣ, — а Васька туда же, то ластится, то трется, то замурлычетъ, то замяучитъ, то посмотритъ на нихъ прищуренными глазками.....

— Э! да какая у тебя товарка! сказала Марѳа Осиповна: давно ли, батюшка, завелся?

— Да давно ужъ, матушка! лѣтъ восемь; съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобою не видались.....

— Да гдѣ, батюшка, и видѣться! Вѣдь восемьдесятъ верстъ не шутка! Ты человѣкъ служебный, а мнѣ ужъ не подъ лѣта. Три дня, батюшка, къ тебѣ тащилась: вѣдь на своихъ!..... Чуть, было, въ грязи не утонула, а еще все большой дороги держалась; ты знаешь, у насъ новую дорогу сдѣлали! Кисанька! Кисанька!..... Экая славная!..... Ну, вижу я, ты, право, домкомъ позавелся! Ужъ не жениться ли хочешь? На дворѣ я у тебя видѣла матераго пѣтуха, а здѣсь кота заморскаго: а вѣдь по нашему, по бабьему рѣченью, котъ да пѣтухъ, что жена, милый другъ!

— Ну, ужъ, матушка, Марѳа Осиповна: что до пѣтуха касается, то его хоть бы не было. Такой крикунъ — провалъ его возьми! — глазъ свести не дастъ. Я, пожалуй, вамъ его хоть даромъ отдамъ.....

— Благодарствую, батюшка, Иванъ Трофимовичъ. Да зачѣмъ это?.....

— И! ничего, матушка! свои люди, сочтемся. А ужъ Васька-то мой! То ужъ подлинно сказать, Марѳа Осиповна, что мой Васька милѣе иной жены. Кабы вы знали, какой затѣйникъ, какой забавникъ! Не только, что на охоту ходитъ, да пѣсни поетъ, да старую шею у меня грѣетъ; нѣтъ, матушка: вѣдь отъ меня онъ крохи не получаетъ, а самъ со мною

по городу бродитъ, да съ лавочниковъ оброкъ беретъ!.....

– Неужели въ самомъ дѣлѣ?

Не возможно описать всѣхъ разсказовъ Ивана Трофимовича и всѣхъ распросовъ Марѳы Осиповны, и я, подобно сочинителямъ чувствительныхъ романовъ, когда дѣло доходитъ до развязки, предоставляю читателямъ дополнить воображеніемъ все, что было сказано, недосказано и пересказано при этомъ свиданіи.

Прошло нѣсколько дней. Однажды, послѣ обѣда, сидя за чайнымъ столикомъ, Марѳа Осиповна сказала Ивану Трофимовичу:

– Смотрю я на тебя, батюшка!.....

– Да! отвѣчалъ Иванъ Трофимовичъ. Такъ что же?

– А то, что не хорошо!

– Что не хорошо?.....

– Да такъ! Не хорошо.....

– Да что оно такое не хорошо, матушка?

– А то, зачѣмъ ты позволяешь кошкѣ себѣ на ухо шептать!

– На ухо шептать?

– Да, вонъ видишь: ты, батюшка, ее отогналъ, а она тебѣ опять въ ухо лѣзетъ.

– Признательно вамъ сказать, Марѳа Осиповна, что же тутъ дурнаго? Оно тепло и пріятно.

– Да то тутъ дурнаго, Иванъ Трофимовичъ, что она тебѣ жабу въ головѣ нашепчетъ.

– Какъ, жабу нашепчетъ?

– Да такъ, что у тебя, ни съ того, ни съ сего, жаба въ головѣ заведется.

– Что ты, матушка, говоришь? Ужъ жаба въ головѣ заведется!..... Да какъ она туда зайдетъ?

– Какъ хочешь, Иванъ Трофимовичъ! вѣрь или не вѣрь: я тебѣ не свои слова говорю, а что отъ родителей слыхала. Ты помнишь батюшку покойника:

онъ, бывало, слова даромъ не проронитъ; а онъ частенько, — царство ему небесное! — толковалъ, что если кому кошка на ухо шепчетъ, у того непремѣнно въ головѣ жаба заведется. —

Что эта баба мелетъ? думалъ про себя Иванъ Трофимовичъ, ложась въ постелю и поглаживая Ваську. Вишь, кошка жабу можетъ нашептать! Чего эти бабы не выдумаютъ!

Однако жъ у Ивана Трофимовича въ головѣ и одинъ и два. Вотъ, кажется Ивану Трофимовичу, что его что-то въ голову стукнуло, и будто голова у него заболѣла. И онъ думаетъ: болитъ она, аль нѣтъ? болитъ, точно болитъ!..... Нѣтъ, не болитъ, точно не болитъ!.....

Вставши поутру, Иванъ Трофимовичъ, какъ человѣкъ благоразумный, разсудилъ, что въ такихъ случаяхъ лучше всего спросить человѣка знающаго. Былъ у него задушевный пріятель, Богданъ Ивановичъ, уѣздный лекарь. Давно они уже съ нимъ не видались. — Дай-ка, зайду къ Богданѣ, сказалъ Иванъ Трофимовичъ, да спрошу: онъ человѣкъ искусный, и вѣрно мнѣ всю правду скажетъ. — Сказано, сдѣлано.

Не хотѣлось Ивану Трофимовичу признаться, что онъ повѣрилъ бабьимъ сплетнямъ, но, какъ человѣкъ тонкій, завелъ рѣчь стороною.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Иванъ Трофимовичъ сказалъ лекарю:

— Что это, батюшка, Богданъ Ивановичъ? У насъ, въ городѣ, все головой жалуются. Отъ чего бы это?

— Да не мудрено, Иванъ Трофимовичъ! отвѣчалъ лекарь. Теперь пора осенняя, а въ эту пору обыкновенно усиливается геморой.

— А развѣ только что отъ геморою и можетъ болѣть голова?

— Нѣтъ; она можетъ болѣть и отъ разныхъ причинъ: отъ простуды, отъ угару, отъ несваренія пищи.

— А отъ какихъ ни есть другихъ причинъ можетъ болѣть голова?

— Да отъ какихъ же это?

— Ну, примѣромъ сказать, правда ли это, батюшка, что будто бы иногда у человѣка жаба заводится въ головѣ?

— Мало ли чудесъ въ тѣлѣ человѣческомъ! Бывали и такіе примѣры.

— Какъ! Бывали?

— Да! Но, къ счастію, очень рѣдко.

— Какія чудеса на свѣтѣ бываютъ! Да какъ же помочь въ такомъ несчастномъ случаѣ?

— Ну, тутъ ужъ надобно дѣлать операцію!

— Операцію?

— Да! И очень трудную. Вскрываютъ голову.

— Вскрываютъ голову! Да какъ же это?

— Да вотъ, видишь: есть такой инструментъ; онъ словно крышка съ чайника, только кругомъ его острые зубчики, какъ у пилки.

— Ну?

— Вотъ, на головѣ выбрѣютъ волосы, кожицу подрѣжутъ кругомъ, да и примутся вертѣть этотъ инструментъ на черепѣ: онъ и выпилитъ изъ него кружочекъ.

— Ну?

— Ну, кружочекъ снимутъ: если лягушка или что другое на томъ мѣстѣ, то.....

— Какъ, если на томъ мѣстѣ!..... А если на другомъ?

— Ну, такъ еще вертятъ черепъ.

Ноги оледенѣли у Ивана Трофимовича; однакожъ онъ собрался съ силами и выговорилъ:

— Какъ же это, батюшка! этакъ всю голову какъ

тыкву изрѣжутъ!..... Да что жъ съ человѣкомъ-то въ это время бываетъ?

– Чему быть съ человѣкомъ! Онъ лежитъ безъ памяти.

– И живутъ еще послѣ этакаго мученія?

– Признательно сказать, Иванъ Трофимовичъ, такъ почти всегда умираютъ.

Въ раздумьѣ пошелъ Иванъ Трофимовичъ отъ лекаря. – Не соврала баба! сказалъ онъ дорогою: не соврала! Экая бѣда какая! – И, пришедши домой, онъ увидѣлъ, что Мароа Осиповна уже собирается въ путь.

– Куда спѣшишь, матушка?

– Да что, Иванъ Трофимовичъ, время терять! Спасибо тебѣ, всѣ дѣла мои покончила; какіе концы остались, ты и безъ меня ихъ заправишь. Благодаримъ за хлѣбъ, за соль.....

– Не на чемъ, матушка, не на чемъ!

Когда Мароа Осиповна собралась совсѣмъ уже садиться въ кибитку, Иванъ Трофимовичъ, скрѣпя сердце, сказалъ ей.

– Послушай, матушка: подарилъ я тебѣ пѣтуха..... возьми ужъ..... и кошку!

Мароѣ Осиповнѣ того только и хотѣлось.

– И! зачѣмъ это! отвѣчала она. Вѣдь у тебя Васька единое утѣшеніе.....

– Нѣтъ, матушка! Я вотъ, видишь, человѣкъ холостой, прибирать въ домѣ некому, а вѣдь кошка блудница; прыгнетъ неравно куда, да задѣнетъ, разобьетъ..... У тебя же въ деревнѣ просторъ большой.

– И подлинно такъ, Иванъ Трофимовичъ! Давай, давай; а я тебѣ за то къ Великому пришлю медку къ чаю, да грибковъ сушеныхъ..... Вѣдь ты, чай, постничаешь?.....

Почти слезы навернулись у Ивана Трофимовича, когда пришлось разставаться съ Ваською; но дѣ-

лать было нечего. Пѣтуха усадили въ лукошко, Ваську въ мѣшокъ, Марѳу Осиповну въ кибитку, и все тряхнулось и покатилось.

Съ тѣхъ поръ жизнь опостыла Ивану Трофимовичу. Все ему грустно, все холодно вокругъ шеи; даже чай ему казался горькимъ, сколько онъ ни прикусывалъ сахару. Войдетъ ли въ комнату, – ему чудится, что Васька мурлычетъ; пойдетъ ли по городу, – все оборачивается полюбоваться на него: то схватится за холодную шею, – и нѣтъ Васьки!.....

Однажды, когда Иванъ Трофимовичъ сидѣлъ за чайнымъ столикомъ, и передъ нимъ стыла налитая чашка, зашелъ къ нему пріятель.

– Здравствуй, батюшка, Иванъ Трофимовичъ! По добру ли, по здорову, поживаешь?.....

– Нѣтъ, почтеннѣйшій!..... нездоровится! Даже чай въ горлышко нейдетъ.

– Да что жъ такое съ вами, Иванъ Трофимовичъ?

– Да Богъ вѣсть что!..... И голова побаливаетъ, да и что-то грустно все; ни на что глядѣть не хочется.

– И, батюшка, Иванъ Трофимовичъ! Хотите, я васъ лекарству научу?

– Удружи, почтеннѣйшій!

– Прибавляйте Кизлярской водочки къ чаю, – такъ не то заговорите.

– Что ты, почтеннѣйшій! Я съ роду хмельнаго въ ротъ не бралъ, и вкусу въ немъ не знаю.

– Попробуйте. Вѣдь вамъ ужъ пьяницей не сдѣлаться!..... А Кизлярская водка съ чаемъ, скажу вамъ, лучшее лекарство отъ всѣхъ болѣзней. Лекаря обыкновенно ее отсовѣтываютъ отъ того, что это лекарство отнимаетъ у нихъ барыши, а его дѣйствительность я самъ на себѣ испыталъ. Вотъ, ономнясь, у бугорья мостъ у меня подъ кибиткою провалился: кучеръ еще какъ-то удержался, а меня отбросило

въ промонну, — по уши въ воду, батюшка! — Нитки сухой не осталось! Пріѣхалъ домой, — день-то былъ морозный, — такая меня пропяла трясавица, что свѣту Божіего не взвидѣлъ: въ голову бьетъ, зубы стучатъ, руки и ноги ходенемъ ходятъ. Чтожъ я? — Жена! давай чаю, давай водки! Да какъ вытянулъ стаканчика два, на другой день какъ рукой сняло. Вѣдь это ужъ видимый опытъ!..... Какое бы лекарство такъ скоро подѣйствовало? Послушайтесь, Иванъ Трофимовичъ, попробуйте: право, благодарить меня будете! Вѣдь есть у васъ Кизлярская?.....

— Держу для пріятелей.

— Ну, попробуйте! Вѣдь разъ — ничего не стоитъ!

Иванъ Трофимовичъ послушался, попробовалъ: сперва было поморщился, но потомъ онъ сказалъ: — Странное дѣло!..... Водка лучше вкусу придаетъ чаю! Посмотримъ, какая-то будетъ польза.

Послѣ двухъ чашекъ въ самомъ дѣлѣ Ивану Трофимовичу сдѣлалось гораздо веселѣе. Это наслажденіе онъ повторилъ и на другой день, и на третій, и на четвертый и такъ далѣе.

Однажды сильная головная боль разбудила Ивана Трофимовича: онъ вскочилъ съ постели, какъ угорѣлый. Скорѣй къ Кизляркѣ: выпилъ, — помогло. Черезъ нѣсколько времени другой толчекъ, и сильнѣе перваго: опять къ Кизляркѣ, — и опять помогло. Потомъ еще третій, — и Кизлярка уже не помогла. Тщетно Иванъ Трофимовичъ увеличивалъ пріемъ своего лекарства: ему все было хуже, да хуже. Иванъ Трофимовичъ струсилъ; ему уже кажется, что у него въ головѣ что-то шевелится и царапается: бѣда и только!

И съ этого времени страшные сны пошли у Ивана Трофимовича. То ему кажется, что у него черепъ снимаютъ, какъ крышку, а въ черепѣ-то цѣлое гнѣздо лягушекъ и всякихъ гадовъ. То ему ка-

жется, будто онъ самъ обратился въ огромную и толстую жабу: и горько и стыдно ему!..... Хочетъ надѣть сертукъ, чтобъ прикрыться, а сертукъ не застегивается! – Лишь рукава по воздуху болтаются!..... То, наконецъ, ему кажется, что у него въ головѣ цѣлый городъ Рѣженскъ, – крикъ, шумъ, скрипъ отъ возовъ..... а по улицамъ все ходятъ не люди, а лягушки на заднихъ лапкахъ, и съ ножки на ножку переваливаются!.....

Не на шутку испугался Иванъ Трофимовичъ! И стыдъ прочь, и бросился онъ къ лекарю.

– Батюшка, Богданъ Ивановичъ! помогите, спасите!

– Что съ вами случилось, Иванъ Трофимовичъ? Дайте-ка пульсъ пощупать.....

– И! полно, батюшка!..... Какой тутъ пульсъ! Помните, мы съ вами недавно разговоръ имѣли объ одной странной болѣзни.....?

– Ну, помню. Такъ что же?

– Ну, батюшка! Эта самая болѣзнь со мною грѣшнымъ и приключилась.....

– Я васъ не понимаю, Иванъ Трофимовичъ.....

– Чего тутъ не понимать, батюшка! Жаба у меня въ головѣ завелась. Да!..... жаба, понимаете? Жаба въ головѣ.....

– Богъ съ вами, Иванъ Трофимовичъ! Да съ чего вы это взяли?

– Какъ, съ чего взялъ! Я передъ вами, батюшка, какъ передъ отцемъ духовнымъ, таиться не буду; все вамъ раскажу. Пристрастился я къ кошкѣ..... Помните, у меня кошка была, такая славная, теплая, – провалъ ее возьми! – черная, лоснистая..... Вотъ и повадилась она, окаянная, мнѣ на ухо шептать: шептала, шептала, да жабу и нашептала.....

Лекарь захохоталъ во все горло.

– Помилуйте, Иванъ Трофимовичъ! Съ вашимъ умомъ и вѣрить такому вздору?.....

— Смѣйся, батюшка; смѣйся, какъ хочешь! вскричалъ Иванъ Трофимовичъ сквозь слезы. Вѣдь ты не знаешь, что у меня въ головѣ дѣлается, а я такъ знаю; я вѣдь чувствую, какъ въ ней кто-то проклятой царапается, — инда голова трещитъ; а ужъ болитъ-то она, болитъ-то, — едва разсудка не теряю! Что за бѣда такая! ужъ шестой десятокъ живу на свѣтѣ, на службѣ уже сороковой годъ, всегда вѣрой и правдой служилъ, и подъ Турку ходилъ, и подъ картечью бывалъ, дошелъ до званія Городничаго, и никогда со мною таковой оказіи не бывало, а теперь, подъ старость лѣтъ, Богъ меня посѣтилъ такимъ позоромъ!..... Помоги, батюшка; помоги, какъ хочешь, не то я самъ на себя руки наложу!.....

Лекарь, видя, что всѣ его увѣщанія будутъ тщетны въ эту минуту, рѣшился болѣе не противорѣчить старику, и сказалъ:

— Ну, слушайте жъ, Иванъ Трофимовичъ! Если подлинно въ васъ есть такая болѣзнь, то возьмите нѣсколько терпѣнья: я уже вамъ, кажется, сказывалъ, что я только мелькомъ слыхалъ о такой странной болѣзни, но, признательно вамъ откроюсь, никогда въ глаза не видывалъ, ни въ книгахъ не читывалъ. Дайте мнѣ время немножко подумать, да въ книжкахъ справиться. Я самъ не замедлю къ вамъ отвѣтъ принести, а теперь вотъ, примите этотъ прохладительный порошокъ, да привяжите къ головѣ капустныхъ листьевъ, а тамъ, дастъ Богъ, увидимъ, что надобно дѣлать.

По выходѣ Ивана Трофимовича, лекарь задумался. Въ немъ невольно взволновалась старая студенческая кровь; онъ невольно вспомнилъ то восхищеніе, съ какимъ, бывало, онъ и его товарищи узнавали о поступленіи въ клинику какого нибудь страннаго больнаго или страннаго мертваго. — «Что за несча-

стіе!» говаривали они: «зима уже давно началась, а еще такъ мало къ намъ привозятъ замороженныхъ кадаверовъ!» — Какое счастіе!» кричали они другъ другу: «цѣлыхъ шесть славныхъ кадаверовъ привезли!» — А если между кадаверами попадется какой нибудь уродъ съ шестью пальцами, съ сердцемъ на правой сторонѣ, съ двойнымъ желудкомъ: то-то радость!..... то-то восхищеніе!..... Новое знаніе! надежда открытія! поясненіе наблюденій! новые толки Профессора! новыя системы!

Давно уже этотъ родъ наслажденія потерялся для нашего уѣзднаго лекаря; уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ оставилъ столицу; до него не дошло почти ни одного изъ наблюденій, сдѣланныхъ въ продолженіе этого времени, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, — этого медицинскаго вѣка! Близъ него ни Академіи, ни Журналовъ, ни библіотеки, а одна почти механическая работа, одна нужда доставать себѣ пропитаніе, посреди людей необразованныхъ: не съ кѣмъ провѣрить даже самаго простаго наблюденія; нѣтъ минуты, чтобы привести въ порядокъ свои опыты! всѣ двадцать четыре часа въ сутки расходуются на разъѣзды, на слѣдствія, на самыя мелочныя занятія жизни. Съ отчаяніемъ врачъ посмотрѣлъ на свою скудную библіотеку: *Лаврентія Гейстера Анатомія*, изданная въ 1775 году; какой-то *Полный Врачъ* того же времени; школьная диссертація его пріятеля, *О нервномъ соки*; его собственная диссертація на степень лекаря, въ свое время надѣлавшая много шума, *О пристойномъ желѣзы наименованіи*, съ эпиграфомъ изъ Гейстера:

Желѣза, какая часть, чтобъ сказалъ врачъ, трудно;
Ибо Доктора въ томъ всѣ учили скудно —

нѣсколько нумеровъ Московскихъ Вѣдомостей; школьныя тетрадки, — вотъ и все!.....

Съ чѣмъ справиться? Гдѣ найти не только сред-

ство леченія, но даже описаніе болѣзни своего паціента?.....

Въ досадѣ, въ увѣренности ничего не найти, онъ беретъ своего руководителя Гейстера, отыскиваетъ главу «О головѣ,» читаетъ: «содержимыя части (con-«tentae partes) суть: мозгъ (cerebrum)..... Около мозга «головнаго жестокая мать, (dura mater), или твер-«дая оболонка надъ мозгомъ, изъ волокнъ сухожиль-«ныхъ состоящая.....»

Онъ бросилъ отъ себя книгу: все это было имъ читано, перечитано, учено и переучено!.....

Тутъ ему пришла на мысль еще книга, которую нѣкогда получилъ онъ въ Университетѣ въ награду за прилежаніе, которую тщательно завертывалъ онъ въ бумажку, и бережно хранилъ особо отъ другихъ книгъ, по причинѣ ея дорогаго переплета: то былъ переводъ книги: *О предчувствіяхъ и видѣніяхъ*, только что тогда появившійся въ свѣтъ.

Развернувъ эту книгу, онъ напалъ на то мѣсто, гдѣ описывается извѣстный поступокъ знаменитаго Бургава въ Гарлемскомъ Сиротскомъ Домѣ. Одна изъ воспитанницъ дома впала въ судороги: на нее смотря, другая, третья, четвертая, и такимъ образомъ почти всѣ до послѣдней. Бургавъ, видя, что это было дѣйствіе одного воображенія, приказалъ принести въ комнату жаровню съ угольями и щипцы, и объявилъ, что у первой, которая впадетъ въ судороги, станутъ жечь руку раскаленными щипцами. Это лекарство такъ устрашило больныхъ, что онѣ всѣ въ одну минуту выздоровѣли.

Прочитавши это описаніе, Богданъ Ивановичъ задумался. Продолжая читать, онъ встрѣтилъ описаніе больнаго, который воображалъ, будто у него ноги хрустальныя, и котораго излечила служанка, уронивъ ему на ноги вязанку дровъ. Потомъ нашелъ онъ еще описаніе больнаго, который вообра-

жалъ, будто у него на носу сидитъ муха, и безпрестанно махалъ рукою, тщетно желая согнать ее. «Остроумный врачъ,» сказано было въ книгѣ, «увѣ-«ривъ больнаго, что онъ имѣетъ средство излечить «его, ударилъ его по носу ланцетомъ, и въ ту же «минуту показалъ больному приготовленную прежде «для того муху.»

Слова «остроумный врачъ, знаменитый Бургавъ,» невольно остановили Богдана Ивановича.

— Что! сказалъ онъ самъ себѣ: если бы и мнѣ удалось произвести въ дѣйствіе подобное леченіе! Я бы описалъ подробно темпераментъ моего паціента, его мономаническіе припадки, средство, мною придуманное для его излеченія, полный успѣхъ мой, и слава обо мнѣ пролилась бы во всемъ мірѣ, мое описаніе послалъ бы я въ Академію..... даже въ иностранныхъ газетахъ возвѣстили бы міру о томъ, какъ рѣдки и замѣчательны въ лѣтописяхъ Науки подобные случаи, какую трудность представлялъ Иванъ Трофимовичъ для излеченія, какъ «остроумный» врачъ искусно воспользовался состояніемъ нервнаго сока въ своемъ паціентѣ, и прочая, и прочая: и, можетъ быть, за это бы вызвали меня въ Петербургъ, приняли бы въ Академію?..... О радость! о счастіе!..... Рѣшено!

И Богданъ Ивановичъ поспѣшно собралъ всѣ находившіеся у него инструменты, — кривыя и прямыя ножницы, кривые и прямые ножички; присоединилъ еще къ нимъ все, что только могло найтися въ его скудномъ хозяйствѣ: вертела, пирожныя загибки, обломки невинныхъ щипцовъ, — все пошло въ прокъ! За симъ, въ ближнемъ болотѣ онъ поймалъ огромную лягушку, согнулъ ей лапки, положилъ ее въ карманъ камзола, и съ этимъ запасомъ, нахмуривъ брови какъ можно грознѣе, явился къ Ивану Трофимовичу. Не говоря ни сло-

ва, онъ разложилъ на столѣ возлѣ самаго окошка, гдѣ обыкновенно сиживалъ Васька, всѣ свои военные снаряды. Иванъ Трофимовичъ поблѣднѣлъ.

– Что это? вскричалъ Городничій съ ужасомъ.

– Я долго размышлялъ, рылся въ книгахъ о вашей болѣзни, Иванъ Трофимовичъ, сказалъ лекарь съ величайшею важностію: и нахожу, что единственное средство для вашего спасенія есть операція..... правда, ужасная.

– Операція! вскричалъ Иванъ Трофимовичъ: то есть, провертѣть мнѣ голову!..... Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! Ужъ лучше такъ умереть, нежели подъ твоими ножами.....

– Но это единственное средство.

– Нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ!

– Но вы чувствуете въ головѣ нестерпимую боль, которая будетъ усиливаться все больше и больше.....

– Нѣтъ! Ничего не бывало!..... теперь ужъ все прошло.....

– Но за два часа передъ симъ.....?

– Прошло, говорятъ тебѣ! Совсѣмъ прошло!

Тщетны были всѣ усилія лекаря: онъ видѣлъ, что цѣль его, испугать больнаго, была слишкомъ достигнута, и разсудилъ, что надобно нѣсколько уменьшить ее.

– Но, послушайте! сказалъ онъ. Вѣдь эта операція совсѣмъ не такъ опасна, какъ вы думаете.....

– Нѣтъ, отецъ родной! Меня не перехитришь: я самъ человѣкъ лукавый. Я помню всѣ ужасти, которыя ты мнѣ разсказывалъ. Я какъ подумаю о томъ, то едва голова съ плечъ не валится.

– Но увѣряю васъ, что я сдѣлаю такъ искусно, такъ осторожно, что вы и не почувствуете.....

– Какое тутъ искусство поможетъ, какъ начнешь мнѣ черепъ сверлить!..... Дуракъ, что ли, я тебѣ дался?

Лекарь былъ въ отчаяніи. Онъ къ Ивану Трофимовичу и съ вертеломъ, и съ ланцетомъ, и съ щипцами: Иванъ Трофимовичъ не дается. Наконецъ Городничій разсердился, лекарь также; минута была рѣшительная: отъ нея зависѣли и будущая слава Богдана Ивановича, и богатство, и Академія, и статьи въ газетахъ, и завидная участь его ученаго поприща. Вооруженный ланцетомъ, онъ въ отчаяніи бросается на своего паціента, стараясь хотя дотронуться до головы и показать ему успѣхъ операціи; но Иванъ Трофимовичъ вдругъ вспомнилъ прежнюю молодецкую силу..... они борются: столъ вверхъ ногами; чашки, чайникъ, все въ дребезги: для обоихъ дѣло о жизни и смерти!..... И въ самую эту минуту..... холодная свидѣтельница и невинная участница происшествія, пользуясь однимъ изъ движеній лекаря, изо всѣхъ силъ шлепнулась на полъ.

— Это что? вскричалъ удивленный Иванъ Трофимовичъ. Злодѣй! окаянный! Ты не только хотѣлъ умертвить меня, но и посадить мнѣ въ голову какую-то гадину!..... Вонъ отсюда, окаянный!..... вонъ, говорю тебѣ!.....

И съ сими словами, Иванъ Трофимовичъ, понатужившись, выкинулъ Богдана Ивановича изъ окошка.....

Донынѣ въ архивѣ Рѣженскаго Земскаго Суда хранится жалоба отставнаго Прапорщика пѣхотнаго карабинернаго полка, Рѣженскаго Городничаго, Ивана Трофимова сына Зернушкина, на таковаго же уѣзда лекаря Богдана Иванова сына Горемыкина, о разбитіи фаянсовыхъ чашекъ и чайника, о явномъ умыслѣ предать его, Зернушкина, умертвію и посадить ему въ голову нѣкую гадину. Старики говорятъ однако же, что съ того времени Иванъ Трофимовичъ освободился на всегда отъ своего припадка.

**В. БЕЗГЛАСНЫЙ.**

# ПОТОМКИ

и

# СОВРЕМЕННИКИ ЛОМОНОСОВА.

Врожденныя наклонности или способности людей къ тому или другому занятію, къ той или другой страсти, составляютъ, конечно, одну изъ величайшихъ тайнъ мірозданія, суть, конечно, благороднѣйшее отличіе человѣка отъ прочихъ творсній Природы. Тогда какъ привитое дерево приноситъ всегда вкусные плоды, а отъ худыхъ сѣмянъ или на тощей почвѣ произрастаютъ былія и плевелы, въ семействѣ рода человѣческаго происходитъ совершенно противное: твореніе генія не зависитъ ни отъ климата, ни отъ нравственнаго или физическаго положенія родителей. Великіе люди являлись во всѣхъ состояніяхъ: между порфироносныхъ и простолюдиновъ, на берегахъ Ледовитаго Моря и подъ знойнымъ небомъ Экватора, подобно тому, какъ исполины и атлеты раждались отъ пигмеевъ, а существа со всѣми недостатками души и тѣла отъ людей совершенныхъ.

Я всегда радуюсь, когда нахожу достойныхъ потомковъ людей знаменитыхъ, а потому, по пріѣздѣ въ Архангельскъ въ 1828 году, мнѣ крайне пріятно было узнать, что потомство Ломоносова пользуется доброю славою, — и, разумѣется, я поспѣшилъ съ нимъ познакомиться.

Главою рода безсмертнаго преобразователя Русскаго слова есть его племянница, Матрена Евсеевна,

восьмидесяти - лѣтняя старушка. Не смотря на преклонныя лѣта свои, Матрена Евсеевна весьма бодра и наслаждается всѣми чувствами; глаза ея столь же живы, какъ гибокъ языкъ, какъ сильны мышцы, какъ легка поступь: только память нѣсколько измѣнила; но она съ удовольствіемъ вспоминаетъ о своемъ житьѣ - бытьѣ у дядюшки въ Петербургѣ, въ небольшомъ каменномъ домикѣ, на берегу грязной Мойки *. Въ особенности, словоохотно разсказываетъ она о гостепріимствѣ Михайла Васильевича, когда на широкомъ крыльцѣ накрывался дубовый столъ и сынъ Сѣвера пировалъ до поздней ночи съ веселыми земляками своими, приходившими изъ Архангельска на корабляхъ и привозившими ему обыкновенно въ подарокъ моченой морожки и сельдей. Точно такое же угощеніе ожидало и прочихъ горожанъ, пріѣзжавшихъ по первому зимнему пути въ Петербургъ, съ трескою. Надобно замѣтить, что Матрена Евсеевна играла на сихъ банкетахъ немаловажную роль, ибо, не смотря на молодыя лѣта свои, завѣдывала погребомъ, а потому хлопотъ и бѣготни ей было не мало. Точно такъ же въ жаркіе лѣтніе дни, когда дядюшка, обложенный книгами и бумагами, писалъ съ утра до вечера въ бесѣдкѣ, ей приходилось бѣгать въ западню за пивомъ, ибо дядюшка жаловалъ напитокъ сей прямо со льду. Изъ словъ старушки можно замѣтить, что поэтъ весьма любилъ заниматься на чистомъ воздухѣ: въ лѣтнюю пору онъ почти не выходилъ изъ саду, за коимъ самъ ухаживалъ, прививая и очищая деревья своимъ перочиннымъ ножикомъ, какъ видѣлъ то въ Германіи. Сидя въ саду или на крыльцѣ, въ китайскомъ халатѣ, принималъ Ломоносовъ посѣщенія не только пріятелей, но и самыхъ вельможъ, доро-

* Нынѣ домъ сей принадлежитъ Санктпетербургскому Почтамту.

жившихъ славою и достоинствами поэта, выше своего гербовника; чаще же всѣхъ и долѣе всѣхъ изъ нихъ снживалъ у него знаменитый Меценатъ его, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. – «Дай Богъ царство небесное этому доброму боярину!» присовокупляетъ старушка, перекрестясь трижды: «мы такъ привыкли къ его звѣздамъ и лентамъ, къ его разсолоченой каретѣ и шестеркѣ вороныхъ, что, бывало, и не боимся, какъ подъѣдетъ онъ къ крыльцу, и только укажешь ему, гдѣ сидитъ Михайло Васильевичъ, – а гайдуковъ своихъ оставлялъ онъ у приворотни. Бывало,» присовокупляетъ Матрена Евсеевна, «сердечной мой такъ зачитается да запишется, что цѣлую недѣлю ни пьетъ, ни ѣстъ ничего, кромѣ мартовскаго съ кускомъ хлѣба и масла.» Размышленіе и пылкость воображенія сдѣлали Ломоносова подъ старость чрезвычайно разсѣяннымъ. Онъ нерѣдко во время обѣда, вмѣсто пера, которое по школьной привычкѣ любилъ класть за ухо, клалъ ложку, которою хлѣбалъ горячее, или утирался своимъ парикомъ, который снималъ съ себя, когда принимался за щи. Рѣдко, бывало, напишетъ онъ бумагу, чтобъ не засыпать ея чернилами, вмѣсто песку...

Не знаю, многіе ли раздѣлятъ со мною удовольствіе, прочитавъ сіи малыя, ничтожныя подробности о великомъ соотчичѣ своемъ: по крайней мѣрѣ я слушалъ ихъ съ жадностію, уподобляя словоохотную старушку ветхой хартіи, которую разбираешь съ неусыпнымъ рвеніемъ, въ надеждѣ съ каждымъ словомъ приблизиться къ чему ни есть важному, любопытному, вознаградить труды и терпѣніе одною счастливою мыслію, одною самобытною истиною. Можетъ-быть, не найдутъ они въ семъ разсказѣ ничего изъ сего послѣдняго; по крайней мѣрѣ будущій біографъ Ломоносова скажетъ мнѣ спасибо за то, что я сохранилъ отъ совершеннаго забвенія

нѣкоторыя черты частной жизни великаго поэта: между-тѣмъ, какъ столько писано объ его литературныхъ и ученыхъ подвигахъ, тогда, какъ каждому Рускому, хотѣлось бы ближе познакомиться съ симъ знаменитымъ соотечественникомъ.

Сколько ни отражается на Матренѣ Евсеевнѣ лучъ славы знаменитаго ея предка, но и собственно по себѣ, собственно по своимъ трудамъ, заслуживаетъ она особенное уваженіе. Матрена Евсеевна занимается костоправствомъ, и съ такимъ искусствомъ, съ такимъ радушіемъ помогаетъ страждущему человѣчеству, что имя ея благословляется повсюду въ сѣверномъ краю Россіи. Она летитъ на помощь по первому призыву, не страшась ни холоду, ни дурной дороги, не разбирая ни часу времени, ни состоянія страдальца. Сколько переломленныхъ ногъ, вывихнутыхъ рукъ, поврежденныхъ головъ, чрезъ дивное искусство Матрены Евсеевны, приведены въ первобытное состояніе, и людямъ, осужденнымъ злою судьбою оставаться на вѣкъ колѣками или страдальцами, возвращены прежняя красота и здоровье! Со всѣмъ тѣмъ, она не гордится своимъ искусствомъ, а благодаритъ Бога за счастіе быть избранною орудіемъ Его милосердія, мало говоритъ о добрыхъ своихъ подвигахъ, и только изъ постороннихъ рѣчей и письменныхъ свидѣтельствъ благодарности можно получить о нихъ понятіе.

Къ сожалѣнію, Матрена Евсеевна потеряла надежду передать свое искусство въ родъ свой, не найдя способными къ тому ни дочь, ни невѣстку. — «Богъ не далъ имъ сей благодати,» говоритъ почтенная старушка. — И подлинно, любовь къ помощи ближнему, сіе глубокое познаніе человѣческаго тѣла, сіе тонкое осязаніе, коимъ одарены руки ея, наконецъ сіе присутствіе духа, рѣдкое въ женщинѣ,

суть не что иное, какъ Божеская благодать, какъ назначеніе свыше къ сему предопредѣленію.

Тогда, какъ мать хлопочетъ о соединеніи и исцѣленіи костей, достойный сынъ ея, Лапатинъ, основываетъ свое благосостояніе и славу – на разрушеніи ихъ! Онъ безъ милосердія пилитъ, точитъ, рѣжетъ кости! – Вы ужасаетесь? – но подождите немного, и узнаете, что Г. Лапатинъ есть лучшій рѣщикъ изъ кости въ Архангельскѣ, пилитъ, рѣжетъ и точитъ кости слоновыя, мамонтовыя, моржевыя съ неменьшимъ искусствомъ, какъ почтенная матушка его складываетъ и справляетъ человѣческія.

Весьма сожалительно, что Лапатинъ не умѣетъ рисовать, а то бы, по вѣрности глаза, по деликатности отработки, онъ могъ сравняться въ произведеніяхъ рѣзца своего съ отличными иностранными художниками въ семъ родѣ. Это невѣжество въ рисункѣ Лапатина и прочихъ Архангельскихъ мастеровъ на кости, безъ - сомнѣнія, причиною, что искусство сіе, столь прежде выгодное, нынѣ въ совершенномъ почти упадкѣ. Костяныя издѣлія, отправляемыя въ недавнихъ годахъ во множествѣ на всѣ ярмарки, теперь почти никуда не требуются, и я старался доказать Гг. художникамъ, что это не отъ чего другаго, какъ отъ естественнаго хода Изящныхъ Искусствъ, отъ распространенія лучшаго вкуса, между тѣмъ, какъ издѣлія ихъ мало подались впередъ. Давно ли еще у насъ лубочныя картинки украшали домы средняго класса людей, а плоскіе стихи съ рифмами считались за поэзію!

Очень было бы любопытно узнать начало рѣзнаго ремесла на кости въ Архангельскѣ. Ужъ не отъ того ли, что мамонтовая и моржевая кость привозилась въ Архангельскъ изстари Самоѣдами и Лопарями съ береговъ Печоры и Новой Земли?

Матрена Евсеевна утверждаетъ, что любезный сынъ ея весьма бы походилъ лицемъ на знаменитаго дѣда своего, если бъ чрезвычайная колосальность его не искажала желаннаго сходства. Лапатинъ исполинъ нашего вѣка, и мудрено даже повѣрить, чтобъ его огромные пальцы могли производить рѣзьбу, подобную самой тонкой, узорчатой ткани. Лучшее произведеніе Лопатина есть памятникъ его предку, по рисунку Мартоса.

Наконецъ я былъ и на Куръ-Островѣ, родинѣ Ломоносова. Не стану описывать на сей разъ путешествія моего изъ Холмогоръ въ сіе, по многимъ отношеніямъ, любопытное мѣсто: скажу только, что я долго сидѣлъ на развалинахъ дома, въ коемъ родился человѣкъ, ознаменованный печатью любимца Природы. Тысячи мыслей пріятныхъ и горестныхъ толпились въ моемъ воображеніи: предъ глазами моими была сцена младенчества незабвеннаго Ломоносова, а въ сердцѣ и умѣ тянулась нить всей его жизни. Врядъ ли кто изъ Рускихъ, подумалъ я, имѣетъ столько правъ на любовь и благодарность отечества, какъ Ломоносовъ. Достоинства его, какъ отличнаго поэта, какъ краснорѣчиваго оратора, какъ глубокомысленнаго мужа, какъ просвѣщеннѣйшаго человѣка своего времяни — малы, ничтожны передъ тою пользою, которую онъ сдѣлалъ въ умахъ своихъ соотечественниковъ, затмивъ своею ученостію сонмъ иностранцевъ, составлявшихъ мнимую Русскую Академію! Потомъ, увидя, что всѣ человѣческія свѣдѣнія остаются безполезными, когда бываютъ удѣломъ однихъ Ученыхъ, когда кругъ дѣйствія ихъ не распространенъ въ народѣ посредствомъ языка отечественнаго, каждому любезнаго и пріятнаго, Ломоносовъ пожертвовалъ славою Ученаго между Учеными, и сталъ писать о Наукахъ на языкѣ Русскомъ, — языкомъ чистымъ, яснымъ, гармоническимъ, имъ самимъ откры-

тымъ, скажу лучше, имъ сотворенным. И если употребленіе отечественнаго языка въ храмахъ молитвенныхъ, въ судилищахъ, въ станѣ воинскомъ и въ домахъ, есть лучшее свидѣтельство народа могущественнаго, независимаго, есть твердая ограда его благоденствія, то не должно ли назвать Ломоносова благодѣтелемъ своего отечества? Еще слово: безъ подвиговъ Ломоносова, едва ли бы ученые наши писали и теперь на языкѣ своемъ, едва ли бы мы убѣдились, что Русская Академія Наукъ можетъ состоять изъ Русскихъ Ученыхъ.

Налюбовавшись живописнымъ положеніемъ селенія Куръ - Острова, лежащаго на высокомъ берегу рукава Двины, нынѣ весьма мелкаго, а въ недавнемъ времени еще носившаго на волнахъ своихъ большія барки и морскія суда, *напившись*, по выраженію Пушкина, *запахомъ луговъ*, — необозримыхъ, покрытыхъ стадами тучнаго, красиваго скота, я пустился на Ровнину - Гору, познакомиться съ современникомъ и пріятелемъ Ломоносова, столѣтнимъ старцемъ, Кочневымъ. Справедливо кто-то замѣтилъ, что съ первымъ шагомъ въ жилище человѣка, можно судить о характерѣ и положеніи сего послѣдняго. Вообразите же, что могъ я заключить объ Архангелогородскомъ крестьянинѣ, когда, по чистому тесовому крыльцу, ввели меня въ пространную залу съ шестью окошками по одну сторону и столькими же фальшивыми по другую, гдѣ, вмѣсто стеколъ, вставлены зеркала. Остальныя стѣны увѣшаны портретами Царской фамиліи, начиная съ Петра Великаго, — довольно хорошей работы, въ золоченыхъ рамахъ. Въ одномъ углу нѣсколько образовъ въ серебряныхъ окладахъ, а въ другомъ Англійскіе часы въ футлярѣ изъ орѣховаго дерева. Вмѣсто люстръ компасы, а мебель, хотя стариннаго фасона, но чистая и въ порядкѣ. Предъ домомъ садикъ и огородъ.

Послѣ сего, я ни мало не удивился, когда вошелъ ко мнѣ сѣдовласой старецъ самой пріятной наружности, опираясь на трость съ золотымъ набалдашникомъ, и одѣтый въ черное бархатное полукафтанье. Я восхищался уже заранѣе бесѣдою съ умнымъ представителемъ эпохи, столь для меня любопытной, но, увы! — рука времени положила на память и языкъ столѣтняго старца неумолимую печать свою: онъ весьма мало удовлетворилъ моимъ ожиданіямъ. Кочневъ съ трудомъ вспомнилъ, что посылалъ неоднократно Ломоносову камни и пески съ родныхъ рѣкъ и горъ; что подарилъ бывшему Архангельскому Намѣстнику, Тимоѳею Ивановичу Тутолмину, достопамятный кафтанъ Ломоносова, на бѣлой подкладкѣ котораго видны были школьныя замѣтки его; что Куръ-Островъ былъ родиною, кромѣ Ломоносова, многихъ отличныхъ людей, каковы Скульпторы Шубинъ, Дудинъ, Верещагинъ, и извѣстный Зеленковъ. Сверхъ того болѣе десяти человѣкъ изъ селенія сего жалованы медалями.

Кочневъ до глубокой старости дѣятельно занимался кораблестроеніемъ. Искусство его, честность, умъ и правила доставили ему всеобщее уваженіе и благосостояніе. Начальники не только съ удовольствіемъ принимали его къ себѣ, но сами ѣздили къ нему въ гости, и не рѣдко призывали его на совѣтъ въ дѣлахъ важныхъ. Кочневу предлагали чины и почести, но онъ никогда не хотѣлъ перемѣнить своего крестьянскаго состоянія, въ которомъ, говорилъ онъ, былъ столь счастливъ, и принялъ только званіе Члена Экономическаго Общества. Вотъ второй примѣръ Кулыбина: желательно, чтобы ихъ было побольше....

Пріятности путешествія моего на родину Ломоносова заключились пріобрѣтеніемъ свертка черновыхъ

бумагъ, бо́льшею частію собственной руки его, на Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Латинскомъ языкахъ, за весьма умѣренное пожертвованіе. Разсматриваніе сей драгоцѣнной рукописи служило мнѣ во всю дорогу неисчерпаемымъ источникомъ удовольствій и любопытства, и убѣдило въ истинѣ, что разнообразіе занятій есть необходимая пища генія, въ истинѣ, доказанной Ломоносовымъ, Ньютономъ, Лейбницемъ, Вальтеръ-Скоттомъ. И здѣсь, въ сей небольшой тетради, видите образчики сихъ разнообразныхъ занятій великаго человѣка, отъ высокихъ умозрѣній въ математическихъ и естественныхъ Наукахъ до звучныхъ стиховъ; отъ разсужденій о горномъ дѣлѣ до проектовъ разнаго рода и офиціяльныхъ бумагъ.

Въ 1828 году сообщилъ я, изъ сей рукописи, для помѣщенія въ Горномъ Журналѣ, два небольшіе отрывка, которые служатъ новымъ доказательствомъ, что неутомимый Ломоносовъ, занимаясь Науками, слѣдовалъ и за ходомъ дѣлъ въ своемъ отечествѣ, и не упускалъ случая во всякомъ отношеніи быть ему полезнымъ.

**П. СВИНЬИНЪ.**

# АКТЕРЫ и АКТРИСЫ.

## СЦЕНЫ БОЛЬШАГО СВѢТА.

Не разъ спрашивалъ я себя: отъ чего не могу я преодолѣть отвращенія Леди Дильвортъ къ театру? отъ чего происходитъ ненависть ея къ актерамъ и актрисамъ? Предубѣжденіе ея противъ нихъ такъ сильно, что этому непремѣнно должна быть какая нибудь тайная причина. Но я проникну эту тайну.

Разсудивъ такимъ образомъ, я надѣлъ перчатки, вооружился тросточкою, пошелъ и сѣлъ противъ Леди Дильвортъ, Божіею и мужнею милостію Герцогини; она небрежно сидѣла на софѣ, и, увидя меня, выпустила изъ рукъ книгу, которую какъ-будто читала, но въ которой и листы не были еще разрѣзаны. По многимъ признакамъ я догадался, что почтенная Леди Дильвортъ скучаетъ, и что слѣдственно теперь можно заставить ее поразговориться.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ, сударыня, ложу на сегодняшній спектакль. Сегодня играетъ Миссъ Келли, актриса превосходная.

— О нѣтъ, благодарю васъ! Миссъ Келли актриса, если вамъ угодно, превосходная, безподобная, но я не хочу ее видѣть. Она актриса, и этого для меня довольно: я не люблю актрисъ. Я сама такъ долго отправляла это почтенное ремесло!

— Конечно, сказалъ я, вспомнивъ, что Леди Дильвортъ происходитъ по женской линіи отъ Плантагенетовъ, а по мужской отъ Ормондовъ: конечно вы были въ трупѣ Герцогини д'Узесъ, или Маркграфини, или Бриджеватера?

— О нѣтъ! я не была ни въ одной изъ этихъ трупп. Но, увы! я такъ долго, такъ часто играла комедію, и мнѣ такъ трудно было играть ее, что одно воспоминаніе о моихъ драматическихъ подвигахъ бросаетъ меня въ лихорадку.

— Неужели! Позвольте же спросить, когда вы дебютировали?

— О! этому будетъ ужъ шестьдесятъ два года; давно, какъ вы видите, но я еще очень хорошо помню это важное время. Прежде всѣхъ выучила меня играть моя кормилица. У меня былъ почтенный дѣдушка; онъ нѣкогда служилъ въ арміи, носилъ усы, и отъ этихъ усовъ ужасно пахло табакомъ; притомъ уже одинъ взглядъ его пугалъ меня. Все это не мѣшало мнѣ играть роль мою, складывать ручки, какъ мнѣ было приказано, и просить дѣдушку, чтобы онъ поцѣловалъ, то есть, задушилъ меня. Поцѣлуй дѣдушки былъ ужаснѣйшая казнь, какою только можно погрозить маленькой дѣвочкѣ. Но это не мѣшало мнѣ каждый вечеръ начинать снова предписанное представленіе и усердно выпрашивать того, что я ненавидѣла. Правду сказать, я играла въ свою пользу: дѣдушка умеръ и оставилъ мнѣ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ чистаго дохода.

— Вы это называете своимъ дебютомъ?

— Признайтесь, что это было не дурно!

— Конечно; но потомъ вы, вѣрно, сошли съ театра?

— О, нѣтъ! Я принуждена была играть всѣхъ героинь новѣйшихъ романовъ. Я представляла дѣвическую стыдливость, невинность и незнаніе. Подъ руководствомъ моей гувернантки я играла роль дѣвушки набожной, учтивой, привѣтливой; я ходила всегда съ потупленными глазами, восхищалась произведеніями Художествъ; я была стыдлива какъ Памела, благоразумна какъ Генріетта Байронъ, бережлива и воздержна какъ Кларисса Гарловъ. Ахъ,

какъ дорого платила я за мои успѣхи! Мнѣ хотѣлось бѣгать по полямъ, рѣзвиться, какъ молоденькая дѣвушка, а между-тѣмъ я принуждена была притворяться, какъ актриса. Какая скука! Но за то у меня были обожатели, и это меня утѣшало. Когда уже всѣ убѣдились, что я ангелъ, и что ни одна изъ романическихъ героинь не можетъ со мною сравниться, гувернантку мою отпустили: да и какая была въ ней надобность, когда я уже привыкла къ ремеслу своему! Я осталась одна, и начала читать запрещенныя книги, которыя попадались мнѣ подъ руку.

— И послѣ всѣхъ этихъ приготовленій и репетицій, какой нибудь гвардейскій красавецъ помогъ вамъ сдѣлать развязку?

— О, нѣтъ! Это бы и плохая актриса сдѣлала. Убѣжать съ какимъ нибудь Полковникомъ! Нѣтъ, это слишкомъ просто, слишкомъ пошло; а я была истинная актриса, какъ вы сейчасъ увидите. Лордъ Дильвортъ, сказать вамъ правду, былъ человѣкъ пренесносный: онъ говорилъ Ирландскимъ нарѣчіемъ, какъ Коннаутскій мужикъ; онъ былъ тяжелъ, неуклюжъ, неловокъ; отъ него самого и отъ его разговоровъ пахло табакомъ и джиномъ. Я за него вышла. Посмотрѣли бы вы на мою благородную покорность волѣ родителей, на мою нѣжность къ жениху, на восхитительную стыдливость! Я трепетала какъ Памела, краснѣла какъ Кларисса. Всѣ журналы отдавали справедливость изящности, естественности, прелести моей игры.

— Прекрасно. Потомъ вы, конечно, начали представлять супружескую любовь?

— Нѣтъ, это было не нужно. Лишь бы только мой мужъ могъ пить, курить, играть на билліардѣ и принимать всѣхъ своихъ Ирландскихъ родственниковъ, съ которыми онъ напивался; лишь бы толь-

ко я играла роль жены внимательной и покорной, онъ ничего отъ меня болѣе не требовалъ. Признаюсь вамъ откровенно, что эта покорность была иногда очень тягостна, и что актриса, наскучивъ своей ролью, посматривала въ ложи, на одного красавчика, молодаго Пера. Другія актрисы, мои соперницы, тотчасъ замѣтили мою разсѣянность, свели въ партеръ людей со свистками, и въ лучшемъ мѣстѣ моей роли, весь партеръ поднялся на меня. Я прибѣгла къ моему искусству, начала плакать, и меня простили. Женщины распустили вѣеры и рѣшили, что я интересная жертва; мужчины схватились за шпаги, и поклялись, что выгонятъ моихъ хулителей и готовы защищать меня противъ всѣхъ и каждаго.

— Хорошо, очень хорошо: вотъ, что называется, успѣхъ совершенный!

— Представленіе еще не кончилось: мнѣ оставалось сыграть еще фарсу. Молодой Перъ, для котораго я скомпрометировалась, былъ убитъ на дуэли, и многіе изъ его пріятелей и соперниковъ спѣшили занять его мѣсто. Они начали носить любимый цвѣтъ мой и съ бѣшенствомъ мнѣ апплодировали. Это было лестно для моего самолюбія; но мой мужъ вздумалъ, что успѣхи мои будутъ невыгодны для него, и потребовалъ, чтобы я уѣхала изъ Лондона въ провинцію.

— Не весело, для такой превосходной актрисы!

— У кого есть дарованія, тотъ вездѣ найдетъ случай выказать ихъ. Я сначала играла роль хозяйки, мызницы, помѣщицы. Садилась въ вистъ и въ бостонъ съ добрыми деревенскими дворянами. Слушала толкованія сновъ, разсужденія объ охотѣ, о зайцахъ, кроликахъ и оленяхъ. Утвердившись въ этой роли, я сдѣлала нѣкоторыя перемѣны въ Мольеровомъ *Мнимомъ больномъ*, котораго уже играла въ молодости и знала наизусть. Я разлеглась на ди-

ванъ, сдѣлалась хворою, потомъ начала страдать біеніемъ сердца и мигренью. Я задернула занавѣсы, не стала никого принимать; получила право быть не въ духѣ, бранить людей и грубо обходиться съ мужемъ. Знаменитѣйшій провинціяльный докторъ объявилъ, что онъ ровно ничего не понимаетъ въ моей болѣзни, и что она неизлечима.

– Эта роль должна быть довольно скучна: необходимыя ея принадлежности – микстуры, пилюли и пропосныя.

– Ничего не бывало. Вы совсѣмъ не понимаете этой роли. Г. Пургона и Г. Діафоруса вычеркиваютъ изъ списка дѣйствующихъ лицъ. Можно быть нездоровою, и лечиться музыкою, цвѣтами, благовонными куреніями, новыми романами и слезами: таешь, иногда лишаешься чувствъ, ѣшь конфекты и толкуешь о чувствительности и меланхоліи; по временамъ страдаешь спазмами. Трудность этой роли состоитъ въ выздоровленіи: все пропало, если выздоровѣешь слишкомъ скоро. Надобно оживать медленно, понемножку, граціозно, съ тихою, почти нечувствительною постепенностію. Надобно, чтобы болѣзнь нѣсколько разъ возвращалась; надобно пугать мужа, не заставляя его однако жъ страшиться за жизнь; надобно наскучать ему, покуда отстанетъ; не давать ему ни минуты отдыха; утомить его такъ, чтобы онъ наконецъ оставилъ васъ въ покоѣ и на свободѣ; но для этого надобно его увѣрить, что вы слишкомъ слабы, чтобы употребить во зло эту независимость, и между-тѣмъ слишкомъ еще здоровы, чтобы вдругъ отказаться отъ свѣта.

– Какое удивительное притворство!

– Скажите лучше, какое актерство: въ свѣтѣ только и видишь, что трагедіи и комедіи. Мы всѣ ходимъ въ маскахъ: кто искуснѣе, тотъ и счастливѣе. Богъ далъ намъ умъ только для того, чтобы под-

держивать представленіе и дѣлать его занимательнымъ. Да притомъ, что жъ въ этомъ дурнаго? Почтенный Г. Дильвортъ, мужъ мой, былъ очень доволенъ мною, и когда я однажды играла Графиню въ Виндзорскомъ замкѣ, Е. В. Георгъ IV пришелъ въ такой восторгъ. отъ моей пантомимы, что далъ мужу моему мѣсто, которое приносило ему десять тысячъ фунтовъ. А мы бы ничего не получили безъ скромной величавости всѣхъ моихъ движеній, пріятности положеній, которыя я принимала, прелести чувствованій, которыя научилась я выражать, и моихъ остроумныхъ отвѣтовъ, выбранныхъ изъ разныхъ собраній остротъ. Вы знаете, конечно, какое блистательное мѣсто занимала я долгое время при Дворѣ?

– Знаю; матери и теперь еще поставляютъ васъ въ примѣръ дочерямъ своимъ.

– Позвольте! вскричала Леди Дильвортъ, вставъ съ своего мѣста и прислонившись къ софѣ: вотъ, кажется, позиція, которая всего болѣе нравилась въ Виндзорѣ.

– Боже мой!.... точно Миссъ Сиддонсъ * въ прекраснѣйшія свои минуты!

– Когда величавость прежняго Двора замѣнилась легкими пріятностями новаго, я перемѣнила характеръ моей роли; я стала играть роль кокетки, острила, любезничала, капризничала, восхищала; и имѣла опять такой блистательный успѣхъ, что доставила выгодныя мѣста всѣмъ моимъ родственникамъ и еще усилила мое вліяніе; а милый мой Адольфъ, то есть, мой мужъ, получилъ Герцогство Вильфордское.

– Это презанимательная исторія. Кажется, Герцогъ Іоркскій былъ вашимъ покровителемъ?

– Да! Я для него именно играла роль доброй жен-

* Извѣстная Англійская актриса.

щины: нельзя же было ему не взять ложи въ мой бенефисъ.

— Сдѣлайте милость, продолжайте, сударыня: вы меня все болѣе и болѣе удивляете.

— Лордъ Вильфордъ такъ сильно употреблялъ во зло джинъ и казарменную жизнь, что черезъ два года послѣ того, какъ получилъ наслѣдство отъ дяди, всѣ врачи отъ него отказались. Я видѣла, что мнѣ скоро надобно будетъ лишиться его,—замѣтьте выраженіе: лишиться! — лишиться человѣка, который мучилъ меня всю жизнь! Все богатство, котораго онъ былъ недостоинъ, доставалось мнѣ! Я дѣлалась своею госпожею! И повѣрите ли, я такъ хорошо актерствовала, что обманула всѣхъ зрителей, и что цѣлые два года даже ни одинъ изъ людей моихъ не усомнился ни на минуту въ искренности моей печали? Эта эпоха была величайшимъ торжествомъ моимъ: вы согласитесь, что не легко было удерживать безпрерывно радость мою, счастіе, которымъ наполнилось мое сердце при происшествіи благополучномъ, такъ долго ожиданномъ; не легко было мнѣ заставлять углы рта опускаться, чтобы выразить на лицѣ не пылкое отчаяніе, но глубокую, неутѣшимую горесть!

— Превосходно! Даже и теперь я восхищаюсь вашимъ искусствомъ.

— Это все было тогда, когда мужъ мой еще только умиралъ. Когда я овдовѣла, мнѣ не много надобно было перемѣнять въ выраженіи лица: я опустила еще нѣсколько концы рта, сблизила брови; лице мое и безъ того уже привыкло къ задумчивости. Я играла вдову съ такимъ же искусствомъ, какъ и всѣ другія мои роли. Въ первомъ дѣйствіи глубокая горесть, печальная покорность судьбѣ; во второмъ, скорбь, нѣсколько уже облегченная; въ третьемъ веселіе начинаетъ уже проявляться; въ

четвертомъ кружева, диконькія волнистыя платья и лучъ надежды и утѣшенія, играющій на лицѣ.

— Вы, конечно, хотѣли остаться вдовою?

— Да! Но это не было твердымъ, непремѣннымъ моимъ намѣреніемъ.

— Какъ же вы дали знать публикѣ, что, можетъ-быть, не всегда останетесь вдовою?

— Я приняла задумчивый видъ женщины, которая находится въ нерѣшимости, совѣтуется съ своимъ сердцемъ, разсуждаетъ и боится рѣшительнаго шага. Я составила себѣ важную, благородную и спокойную физіономію Миссъ Сиддонсъ, когда, играя роль Королевы, она размышляетъ о судьбѣ царствъ. Но Евгеній, молодой адъютантъ, который нѣкогда игралъ со мною роли любовниковъ, женился, и я рѣшилась остаться вдовою.

— И вы, конечно, сдѣлались мизантропкою, стали играть роль героини оскорбленной, разгнѣванной?

— О, нѣтъ! это не нравится публикѣ. Напротивъ, я сдѣлалась веселою, шаловливою, — превосходная роль для женщины, которая еще не старѣется, но замѣчаетъ уже, что листья скоро начнутъ опадать! Прелестная игривость, улыбки, веселыя шутки, насмѣшки, — я все себѣ позволяла, и мною такъ восхищались, что соперницы мои чуть не умерли съ досады.

— Какое торжество!....

— Да! отвѣчала Леди Дильвортъ со вздохомъ: торжество! Я уходила за кулисы, и плакала!

— Но я думалъ, что вы въ то время были счастливы?

— Я была актриса, — и только! Подъ наружною веселостью скрывались слезы. Театральная жизнь не всегда пріятна. Я просила мѣста въ провинціи, и мнѣ отказали.

— Вамъ отказали? Какъ же это?

– Евгеній жилъ въ Шотландіи; онъ лишился жены и обошелся со мною такъ гордо, что это походило на презрѣніе.

– Неблагодарный!

– Конечно, если вы хотите, неблагодарный; но онъ поступилъ разсудительно и благоразумно. Какой умный человѣкъ женится на актрисѣ?

– Позвольте вамъ сказать, сударыня: если вы такъ презираете актрисъ, зачѣмъ же вы сами были актрисою?

– Меня къ этому принудили. Я уже говорила вамъ, что сначала брала уроки у моей кормилицы; потомъ учила меня мать моя. Сначала надо было представить кротость, безотвѣтную послушность; потомъ ласковость и чистосердечіе; потомъ невинность и стыдливость. Всему этому, и только этому, меня учили. Какъ скоро къ намъ пріѣзжали гости, я думала, что выхожу на сцену. Разговоры мои, жесты, – все было заранѣе приготовлено. Я вступила въ свѣтъ актрисою, и нашла въ немъ только актрисъ и актеровъ. Глупо было бы выказывать истинныя свои чувства и выражать настоящія свои мысли: это значило бы сражаться безъ платья съ воиномъ въ латахъ. Я разсудила, что сдѣлаю неисправимую ошибку, если явлюсь съ открытымъ лицемъ въ обществѣ людей замаскированныхъ. Истинная привязанность, чистосердечныя чувствованія меня бы погубили, и я играла роль, которая нравилась публикѣ. Ахъ!....

– Отъ чего этотъ вздохъ?..... Жизнь ваша была блистательна. Уваженіе къ вашему таланту должно было радовать васъ.

– Нѣтъ, нѣтъ! Приходитъ время, когда скучно уже румянить морщины, когда голосъ суфлера становится несноснымъ, когда принуждена бываешь представлять пожилую и оставить блестящія роли. Это горько! Я сдѣлала, что было можно. Я укра-

шала лице мое улыбкою благоволенія къ юношеству, видомъ снисходительности и добродушія, играла роль привѣтливой хозяйки, покровительницы Искусствъ, доброй родственницы. Наконецъ и филантропическія фразы, и моя неизмѣнная привѣтливость мнѣ жестоко наскучили. Я наняла компаніонку, и, оставаясь съ нею одна, вознаграждаю себя за все это притворство. Я перестала быть актрисою. Я сдѣлалась хворою, капризною, взыскательною, сердитою. Съ тѣхъ поръ я играла дома естественную роль мою, роль скучающей старухи.

– Скажите лучше, роль женщины доброй, любезной, снисходительной. Позвольте мнѣ думать, что вы еще не отказались отъ театра. Отставка ваша была бы несчастіемъ для свѣта. Такъ какъ вы теперь, вы очень милы. Но позвольте мнѣ спросить васъ, отъ чего вздумалось вамъ открыть мнѣ тайну своего искусства? Не замѣчаете ли вы во мнѣ склонности къ театру?

– Нѣтъ! Однако жъ.....

Она остановилась.

– Привычка во мнѣ такъ сильна, что я начала было актерствовать и съ вами. Но, поразмысливъ, я увидѣла, что исповѣдь моя для васъ не новость, любезный Фредерикъ. Вы знали Евгенія, который видалъ меня за кулисами. Исторія моей театральной сцены была вамъ извѣстна. Не правда ли?

– Ахъ, сударыня, что вы говорите?

– Довольно!.... Ни слова болѣе. Но впередъ, вы уже не станете приглашать меня въ театръ, и будете знать, отъ чего происходитъ непреодолимое отвращеніе мое къ актерамъ, актрисамъ, спектаклю, декораціямъ, костюмамъ, и ко всему, что въ этомъ свѣтѣ комедія.

О.

*Tait's Edinburg Magazine. – Biblioth. Brit.*

# О ЗАПИСКАХЪ

## МАРКИЗЫ ДЕ КРЕКИ. *

## МНѢНІЕ ОДНОГО МАРКИЗА.

Судя по самымъ Запискамъ, по примѣчаніямъ, по предисловію, надобно думать, что авторъ Воспоминаній Маркизы де Креки хотѣлъ выставить съ хорошей стороны и старыхъ вдовушекъ, и слогъ стараго времени. Авторъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ весьма остроумный: онъ очень хорошо играетъ роль издателя; онъ такъ искусно поддѣлывается подъ время, которое хотѣлъ изобразить, что его можно было бы упрекнуть въ томъ, что онъ ужъ черезъ чуръ тотъ, кѣмъ быть хотѣлъ; что тутъ «болѣе Арабскаго, чѣмъ въ самой Аравіи», какъ говорили, помнится,

* Souvenirs et Mémoires de madame la Marquise de Créqui. Сочиненію этому предназначено, кажется, играть блистательную роль въ Европейской Словесности нынѣшняго года. Нѣкоторый родъ таинственности, искусно сообщенной отрывкамъ, напечатаннымъ изъ неизданной рукописи въ L'Europe Littéraire, возбудилъ уже любопытство публики, столько разъ обманутой подложными Мемуарами, и надѣющейся получить въ этотъ разъ что-нибудь подлинное. Въ предъидущей книжкѣ мы извѣстили о выходѣ въ свѣтъ въ Парижѣ первой части этихъ Записокъ. У насъ любители Французскаго чтенія, уже познакомившіеся съ этими отрывками посредствомъ издающагося здѣсь Журнала Revue Etrangère, вѣроятно захотятъ читать и самые Мемуары, которые, въ самомъ дѣлѣ, обѣщаютъ много любопытнаго: по этому они безъ сомнѣнія съ удовольствіемъ прочитаютъ впередъ сужденіе объ нихъ одного изъ лучшихъ литературныхъ Журналовъ, издаваемыхъ въ Парижѣ.

о сказкахъ Гамильтона. Но, хотя изъ подъ чепца старой Маркизы и выглядываетъ мужская голова, мы, въ угодность умному издателю, притворимся, будто этого не видимъ: мы ссориться съ нимъ не станемъ, — нашъ вѣкъ легковѣрнѣе, чѣмъ думаютъ. Чтеніе этой книги принесло мнѣ столько удовольствія, что, право, не совѣстно немножко поддержать будущій успѣхъ Воспоминаній Маркизы де Креки: самъ я готовъ пособить мистификаціи; я предлагаю себя въ комперы, и буду усердно увѣрять всѣхъ въ ихъ подлинности. Притомъ, почему знать? Лѣтъ пять или шесть назадъ, Карлъ X ручался передъ всѣмъ своимъ Дворомъ за подлинность Записокъ Г-жи Дюбарри, и еще недавно знаменитый дипломатъ провозглашалъ въ Лондонѣ подлинность Мемуаровъ Лудовика XVIII. А если правда, что одинъ ученый Профессоръ сказалъ съ публичной каѳедры, что Романы могутъ быть подлиннѣе самой Исторіи, почему же мнѣ, простому свѣтскому человѣку, старому и суевѣрному Маркизу, — почему не сказать, не улыбаясь, что кто захочетъ изучить общество осьмнадцатаго столѣтія, тотъ долженъ читать Воспоминанія Маркизы де Креки, какъ единственное достовѣрное изображеніе того времени? До сихъ поръ вышла только одна часть; но пусть выйдутъ другія, и я ихъ поставлю у себя въ библіотекѣ рядомъ съ маленько самолюбивою, но прелестною болтовнею Г-жи Дюдефанъ, дѣвицы де-л'Эпинассъ и другихъ умныхъ писательницъ осьмнадцатаго вѣка.

Будто я не знаю, какой важный удѣлъ ожидаетъ женщинъ въ проповѣдуемомъ нынѣ порядкѣ вещей будущаго нашего общественнаго быта! Я читаю все, что пишутъ Сенъ-Симонисты съ бородами, и безбородые Философы во фракахъ и въ юбкахъ! Это дѣло рѣшеное: женщины свергнутъ иго мужскаго тиран-

ства, — и будетъ на землѣ женскій полъ независимый отъ мужскаго пола; у него будетъ женское войско, женскіе драгуны, женскіе гренадеры, женскіе жандармы, женскіе судьи, Фельдмаршалы, Министры; будутъ даже женщины-мудрецы, женщины-Папы и женщины - Цари, которыя будутъ разбивать мужскихъ драгунъ и гренадеровъ, судить мужчинъ-деспотовъ, держать весь этотъ злобный, завидливый, аристократическій полъ подъ каблукомъ. Но позвольте мнѣ спросить васъ, милостивыя государыни, будутъ ли между вами любезныя женщины, такія, какъ бывали въ старое время, до Французской революціи?.... Увы, я жалѣю не только о тѣхъ, которыхъ зналъ еще молодыми, но и о тѣхъ, которыхъ засталъ уже старушками, — о живыхъ воспоминаніяхъ моей юности. Не принимайте же въ дурную сторону того, что я сказалъ о Воспоминаніяхъ Маркизы де Креки, именно, что сочинитель ихъ хотѣлъ выставить съ хорошей стороны вдовушекъ осьмнадцатаго вѣка. Я любовался въ этой книгѣ драгоцѣннымъ отблескомъ Французскаго общества, какимъ зналъ его въ 1780 году..... Вы видите, что я очень старъ: будьте же снисходительны къ моей болтовнѣ и моимъ сожалѣніямъ.

Я не хочу злословить нынѣшнихъ Парижанокъ, и не стану говорить о томъ, какими нашелъ ихъ по возвращеніи изъ эмиграціи; но помню, какъ жестоко помяты были всѣ мои надежды на ожидающія меня удовольствія въ преобразующейся Франціи, когда, уходя отъ суматохи преобразованія, очутился я вдругъ посреди Англійскаго общества, которое наши преобразователи принимали себѣ въ образецъ. Это часто было предметомъ моихъ разсужденій среди образцовыхъ мужчинъ и образцовыхъ женщинъ въ образцовыхъ Лондонскихъ отеляхъ.

До революціи Парижское общество могло назы-

ваться именно хорошимъ свѣтомъ по тремъ причинамъ: 1) потому, что изъ него исключены были всѣ разночинцы; 2) по умственному превосходству женщинъ надъ мужчинами; 3) по отсутствію политики. Нѣтъ сомнѣнія, что первое необходимо для сохраненія утонченности хорошаго обращенія или, лучше сказать, его непринужденности и естественности. Исключить разночинца, bourgeois, значило не только исключить грубыя и низкія формы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и зависть, и взаимное презрѣніе, и столкновеніе между гордостью знати и плебеевъ. Тамъ, гдѣ всѣ благородны, тамъ всѣ равны между собою; гдѣ всякой на своемъ мѣстѣ, — тамъ всякой показывается такимъ, каковъ онъ есть, не боясь, что его почтутъ за человѣка низшаго себя или незнающаго приличій: когда у васъ есть гербъ, вы можете быть оригиналомъ, но никогда не будете человѣкомъ безъ воспитанія. Отсюда свободность, чинность, изящность обращенія въ обществѣ, всѣ члены котораго принадлежали къ одному большому семейству. Таково было до революціи Парижское хорошее общество. Допустите смѣшеніе классовъ, и вы отворите дверь всѣмъ претензіямъ купеческаго богатства, плебейскихъ знаменитостей, всѣмъ обиженнымъ тщеславіямъ. Разнородность скоро сдѣлается шумною, или осторожность и принужденность позволятъ вамъ только обмѣнъ холодныхъ и лицемѣрныхъ учтивостей. Каждый будетъ оставаться самъ про себя или подвергнется опасности прослыть хвастуномъ; разговоръ достанется въ руки какимъ-нибудь записнымъ пустомелямъ; но всѣ тѣ, которые не будутъ говорить ни слова, постараются придать своему молчанію видъ равнодушія или гордости, чтобы показать, будто ничтожность ихъ произвольна.

Но истинная прелесть Французскаго общества происходила отъ женщинъ. По признанію всей образо-

ванной Европы, Французскія женщины, въ умственномъ отношеніи, во всѣ времена были равны мужчинамъ другихъ странъ. Смотря по модѣ и по требованіямъ времени, начиная съ лиги до революціи, которая предъ своими Судами жестокосердо уравнила ихъ съ мужчинами, Французскія женщины играли важную роль то въ политикѣ, то въ Литературѣ, то въ религіозныхъ преніяхъ. Въ послѣдніе два вѣка онѣ, можно сказать, не только давали направленіе вкусу во всемъ, что касается до Литературы и Искусствъ, — составляющихъ умственную роскошь, но, не смотря на законъ Салическій, были еще повѣренными и дѣятельными посредницами во всѣхъ правительственныхъ интригахъ. За то всѣ иностранцы удивлялись, видя въ нашихъ гостиныхъ женщинъ, которыя были въ состояніи спорить съ мужчинами обо всѣхъ общихъ вопросахъ. Дѣло въ томъ, что если женщины образовывали мужчинъ, мужчины также образовывали женщинъ. Люди съ дарованіемъ, люди порядочные, исключительно посвящали себя обществу, и не были отвлекаемы отъ него многочисленными обязанностями нынѣшняго гражданина, должностными, избирательными, департаментскими, муниципальными и прочая, и прочая. Коротко сказать, беззаботные искали общества женщинъ потому только, что находили въ немъ удовольствіе; честолюбивые, потому, что только чрезъ нихъ можно было достигнуть до высшихъ сановниковъ и даже до Короля. Не надобно думать, чтобы всѣ высокія любовницы, всѣ фаворитки, были только миленькія Одалыки, обреченныя на праздное рабство внутреннихъ покоевъ и уборныхъ. Тогда женщина привлекала любовь столько же умомъ, какъ и красотою: напротивъ, надлежало быть любезной, чтобъ быть красавицею. Любезная женщина былъ типъ женщины. Такъ было прежде: но теперь,

когда Философы взялись преобразовать наше общество на образованнѣйшій ладъ и учредить у насъ двѣ Палаты,—конечно все будетъ еще лучше. Вотъ почти то, что я осмѣливался съ вѣжливостью старинпаго Маркиза говорить нашимъ образцамъ, Лондонскимъ Лордамъ и Леди, я, бѣднякъ, принужденный оставить свое отечество потому, что какому-то Банкиру Неккеру вздумалось ввести во Францію начала Англійскаго правленія.

Лорды и Леди всегда отвѣчали мнѣ:—«Конечно!....» Но одинъ Англичанинъ, человѣкъ съ дарованіемъ, писавшій въ послѣдствіи въ Лондонскихъ и Эдинбургскихъ Журналахъ, сказалъ мнѣ однажды съ какою-то смѣсью гордости политическаго человѣка и смиренія общественнаго человѣка:—«Маркизъ! (этотъ Англичанинъ былъ человѣкъ преучтивый и даже во время Республики называлъ меня Маркизомъ): превосходствомъ своимъ въ свѣтѣ, вы, Французы, обязаны своему прежнему Правленію. Въ вашихъ гостиныхъ общества лучше чѣмъ въ нашихъ, потому, что у васъ нѣтъ ни Палаты Лордовъ, ни Нижней Палаты, которыя бы отнимали у нихъ всѣхъ говоруновъ. Ваше общество, если вы хотите, разнообразнѣе нашего: у васъ нѣтъ театра, на которомъ вы могли бы выказать свои ораторскія дарованія, кромѣ гостиныхъ и уборныхъ. У насъ на-бѣду онъ есть. У насъ общественныя забавы, истинное удовольствіе жизни, предоставлены безбородымъ вертопрахамъ или старымъ глупцамъ, не отъ того, чтобы у насъ недоставало дарованій для украшенія ихъ умомъ и любезностью, но отъ того, что наше честолюбіе и политикобѣсіе влечетъ насъ въ другую сторону. Когда какой нибудь новый Кромвель опять закроетъ Парламентъ, тогда общества наши сдѣлаются и умнѣе и занимательнѣе. Намъ бы не мудрено было имѣть Версальскіе сады, такіе же, какъ

у васъ, если бы мы захотѣли отказаться отъ своихъ парковъ; не мудрено было бы имѣть фонтаны и каскады, если бы мы вздумали провести въ сады ручьи, которые необходимы для наполненія полей; но мы не можемъ имѣть того, что пріятнѣе парковъ и ручьевъ, — мы не можемъ имѣть любезныхъ женщинъ.

«Женщины наши, продолжалъ онъ, этотъ умный и вѣжливый Англичанинъ, гораздо ниже вашихъ, потому, что всѣ мы государственные люди и бредимъ политикою: онѣ имѣютъ честь быть рабынями государственныхъ людей, которые не въ правѣ имѣть любовницъ. Во всякомъ другомъ образѣ правленія, женщины бываютъ сближены съ мужчинами и вмѣстѣ съ ними думаютъ и чувствуютъ: это сближеніе знакомитъ ихъ съ людьми и дѣлами, со всѣми умственными удовольствіями и занятіями мужчины, и можетъ сообщить имъ способность тонко наблюдать характеры и нравиться въ разныхъ видахъ. Мы, Англичане, какъ глубокіе политики, не довѣряемъ природному уму женщинъ. Вотъ, почему мы запрещаемъ женщинамъ быть слишкомъ умными; вотъ, почему мы обходимся съ ними, какъ съ существами низшими насъ; вотъ, почему заключаемъ мы ихъ въ домашнемъ кругу и приказываемъ имъ заниматься мелочами. Дѣло въ томъ, что нашимъ умнымъ людямъ нѣкогда говорить объ умныхъ вещахъ со своими женами, а женщины, бывающія въ свѣтѣ, находятъ тамъ мужчинъ, столь же поверхностныхъ, какъ и онѣ, и также исключенныхъ изъ политической жизни своими дѣлами, возрастомъ или лѣнію. Во Франціи, напротивъ того (то есть, въ прежней Франціи: мой Англичанинъ не имѣлъ счастія знать нынѣшней), во Франціи вашимъ умнымъ мужчинамъ ничто не препятствуетъ быть умными у себя дома, стараться нравиться женщинамъ

и обработывать умственныя ихъ способности, чтобы возвысить ихъ въ уровень съ своими. Когда у васъ, во Франціи, устроится такое же краснорѣчивое правленіе, какъ у насъ, посмотримъ, каково будетъ тогда ваше общество!»

Собесѣдникъ мой могъ бы прибавить, что въ послѣднее время до революціи, хорошее общество принимало въ нѣдра свои писателей, — и это было весьма выгодно и для писателей, и для Словесности, и для хорошаго общества. Тогда были у насъ литераторы свѣтскіе люди, и свѣтскіе люди литераторы. Не всѣ писатели были любезны, какъ Сенъ-Ламберъ, но и не всѣ такіе медвѣди, какъ Жанъ-Жакъ-Руссо. Государственные люди, философы и поэты сообщали женщинамъ свои идеи; женщины сообщали имъ свою прелесть и тонкія наблюденія. Мужчины учили женщинъ говорить, даже думать, женщины учили мужчинъ жить. Нынѣшніе наши литераторы, которые такъ много говорятъ объ XVIII вѣкѣ, долженствовали бы сначала изучить тогдашнее общество, а потомъ уже, если угодно, злословить его. По-этому я предпочитаю ихъ романамъ *исторіи* или, пожалуй, *романы* нравовъ, которые называются Записками. Въ этомъ отношеніи я очень благодаренъ издателю Воспоминаній Маркизы де Креки за то, что онъ старается выставить прежнее время съ хорошей стороны. Я очень благодаренъ ему за его анекдоты, даже за его злословіе; они драматически переносятъ меня во Францію молодыхъ лѣтъ моихъ, когда мы встрѣчали въ нашихъ *мелочныхъ* гостиныхъ мужчинъ, каковы были Господа де Вольтеръ, Монтескіё, Бюффонъ, д'Аламберъ, Гено, Дидеро, и женщины, каковы Г-жи де Креки, Неккеръ, Сталь, Шуазель и проч.

Для противоположности я, послѣ Записокъ Маркизы де Креки, стану говорить вамъ о Запискахъ

Герцогини д'Абрантесъ, которая съ такою же вѣрностію и такою же любовію передала намъ гостиную болтовню временъ Имперіи. Любопытно сравнить легитимистскую Маркизу съ либеральною Герцогинею, славу и пустошь прежнихъ временъ съ славою и пустошью временъ Имперіи. Признаюсь вамъ откровенно, что любимыя мои книги – Записки, подлинныя, какъ Записки Маркизы де Креки: это родъ Литературы, въ которомъ Французскій умъ сохранилъ и понынѣ все свое превосходство, по признанію меморіографовъ Англійскихъ, Германскихъ, и даже Италіянскихъ.

О.

*Revue de Paris.*

# АНГЛИЧАНЕ

## ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

Вообще говорятъ, что въ блаженныя старыя времена, когда только Англійская знать ѣзжала въ чужіе краи, имя нашихъ соотечественниковъ пользовалось лучшею славою, нежели теперь, и что, за исключеніемъ той буль-дожьей свирѣпости, которою, по словамъ Смоллета, всегда извиняли въ насъ привычку налагать руку на таможенныхъ приставовъ и городовыхъ, мы дѣйствительно слыли на твердой землѣ людьми порядочными. Но я не могу искренно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. И въ то время, по описаніямъ, Англійскій *милордъ*, milor anglaise, *минувшихъ дней*, былъ не многимъ лучше Лондонскаго портнаго, который *теперь* путешествуетъ въ Европѣ въ этомъ благородномъ званіи, и также называется milor anglaise. Да и безъ всякихъ сравненій мы должны допустить ту неоспоримую истину, что нѣтъ города, нѣтъ деревушки на материкѣ, которую бы можно было благовоспитанному Англичанину посѣтить, не краснѣя отъ уморительныхъ карикатуръ, искажающихъ тамъ нашу народную славу. Пожалуйте въ Кале, въ Булонь, куда угодно, и посмотрите на уродливыя фигуры, которыя тамъ величаются именемъ образцовъ Англійскаго щегольства. Взгляните, Бога ради, на ихъ стянутыя или распущенныя шляпы съ огромными полями, на чудный покрой ихъ платья, на ихъ бакенбарды, усы, чванство, невѣжество, наглость, и подумайте только, что нарядъ и тонъ, нестерпимые въ гостиныхъ

Ковентъ-Гардена, благополучно слывутъ ссбѣ у добрыхъ людей, небывавшихъ въ Англіи, настоящими образчиками вкуса и воспитанія заморскихъ Европейцевъ! Поѣзжайте, говорю, куда хотите на твердую землю, и будьте увѣрены, что если сдѣлалось что нибудь очень необыкновенное, очень смѣшное, очень сумасбродное, такъ ужъ конечно отъ Англичанина! Если кто-нибудь ведетъ жизнь, забвеніемъ всѣхъ приличій соблазнительную даже для Италіянскихъ нравовъ, такъ это соотечественникъ людей, гордящихся своею нравственностью и религіею. Если какая-нибудь женщина отличается передъ другими странною вольностью въ рѣчахъ, неизвинительною нескромностью въ поведеніи, такъ она навѣрное уроженка престыдливой, прескромной страны, въ которой панталоны, невинная и самая благопристойная часть мужскаго платья, называются у нашихъ женъ и сестеръ не иначе, какъ вещію *неизреченною*, inexpressibles. Англія въ гостяхъ и Англія дома – двѣ страны столько же различныхъ характеровъ, какъ Камчатка и Отаити. Англичане всѣхъ классовъ и всякаго пола какъ-будто нарочно рѣшились убѣдить весь свѣтъ, что мѣняютъ кожу вмѣстѣ съ климатомъ, и что, ведя себя благопристойно въ Мейферѣ и Флитъ-Стритѣ, могутъ дѣлать всякія причуды и странности въ виду Полей Елисейскихъ, Колизея, или рѣшетки Лѣтняго Сада въ Петербургѣ. Право, стоило бы хоть нѣсколько исторій, разсказываемыхъ о нашихъ соотечественникахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они себя показали, перенести туда, гдѣ грозитъ имъ лоза общественнаго мнѣнія. Вотъ одна изъ нихъ, и самая достовѣрная.

Къ ней маленькое вступленіе. Вамъ, я думаю, извѣстно, что въ числѣ тысячи одной глупости, которыми отличаются наши путешественники, есть одно особенное дурачество,–страсть тереться около людей,

почитаемыхъ ими за высшихъ и благороднѣйшихъ, нежели они сами. Оно отчасти свойственно всему народу, оно сильно прозябаетъ и на родимой нашей почвѣ: все это вамъ извѣстно,—но вы, быть-можетъ, не знаете, какъ смѣшно, а иногда и какъ бѣдственно разростается это дурачество въ чужихъ краяхъ, и какъ часто превращаетъ тамъ нашихъ добрыхъ горожанъ и деревенскихъ джентльменовъ въ игрушку и посмѣшище другихъ. Если это вамъ не извѣстно, такъ извольте выслушать.

Жило было одно Англійское семейство, которое съ 1815 года поселилось въ Парижѣ. Семейство, какъ у насъ говорится, *почтенное*, — въ той мѣрѣ, въ какой это прилагательное утверждалось за нимъ достаткомъ и изрядной родословною. Оно состояло изъ одного джентльмена съ женою и двумя дочерьми. Джентльменъ былъ прекрасный, добродушный человѣкъ, и состоялъ въ полномъ распоряженіи супруги, которая, истощивъ его доходы пошлою роскошью въ Англіи, перевезла свою безотвѣтную жертву во Францію, чтобъ тамъ поисправиться бережливостью. Онъ и въ Лондонѣ зналъ не много, и мало чѣмъ занимался, кромѣ мѣстныхъ сплетней по своему уѣзду. Ему, напримѣръ, лучше всякаго другаго извѣстно было, сколько десятинъ земли у сосѣдей, каковы свойства и почва каждой изъ этихъ десятинъ, и когда именно поступили онѣ во владѣніе тѣхъ, кому принадлежатъ. Сверхъ того онъ могъ сказать въ совершенной точности, гдѣ лучше охотиться, — у Лорда Бомбаста или у Виконта Труннитона, и кому больше надежды на титулъ Герцога или Графа, Сиръ Джону Стенфасту или Сиръ Томасу Фрибутеру. Бывъ не слишкомъ дѣятельнымъ чиновникомъ по выборамъ жителей своей округи, но добродушнымъ, честнымъ гражданиномъ, онъ нѣкогда спокойно наслаждался ихъ расположеніемъ,

а если случайно выходила какая глупость или непріятность, то всегда обвиняли не его, а его супругу. Такому джентльмену, по переселеніи въ Парижъ, только надо было провѣдать, гдѣ сыскать Англійскую газету, да безмятежный робберъ виста: за приведеніемъ этихъ пунктовъ въ извѣстность, почти нечего было и хлопотать о пріисканіи другихъ предметовъ для упражненія его разговорчивости. Совсѣмъ другое дѣло Г-жа Броутонъ: она еще въ Лондонѣ привыкла удить по Лорду къ каждому обѣду, и готова была на какую угодно суматоху, лишь бы подцѣпить къ себѣ на балъ Баронета; вся ея жизненность приходила въ броженіе, когда она видала себя въ кругу, плотно начиненномъ Кавалерами, Графами и Сиpами, какъ трюфелями: да тутъ, съ небольшой сноровкою, можно достичь даже до знакомства съ Герцогомъ или Принцемъ! Она не пила, не ѣла,—глазъ не смыкала, пока не поставила себя въ Парижѣ въ то положеніе, которое считала самымъ выгоднымъ для своихъ общественныхъ притязаній. Вотъ нанята квартира съ хорошею столовою и двумя прекрасными гостиными. Правда, что спальни были къ нимъ не подъ стать, — да кто видитъ спальни! — и если Г-на Броутона упрятали въ чуланъ, такъ что жъ въ томъ за бѣда, когда Г. Броутонъ былъ именно такой человѣкъ, которому все равно, куда его ни сунь! Добыли хорошаго повара, и на полгода наняли каретныхъ лошадей: что жъ касается до остальныхъ шести мѣсяцевъ, то никому не было надобности знать, гдѣ и какъ живетъ въ это время почтенное семейство, и потому совершенно достаточно было одноколки, кухарки и деревенской избы. На этомъ основаніи, Г-жа Броутонъ изготовилась начать свое поприще въ шумной столицѣ Франціи. Чтобъ добиться порядочнаго рекомендательнаго письмеца къ Послу, Г. Броутонъ,

бывъ дотолѣ Вигомъ по семейственнымъ связямъ, долженъ былъ обѣщать свой голосъ и все свое содѣйствіе въ выборахъ депутата Сиръ Чарлсу Торнспиту, кандидату ихъ Графства изъ партіи Тори, сыну Лорда-Намѣстника, который доводился двоюроднымъ братомъ женѣ Посла, Леди Каролинѣ Гудсбери. Вотъ почему Леди Каролина, которая, какъ подобаетъ знатной дамѣ, брала живѣйшее участіе въ успѣхѣ своего племянника, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ жребій будущаго выбора сдѣлался сомнительнымъ, начала оказывать Броутонамъ особенную вѣжливость въ Парижѣ, гдѣ тогда находился и Сиръ Чарлсъ Торнспитъ. Не упустить же такого случая: Сиръ Чарлсъ Торнспитъ и Леди Каролина Гудсбери смѣло были приглашены на обѣдъ,—и не отказались! Г-жа Броутонъ знала, къ чему идетъ дѣло, и теперь не безъ причины думала, что все для нея облегчилось. Правда, что ей некого было пригласить вмѣстѣ съ знатными ея гостями; а позвать кого-нибудь на обѣдъ запросто къ себѣ или къ себѣ съ Сиръ Чарлсомъ и Герцогинею Каролиною Гудсбери, было для господина и госпожи Броутонъ не одно и то же..

— Фанни, ты будешь нынѣшній вечеръ у Посла: гляди пристально на молодаго Князя Толстяковскаго; онъ попроситъ тебя танцовать, и если попроситъ, такъ ты, душенька, зови его къ намъ обѣдать въ будущую Пятницу съ Посланникомъ.

— Послушай-ка! продолжала Г-жа Броутонъ, обратясь къ мужу: знаешь ты этого высокаго старика, который стоитъ всегда у камина, на-право, во второй комнатѣ? Это Французскій Герцогъ, Дюкъ де Сенъ-Жерменъ: подойди и стань подлѣ него, и какъ войдешь съ нимъ въ разговоръ, — что для тебя не трудно, — такъ замѣть ему, что Посолъ премилый человѣкъ, и скажи, будто случайно, отходя прочь:

«Не угодно ли будетъ Вашей Свѣтлости вмѣстѣ съ нимъ отобѣдать у насъ въ Пятницу?» Не забудь же, смотри, въ Пятницу!

Г. Броутонъ, привыкши къ порученіямъ этого рода, – и будучи такъ старомоденъ и простосердеченъ, что ему и въ голову не приходило, какую онъ принимаетъ смѣлость, приглашая незнакомца къ себѣ на обѣдъ, въ особенности Француза, – исполнилъ данное ему порученіе. Вѣжливый Французъ подумалъ, что, бывши эмигрантомъ, онъ видалъ гдѣ-то этого Англійскаго чудака, и, потрепавъ свою табакерку, поднесъ ее Г. Броутону и сказалъ: –Je serai charmé! Миссъ Фанни дѣйствовала не такъ успѣшно. Сердце Князя Толстяковскаго, въ этотъ вечеръ, занято было новою актрисою, и потому оставалось непроницаемымъ для всѣхъ скромныхъ приманокъ. Наконецъ наступила роковая Пятница, чреватая судьбою Броутоновъ. Посолъ не могъ быть у нихъ, чрезвычайно занятый танцовщицею и отправкою бумагъ; Сиръ Чарлсъ поѣхалъ на охоту, – и все обѣденное общество, не смотря на разныя, хитро направленныя усилія пополнить его новобранцами, ограничилось Леди Каролиною и Герцогомъ де Сенъ-Жерменомъ. Я тоже званъ былъ на обѣдъ, но пріѣхалъ только вечеромъ, и ввѣкъ не забуду радостнаго и смущеннаго вида Г-жи Броутонъ, когда, сидя за фортепіано между двумя своими жертвами, она была точно какъ паукъ, который радуется, поймавъ двухъ большихъ синихъ мухъ, хотя и не знаетъ, что съ ними дѣлать.

Эта смѣшная неудача была Г-жѣ Броутонъ столько же съ руки, сколько успѣхъ самый совершенный. Леди Каролина Гудсберн и Герцогъ де Сенъ-Жерменъ были оба знатны по-своему до такой степени, что не могли быть очень коротки между собою; и каждая изъ этихъ двухъ особъ считала хозяйку за-

душевною пріятельницею другой. И дѣйствительно никто, кромѣ короткаго пріятеля, не могъ быть приглашенъ на такого рода обѣдъ tête-à-tête. Леди Каролина удалилась въ тѣхъ мысляхъ, что хотя Г-жа Броутонъ показалась бы очень простообычна въ Англіи, но видно – она въ самыхъ короткихъ связяхъ съ лучшимъ Французскимъ обществомъ; а monsieur le duc, съ своей стороны, пустился въ самыя основательныя и философическія размышленія о различіи воспитанія, какое считается лучшимъ въ разныхъ странахъ. – Смѣю сказать, говорилъ онъ потихоньку, что простая женщина, у которой я сей часъ былъ, можетъ казаться премилою только Г-жѣ Посланницѣ!

И такъ съ этого вечера, Г-жа и дѣвицы Броутонъ спущены были, какъ нельзя лучше, въ Парижское общество; и въ гостиной, и за обѣдомъ было у нихъ столько народу, сколько душѣ угодно.

Дочери Г-жи Броутонъ были въ самомъ дѣлѣ очень любезныя и хорошенькія дѣвушки; и если бъ небо благословило ихъ не такою маменькой и инымъ воспитаніемъ, не было бъ ни какой причины быть имъ смѣшными: а то совершенства ихъ ограничивались тѣмъ, что онѣ плохо пѣли, хорошо танцовали, свободно говорили по-Французски, и сверхъ того по-Англійски, – достоинство, котораго впрочемъ Г-жа Броутонъ никогда не могла достигнуть, хотя, по роду своему, имѣла на него полное право. Для смазливыхъ дѣвушекъ, въ другихъ обстоятельствахъ, этого было бы очень довольно; но странности и жеманство маменьки проливали и на нихъ не весьма выгодный свѣтъ. Маменька рѣшительно не была надѣлена отъ Природы филологическимъ органомъ: мудреныя слова всегда сбивали ее съ толку, и однажды она дома разсказывала о себѣ, что приглашала кого-то итти съ нею смотрѣть діаррею на буль-

варѣ, а тотъ извинялся передъ ней діорамою въ животѣ. Нельзя было не смѣяться надъ нею и надъ всѣмъ ея семействомъ! Но къ этимъ легкимъ грамматическимъ особенностямъ, чужземные ея знакомцы были совершенно равнодушны; такъ, что, при хорошихъ комнатахъ, искусномъ поварѣ, пригоженькихъ дочкахъ и смирномъ, въ вистъ играющемъ мужѣ, домъ Броутоновъ вошелъ въ большую извѣстность у Парижанъ, а какъ сборище хорошаго Французскаго общества, равно цѣнился и Англичанами. Г-жа Броутонъ достигла своей цѣли. Правда, все-таки считали ее простою женщиной, но домъ ея былъ сборищемъ хорошаго общества, а она этого-то и добивалась. Надъ ней, какъ надъ всѣми такими, смѣялись тѣ самые, которые удостоивали ее своихъ посѣщеній; но этого она не видала или не хотѣла видѣть, напрягая всѣ умственныя способности, чтобъ сыскать хорошихъ жениховъ своимъ дочкамъ. Какъ никто изъ прежнихъ посѣтителей ея гостиной не казался ей на-руку, то она тщательно развѣдывала о каждомъ новопришельцѣ, и если онъ былъ богатъ и чиновенъ, ревностно старалась упрочить его знакомство.

Четыре или пять лѣтъ протекли быстро, и вовсе не было предложеній, которыя, по возвышеннымъ видамъ Г-жи Броутонъ, могли бъ быть уважаемы. Тогда разнесся слухъ, что пріѣхалъ въ Парижъ знатный чужестранецъ. Г. Карльтонъ, Секретарь Англійскаго посольства, сказалъ ей, что онъ назывался Герцогъ фонъ-Зейдлицъ-Пудеръ: * человѣкъ среднихъ лѣтъ, кудрявый, съ черными усами, съ полу-Греческимъ и полу-Римскимъ носомъ, очаровательными глазами и выраженіемъ лица, чрезвычайно

* Зейдлицъ-Пудеръ, Seidlitz-Powders, есть названіе аптечныхъ порошковъ.

меланхолическимъ и интереснымъ. – Правда, говорилъ Г. Карльтонъ, выраженіе это можно приписать недавно случившемуся съ нимъ несчастію. Супруга, которую онъ обожалъ, похищена у него чахоткою, и Принцъ фонъ-Зейдлицъ-Пудеръ пріѣхалъ въ Парижъ съ тѣмъ, чтобъ разсѣяться, а частію и для того, продолжалъ Секретарь, чтобъ замѣнить свою потерю: нельзя-жъ ему оставить свой благородный родъ безъ наслѣдника!

– Какое печальное происшествіе! сказала Миссъ Фанни.

– Какое интересное лице! сказала Миссъ Каролина.

– А богатъ онъ? спросила Г-жа Броутонъ.

– Чрезвычайно, отвѣчалъ Секретарь. Знаете, Г-жа Броутонъ, – домъ его полу-Королевскій!

Г-жа Броутонъ кивнула головою въ знакъ согласія.

– Зейдлицъ-Пудеры одной линіи съ Вольфенхангерами, которые происходятъ отъ Беарбицеровъ, которые ведутъ родъ свой отъ Фоксбапоэновъ, которые только десятью степенями отдѣляются отъ Габсбурговъ: да кто знакомѣе васъ съ Готскимъ альманахомъ, Г-жа Броутонъ!.... Что-жъ касается до его богатства, то можете судить сами, когда я скажу вамъ, что оно заключается въ рудникахъ того неоцѣненнаго лекарства, которое прозвано его титуломъ, и которое распространило это державное имя по всѣмъ фармакопеямъ въ Европѣ.

Г-жа Броутонъ казалась особенно довольна послѣдней фразою, потому, что въ ней было мудреное слово, котораго она не знала, думая, что непремѣнно отыщетъ его въ Готскомъ альманахѣ.

– А въ вистъ-то онъ играетъ? сказалъ отецъ.

– Онъ вальспруетъ? сказали дочери.

– Обѣдаетъ онъ въ гостяхъ? сказала мать.

– То-то и бѣда, что врядъ-ли! отвѣчалъ ей Г-нъ

Карльтонъ. Принцъ — человѣкъ, преданный умственнымъ занятіямъ, и углубленный въ самого себя. Онъ собирается теперь выдать сочиненіе, изъ котораго Гёте, родившійся на подвластной ему землѣ, взялъ, съ его позволенія, Фауста, составляющаго только эпизодъ въ его дивномъ романѣ. Тѣ, кто его видѣли, говорятъ объ немъ, какъ о чудеснѣйшемъ созданіи древняго и новаго генія. Будучи такъ занятъ, и путешествуя для того, чтобъ жениться и разсѣяться, онъ никуда не ѣздитъ, если не увѣренъ, что можетъ набресть тамъ на жену, и что притомъ не попадетъ въ просакъ. Дѣйствительно, онъ живетъ въ совершенномъ удаленіи отъ общества, и если принимаетъ меня, такъ единственно потому, что дядя мой имѣлъ когда-то одну любовницу съ его братомъ, что, какъ говоритъ онъ изъ вѣжливости, соединяетъ насъ нѣкотораго рода свойствомъ.

Дѣвицы Броутонъ покраснѣли, а Г-жа Броутонъ, потрепавъ Секретаря по рукѣ, сказала, чтобъ онъ былъ повоздержнѣе на языкъ. Замышленное ею нападеніе на Принца фонъ-Зейдлицъ-Пудеръ отложила она до другаго случая, а между-тѣмъ рѣшилась развѣдывать. Вскорѣ пріѣхали двое пріятелей Г-на Карльтона, служившихъ при Англійскомъ посольствѣ, и Г-нъ Шанюлье — при Португальскомъ. Первые двое говорили о Принцѣ, которому представлялъ ихъ Г-нъ Карльтонъ, съ восхищеніемъ. Послѣдній умѣрилъ ихъ похвалы своими замѣчаніями объ его политическихъ мнѣніяхъ, которыя называлъ онъ опасными. Словомъ, въ этотъ день перебывало у Г-жи Броутонъ гостей болѣе обыкновеннаго, и на языкѣ у всѣхъ былъ одинъ Принцъ фонъ-Зейдлицъ-Пудеръ: кто его видѣлъ, кто объ немъ слышалъ, а кто слышалъ только о большомъ его черномъ медвѣдѣ, котораго онъ кормитъ мороженымъ и сухарями. Никогда любопытство не возбуждалось въ женской

груди такъ сильно, какъ въ госпожѣ и дѣвицахъ Броутонъ.

На другой день утромъ, смотрѣли онѣ въ окно на Королевскую улицу, rue royale, и увидѣли, что Г. Карльтонъ ѣдетъ мимо на прекрасной Арабской лошади. Она удивляла красотою, но еще болѣе цвѣтомъ шерсти. Морда и нижняя часть головы были совершенно черныя, уши также, грива и хвостъ златожелтые, а тѣло бѣлое, — безъ отмѣтинки. Дамы хотѣли обратить на себя вниманіе Секретаря, но не могли. Онѣ увидѣли его вечеромъ.

— На чьей это прекрасной лошади ѣхали вы поутру?

— Лошадь! Какая лошадь?..., Я, кажется, не ѣздилъ верхомъ? Ахъ, да! это скакунъ Принца фонъ-Зейдлицъ-Пудера.

— Что за чудесная шерсть?

— О, это его завода: у него теперь въ Парижѣ двадцать такихъ лошадей; онѣ выращены въ рудокопняхъ, и кромѣ растительнаго мозга ничего въ ротъ не берутъ.

— Вообразите, маменька, какой долженъ быть странный человѣкъ Принцъ фонъ-Зейдлицъ-Пудеръ: у него медвѣдь питается мороженымъ и сухарями, а двадцать бѣлыхъ лошадей съ черными мордами и ушами, съ золотыми хвостами и гривами, только и ѣдятъ, что растительный мозгъ!

На слѣдующее утро, Г. Карльтонъ, какъ бы неутомимый въ усердіи служить Принцу, своему другу, опять проѣхалъ мимо оконъ, но ужъ не верхомъ, а въ большой коляскѣ, съ огромнымъ ящикомъ прекрасныхъ ароматическихъ цвѣтовъ. На этотъ разъ онъ замѣтилъ нашихъ дамъ, которыя, смѣючись, спрашивали, что значитъ такое путешествіе.

— Чортъ возьми этого Принца! отвѣчалъ онъ: ей Богу, онъ меня такъ заколдовалъ, что я истинно

не знаю, чего бы я не сдѣлалъ ему въ угодность? Я провѣтриваю его цвѣты.

– Провѣтриваете его цвѣты?.... Пустое! сказала Миссъ Фанни.

– У васъ не то на умѣ? сказала Миссъ Каролина.

– Это длинная исторія, сказалъ Секретарь, приближаясь къ окну, которое было не высоко отъ земли: но если вамъ угодно выслушать.....

– Да, да! сказали вдругъ обѣ дѣвушки.

– Хорошо: такъ вамъ должно знать, что когда умерла Принцева жена, у него не было даже ея портрета. Надо же имѣть что-нибудь въ знакъ памяти – и поэтическое воображеніе внушило ему, что ни какая вещь не изобразитъ совершенствъ ея такъ ясно для его чувствъ, и не напомнитъ ихъ ему такъ сильно, какъ запахъ множества тщательно подобранныхъ цвѣтовъ. Ящикъ, который вы тамъ видите, есть изображеніе Принцессы, которое Принцъ всегда возитъ съ собою; и, открывъ посредствомъ нѣжныхъ своихъ органовъ и глубокихъ познаній, что всѣ женскія растенія, каковы вѣроятно и эти, требуютъ постоянныхъ забавъ и развлеченій для сохраненія своего запаха, онъ посылаетъ ихъ каждый день въ хорошую погоду, за городъ, дышать чистымъ воздухомъ, и видаться съ родными и друзьями. Какъ дама, которая обыкновенно сопровождаетъ ихъ, нездорова, – да и самъ Принцъ въ жару авторства, – то онъ просилъ меня прогуляться съ ними.

– О, да вы надъ нами шутите! сказали въ голосъ обѣ дѣвушки. Никто въ мірѣ не слыхивалъ о портретахъ изъ цвѣтовъ. Вы очень искусны, Г. Карльтонъ, однако жъ нѣтъ!.....

– Шучу надъ вами! сказалъ удивленный Секретарь весьма серіозно. Спросите маменьку: объ этихъ вещахъ никто не читалъ больше ея.

Г-жа Броутонъ кивнула головою.

— Извольте спросить маменьку: развѣ не сочиняютъ пѣсень, не пишутъ писемъ, не даютъ серенадъ цвѣтами въ Греціи, въ Германіи, въ Марокко, въ Мессопотаміи?.... А портреты изъ цвѣтовъ вещь самая обыкновенная: вся трудность въ томъ, чтобъ прибрать совершенное сходство. Кто ни видалъ Принцессу, всякой говоритъ, что этотъ цвѣтничекъ ея чистое подобіе. Впрочемъ, вы сами можете спросить объ этомъ Принца, если пожалуете сего-дня на Елисейскія Поля, и — угодно? — я буду имѣть честь вамъ его представить.

Предложеніе, какъ надлежало ожидать, тотчасъ было принято. Воображенія дѣвушекъ немедленно занялись изобрѣтеніемъ нарядовъ, которые были бъ какъ-можно болѣе къ лицу, и разговоръ прекратился.

Вотъ онѣ на Елисейскихъ Поляхъ. Въ первый часъ ожиданія, на каждаго мужчину, который издали казался кудрявымъ и черноусымъ, глядѣли онѣ во всѣ глаза; въ теченіе втораго часа также усердно высматривали Секретаря; послѣдній часъ былъ проведенъ въ бѣшенствѣ и въ безнадежности, — попеременно.

Миссъ Фанни знала, что Г. Карльтонъ тамъ не будетъ: онъ охотникъ подразнить. Миссъ Каролина полагала, что если Принцъ склоненъ къ меланхоліи, то онъ могъ ожидать встрѣчи съ ними въ уединенныхъ частяхъ Булонскаго лѣса. Г-жа Броутонъ говорила имъ, чтобъ онѣ не выходили изъ терпѣнія: нетерпѣніе вредно для желудка, а отъ пищеваренія зависитъ здоровый видъ.

— Ахъ, негодный! воскликнули всѣ три дамы въ одинъ голосъ, но съ сверкающими отъ радости глазами, когда дворникъ подалъ имъ карточку Г-на Карльтона и краешекъ лоскутокъ папки, на которомъ отлично выгравировано было имя Принца фонъ-Зейдлицъ-Пудеръ: на уголкѣ мелкимъ почеркомъ

было написано: Hôtel de Castille, — можетъ-быть рукою самого Принца!

Онѣ распрашивали дворника о господинѣ, который оставилъ карточку, и объ экипажѣ, въ которомъ онъ пріѣхалъ.

Онъ зналъ только, что у подъѣзда остановилась великолѣпная карета, и егерь въ богатѣйшемъ нарядѣ спросилъ, дома ли госпожи, а услышавъ, что ихъ нѣтъ, оставилъ карточку.

Г. Броутонъ получилъ приказъ ѣхать на другой день въ трактиръ Hôtel de Castille, и, если увидится съ Принцемъ, просить его, въ первый свободный день, къ обѣду.

— Le prince n'est pas chez lui, сказалъ швейцаръ: mais son ours y est. *.

— Такъ отдай карточку и скажи мое нижайшее почтеніе, молвилъ Г. Броутонъ въ разсѣяніи.

— Принцу или медвѣдю? спросилъ швейцаръ, улыбаясь и кланяясь очень вѣжливо.

Г. Броутонъ уже не слыхалъ его. Надо было посовѣтоваться съ Г. Карльтономъ, какъ лучше приступить къ приглашенію на обѣдъ.

— Не показаться бы слишкомъ назойливымъ, говорила Г-жа Броутонъ.

— Нѣтъ! этого еще мало! сказалъ Г. Карльтонъ, приложивъ руку къ подбородку, и будто размышляя. Да ужъ я за васъ это обдѣлаю. Есть у васъ календарь? Принцъ не иначе обѣдаетъ въ гостяхъ, какъ въ полнолуніе!

Подали календарь: полнолуніе приходилось на третій день, и Секретарь обѣщалъ, что если Принцъ не далъ слова прежде, о чемъ онъ черезъ полчаса освѣдомится, то Его Свѣтлость будетъ обѣдать въ этотъ день у Г-жи Броутонъ. — Но, говорилъ онъ,

* Принца нѣтъ дома, но его медвѣдь у себя.

прежде чѣмъ приглашать его, подумайте хорошенько: онъ гость хлопотливый, и всегда хочетъ видѣть списокъ лицъ, съ которыми приглашаютъ его быть вмѣстѣ.

— О, только бы залучить намъ Принца! сказала Г-жа Броутонъ въ восхищеніи: даю вамъ бланкетъ, просите, кого угодно.

Черезъ часъ Г. Карльтонъ воротился и сказалъ, что Принцъ послалъ съ извиненіемъ къ одному знатному Камчатскому дворянину, который живетъ въ Парижѣ инкогнито, и что онъ навѣрно будетъ имѣть честь обѣдать у Г-на и Г-жи Броутонъ. Г. Карльтонъ принесъ и списокъ лицъ, которыхъ слѣдовало пригласить, поставляя главнымъ условіемъ, чтобъ содержать въ совершенной тайнѣ отъ всѣхъ другихъ намѣренія знаменитаго чужеземца, который иначе вовлеченъ будетъ въ безконечныя ссоры со множествомъ людей, получавшихъ отъ него отказы на свои приглашенія. — И если дойдетъ до Принца, говорилъ Секретарь, что кто-нибудь, чьего имени нѣтъ въ этомъ спискѣ, — всѣ помѣщенные въ него должны дать клятву въ сохраненіи тайны, — знаетъ, что вы его ожидали, онъ вѣрно воротится домой, даже съ половины вашей лѣстницы.

Въ два слѣдующіе дня, каждый замѣчалъ особенное выраженіе радости и самодовольства, блиставшее въ глазахъ трехъ дамъ, и что-то не даромъ важное около ихъ устъ, такъ что, если бъ политическія мнѣнія Г-на Броутона не были хорошо извѣстны, это вѣроятно возбудило бы вниманіе Парижской Полиціи. Наступилъ рѣшительный день: Г-на Карльтона спрашивали, нѣтъ ли такихъ блюдъ, которыя бы Его Свѣтлость особенно жаловалъ.

— Ужъ если вы мнѣ напомнили, сказалъ онъ, такъ точно есть! Онъ большой охотникъ до розоваго су-

на и пирожковъ изъ геранія: почти только этимъ и питается.

— Розовый супъ и пирожки изъ геранія! сказала Г-жа Броутонъ. Ну, право, я никогда о нихъ не слыхивала!

— Вы-то ужъ вѣрно не слыхали! сказалъ Г. Карльтонъ: а можетъ-быть и вашъ поваръ! Это Королевскія блюда, наслѣдственныя въ домѣ фонъ-Зейдлицъ-Пудеровъ. Въ Германіи частнымъ людямъ строжайше запрещено не только ѣсть розы, но даже ихъ нюхать, и въ собственныхъ владѣніяхъ Принца, гдѣ правленіе самое отеческое, если бъ кто-нибудь вздумалъ приготовить или покушать розоваго супу или геранійныхъ пирожковъ, на первый разъ его заточили бы на три года; за вторую вину послали бъ лѣтъ на десять на галеры; за третью бы повѣсили. Не смотря на то, этотъ родъ пищи такъ обаятеленъ, что, послѣ первой казни, никто не въ силахъ устоять противъ искушенія подвергнуться второй и третьей. Но такъ какъ Принцъ, быть-можетъ, не захотѣлъ бы сообщить свою тайну вашей кухнѣ, то не дозволите ли, чтобъ эти кушанья были доставлены къ вамъ съ его собственной?

— Разумѣется! что и говорить! сказала Г-жа Броутонъ: только судите сами, — ѣсть розы и геранiй!

— Почему жъ не такъ? Ужъ вѣрно онѣ привлекательнѣе грибовъ и трюфелей, гадкихъ, запачканыхъ подобій жабы, которые обязаны только случайности открытіемъ ихъ превосходства; а за пріятность розъ и геранія одинъ органъ ручается другому. Не ухо ли — вамъ, Г-жа Броутонъ, это извѣстнѣе, нежели кому-нибудь другому! — было изобрѣтателемъ славнаго Римскаго кушанья изъ соловьиныхъ языковъ? Точно такъ же носъ поселилъ въ Зейдлицъ-Пудерахъ наслѣдственную страсть къ розовому супу и геранійнымъ пирожкамъ.

Съѣхались гости, прибыли супъ и пирожки, Г. Карльтонъ также. Когда онъ поѣхалъ сюда отъ Принца, тотъ выщипывалъ себѣ усы, и его надо было ожидать ежеминутно.

Всѣ присутствующіе были о немъ наслышаны: инымъ казалось, что видѣли его съ трубкой у окна; другимъ, что подслушали его свистъ, проходя подъ окномъ; но никто не имѣлъ чести быть лично знакомъ съ Принцемъ, кромѣ Секретаря Англійскаго посольства; и на него-то устремлялись всѣ взоры, когда карета за каретой гремѣли у подъѣзда.

А въ Броутонахъ каждый нервъ былъ въ самомъ раздражительномъ состояніи нетерпѣливаго ожиданія. Напрасно хотѣли скрыть истину, — цѣлый часъ перешелъ за урочное обѣденное время, и всѣ, кромѣ Г-на Карльтона, казались встревожены непоявленіемъ Принца. Онъ одинъ былъ совершенно покоенъ, совершенно увѣренъ, что ни какое препятствіе не помѣшаетъ его пріѣзду.

— Онъ можетъ немного замѣшкаться: это часто бываетъ; или онъ получилъ какія-нибудь бумаги, или, можетъ-быть, доканчиваетъ оду, родъ сочиненія, которымъ онъ обыкновенно занимается, когда умываетъ руки. Конечно, можно бъ было сѣсть за столъ, если онъ скоро не будетъ; но что касается до его прибытія, то всякое опасеніе на этотъ счетъ совершенно напрасно.

Однако жъ, пошли заключеніе за заключеніемъ. Медвѣдь, ледъ и сухари; лошади и растительный мозгъ, Принцесса и ароматическій портретъ, розовый супъ и геранійные пирожки, всѣ Принцевы странности, и потомъ странное его имя, неперемѣнно были предметами разговора. Молодые дипломаты разныхъ державъ говорили съ натянутой выразительностью, денди съ пришепотомъ, военные сыпали клятвами, дамы били тревогу.

— Вотъ ужъ странное-то имя, такъ странное! говорилъ Маркизъ Буваль, семидесятилѣтній и полоумный. Подлинно странное!... Да что-то я и не слыхивалъ его до революціи?

— Имя ни чуть не странное! сказалъ Г. Карльтонъ.

— Не страннѣе же *Труфита*, воскликнулъ Лордъ Г—тъ.

— Ни *Антля*, шепнула Миссъ Фанни.

— Ни *Ясмина*, молвила со вздохомъ Миссъ Каролина.

— Ни *Шипшанкса*, сказалъ Графъ П—ій.

— Ни *Гиггинботтома*, сказала Леди Г***.

— Ни *Рамсботтома*, сказала Г-жа Броутонъ.

Однако жъ, сколько ни дивовались Принцевымъ именемъ, а наконецъ съ диву дались, отъ чего онъ такъ долго не ѣдетъ; и когда старый Графъ де-Суассонъ въ другой разъ уже начиналъ жаловаться на корчи въ желудкѣ, Г-жа Броутонъ была вынуждена велѣть ставить кушанье, строго наказавъ, чтобъ розовый супъ и геранійные пирожки отнюдь не простывали.

Подали кушанье, гости усѣлись, — вдругъ всѣ голоса смолкли, всѣ ложки съ супомъ остановились въ воздухѣ, когда Г-жѣ Броутонъ подали письмо, на бумагѣ шафраннаго цвѣта, и съ печатью въ добрый талеръ, изображавшею, какъ послѣ замѣтили, коробку Зейдлицъ-Пудеру (Зейдлицкаго порошку), поддерживаемую двумя щитодержателями.

— Боже мой! сказалъ Г. Карльтонъ: это Принцева печать: вѣрно что-нибудь случилось! Не безпокойтесь, милая Г-жа Броутонъ; сдѣлайте милость, Г-жа Броутонъ, позвольте мнѣ прочесть письмо.

Съ сердцемъ, полнымъ чувства неудачи и прискорбія, она едва могла вздохнуть въ знакъ согла-

сія, а Г. Карльтонъ уже вскрылъ конвертъ, и, читая про себя, говорилъ:

— Такъ и есть! Я былъ увѣренъ въ этомъ!.... Ничто, кромѣ величайшаго бѣдствія, не могло остановить Принца. Прочесть ли?

Всѣ глаза отвѣчали — да, всѣ уши встрепенулись и приникли....

«Принцъ фонъ-Зейдлицъ-Пудеръ, къ крайнему сожалѣнію своему, не можетъ имѣть чести быть у Г-жи Броутонъ, потому, что медвѣдь, котораго онъ такъ обожаетъ, откусилъ у него носъ и разорвалъ ротъ отъ уха до уха.»

Не нужно говорить, что всѣ, кромѣ хозяйки и ея дочерей, тотчасъ догадались, что это была только шутка Г. Карльтона, извѣстнаго своимъ саркастическимъ остроуміемъ, и желавшаго, для удовольствія своихъ пріятелей, сдѣлать, въ ихъ же присутствіи, опытъ, какъ далеко можетъ простираться легковѣріе его соотечественниковъ, когда они ослѣплены страстію, столь обыкновенною въ нашемъ краю, — водиться со знатью, во что бы то ни стало. Какъ ни сумасбродна была выдумка, все-еще глупость Броутоновъ осталась ниже точки вѣроятности выдуманныхъ обстоятельствъ.

— Бѣдный Принцъ! сказала хозяйка со слезами на глазахъ. Я не могу ничего взять въ ротъ по случаю его несчастія.

— Съ разорваннымъ ртомъ и безъ носа!.... Теперь я не хочу за него замужъ ни за что въ свѣтѣ, подумала про себя каждая изъ дочерей порознь.

— Странно!.. почти не вѣроятно! присовокупилъ Г-нъ Броутонъ, разрѣзывая индѣйку: но съ этими Нѣмцами всегда случаются подобныя вещи!....

**Е. К.**

*New Monthly Magazine.*

# МИСТРИСЪ ИНЧБАЛДЪ,

## ЕЯ ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

=

Она занкалась, и была актрисою; она отличалась великодушіемъ, и была скупа; она писала, и была смиренна; въ презрѣніи своемъ къ общественному мнѣнію доходила она до самаго крайняго цинизма, въ забвеніи приличій до безразсудства, въ безкорыстіи до возвышеннѣйшаго героизма.

Такова была Мистрисъ Инчбалдъ, женщина необыкновенная, дочь одного откупщика въ Графствѣ Ланкастерскомъ, родившаяся въ 1753, умершая въ 1821 году, чуть не въ крайней бѣдности; женщина, которой Г. Боденъ теперь издалъ Записки, которой имя извѣстно публикѣ особенно по Романамъ, исполненнымъ самаго тонкаго чувства, восхищавшимъ всю Европу, доставившимъ предметы для многихъ драматическихъ произведеній во Франціи и въ Германіи, и однако жъ не пріобрѣтшимъ всей заслуженной славы. Жизнь ея страннѣе всего на свѣтѣ: пребывая на чердакѣ, она была въ сношеніяхъ съ замѣчательнѣйшими лицами своего времени, и ни сколько не воспользовалась ими для улучшенія своей судьбы. Она сносила обвиненія въ скряжничествѣ, а каждый день ея существованія былъ ознаменованъ великодушными пожертвованіями. Попавъ напередъ въ труппу кочевыхъ актеровъ, странствовавшихъ въ ея

провинціи, она бывала потомъ въ гостиныхъ Г-жи Сталь, не оставляя ни на минуту своей умѣренности въ привычкахъ: хлѣбъ, вода и чердакъ, – этого было для нея достаточно.

Мистрисъ Инчбалдъ, урожденная Елисавета Симпсонъ, была очень хороша собою: высока, стройна, нѣжно сложена, – а головка, замѣчательная рѣдкою миловидностью и совершенствомъ очерковъ! – а черные глаза, полные выразительности, смышлености, ума! – притомъ смѣсь лукавства, живости, чистосердечія, придавали всей ея физіономіи неодолимую прелесть. Эта наружность была довольно вѣрное выраженіе ума своеобразнаго, наблюдательнаго, доводившаго разсудительность до глубокомыслія, – души прямой, способной къ чувствованіямъ болѣе сильнымъ, нежели нѣжнымъ, къ преданности одной какой-нибудь идеѣ, и къ удивительному упорству: вся ея жизнь была тому доказательствомъ. Благодаря скрытной могучести своего характера, она играла житейскими бѣдами, легко управляла страстями, которыхъ мы такъ часто бываемъ жертвою, умѣла сносить – и умереть, если бъ это было нужно. Но отсюда проистекала странная суровость, воля строгая и непреклонная, что-то нелюдимое и горькое, порожденное борьбою этой женщины съ обстоятельствами и съ самой собою. Она не поддалась ни какому соблазну, не пала ни предъ одною изъ окружавшихъ ее опасностей. Она побѣждала, но съ прискорбіемъ; и когда свѣтъ смѣялся надъ тѣмъ, что называли ея причудами, она отважно выдерживала продолжительный и великодушный бой съ собою и со свѣтомъ. Сходная съ Жанъ-Жакомъ Руссо во многихъ отношеніяхъ, она тоже писала свою «Исповѣдь», которую слишкомъ совѣстливые издатели, къ несчастію, истребили; но Г. Боденъ, имѣвъ въ

рукахъ всѣ ея семейственныя бумаги и переписку, собралъ и привелъ въ порядокъ много подробностей ея жизни.

Разстройство семейныхъ обстоятельствъ, причиненное несчастіями въ торговлѣ, внушило ей желаніе итти на сцену, и помогать будущими доходами отцу и матери, которые едва перебивались въ крайней бѣдности: и такъ она хотѣла быть актрисою, а запкалась! Въ пансіонѣ, куда ее отдали, натерпѣлась она горя, и молодыя подруги безжалостно терзали ее насмѣшками. Какъ показаться на театръ? какъ произносить Шекспировы стихи передъ несговорчивою публикой? Елисавета, – ей было тогда шестнадцать лѣтъ, – выбираетъ по лексикону всѣ слова, затруднительныя своей длинотою или странностью произношенія; запирается въ свою комнатку, и твердитъ ихъ безпрестанно. Наконецъ она убѣждается, что лучшее средство къ излеченію отъ этого недостатка – вооружиться терпѣніемъ, и произносить слова очень медленно. Проходитъ два года, – она почти совершенно преодолѣла, побѣдила это страшное препятствіе; но оставалось другое, еще большее – дебюты!

Директоромъ Норвичскаго театра былъ какой-то Ричардъ Гриффитсъ, человѣкъ неглупый и особенно искусный въ дипломаціи, необходимой въ тягостномъ званіи, которому онъ себя посвятилъ. Къ нему обратилась Миссъ Симпсонъ: онъ совѣтовалъ, ободрялъ, не выходя однако жъ изъ круга той политики, которая не лишаетъ надежды, и не слишкомъ обнадеживаетъ. Юное сердце Миссъ Симпсонъ запыло по Гриффитсѣ: то была единственная страсть въ ея жизни. Съ дѣтства привыкла она писать ежедневно перечень своихъ поступковъ и чув-

ствованій, и въ дневникѣ ея, около того времени, когда она познакомилась съ Норвичскимъ директоромъ, вписано большими буквами имя Гриффитса, съ точками, какъ надписи на Римскихъ храмахъ, а подъ нимъ слова: «Каждая буква этого имени сладкозвучна для моего уха.» Надобны воображеніе молодой дѣвушки и все чародѣйство любви, чтобъ подслушать сладкозвучіе въ этихъ сиплыхъ согласныхъ, въ этихъ терпкихъ гортанныхъ буквахъ, изъ которыхъ состояло имя Г. Ричарда Гриффитса. Между-тѣмъ явился другой обожатель, Г. Инчбалдъ, — актеръ, мотъ, шалунъ, впрочемъ добрый малой. Миссъ Симисонъ любила Гриффитса, но о супружествѣ съ нимъ не было и помина, а Г. Инчбалдъ искалъ ея руки. Нѣсколько времени оставалась она въ этомъ тягостномъ положеніи, преслѣдуемая Гриффитсомъ, и сердечно желая выйти за-мужъ, хоть за Инчбалда. Вотъ три очень короткія, но значительныя строки, заставившія насъ улыбнуться, и которыя мы выписываемъ изъ ея дневника. Тутъ не нужно толкованій: только благосклонныя читательницы, — если прійдется ихъ и на долю нашей статьи, — удостоятъ эти строки своего тонкаго и проницательнаго вниманія.

«22 Января. Видѣла портретъ Гриффитса.

«28 Января. Украла его.

«29 Января. Ни слуху, ни духу о Г. Инчбалдѣ: свадьбѣ не бывать, — это ужасно!»

Въ этихъ трехъ строчкахъ, — не правда ли? — исторія женскаго сердца высказывается лучше, искреннѣе, живописнѣе, нежели въ другомъ предлиннымъ Романѣ, будь онъ даже Романъ Г. Бальзака, который выдумалъ женщинъ.

Наконецъ она вышла за Инчбалда, и дебютировала безъ успѣха. Первая ея роль была *ревнивая жена.* Мужъ скоро заставилъ ее представлять, какъ нельзя естественнѣе, ту же роль въ домашнемъ быту. Бѣдная Мистрисъ Инчбалдъ, которая, по неспособности къ драматическому искусству, для прокормленія себя, была однажды вынуждена, – какъ говоритъ сама, – рвать дикую рѣпу въ окрестностяхъ столицы; которая, ухаживая за больнымъ мужемъ, страдавшимъ отъ распутства, должна была ввѣкъ не видать того, кого любила, –Мистрисъ Инчбалдъ, при всемъ этомъ, являла такую добродѣтель и такую силу души, которыя будутъ вполнѣ оцѣнены читателями ея Записокъ.

По смерти мужа, она сдѣлалась писательницею. Положеніе ея совершенно этому соотвѣтствовало: она много перенесла, много наблюдала, много боролась, – и Природа надѣлила ее умомъ проницательнымъ, душею сильною, чувствительностью сокровенною и необычайною. Желая сдѣлаться актрисою, она читала и перечитывала Шекспира, и изучала лучшихъ Англійскихъ писателей: ея Драмы, плохія завязкою, но исполненныя вѣрныхъ замѣчаній, имѣли большой успѣхъ. Романъ, подъ заглавіемъ «Простая Повѣсть,» доставилъ ей первое мѣсто между писательницами того времени. Всякой хотѣлъ ее видѣть и узнать. Миссъ Эджевортъ сдѣлалась ей пріятельницею. Г-жа Сталь также хотѣла съ нею подружиться; но пылкость, напыщенность и трибунское краснорѣчіе Г-жи Сталь испугали Мистрисъ Инчбалдъ, которая, и актрисою и модною сочинительницею, всегда жила въ пятомъ этажѣ, одна одинехонька и, буквально, на хлѣбѣ и на водѣ. Значительныя выгоды, которыя получала она отъ своихъ пьесъ, раздѣлялись между старыми

немощными родителями и бѣдной двоюродной сестрою, о воспитаніи которой пеклась Мистрисъ Инчбалдъ. Первая любовь, — и любовь несчастная, навсегда оставила въ сердцѣ ея живое чувство скорби.

— Что вы не показываетесь въ свѣтѣ? спрашивала ее Г-жа Сталь: вы тамъ наслаждались бы вполнѣ заслуженными успѣхами.

— Зачѣмъ! отвѣчала Мистрисъ Инчбалдъ. Я одна дома: никто не насладится ими со мною.

Отвѣтъ, исполненный чувствительности, и совершенно характеризующій ту, о которой желали мы дать понятіе. Въ ея Романахъ, какъ и въ частной жизни, сила, наблюдательность, добродѣтель, были сокровенны и глубоки. Миссъ Эджевортъ судила объ ней, какъ нельзя лучше. «Мистрисъ Инчбалдъ, го«воритъ она, употребляетъ мало словъ, а владѣетъ «сильною выразительностью слога: въ ея талан«тѣ есть таинственная сила, смѣшанная съ нѣж«ностью, до которой не достигла ни одна изъ ея «соперницъ.»

**Е. К.**

*Literary Gazette.*

# ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ освобождаться отъ предразсудковъ, какихъ бы то ни было, историческихъ, политическихъ, житейскихъ: мнѣніе, однажды принятое, получаетъ какую-то особенную силу надъ нами, и дѣлается частію насъ самихъ. Усомниться въ немъ есть уже необыкновенное явленіе, важный шагъ, а какъ еще далеко отсюда до другаго пути! Съ большимъ насиліемъ, какъ-будто посягая на самихъ себя, мы перестаемъ думать такъ, начинаемъ думать иначе.

«Сей Монархъ, озаренный славою, до восторга любимый отечествомъ, завоеватель враждебнаго царства, умиритель своего, великодушный во всѣхъ чувствахъ, во всѣхъ намѣреніяхъ, мудрый правитель, законодатель, имѣлъ только двадцать два года отъ рожденія: явленіе рѣдкое въ Исторіи Государствъ! Казалось, что Богъ хотѣлъ въ Іоаннѣ удивить Россію и человѣчество примѣромъ такого совершенства, великости на тронѣ...» (Кар. VIII, 197).

Очаровательные звуки! И если случится ихъ услышать въ первый разъ лѣтъ пятнадцати, семнадцати, когда душа ищетъ вездѣ идеаловъ, когда сердце пылаетъ въ полномъ значеніи этого слова любовью къ отечеству, они остаются надолго съ нами, часто являются на языкѣ — И разставаться съ такою любимою мечтою? О какъ досадно бываетъ иногда на разсудокъ, на Критику!

Да! Іоаннъ никогда не былъ великъ. Это ясно изъ документовъ историческихъ: стоитъ только взглянуть на нихъ безъ предубѣжденія.

Я не стану распространяться въ разсужденіяхъ, и буду приводить подлинныя свидѣтельства, съ необходимыми только поясненіями и замѣчаніями: дѣла здѣсь говорятъ сами.

Іоаннъ былъ сынъ Елены, племянницы Глинскаго, и Василія, который, послѣ развода съ первою своею супругою, на 49 году отъ роду, женился на этой молодой Полькѣ, и получилъ его чрезъ четыре года послѣ брака. Онъ остался двухъ лѣтъ послѣ отца, и осьми послѣ матери.

О воспитаніи его, никто не заботился то есть никто не внушалъ въ него страха Божія, не истреблялъ дурныхъ наклонностей, не училъ добру. Въ Думѣ одна партія смѣняла другую, Шуйскіе Оболенскихъ, Бѣльскіе Шуйскихъ, Шуйскіе Бѣльскихъ, Глинскіе Шуйскихъ. Всѣ они, напротивъ, потакали дитяти, чтобъ получить милость у будущаго Государя, и злыя сѣмена росли въ немъ безпрепятственно, развиваемые злыми честолюбцами.

«Потомъ питаша его, говоритъ Курбскій, велицые гордые Паны, по ихъ языку Боярове, его на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящеся другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію и сладострастію. Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ двападесять, и впредь что творилъ, умолчу иныя и иныя, обаче же возвѣщу сіе: началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ, (а по ихъ языку, съ крылецъ, або съ теремовъ), тако жъ и иныя многія неподобныя дѣла творити, являющи хотящее быти не милосердое произволеніе въ себѣ;.... а пѣстуномъ ласкающимъ, попущающе сіе и хваляще, на свое горшее отрока учаще. Егда же уже приходяще къ пятомунадесять лѣту, и вяще; тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравши четы юныхъ около себя дѣтей и

сродныхъ оныхъ предреченныхъ Сигклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочиніе. И воистинну, дѣла разбойническія самыя творяше, и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: «о храбръ, глаголюще, будетъ сей Царь и мужественъ!» Егда же пріиде къ седьмомунадесять лѣту, тогда тѣ жъ прегордые Сигклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ противъ другаго.» (Сказанія Князя Курбскаго. Ч. I, стр. 5.)

Можно себѣ представить, какое вліяніе на нравъ его имѣли подобныя козни Бояръ, старавшихся губить другъ друга! къ какимъ привычкамъ подавали поводъ!

Сіи извѣстія Курбскаго подтверждаются сходными сказаніями прочихъ нашихъ Лѣтописей, на примѣръ: «И того жъ лѣта на Коломнѣ, по діаволю дѣйству дѣяся сице: Государю Великому Князю выѣхавшу на прохладъ, поѣздити потѣшитися, и какъ бысть Государь за посадомъ, и начаша Государю бити-челомъ пищальники Новгородскіе; а ихъ было человѣкъ съ пятьдесятъ; и Государь велѣлъ ихъ отослати. Они же начаша посланникомъ Государскимъ сопротивитися, бити колпаки и грязью шибать; и Государь велѣлъ Дворяномъ своимъ, которые за нимъ ѣхали, ихъ отослати; они же начаша больно сопротивитися, и Дворяне на нихъ напустили. И какъ примчали ихъ къ посаду, и пищальники всѣ стали на бой, и почали битися ослопы и изъ пищалей стрѣлять, а Дворяне изъ луковъ и саблями; и бысть бой великъ, и мертвыхъ по пяти, по шести на обѣ стороны; и Государя не пропустили тѣмъ же мѣстомъ къ своему стану проѣхати, но

объѣха Государь инымъ мѣстомъ. И Государь о семъ бысть въ сумнѣніи, и повелѣ о семъ провѣдати, по чьему науку бысть сіе сопротивство, а безъ науку сему быти не мощно; и повелѣ о семъ провѣдати Дьяку своему Василью Захарову, понеже онъ у Государя бысть въ приближеніи. Онъ же, невѣдомо какимъ обычаемъ извѣсти Государю сіе дѣло на Бояръ его, на Князя Ивана Кубенкаго, и на Ѳедора и на Василья Воронцовыхъ; а преже того Государь Ѳедора пожаловалъ послѣ Шуйскаго Князя Андрея, и опять въ приближеніе у себя учинилъ; и кого Государь пожалуетъ безъ Ѳедорова вѣдома, и Ѳедору досадно. И Князь Великій, повѣря Дьяку своему, учалъ о томъ досадовати, и съ великія ярости положилъ на нихъ гнѣвъ свой и опалу по его словесемъ.» (Царств. Кн. 123—124.)

Подобныхъ казней опредѣлено было Іоанномъ очень много. Въ Архивской Псковской Лѣтописи, при описаніи частыхъ его путешествій по монастырямъ и на охоту, въ разныхъ мѣстахъ сказано: «а Князь Великій все гонялъ на мскахъ, а Христіаномъ многи протори учинилъ.» (Карам. VIII, пр. 153.)—

Семнадцати лѣтъ Іоаннъ женился на Анастасіи, и продолжалъ прежнюю праздную буйную жизнь; напримѣръ въ Псковской Лѣтописи есть извѣстіе: «Въ лѣто 7055 (1547) Псковичи послаша 70 человѣкъ на Москву жаловатися на Намѣстника на Туруптая, и оны жалобщики били челомъ Государю на сельцѣ на Островкѣ, и Государь опалился на Псковичь сихъ..... безчествовалъ обливаючи виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчю зажигалъ, и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ по земли; и въ ту пору на Москвѣ колоколъ благовѣстникъ напрасно отпаде, и Государь поѣде къ Москвѣ, а жалобщиковъ не истеря.» (Карам. VIII, пр. 167).

Тогда-то случились въ Москвѣ страшные пожа-

ры: городъ почти весь выгорѣлъ, и народъ началъ бунтовать. Іоаннъ удалился въ село Воробьево. Туда явился Священникъ Сильвестръ, лице удивительное въ нашей Исторіи и по своимъ качествамъ, и по образу дѣйствія. «Тогда убо,» говоритъ Курбскій: «тогда, глаголю, пріиде къ нему единъ мужъ, Пресвитеръ чиномъ, именемъ Селивестръ, пришлецъ отъ Новаграда Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньми и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ.» (Сказ. Кн. Курбскаго I, 8.)

То есть: Сильвестръ раскрылъ предъ Іоанномъ Священное Писаніе, напугалъ его муками на томъ свѣтѣ за безумное управленіе, а въ подтвержденіе вѣроятно указалъ на несчастія, которыя въ то время дѣйствительно случились, на смуты Боярскія; съ другой стороны представилъ ему награды, какія ожидаютъ Царей, исполняющихъ Божіи заповѣди, вызвался быть его руководителемъ, принималъ на свою душу его грѣхи.

Вотъ какъ самъ Іоаннъ описываетъ послѣ свое положеніе, въ разныхъ мѣстахъ писемъ къ Курбскому: «И Божій судъ восхищающе и прежъ Божія суда своимъ *злолукавымъ самохотнымъ изложеніемъ*, яко же съ своими начальники Попомъ и Алексѣемъ изложили есте (II, 24.)

«Посемъ же совѣта ради духовнаго и *спасенія ради души своея*, пріяхъ Попа Селивестра. (II, 55.)

«Сперва убо, яко благо нача, послѣдовавше Божественному писанію; *мнѣ видѣвшу въ Божественномъ писаніи, како подобаетъ наставникомъ благимъ покарятися безъ всякаго разсужденія*, и ему, совѣта ради духовнаго, повинухся въ колебаніи, въ невѣдѣніи. (II, 56.)

«Насъ же предходя лукавымъ обычаемъ, *духовнаго ради совѣта, будто души ради, то творитъ, а не лукавствомъ*. (II, 57.)

«И тако убо симъ бывающимъ: мняще убо, яко *дивныя* ради пользы сицевая убо утѣсненія творятъ намъ, а не лукавства ради.» (II, 59.)

Курбскій, въ письмѣ своемъ къ самому Іоанну, точно такъже описываетъ обстоятельства, по которымъ Сильвестръ приблизился къ Царю: «(Сильвестръ) *душу твою Царскую къ покаянію привелъ, грѣхи твои на своей выть носилъ, и взявши тя отъ преявственнѣйшихъ скверпъ*, яко чиста, предъ нанчистѣйшимъ Царемъ, Христомъ Богомъ нашимъ, исчистя покаяніемъ, поставилъ. (II, 121.)

«И свѣтлую побѣду изобрѣли тебѣ,» говоритъ онъ же..... «казнящъ тя, наказующе о непреподобныхъ твоихъ дѣлѣхъ и прелукавыхъ нравѣхъ. (II. 143.)

«...И сже убо, согрѣшеній нашихъ ради, приключающихся болѣзней на насъ и на Царицѣ нашей и на чадѣхъ нашихъ, и сія убо вся вмѣняху, аки ради же нашего къ нимъ непослушанія сія бываху.» (II, 61.)

Для большей силы Сильвестръ къ наставленіямъ своимъ присоединилъ какія-то видѣнія, которыми вѣроятно подѣйствовалъ еще болѣе на воображеніе слабаго, устрашеннаго, неопытнаго юноши.

«Еще къ тому,» говоритъ Курбскій: «*и чудеса и аки бы явленіе отъ Бога* повѣдающе ему: не вѣмъ, аще истинныя, або такъ ужасновенія пущающе, буйства его ради, и для дѣтскихъ непстовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе. Яко многажды и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхи, и отъ излишнихъ игоръ презлыхъ сверстниковъ: сице и сей, мню, блаженный малую грозу присовокупляетъ благокозненія, ею же великое зло цѣлити умыслилъ. Яко и врачеве дѣлаютъ, по неволѣ, согнившія гагрины стружуще и рѣжуще желѣзомъ, або дикое мясо, возрастающее на ранѣ, обрѣзающе ажъ до живаго мяса; сему негли подоб-

но, и онъ блаженный, лечецъ истинный, умыслилъ; яко и послѣдовало дѣло: иже душу его отъ прокаженныхъ ранъ исцѣлилъ и очистилъ былъ, и развращенный умъ исправилъ, тѣмъ и овымъ наставляюще на стезю правую. (I, 9.)

«Не мни мя,» говоритъ также самъ Іоаннъ объ сихъ благокозненіяхъ въ письмѣ къ Курбскому: «неразумна суща или разумомъ младенчествующа, яко жъ начальницы ваши Попъ Селивестръ и Алексѣй неподобно глаголаху; иже мните мя *дѣтскими страшилы устрашити*, якожъ прежде сего съ Попомъ Селивестромъ и со Алексѣемъ лукавымъ совѣтомъ прельстисте; или мните нынѣ таковая сотворити? (II, 94.)

А Курбскій въ отвѣтъ такъ оправдываетъ сіе дѣйствіе Сильвестра: «Аще бы нѣчто и случилося, человѣческія ради немощи, яко то и ласкатели твои клеветали на онаго Пресвитера, иже бы тя устрашалъ *не истинными, но льстивыми видѣніи*!.... То же воистинну и врачеве премудрые творятъ, дикія мяса и неудобь цѣлимыя гагрины бритвами рѣжутъ, ажъ до живаго тѣла, и потомъ наводятъ по малу и исцѣляютъ недужныхъ: такожъ и онъ творилъ Пресвитеръ, блаженный Селивестръ, видяще недуги твои душевные, многоми лѣты застарѣвшіеся и неудобные ко исцѣленію.... прилагалъ пластыри, ово *кусательными словесы* нападающе на тя и порицающе, яко бритвою непреподобные нравы наказаніемъ жестокимъ рѣжуще.... ово, яко уздою крѣпкою со браздами, невоздержаніе и презлишную похоть и ярость твою востязающе.» (II, 122.)

Употребивъ сіи средства, благодѣтельныя и благокозненныя, по выраженію Курбскаго, Сильвестръ овладѣлъ душею Іоанна, какъ магнетизеръ намагнетизированнымъ лицемъ, и Іоаннъ предался ему совершенно, не смѣлъ выступить ни на шагъ изъ его во-

ли. Онъ пилъ, ѣлъ, одѣвался, жилъ по его урокамъ: «Кто же убо можетъ подробну исчести,» говоритъ онъ самъ: «еже убо *въ житейскихъ пребываніяхъ*, и *хожденіяхъ*, и въ *покоѣ*, и та же *въ церковномъ предстояніи* и во всякомъ своемъ *житіи* и гоненіи и утѣсненіи. (II, 58.)

«Аще бо и порфиру ношу, но обаче вѣмъ сіе, яко по всему, подобно всѣмъ человѣкомъ, обложенъ есть по естеству, а не яко жъ вы мудрствуете, еже *выше естества велите быти ми.*» (II, 84.)

«Кольми же паче наша кровь на васъ вопіетъ къ Богу, отъ васъ самѣхъ пролитая: не ранами, ниже кровными каплы, *по многимъ поты и трудовъ множествомъ отъ васъ отягченъ быхъ безлѣпотно*; яко же по премногу отъ васъ отяготихся паче силы! И отъ многаго вашего озлобленія и утѣсненія, вмѣсто кровей, много изліяся слезъ нашихъ, паче жъ и воздыханія и стенанія сердечная; и отъ сего убо пречресліе пріяхъ: понеже убо конечному любленію не сподобисте мя.» (II, 91.)

«Во внутреннихъ же, ни въ малѣйшихъ и худѣйшихъ, глаголю же *до обуща и спанія*, вся не по своей волѣ бяху, но по ихъ хотѣнію творяхуся; намъ же аки младенцемъ пребывающимъ. (II, 58.)

«Понеже мя исторгосте отъ духовнаго и покойнаго житія, и бремя, Фарисейскимъ обычаемъ, бѣднѣ носимо на мя наложисте.» (II, 22.)

«Молитвы же убо и прехожденія по святымъ мѣстамъ, и еже убо приношенія и обѣты ко святынѣ о душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи, и о своемъ благомъ пребываніи нашемъ и о Царицѣ нашей, и чадъ нашихъ, и сія вся лукавымъ умышленіемъ вашимъ отъ насъ отнюдь взяшася, въ врачевствѣ же и хитрости, своего ради здравія, ниже помянути тогда бяше.» (II, 61.)

«Аще припустишь ихъ къ себѣ на очи, (Силь-

вестра и Адашева,» — такъ говорили, по свидѣтельству Курбскаго, Іоанну новые его искренніе послѣ отдаленія первыхъ) очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; а къ тому, любяще ихъ все твое воинство и народъ, нежели тебя самого, побіютъ тебя и насъ каменіемъ. Аще ли и сего не будетъ: обвяжутъ тя паки и покорятъ тя аки въ неволю себѣ. Такъ худые люди и ничему годные чаровницы тебя, Государя, такъ великаго и славнаго и мудраго, Боговѣнчаннаго Царя, держали предъ тѣмъ, аки въ оковахъ, повелѣвающе тебѣ *въ мѣру ясти и пити и со Царицею жити*, не дающе тебѣ ни въ чесомъ же своей воли, а ни въ малѣ, а ни въ великомъ, а ни людей своихъ миловати, а ни царствомъ твоимъ владѣти! И аще бы не они были при тебѣ, такъ при Государѣ мужественномъ и храбромъ и пресильномъ, и тебя не держали аки уздою, уже бы еси мало не всею вселенною обладалъ: а то творили они своими чаровствы, аки очи твои закрывающе, не дали ни на что зрѣти, хотяще сами царствовати и нами всѣми владѣти. И аще на очи припустишь ихъ, паки тя очаровавши, ослѣпятъ. Нынѣ же, егда отогналъ еси ихъ, воистинну образумился еси, сирѣчь во свой разумъ пришелъ, и отворилъ еси себѣ очи, зряще уже свободно на все свое Царство, яко помазанецъ Божій, и ни кто же инъ, точію самъ единъ тое управляюще и имъ владѣюще.» (I, 101.)

И такъ Сильвестръ дѣлалъ, что хотѣлъ, съ Іоанномъ и вмѣстѣ съ его Царствомъ. Это свидѣтельствуетъ также во многихъ мѣстахъ самъ Іоаннъ, который, возмужавъ, образумившись, подвергшись другимъ вліяніямъ, свергнулъ съ себя противное иго. Вотъ сіи убѣдительныя мѣста:

«Не токмо повинны хотѣсте мнѣ быти и послушны, но и мною владѣсте, и всю власть съ меня снясте, и сами государилися, какъ хотѣли, а съ ме-

ня все Государство спяли: словомъ, *азъ быхъ Государь, а дѣломъ ничего не владѣлъ.*» (II, 111.)

«И вся властію во всей своей волѣ имый, ни что же отъ насъ пытая, *аки нѣсть насъ*, вся строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творяще. Намъ же что аще и благо совѣтующе, сія вся непотребно имъ учинихомся; они же аще что и строптиво и развращенно совѣтоваху, но сія вся благо творяху!» (II, 57.)

«Вы убо, яко діаволъ, съ Селивестромъ Попомъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ рекосте, яко же онъ во Іовѣ хваляся: обыдохъ землю и прошедъ поднебесную, вся подъ ногами учинилъ; и рѣче ему Господь: внялъ ли на моего Іова? тако убо и вы мнѣ хотѣсте подъ ногами *у васъ быти и всю Русскую землю:* но вся матерь ваша ни во что жъ бысть, Божіимъ изволеніемъ.» (II, 115.)

«Понеже бо есть вина всѣмъ дѣломъ вашимъ злобѣснаго умышленія, понеже съ Попомъ положисте совѣтъ, дабы *азъ словомъ былъ Государь*, а вы бъ *съ Попомъ владѣли.*» (II, 35.)

«Или убо сіе свѣтло, Попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, *Царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтену быти, властію же ни чимъ же лучше быти раба.*» (II, 34.)

«И того въ своей злобѣ не могъ еси разсудити, нарицая благочестіе, *сже подъ властію нарицаемаго Попа* и вашего злочестія повелѣнія Самодержству быть! А се по твоему разуму нечестіе, еже отъ Бога данной власти самимъ владѣти и не восхотѣхомъ *подъ властію Попа быти* съ вашего злодѣянія.» (II, 24.)

«Или мниши сіе быти свѣтлость благочестивая, еже *обладатися Царству отъ Попа невѣжи*, отъ злодѣйственныхъ, измѣнныхъ человѣкъ, и *Царю повелѣваему* быти? И сіе ли *супротивно разуму и совѣсть прокажстна*, еже невѣжу взустити отъ Бога данному

Царю воцаритися? Ни гдѣ же бо обрящеши, иже не разоритися Царству, еже отъ Поповъ владому.» (II, 33.)

О могуществѣ Сильвестра мы имѣли еще и другія свидѣтельства: въ Царственной книгѣ сказано: «Въ та же времена бысть у Благовѣщенія у церкви, иже на сѣнехъ, у Царскаго двора нѣкій Священникъ, зовомый Селивестръ, родомъ Новогородецъ. Бысть же сей Священникъ Селивестръ у Государя въ великомъ жалованіи и совѣтѣ въ духовномъ и въ думномъ, а бысть яко все мога, и вся его послушаху, и ни кто жъ смѣяше ни въ чемъ же противитися ему, ради Царскаго жалованья, указываше бо и Митрополиту, и Владыкамъ, и Архимандритамъ, и Игуменомъ, и Черницемъ, и Попомъ, и Бояромъ, и Дьякомъ, и приказнымъ людемъ, и Воеводомъ, и дѣтемъ Боярскимъ, и всякимъ людемъ, испроста рицп, какія дѣла и власти Спасительскія и Царскія правяше, и ни кто же смѣяше ни что жъ раци ни сотворити не по его велѣнію; и всѣми владѣяше обѣма властьми, и Святительскаго и Царскаго, но поповское имѣяше; но токмо чтимъ добре всѣми, и владѣяше всѣмъ съ своими совѣтники.» (С. 342.)

Сильвестръ для лучшаго успѣха въ своихъ дѣйствіяхъ заключилъ союзъ съ однимъ изъ людей, близкихъ тогда къ Іоанну, Алексѣемъ Адашевымъ, какъ увидѣли читатели изъ предъидущихъ мѣстъ. Вотъ какъ говоритъ о семъ Курбскій: «Съ нимъ же соединяется, во общеніе, единъ благородный тогда юнона, къ доброму и полезному общему, именемъ Алексѣй Адашевъ; Цареви жъ той Алексѣй въ то время зѣло любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ общей вещи зѣло полезенъ, и отчасти, въ нѣкоторыхъ нравѣхъ, Ангеломъ подобенъ.» (I, 9.)

Іоаннъ также, кромѣ приведенныхъ мѣстъ объ

Адашевъ, говоритъ объ немъ еще вотъ что: «До того же времени бывшу сему собакѣ Алексѣю, вашему начальнику въ нашего царствія дворѣ, въ юности нашей, не вѣмъ, какимъ обычаемъ изъ батожниковъ водворившуся,... чающе отъ него прямыя службы.» (II, 55.)

Сильвестръ и Адашевъ наполнили Дворъ такими людьми, которые готовы были дѣйствовать въ его духѣ, по его наставленіямъ, и не выпускали изъ новыхъ узъ молодаго боязливаго Царя.

»Что же сіе мужіе два творятъ полезное землѣ оной, спустошенной уже воистинну и зѣло бѣдне сокрушенной? Преклони же ужъ уши, и слушай со прилежаніемъ! Сіе творятъ, сіе дѣлаютъ! Главную доброту начинаютъ – утверждаютъ Царя, и якого Царя? Царя юнаго, и во злострастіяхъ и въ самовольствіи безъ отца воспитаннаго, и прелестнаго, и крови уже напившагося всякія, не токмо всѣхъ животныхъ, но и человѣческія. Паче же, и согласныхъ его на зло прежде бывшихъ, овыхъ отдѣляютъ отъ него (яже быша зѣло люты), овыхъ же уздаютъ и воздержатъ страхомъ Бога живаго. И что же еще по семъ придаютъ? Наказуютъ опасне благочестію; молитвамъ же прилежнымъ къ Богу, и постомъ, и воздержанію внимати со прилежаніемъ, завѣщаваетъ оный Презвитеръ, и отгоняетъ отъ него оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь, ласкателей и человѣкоугодниковъ, надъ нихъ же ничтоже можетъ быти повѣтреннѣйшаго во Царствѣ, и отсылаетъ и отдѣляетъ отъ него всяку нечистоту и скверну, прежде ему приключшуюся отъ сатаны; и подвижетъ на то и присовокупляетъ себѣ въ помощь Архіерея онаго великаго града, и къ тому, всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, Презвитерствомъ почтенныхъ; и возбуждаютъ Царя къ покаянію, и нечистивъ сосудъ его внутренній, яко

подобаетъ, къ Богу приводятъ, и Святыхъ, непорочныхъ Христа нашего Таинъ сподобляютъ, и въ сицевую высоту онаго, прежде бывшаго окаяннаго, возводятъ, яко и многимъ окрестнымъ языкомъ дивитися обращенію его и благочестію.

«И къ тому еще и сіе прилагаютъ: собираютъ къ нему Совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ, во старости мастистѣй сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенныхъ; другихъ же, аще и въ среднемъ вѣку, тако жъ предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и онѣхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусныхъ; и сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту, ничесоже устроити или мыслити. Воистинну премудрому Соломону глаголющему: *Царь*, рече, *добрыми совѣтники, яко градъ претвердыми столпы утвержденъ*; и паки: любяй, рече, *совѣтъ, хранитъ свою душу, а не любяй его, совсѣмъ исчезнетъ:* понеже, яко безсловеснымъ надлежитъ чувствомъ по естеству управлятися, сице всѣмъ словеснымъ, совѣтомъ и разсужденіемъ. И нарицались тогда оные совѣтницы у него *Избранная Рада*; воистинну по дѣломъ и нареченіе имѣли: понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, не лицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому, еже бываетъ въ царствѣ наилѣпшее; и къ тому Воеводъ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избираютъ, и Стратилатскіе чины устрояютъ, яко надъ ѣздными, такъ и надъ пѣшими; и аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ, и окровитъ руку въ крови вражьей, сего дарованьми почитано, яко движными вещи, такъ и недвижными. Нѣкоторые же отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышнія степени возводились. А наразитовъ, или тунеядцевъ, сирѣчь подобѣдовъ или товарищей трапезамъ, яже блазенствомъ или шутками питаются, и

кормы хаютъ, не токмо тогда не даровано, то и отгоняемо, вкупѣ съ скомрахи, и со иными прелукавыми и презлыми, таковыми роды; но токмо на мужество человѣковъ подвизаемо и на храбрость, всякими роды даровъ или мздовоздаяньми, каждому по достоянію. (I, 10, 11, 12.)

«Онъ же (Сильвестръ) восхитихся властію,» говоритъ самъ Іоаннъ объ этой новой партіи: «якоже Ілія жрецъ, нача *совокуплятися въ дружбу* подобно мірскимъ.» (II, 56.)

«Тако же Селивестръ и со Алексѣемъ сдружился и начаша совѣтовати отай насъ, мнѣвше насъ не разсудныхъ суща: и тако, вмѣсто духовныхъ, мірская начаша совѣтовати, и тако по-малу всѣхъ васъ Бояръ начаша въ самовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе, и въ противословіе васъ приводяще, и честію мало васъ не съ нами равняюще, молодыхъ же Дѣтей Боярскихъ съ вами честію подобяще; и тако по-малу сотвердися сія злоба, и васъ почалъ причитати къ вотчинамъ ко градомъ и къ селомъ, еже дѣда нашего Великаго Государя Уложеніемъ, которыя вотчины у васъ взимали и которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися, и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ неподобно, и то дѣда нашего Уложеніе разрушилъ, и тѣхъ многихъ людей къ себѣ примирилъ. И потомъ единомысленника своего, Князя Дмитрія Курлятева, къ намъ въ Сигклитію припустилъ..... И тако съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ начаша злый свой совѣтъ утверждати, *ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша,* и тако во всемъ свое хотѣніе улучиша. По семъ же съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша, еже вамъ Бояромъ нашимъ по нашему жалованью честію предсѣданія почтеннымъ быти; сія убо вся во своей

власти и въ вашей положиша, яко же вамъ годѣ, и яко же кто како восхощетъ: потому же утвердися дружбами.» (II, 56.)

«Тако и вы хотѣсте съ Попомъ Селивестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и *со всѣми своими* семьями подъ ногами своими всю Русскую землю видѣти.» (II, 111.)

«Ино се ли противно разуму, еже не восхотѣхомъ въ совершенномъ возрастѣ младенцемъ быти? Та же по семъ и сіе утвердися: еже намъ сотворити словіе ни единому же отъ худѣйшихъ совѣтниковъ его тогда потреба рещи, но сія вся аки злочестива творяхуся, яко же въ твоей бѣсосоставной грамотѣ написано; отъ его же совѣтниковъ аще кто худѣйшихъ намъ не яко ко владыцѣ или яко къ брату,— яко къ худѣйшему чесому надменная словеса неистовѣ изнонаху, и сія вся благочестивѣ вмѣняхуся; кто убо мало послушаніе или покой намъ сотворитъ, тому убо гоненіе и мученіе; аще ли же кто раздражитъ насъ чѣмъ или кое принесетъ намъ утѣсненіе, тому богатство, слава и честь, и аще не тако, то души пагуба и Царству разореніе! И тако убо намъ въ сицевомъ гоненіи и утѣсненіи пребывающимъ, и таковая злая не токмо отъ дни до дни, но отъ часу растяху, а еже убо намъ послушно и покойно, сія умоляхуся.» (II, 58.)

Надѣюсь, сихъ мѣстъ достаточно для убѣжденія, что Іоаннъ съ 1547 года сдѣлался лицемъ совершенно страдательнымъ и не принималъ ни какого участія въ управленіи.

Въ такомъ положеніи, разумѣется, онъ былъ особенно въ первые два, три года своего удивительнаго подчиненія, — это безъ всякаго сомнѣнія, — и тогда-то вышелъ Судебникъ, Стоглавъ, Законъ о мѣстничествѣ, о Присяжныхъ и проч.

Спрашиваю: можно ли послѣ сихъ торжественныхъ и многократныхъ отреченій, въ разныя времена, приписать одну строку, одну мысль изъ всѣхъ сихъ постановленій собственно Іоанну?

Еще болѣе: если бы даже не было сихъ отреченій, можно ли приписать сіи постановленія Іоанну, которому было тогда менѣе двадцати лѣтъ, который до сихъ поръ только буянилъ, распутничалъ, ничего не дѣлалъ и ни объ чемъ не имѣлъ понятія?

Естественно перемѣнить образъ жизни, вольно или невольно; но узнать вдругъ нужды своихъ подданныхъ, ихъ отношенія между собою, отношенія къ Верховной Власти, опредѣлить ихъ вновь, — это не въ обыкновенномъ порядкѣ вещей. Очевидно, это дѣйствіе новой партіи при Дворѣ, непохожей на всѣ прежнія, и слава за оныя принадлежитъ ей, Сильвестру, основателю и руководителю ея, а не Іоанну.

Если бы Іоаннъ сдѣлалъ что нибудь знаменитое въ это время, вѣрно онъ не пропустилъ бы сказать о томъ въ письмахъ своихъ къ Курбскому, гдѣ онъ старался хвалиться предъ нимъ своими подвигами.

То же должно сказать и объ рѣчи семнадцатилѣтняго Іоанна къ народу, сохранившейся въ Степенной Книгѣ Хрущова, немедленно послѣ выступленія Сильвестра на сцену. Она, разумѣется, произнесена была по мысли и внушенію этого удивительнаго человѣка. Самъ Іоаннъ намѣкаетъ на это, какъ ясно видно изъ связи его словъ. (I, 56).

Между тѣмъ Казань бунтуетъ.

Замѣтить надо, что Казань взята была нами при Іоаннѣ Васильевичѣ III. Цари ея съ тѣхъ поръ были нашими присяжниками, и часто насылались и смѣнялись нами; впрочемъ происходило нѣсколько бунтовъ, для прекращенія коихъ отправляемы были изъ Москвы войска, приводившія городъ въ прежнее

подданство. Такъ въ малолѣтство Іоанна было нѣсколько подобныхъ походовъ подъ Казань, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Слѣдовательно взятіе Казани въ 1551 году есть одно изъ маловажныхъ происшествій Россійской Исторіи, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей; оно получило у насъ такой блескъ потому только, что есть современное подробное описаніе, перенесенное въ Исторію въ краснорѣчивомъ переводѣ. Но укрощеніе послѣдняго Кавказскаго бунта, столь краснорѣчиво описанное Г. Марлинскимъ въ Сѣверной Пчелѣ, можетъли теперь войти въ Русскую Исторію со всѣми своими любопытными подробностями?

Впрочемъ, важно ли, не важно ли взятіе Казани, — Іоаннъ участвовалъ въ немъ столько же, какъ въ сочиненіи Судебника и Стоглава. Его взяли съ войскомъ, какъ прежде приказывали сказать рѣчь съ лобнаго мѣста. Іоаннъ, не имѣвъ понятія о военномъ искусствѣ, могъ ли распоряжать осадою!

Всего лучше свидѣтельствуетъ это онъ самъ. «Тако убо: *аки плѣнника всадивъ въ судно*, всзяху съ малѣйшими людьми сквозѣ безбожную и невѣрную землю: аще не бы всемогущая десница Вышняго защитила мое смиреніе, то всячески живота гонзнулъ бы. Таково тѣхъ доброхотство къ намъ, за кого ты глаголеши, и какъ за насъ душу полагаютъ, еже нашу душу *во иноплеменныхъ руки* тщатся предати!» (II, 59.) И мы прославляемъ его какъ героя за взятіе Казани!

А какъ онъ дѣйствовалъ подъ Казанью! Вотъ какъ:

«Со оныя же предреченныя страны мало что поступиша, яко рекохомъ, великаго ради множества належанія ихъ, и даша о себѣ вѣдати Цареви нашему и всѣмъ совѣтникомъ, окрестъ его въ тотъ часъ бывшимъ, яко и самому ему зрящу бѣгство изъ града оныхъ предреченныхъ бѣгуновъ: и *зѣло ему не токмо лице измѣняшесь, но и сердце сокруши-*

*ся,* уповая, иже все войско уже Христіанское Бусурманы изъ града изгнаша. Видѣвше же сицевое, мудрые и искусные Сигклитове его, повелѣша хоругов великую Христіанскую близу вратъ градскихъ, нареченныхъ Царскихъ, подвинути, *и самого Царя, хотяща, за бразды коня взявъ, близъ хоругови поставиша:* понеже были нѣцыи, между Сигклиты оными, мужіе вѣку еще отцовъ нашихъ, состарѣвшіеся въ добродѣтеляхъ и во всякихъ искусствахъ ратныхъ.» (I, 39.)

=

При взятіи Казани однако жъ Іоаннъ, какъ молодой львенокъ, начинаетъ уже чувствовать силу свою, начинаетъ понимать, что онъ можетъ дѣйствовать по своей волѣ. Такъ, разсердясь на одного Боярина, онъ сказалъ ему: нынѣ боронилъ мя Богъ отъ васъ. Противная партія, безъ которой не бываетъ при Дворѣ, партія людей, отстраненныхъ Сильвестромъ, искала, разумѣется, средствъ, шептать противъ его уничиженія, утверждаютъ его въ мысляхъ объ его волѣ, силѣ, чтобъ отвратить его отъ первой, и заступить со временемъ ея мѣсто. Доступъ былъ легокъ чрезъ родственницъ Царицы, которыхъ преимущественно обвиняетъ Курбскій, – и это очень естественно, ибо они по родству должны бъ быть подлѣ Царя, а при Сильвестровой партіи не значили ничего! Совѣты ихъ пріятные для всякаго самолюбія, разумѣется, были еще пріятнѣе для Іоаннова, столько стѣсненнаго тогда. Не надо опускать изъ виду и темперамента Іоаннова, который держали въ такихъ оковахъ. Какъ это согласно съ здравымъ разсудкомъ, обстоятельствами, свидѣтельствами, событіями!

Іоаннъ тогда же началъ мало-по-малу выходить изъ-подъ опеки. Онъ настаиваетъ на своихъ желаніяхъ, слѣдуетъ уже иногда совѣту другихъ людей.

«Царь же вниде въ совѣтъ о устроеніи града нововзятаго: и совѣтовавше ему всѣ мудрые и разумные, иже бы ту пребылъ зиму, ажъ до весны, со всѣмъ воинствомъ, бо запасовъ было всякихъ множество съ Русскія земли галіями напривожено, яко же и въ той землѣ безчисленное богатство всякихъ достатковъ, и до конца выгубилъ бы воинство Бусурманское и Царство оное себѣ покорилъ и усмирилъ землю на вѣки; онъ же совѣта мудрыхъ Воеводъ своихъ не послушалъ; послушалъ же совѣта *шурей своихъ: они бо шептаху ему во уши, да поспѣшится ко Царицѣ своей, сестрѣ ихъ; но и другихъ ласкателей направили съ попами.*» (I, 47.)

И такъ что же остается за Іоанномъ въ эту такъ называемую блистательную половину его царствованія? Во взятіи Астрахани, точно какъ послѣ Сибири, въ заведеніи торговли съ Англіею, онъ не принималъ ни какого участія – это уже безспорно. Все это Россіи Богъ далъ.

Напротивъ, онъ не воспользовался благопріятными обстоятельствами для Россіи, когда послѣ началъ мало-по-малу освобождаться отъ противной опеки. Такъ свидѣтельствуетъ Курбскій:

«Тогда время было надъ Бусурманы Христіанскимъ Царемъ мститися за многолѣтную кровь Христіанскую, безпрестаннѣ проливаему отъ нихъ, и успокоити себя и отечество свое вѣчнѣ: ибо ничего ради другаго, но точію того ради и помазаны бываютъ, еже прямо судити и Царство, врученное имъ отъ Бога, обороняти отъ нахожденія варваровъ. Понеже и нашему тогда Цареви, Совѣтницы нѣкоторые, мужіе храбрые и мужественные, совѣтовали и стужали, да подвигнется самъ, съ своею главою, со великими войски на Персюнскаго Царя...» (I, 80.)

«Добро бы и паки реку, зѣло добро избавити въ Ордѣ плѣненныхъ отъ многолѣтныя работы, и раз-

рѣшити окованныхъ отъ претягчайшія неволи; *но нашъ Царь о семъ тогда мало радяше*, аще и едва послалъ съ пять тысящей всего воинства съ Вишневецкимъ Дмитромъ, Днѣпромъ рѣкою, на Перекопскую Орду, а на другое лѣто съ Даниломъ Адашевымъ и съ другими Стратилаты со осмь тысящей, такоже водою, послалъ; они же вышьша Днѣпромъ на море и, надъ надежду Татарскую, не малую тщету учиниша въ Ордѣ: яко самихъ побиша, такожъ женъ и дѣтей ихъ не мало плѣниша, и Христіанскихъ людей отъ работы свободили не мало, и возвратишась во-свояси здравы. *Мы же паки о семъ, и паки Царю стужали и совѣтовали: или бы самъ потщился итти*, или бы войско великое послалъ въ то время на Орду; онъ же не послушалъ, прекаждающе намъ сіе и помогающе ему ласкателіе, добрые и вѣрные товарищи трапезъ и кубковъ и различныхъ наслажденій друзи; а подобно уже на своихъ сродныхъ и единоколѣнныхъ остроту оружія паче, нежели поганомъ, готовалъ, крыющe въ себѣ оное сѣмя, всѣянное отъ предреченнаго Епископа глаголемаго Топорка. (I, 81.)

И такъ, повторяю, гдѣ великія дѣянія Іоанновы?

Мы видимъ изъ послѣднихъ свидѣтельствъ, что Іоаннъ началъ поступать самовольно. Это случилось, или лучше, это утвердилось по слѣдующему стеченію обстоятельствъ, кромѣ причинъ и соображеній, уже предложенныхъ нами.

Чрезъ два мѣсяца послѣ возвращенія изъ Казани, Іоаннъ отчаянно занемогъ горячкою. Сильвестръ и Адашевъ со всею своею партіею должны были ожидать себѣ гибели при новомъ Правленіи, подъ начальствомъ шурьевъ Іоанновыхъ, гибель, какую по очереди испытывали всѣ низверженныя партіи, Шуйскіе, Бѣльскіе, Глинскіе. Вѣроятно, они рѣшились

избрать на царство двоюроднаго брата Царскаго, Князя Владиміра Андреевича, какъ сталъ обвинять ихъ послѣ Іоаннъ. — Можетъ быть, они руководствовались и любовію къ отечеству, по объясненіямъ Карамзина, и не желали отказаться отъ своего, столь успѣшно начатаго дѣла. Отецъ Адашева прямо сказалъ умирающему Іоанну: «Тебѣ, Государь, и сыну твоему, Царевичу Князю Дмитрію, крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ намъ Даніилу съ братіею не служити; сынъ твой Государь нашъ еще въ пеленицахъ, а владѣти намъ Захарьинымъ, Даніилу съ братіею, а мы ужъ отъ Бояръ до твоего возрасту бѣды видали многія.» (339, Царств. Кн.)

Но Іоаннъ всталъ съ одра смерти. Какое поле открылось для противной партіи! Какой благовидный предлогъ для очерненія въ глазахъ Іоанновыхъ Сильвестра и Адашева, шедшихъ, такъ сказать, прямо противъ его вдовы и сына! Іоаннъ явно свидѣтельствуетъ послѣ, что это такъ дѣйствительно тогда и было.

Въ Царственной Книгѣ сказано, что Сильвестръ выговаривалъ Боярамъ, зачѣмъ они не пускаютъ къ больному Іоанну брата его Владиміра, а тѣ ему противились: «и оттоль бысть вражда межи Бояръ и Селивестромъ и его совѣтники.» (343.)

Однако жъ такая великая сила, какую имѣлъ Сильвестръ надъ Іоанномъ, первое глубокое впечатлѣніе, имъ произведенное, не могли ослабѣть вдругъ. Та трусость, робость, которая сначала подчинила его Сильвестру, которою отличался онъ всегда, приказывая терпѣть побои посламъ нашимъ, бѣгая отъ Крымскаго Хана, приказывая бить ему челомъ, готовя себѣ убѣжище въ Англіи, была причиною, что онъ не вдругъ оставилъ Сильвестра. Царственная Книга говоритъ, что Князь Владиміръ, заключен-

ный въ темницу въ слѣдствіе представленныхъ обстоятельствъ, и мать его: «его бо промысломъ изъ ятства выпущены.» (343.) Самъ Іоаннъ говоритъ тоже.

Къ этому времени относится знаменитый совѣтъ Вассіана Топоркова, Коломенскаго Епископа, данный Іоанну во время его путешествія послѣ болѣзни по монастырямъ, не держать совѣтниковъ умнѣе себя. (Этотъ совѣтъ былъ данъ безъ всякаго сомнѣнія: Курбскій, кромѣ своей Исторіи, говоритъ объ немъ прямо самому Іоанну). Іоаннъ, все еще двадцати только двухъ лѣтъ, поцѣловалъ руку Вассіанову, и сказавъ, что самъ отецъ не могъ бы присовѣтовать ему лучше. Онъ чувствовалъ свои оковы.

Далѣе не было ни какихъ происшествій, кои могли бы быть причтены въ честь или безчестье Іоанну. Не зная происшествій придворныхъ, мы не можемъ сказать, въ какомъ положеніи были партіи между собою и предъ Іоанномъ.

Въ 1558 г. началась война Ливонская. Сильвестръ тогда уже ничего не значилъ: онъ совѣтовалъ не начинать этой войны, но его не послушали: «Брань, еже на Германы,» говоритъ Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому:..... «и отъ того времени отъ Попа Селивестра и отъ Алексѣя и отъ васъ какова отягченія словесная пострадахъ, ихъ же нѣсть подробну глаголати! Еже какова скорбнаго ни сотворится намъ, то вся сія Германъ ради случися. (II, 74.) (Іоаннъ, кажется, разумѣетъ здѣсь мнимые послѣдующіе заговоры противъ него. — Война съ Ливонскими Нѣмцами — не есть ли хитрая уловка противной партіи?)

Сильвестръ, видя, что онъ лишился своей силы надъ Царемъ, удалился отъ Двора: «А той Селивестръ,» говоритъ Курбскій: «еже прежъ, даже не изгнанъ былъ, видѣвъ его, иже не по Бозѣ всякія

вещи начинаетъ, прѣтивъ ему и наказуя много, да во страсѣ Божіи пребываетъ и въ воздержанію жительствуетъ, и иными множайшими словесы Божественными поучая и наказуя много, онъ же отнюдь того не внимаше и ко ласкателемъ умъ свой и уши приклонилъ: разсмотрѣвъ же вся сія Презвитеръ, иже уже лице свое отъ него отвратилъ, отшелъ бысть въ монастырь, сто миль отъ Москвы лежащъ, и тамо во мнишествѣ будуще, нарочитое и чистое свое жительство препровожалъ. Клеветницы жъ, слышавше, иже тамо въ чести имѣютъ оные Мниси его, сего ради, завистію разсѣдаеми, ово завидяще мужу славы, ово боящеся, да не услышитъ Царь о семъ и паки да не возвратитъ его къ себѣ, и да не обличатся ихъ неправды и превращеніе судовъ, и много-взимательные, любимыя издавна обыкновенія ихъ, посулы, и новоначалныя піянства и нечистоты паки да не пресѣкутся отъ оного свѣтлаго: и оттуды похватиша его и заведоша на Соловки, яже прежъ рѣхомъ, идѣже бы и слухъ его не обрѣлся, похваляющись, аки бы то соборнѣ осудиша его, мужа нарочитаго и готоваго отвѣщати на клеветы.» (I, 105.)

Адашевъ былъ отправленъ въ войско.

Другая партія восторжествовала.

Впрочемъ въ Ливонской войнѣ Іоаннъ также не принималъ ни какого участія, оставшись спокойно въ Москвѣ.

Вотъ всѣ происшестія до 1560 года: читатели видятъ, что дѣлалъ Іоаннъ.

О дѣйствіяхъ другой партіи сначала, а послѣ о дѣйствіяхъ самого Іоанна, слишкомъ извѣстныхъ и безпутныхъ, объ обстоятельствахъ, содѣйствовавшихъ къ развитію его и опредѣленію его характера — говорить здѣсь не мѣсто.

Мнѣ остается только отвѣчать на нѣкоторыя мнѣнія противныя.

Курбскій, на коемъ я основалъ нѣкоторыя свои доказательства, славитъ Іоанна за средніе годы его царствованія, коихъ честь я отнимаю у него. См. I, 11, 14; II, 138, 147, 148, 149, 151.

Вотъ объясненіе. Всѣ письма Курбскаго къ Іоанну обращаются около одной мысли, какъ замѣтилъ и Г. Устряловъ: «вотъ каковъ былъ ты, когда слушалъ насъ; вотъ что сдѣлалось съ тобою, когда ты насъ оставилъ, и выбралъ себѣ другихъ наперсниковъ.» Слѣдовательно ему необходимо, такъ сказать, было хвалить Іоанна за первое время. Хваля его при этомъ условіи, онъ какъ будто бы надѣялся еще привлечь его на свою сторону; порицая его безусловно, онъ отказался бы отъ этой надежды, и привелъ бы въ подозрѣніе свое безпристрастіе. (Сказать Іоанну въ глаза, что онъ никогда ничего не дѣлалъ, это было бы ругательство. Какъ бы онъ могъ объяснить въ такомъ случаѣ, зачѣмъ онъ и его друзья служили прежде Іоанну и искали его милостей? Словомъ – Курбскій не могъ писать иначе ни въ письмахъ своихъ, ни въ Исторіи, чтобъ не противурѣчить самому себѣ. Впрочемъ, всмотритесь внимательнѣе: похвалы его суть только общія мѣста; мы не видимъ дѣйствій, къ коимъ бы онѣ прикладывались непосредственно, или видимъ противурѣчащія, которыя заставляютъ насъ сомнѣваться въ оныхъ напр. при описаніи взятія Казани, отношеній къ Крымскимъ Татарамъ. Сіи слова или извѣстія вырываются у Курбскаго невольно, противъ его намѣренія, и потому убѣждаютъ насъ наиболѣе въ своей истинѣ, по ничтожности Іоанновой во всѣ періоды его жизни.

Нѣкоторые наши Лѣтописатели говорятъ, что по смерти Анастасіи, «аки чуждая буря велія къ тишинѣ благосердія Царскаго приниде, и нѣкако превратися многомудростной его умъ на яростный нравъ и проч.» — Это ни мало не служитъ доказательствомъ, что прежде онъ былъ великъ. Зло въ сердцѣ Іоанновомъ росло постепенно, и Лѣтописатели увидѣли, когда оно уже выросло наружу. Притомъ, какъ обыкновенно, дѣйствія партіи Іоанновой они приписывали самому Іоанну.

То же должно сказать и объ нѣкоторыхъ, очень немногихъ иностранцахъ, которые его хвалятъ изрѣдка.

Петръ Великій уважалъ его (если уважалъ), тоже за добро, которое получила Россія въ его царствованіе, смотря на него съ одной стороны.

Знаменитый нашъ Исторіографъ повѣрилъ съ перваго взгляда Курбскому и Лѣтописямъ, и увлекся блестящимъ предметомъ. Какъ писатель нашего времени, онъ избѣгнулъ, разумѣется, противорѣчій Курбскаго, пропустилъ нѣкоторыя и объяснилъ другія, сообразно съ своимъ образомъ мыслей. Еще болѣе: онъ отложилъ все дурное объ Іоаннѣ до смерти Анастасіи, то есть, до 9-го тома, между тѣмъ, какъ самъ Курбскій послѣ взятія Казани ослабѣваетъ въ своемъ рвеніи; между тѣмъ, какъ очень многое уже случилось, какъ мы видѣли, представляющее Іоанна совсѣмъ съ другой стороны.

Іоаннъ говоритъ самъ, что отъ 1547 до 1553 года, отъ 17 до 23 лѣтъ своей жизни, онъ не принималъ ни какого участія въ правленіи, и это согласно со всѣми прочими свидѣтельствами и соображеніями; а Карамзинъ объясняетъ (IX, 15) слова Іоанновы вотъ какъ: «Гораздо вѣроятнѣе, что Іоаннъ, желая винить ихъ

(Сильвестра и Адашева), клевещетъ на самого себя.» —Клеветать на самого себя—это очень мудрено! Но развѣ Іоаннъ не могъ винить ихъ и вмѣстѣ не отказываться отъ своихъ собственныхъ дѣйствій, если бъ были какія? «Гораздо вѣрнѣе,» продолжаетъ Карамзинъ, что онъ искренно любилъ благо, узнавъ его прелесть. «А это очень отвлеченно — какъ, въ чемъ, могъ онъ узнать прелесть добра, гдѣ доказательство? Мало можно надѣяться на человѣка, особенно въ то время, когда кто только узнаетъ прелесть добра, а не чувствуетъ ея, а что Іоаннъ лишенъ былъ способности ее чувствовать — доказательство во всей его жизни. «И наконецъ увлеченный страстьми, только обузданными, неискорененными, измѣнилъ правиламъ великодушія, сообщеннымъ ему мудрыми наставниками: ибо легче перемѣниться, нежели такъ долго принуждать себя—и кому? Государю самовлаетному, который однимъ словомъ могъ всегда расторгнуть сію мнимую цѣпь неволи.» Долго! Нѣтъ, не долго. Напуганный, онъ принуждалъ себя только года четыре, пока приходилъ, какъ говорится, въ свой разумъ и силу.

Г. Устряловъ замѣчаетъ нѣкоторыя мѣста въ Исторіи Курбскаго и перепискѣ его съ Іоанномъ, противурѣчащія общимъ понятіямъ объ Іоаннѣ, а въ заключеніе, предложивъ мнѣніе Курбскаго и Карамзина, говоритъ: «Кто же правильнѣе судилъ Іоанна. современный ли писатель, видѣвшій дѣла его, но питавшій къ нему злобу непримиримую, или позднѣйшій Историкъ, который не имѣлъ ни какого повода быть пристрастнымъ, и съ помощію многихъ свидѣтелей могъ открыть истину?» (LXII,) Отвѣчаемъ: ни тотъ, ни другой.

Наконецъ я долженъ поднять руку на самого себя. Въ 1824 году я писалъ о характерѣ Іоанна Гроз-

наго *, и старался доказать, что зло росло въ Іоаннѣ постепенно, и обнаружилось въ немъ гораздо прежде смерти Анастасіи, которой нечего уже было уносить въ могилу, вопреки мнѣнію нашего Исторіографа; что подозрительность, усиленная несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ была главною причиною всѣхъ его жестокостей, простиравшихся преимущественно на Боярство. Я не смѣлъ тогда еще коснуться до Судебника и до Казани, и видѣлъ въ Іоаннѣ человѣка, «рожденнаго съ душею, способною ко всему великому, страстьми пылкими, волею сильною.» Въ доказательство сего положенія, я указывалъ въ первомъ періодѣ его жизни на рѣчь, въ которой онъ просилъ прощенія у народа, Судебникъ и Казань; во второмъ, на бракъ съ Собакиною, не смотря на близкую, извѣстную ея смерть, возведеніе Филиппа въ санъ Митрополита, не смотря на его упреки, созваніе Депутатовъ со всего Государства, переписку съ Курбскимъ. Нынѣ, по внимательномъ критическимъ разсмотрѣніи свидѣтельствъ, принужденный, такъ сказать, принять другое мнѣніе, я долженъ объяснить послѣднія обстоятельства иначе, чтобъ не быть въ противурѣчіи съ собою. Бракъ съ Собакиной – Іоаннъ могъ надѣяться на ея выздоровленіе, притомъ для него ничего не стоило жениться въ четвертый, пятый разъ. Возведеніе Филиппа – Филиппъ былъ вызванъ изъ Соловокъ для этого сана, далъ подписку за порукою Духовенства не вступаться въ дѣла правительственныя, и послѣ выгнанъ метлами изъ Успенскаго Собора. Созваніе Депутатовъ – великая опасность заставила Іоанна прибѣгнуть къ сему средству, необыкновенному въ то время. Переписка съ Курбскимъ – Іоаннъ хотѣлъ чѣмъ нибудь удовлетворить своей злобѣ на

* Это напечатано въ Московскомъ Вѣстникѣ 1829 г. Часть 3.

него, и не могши казнить, хотѣлъ по крайней мѣрѣ обругать его. Какъ легко, скажетъ иной читатель, объяснять происшествія, по своему произволу! Отвѣчаемъ: Мы почитаемъ такого-то человѣка добродѣтельнымъ, и всѣ его дѣйствія толкуемъ въ хорошую сторону. Но мы получили доказательства, что онъ лицемѣръ, и прежній взглядъ нашъ перемѣняется, и похвальное прежде дѣлается новымъ источникомъ новаго обвиненія. Главное здѣсь — въ основаніяхъ. Я предложилъ свои причины: пусть судитъ читатель, справедливы ли онѣ или нѣтъ.

Впрочемъ первую мою статью можно соединить съ этою, и изъ обѣихъ вывести заключеніе, что Іоаннъ не заслуживаетъ такой славы за первую, и такой ненависти за вторую половину своего царствованія, какія у насъ ему приписываютъ; что онъ былъ человѣкъ обыкновенный, и душа его состояла изъ остатковъ того вещества, если можно такъ выразиться, изъ котораго сотворены были Генрихъ VIII, Лудовикъ XI, Филиппъ II, принимающіе надъ нимъ рѣшительное преимущество силою своихъ характеровъ.

**М. ПОГОДИНЪ.**

# ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНІЕ АНГЛІИ *.

Въ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится нынѣ Великобританнія, ничто не возбуждаетъ столько опасеній, какъ состояніе ея финансовъ. Сколь ни тягостно положеніе ея во всѣхъ другихъ частяхъ, но бремя государственнаго долга всего тягостнѣе. Наибольшая часть дохода обращена на платежъ однихъ процентовъ, между-тѣмъ, какъ сумма долга не только не уменьшается, но и нѣтъ ни какихъ видовъ къ ея уменьшенію. Удивительно ли, что Правительство доведено до такого затруднительнаго положенія, которое не дозволяетъ ему предпринять ничего рѣшительнаго и вообще затрудняетъ ходъ управленія? Не нужно имѣть дара пророчества, чтобы предвидѣть, что если всѣ другія сѣмена разрушенія, безпощадною рукою посѣянныя среди насъ (Англичанъ) въ послѣдніе три года, не принесли еще свойственныхъ имъ плодовъ; если крѣпость государственнаго зданія доселѣ еще противилась всѣмъ потрясеніямъ, то запутанность финансовъ есть такое зло, которое должно наконецъ причинить ему упадокъ. Невозможно, чтобы нація, живущая, такъ сказать, со дня на день, временны-

* Статья эта, примѣчательная во многихъ отношеніяхъ, заимствована изъ одного изъ лучшихъ Англійскихъ Журналовъ, и притомъ не придерживающагося исключительно одной политической партій: по этому она заслуживаетъ особенное вниманіе иностранцевъ, которые желали бы узнать настоящее положеніе дѣлъ Великобританніи. Сужденія писателя другой націи всегда могутъ казаться пристрастными: послушаемъ, что говорятъ просвѣщенные Англичане сами о финансахъ своего отечества, и какъ они судятъ о своихъ правительственныхъ формахъ, которыя въ Европѣ такъ часто почитаются образцовыми.

ми пособіями, и безпрестанно борющаяся съ недостатками доходовъ, могла надолго сохранить свое достоинство и то могущество, которое необходимо для поддержанія величайшей Державы, невиданной въ свѣтѣ послѣ паденія Римской Имперіи.

Всѣ согласны въ томъ, что государственный нашъ долгъ безмѣрно великъ, и что послѣдствія его гибельны; но кто виною сему, и какъ отвратить сіе зло, въ этомъ мнѣнія столько же отдалены между собою, какъ полюсы одинъ отъ другаго. Партія Виговъ вопіетъ, что Тори сдѣлали долгъ; что ихъ неправедная и вовсе безнужная война противъ Французской революціи прибавила долгу 600 милліоновъ фунт. стерл. (15,000 милліоновъ руб. асс.); что съ помощію сихъ денегъ они купили себѣ большинство голосовъ въ Парламентѣ, которое поддерживало сію борьбу; и что, наконецъ, они оставили кормило правительства, но тогда уже, когда нація дошла почти до банкротства, такъ, что теперь нѣтъ ни какой возможности выпутаться изъ сего затруднительнаго положенія. Противъ этого возражаютъ Тори, что война была необходима, по причинѣ разрушительныхъ и опасныхъ правилъ Франціи, поддерживаемыхъ въ Англіи Вигами; что война сія продлила существованіе Англіи на сорокъ лѣтъ, и учетверила нравственныя и физическія ея силы; что безъ того Англійская нація не только потеряла бы свое мѣсто между Европейскими Державами, но погибла бы неизбѣжно среди гигантскихъ усилій враговъ своихъ въ сей страшной борьбѣ; и что бремя долга, тяготящее насъ столь жестоко и безнадежно, происходитъ отъ того, что послѣдующія министерства уклонились отъ твердыхъ и мудрыхъ правилъ финансовой политики Питта, и, устрашась народнаго крика, отмѣнили множество налоговъ, на которыхъ окончательное погашеніе долга было осно-

вано. Наконецъ, Радикалы, не принимая на себя труда разобрать историческій вопросъ, которая изъ двухъ партій, управлявшихъ государствомъ, виновна въ накопленіи долга, утверждаютъ, что теперь надлежитъ только рѣшить, что съ нимъ дѣлать; что разрѣшить сей вопросъ не трудно; что какъ долгъ сдѣланъ аристократами, то они же должны и заплатить его; и что единственный къ тому способъ, либо заставить кредиторовъ понизить фонды въ той же пропорціи, въ какой уменьшились государственные способы, либо наложить на нихъ большой налогъ, для облегченія промышленаго класса народа, и такимъ образомъ взвалить бремя на плеча тѣхъ, для пользы которыхъ долгъ сдѣланъ.

Среди сей борьбы разныхъ мнѣній, состояніе государственныхъ доходовъ становится ежедневно хуже. Герцогъ Веллингтонъ оставилъ своимъ преемникамъ въ правленіи чистаго излишка доходовъ противъ расходовъ 1,800,000 ф. стерл. (45,000,000 руб. асс.) въ годъ, и капиталъ погашенія 2,900,000 ф. стерл. (72,500,000 руб. асс.); но все это такъ сократилось отъ потрясеній новой реформы и уничтоженія многихъ косвенныхъ налоговъ, что излишекъ весь изчезъ, а капиталъ погашенія совсѣмъ уже не существуетъ. Государственный доходъ недостаточенъ для покрытія всѣхъ расходовъ; недостатокъ сей въ послѣдніе годы простирался до неслыханной въ нашей Исторіи суммы 40 милліоновъ рублей! Такъ всѣ надежды на уплату долга исчезли, и нація принуждена подвергнуться навсегда ежегодному платежу 80,000,000 ф. стерл. (700 милліоновъ руб. асс.) процентовъ.

Уплата долга, или по крайней мѣрѣ постепенное его уменьшеніе, представляется еще болѣе безнадежнымъ, если мы примемъ въ уваженіе финансовыя мѣры реформированнаго Парламента и тѣ ожи-

данія, какими льститъ себя народъ, выбравшій своихъ представителей. Въ первое засѣданіе сего Парламента прибавлено еще долга, по самому умѣренному расчету, 30 милліоновъ фунтовъ (750 милл. руб. асс.) Народные представители, удобно увлекающіеся всякимъ волненіемъ умовъ, нашлись въ необходимости допустить освобожденіе Негровъ изъ неволи, – мѣра безвременная, для которой 20 милліоновъ далеко недостаточны, чтобъ вознаградить потери владѣльцевъ. Страсть къ нововведеніямъ столько успѣлилась въ народѣ, что даже безпримѣрное величіе нашей Державы въ Индіи не избѣгло переворота, и потребно 10 милліоновъ, чтобы проложить дорогу народному вторженію въ сей полуостровъ, и, можетъ быть, разрушить великолѣпнѣйшее царство на Востокѣ. Между-тѣмъ, какъ народное богатство расточается такимъ образомъ въ заграничныхъ нашихъ владѣніяхъ, внутренніе расходы увеличились въ той же пропорціи.

При такой ужасной расточительности министерства Виговъ, неукротимый крикъ народа и его ожиданія отнимаютъ послѣднюю надежду на уплату государственнаго долга. По мѣрѣ того, какъ нынѣшніе наши правители, съ отчаянною безрасчетностію, сопровождающею и предвѣщающею близкое ихъ паденіе, сыплютъ деньги во всѣ стороны, какъ единственное средство къ отвращенію тѣхъ затрудненій, которыми сами они окружили правительство, народъ день ото дня все громче и громче вопіетъ, чтобы немедленно уничтожены были всѣ тѣ налоги, которые, какъ его увѣрили, наложены были только для поддержанія злоупотребленій партіи Тори. Народъ столь рѣшительно требуетъ отмѣны постоянныхъ налоговъ, assessed taxes*, налога на солодъ

* Такъ называются налоги на домы и окна.

и другихъ важныхъ отраслей государственнаго дохода, что Министры едва успѣли отложить на время сію мѣру, убѣдивши Нижнюю Палату возстановить сегодня то, что вчера было разрушено; но не трудно предвидѣть, что, при увеличивающемся безсиліи Министровъ и при усиливающемся ожесточеніи народа, скоро должно будетъ пожертвовать какъ сими, такъ и многими другими главными источниками государственнаго дохода. При такихъ замѣшательствахъ нельзя и подумать, ввести правильную систему финансовъ: правительство живетъ только съ одного дня на другой разными происками; революціонные крики нововводителей укрощаются на минуту пожертвованіемъ великихъ государственныхъ интересовъ; а жалобы владѣльцевъ, угрожаемыхъ разореніемъ, утишаются немедленнымъ обѣщаніемъ денежнаго вознагражденія. Такимъ образомъ, народныя тягости безпрестанно увеличиваются, капиталъ погашенія исчезъ, долги становятся неуплатимыми, сбереженія пятнадцати лѣтъ расточены въ одинъ годъ, и, въ награду за финансовыя реформы демократическаго Парламента, нація обременена новымъ долгомъ 50 милліоновъ, и ежегоднымъ платежемъ навсегда 1,500,000 ф. (37,500,000 р.) процентовъ: — и все это среди глубокаго мира!

Сколь ни странными должны казаться такія послѣдствія для тѣхъ, которые думали, что уничтоженія всѣхъ злоупотребленій и сокращенія расходовъ скорѣе всего должно ожидать отъ народнаго вліянія въ дѣла правительства; но онѣ ни мало не удивительны для того, кто привыкъ смотрѣть на примѣры Исторіи. Представительныя правительства всегда были величайшими расточителями народнаго богатства, и это отъ того, что, бывъ основаны на страстяхъ народа, а не на прочныхъ его пользахъ, они имѣютъ нужду въ деньгахъ для поддержанія себя, а

о будущемъ не заботятся. Адамъ Смитъ именуетъ тѣ націи, которыя въ его время наиболѣе обременены были долгами; то были: Генуа, Венеція, Голландія и Англія, — самыя тѣ, въ которыхъ народъ имѣлъ вліяніе въ дѣла правительства, и гдѣ, казалось бы, можно ожидать отъ его бдительности, что онъ не допуститъ ни какихъ злоупотребленій. Доходъ Англіи, въ царствованіе Плантагенетовъ, Тудоровъ, Стюартовъ, никогда не превышалъ 900,000 ф. ст. (22,500,000 руб. асс.) въ годъ; но онъ возвышенъ вдругъ Протекторомъ Кромвелемъ, главою вооруженной силы демократіи, до 1,868,000 ф. (46,700,000 р.); и въ продолженіе республиканскаго періода собрано было, *разными притѣсненіями*, не менѣе 83,331,000 ф., или 4,300,000 ф. въ годъ. Расходы Карла II, со всѣми его любовницами и при всей его расточительности, составляли 44,000,000 (968,000,000 р.) въ двадцать четыре года, или менѣе 2,000,000 ф. (50,000,000 р.) въ годъ; но Вильгельмъ III, принесенный въ Англію на плечахъ народнаго волненія въ 1668 году, увеличилъ ихъ до 3,895,000 ф. въ годъ (97,375,000 р. асс.). Налоги, взимаемые при Лудовикѣ XVI, въ началѣ Французской революціи, не простирались до 600,000,000 франковъ въ годъ; но Національный Конвентъ увеличилъ расходы, въ 1793 году, до неслыханной суммы 5,000 милліоновъ въ годъ, и если бы долги были уплачиваемы, то послѣдующія революціонныя правительства обременили бы Францію по меньшей мѣрѣ 25,000 милліонами. Наполеонъ, самодержавный Государь, былъ очень бережливъ. Государственные расходы при Карлѣ X простирались до тысячи милліоновъ франковъ въ годъ: они увеличены при его либеральномъ преемникѣ до 1,500 милліоновъ.

Такая единообразная цѣпь послѣдствій должна происходить отъ какой нибудь общей причины; и

кто хоть мало знаетъ натуру человѣческую, тому эту причину открыть не трудно. Экономія требуетъ предусмотрительности и систематическаго плана въ дѣлахъ, для достиженія предположенной цѣли; но расточительность не заботится о будущемъ, и жертвуетъ имъ для настоящихъ наслажденій. Безпрестанныя перемѣны въ представительныхъ правительствахъ побуждаютъ Министровъ къ расточительности, безъ чего они не могутъ поддержать своей власти. Въ такомъ положеніи вещей можно ли помыслить о прочной системѣ финансоваго управленія? Такъ и въ Англіи: чѣмъ болѣе народъ получалъ вліянія въ дѣла государственныя, тѣмъ болѣе умножалась безрасчетливость въ управленіи финансами; наконецъ послѣдняя реформа довершила переломъ, и вся надежда на уплату общественныхъ обязательствъ исчезла совершенно.

Взглядъ на тѣ перемѣны, которыя сдѣланы были въ Англійскихъ финансахъ разными министерствами въ послѣднія двадцать лѣтъ, покажетъ безпрестанныя сокращенія въ капиталѣ погашенія. Мы увидимъ, что чѣмъ болѣе народъ получалъ вліянія въ дѣла государственныя, тѣмъ болѣе расточали сей палладій Британскаго могущества, тѣмъ болѣе масса кредита для будущихъ вѣковъ уменьшалась, и притомъ безъ всякой внѣшней необходимости, единственно отъ нетерпѣливости и вліянія народа. Осуждали Лорда Кастельрс, когда онъ жаловался на невѣжество народа въ дѣлѣ налоговъ; но жалобы его были справедливы. Если бы Англія имѣла счастіе быть управляемою такими прозорливыми и рѣшительными Министрами, которые бы притомъ имѣли власть исполнять то, что они почитали справедливымъ, то, со времени Парижскаго мира донынѣ, государственный долгъ былъ бы почти весь выплаченъ, и могущество націи возрасло бы до неслыханнаго величія.

Чтобъ оцѣнить тотъ невознаградимый вредъ, который нанесенъ финансамъ и могуществу Англіи расточеніемъ капитала погашенія, надлежитъ знать, что сей капиталъ, подъ сильною рукою Питта, возросъ въ 27 лѣтъ, съ 1786 до 1813, отъ одного милліона до 15 милліоновъ ф. стерл. (отъ 25 милліон. до 375 милліон. руб. асс.), и если бы онъ остался неприкосновеннымъ, въ 1833 году возвысился бы безъ мала до 40 милліон. ф. (1000 милліон. руб. асс.); симъ капиталомъ можно бъ было выкупить долгу, со времени Ватерлоскаго сраженія, болѣе 500 милліоновъ ф. Проценты на остальной долгъ составляли бы не болѣе 8 милліоновъ фунтовъ, и нація освободилась бы теперь отъ ежегоднаго платежа 20 милліоновъ: сумма сія была бы достаточна, чтобъ освободить насъ навсегда отъ всѣхъ постоянныхъ налоговъ, отъ всего налога на солодъ, на сахаръ и на чай; или, если бы она была обращена на погашеніе долга, весь долгъ въ 1839 году былъ бы уплаченъ совершенно. Для сихъ блистательныхъ успѣховъ не нужно было ничего болѣе, кромѣ той же добродѣтели, которая требуется и отъ частнаго человѣка для поправленія разстроеннаго состоянія, — неизмѣнной системы экономіи, совокупно съ строгимъ сохраненіемъ капиталовъ, отложенныхъ для платежа долга. Способы къ тому были въ нашихъ рукахъ; капиталы существовали; надлежало бы только постоянно слѣдовать начатой системѣ; но невѣжественная нетерпѣливость народа сбросила съ себя сіе легкое бремя, и расточила капиталы.

Истинная причина того разстройства, въ какомъ находятся наши финансы, есть безвременное уничтоженіе косвенныхъ налоговъ*. И такъ слѣдуетъ вопросъ: нужно ли, и полезно ли было ихъ уничто-

* Ихъ уничтожено болѣе 20 милліоновъ фунтовъ.

женіе? Очевидно, что не было въ томъ ни какой нужды, ни какой пользы. Какая польза произошла отъ уничтоженія налоговъ на мыло, кожу или калеикоръ? Многіе изъ сихъ товаровъ весьма мало упали въ цѣнѣ, или почти ни сколько; но если бы они и весьма подешевѣли, то отъ этого произошло бы самое малѣйшее и почти непримѣтное облегченіе для каждаго семейства въ государствѣ. Кто выигралъ отъ уничтоженія налога на пиво, отъ котораго казна получала дохода не менѣе 3 милліоновъ фунтовъ (75 милліоновъ руб. асс.) въ годъ? Никто, кромѣ однихъ пьяницъ въ Соединенномъ Королевствѣ; ибо хотя цѣна на *крѣпкое пиво*, пьянственный напитокъ, значительно понизилась отъ уменьшенія налога, но цѣна на *столовое пиво*, напитокъ питательный и необходимый, почти ни сколько не упала, развѣ только отъ перемѣны достоинства ходячей монеты въ послѣднія восемь лѣтъ, то есть, не болѣе, какъ подешевѣли и другіе товары, на которыхъ не было ни какого налога. Равнымъ образомъ, какая польза послѣдовала отъ уничтоженія пошлины на водки? Ни какой, кромѣ усилившагося пьянства, отъ чего преступленія въ государствѣ почти удвоились. Однимъ словомъ: уничтоженіе косвенныхъ налоговъ едва ли принесло кому либо пользу, кромѣ продавцовъ тѣхъ товаровъ, съ которыхъ пошлина снята; но и они потерпѣли отъ скудости народной, произведенной сокращеніемъ государственныхъ расходовъ, отъ чего число покупателей и количество потребленія чрезвычайно уменьшилось. Наконецъ извѣстно всякому, что всѣ отрасли промышлености въ великомъ упадкѣ, больше, нежели то было въ военное время.

Есть особенная причина, заставляющая сожалѣть объ уничтоженіи столь многихъ косвенныхъ налоговъ въ мирное время. Съ того времени, и особен-

но съ 1819 года, когда Банкъ сталъ платить золотомъ, вмѣсто бумажекъ, цѣны на всѣ товары безпрестанно понижались, и можно сказать, что онѣ съ того времени понизились на $^1/_3$ среднимъ числомъ. И такъ, если бы косвенные налоги не были отмѣнены, цѣна на всѣ тѣ товары, съ которыхъ налогъ снятъ, понизилась бы сама собою, и слѣдовательно, потребитель имѣлъ бы облегченіе. Дѣйствительно если бъ цѣны возвышались, можно было бы сказать, что эта дороговизна происходила отъ налоговъ; но какъ онѣ безпрестанно понижались, то очевидно, что не было ни какой надобности спѣшить уничтоженіемъ налоговъ.

Далѣе: можно произвесть большое пониженіе въ цѣнахъ посредствомъ машинной работы, вмѣсто ручной, и мы видѣли, что съ помощію паровой машины многія изъ самыхъ дорогихъ издѣлій сдѣлались нынѣ вшестеро дешевле противъ того, чего стоили они въ военное время.

Но всего важнѣе то, что косвенные налоги суть такая тягость, которую всякой несетъ произвольно, по мѣрѣ своего потребленія или роскоши. Налогъ сей сливается съ цѣною товара, такъ, что непримѣтенъ для покупателя. Это дѣло великой важности, и странно, какъ теоретическіе писатели того не примѣтили. Они только о томъ и думаютъ, какъ бы собрать съ народа извѣстную сумму самымъ дешевымъ образомъ: для этого они предпочитаютъ прямые налоги, потому, что сборъ ихъ удобенъ и не дорого стоитъ. Но развѣ въ томъ состоитъ главное дѣло? Развѣ люди кусокъ дерева, отъ котораго можно отдѣлить извѣстную часть, все равно, топоромъ или скобелемъ? Развѣ ихъ имущество есть банкирскій счетъ, съ котораго Канцлеръ Казначейства можетъ списать, сколько ему угодно, большими или малыми суммами? Не суть ли они, напротивъ, чув-

ственныя существа, для которыхъ иные налоги тягостны, а другіе совершенно ничтожны? Налоги на предметы потребленія разлагаются на покупателя самыми малыми суммами и непримѣтнымъ образомъ, такъ, что они во множествѣ предметовъ вовсе нечувствительны; а напротивъ того, прямые налоги такъ ненавистны, что производятъ больше раздраженія въ народѣ, нежели приносятъ дохода казнѣ.

Противъ какого налога единогласно возсталъ весь народъ въ 1816 году? Противъ налога на доходъ, income-tax, тягостнѣйшаго изъ всѣхъ прямыхъ налоговъ. Противъ какого налога вопіялъ народъ въ 1833 году? Противъ налога на домы и окна, assessed taxes — ненавистнаго остатка прямыхъ налоговъ. Доходъ казны отъ сего налога весьма незначителенъ, въ сравненіи съ доходомъ отъ косвенныхъ налоговъ; онъ принесъ въ 1832 году:

| | |
|---|---|
| Налогъ съ домовъ..... | 1,361,000. ф. стер. |
| Налогъ съ оконъ..... | 1,185,000. |
| | 2,546,000 |

между-тѣмъ, какъ весь государственный доходъ въ томъ же году былъ 51,686,000. ф. стер. Однако налогъ сей, не составлявшій $^1/_{20}$ доли всего дохода, былъ тягостнѣе всѣхъ другихъ! Не ясно ли, что весьма неблагоразумно, удерживать ненавистное бремя прямыхъ налоговъ, пренебрегая косвенные, въ двадцать разъ значительнѣйшіе?

Скажемъ наоборотъ. Положимъ, что прямые налоги были бы увеличены, вмѣсто 2,500,000 ф. на 48,000,000 ф. въ годъ, а косвенные уменьшены на 3 милліона ф. Могъ ли бы народъ несть такое бремя хотя одинъ мѣсяцъ? Тотъ, кто теперь платитъ 10 фунт. съ дому и оконъ, долженъ бы былъ платить 200 ф. Гражданинъ средняго состоянія, который платитъ теперь 30 фунтовъ ежегодно, дол-

женъ бы былъ платить 600 ф. Можно ли это стерпѣть? Безъ сомнѣнія нѣтъ; однако, это не что иное, какъ reductio ad absurdum того непонятнаго ослѣпленія, которое предпочитаетъ прямые налоги косвеннымъ.

Мы не можемъ вспомнить ни одной всеобщей жалобы народа, ни въ одинъ годъ со времени мира, на тягость какого либо изъ косвенныхъ налоговъ. Правда, были покушенія, и къ несчастію удачныя, со стороны торговцевъ разными припасами, къ уничтоженію налога на ихъ товары; но причина тому ясная. Они надѣялись, удержавъ прежнія цѣны или около того, весь налогъ или почти весь, спрятать въ свои карманы. Въ этой надеждѣ, они употребили всѣ усилія, чтобъ вынудить пониженіе налоговъ, до нихъ относящихся, и, къ несчастію, во многомъ успѣли. Когда сіе пониженіе было весьма значительно, торговцы не могли произвести того, чего желали, а принуждены были понизить цѣны на товары, и въ семъ случаѣ публика воспользовалась всею выгодою отъ пониженія налога. Это случилось по статьямъ соли, водокъ и другимъ. Но гдѣ налогъ былъ незначителенъ, какъ напримѣръ, на кожи, шерсть, столовое пиво (не крѣпкое, не ale), тамъ пониженіе налога не сдѣлало ни какой разности въ цѣнѣ; публика ничего не выиграла, а казна потеряла, и только продавцы остались въ барышахъ.

Едва можно повѣрить, какая огромная сумма косвенныхъ налоговъ уменьшена въ послѣднія двадцать лѣтъ мирнаго времени, и это одно очевидно объясняетъ нынѣшнее разстроенное состояніе государственныхъ доходовъ. Изъ отчетовъ, недавно напечатанныхъ отъ Парламента, открывается, что количество налоговъ, сложенныхъ или уменьшенныхъ съ того времени, простирается до огромной суммы

42 милліоновъ ежегодно (1050 милліоновъ руб. асс.); что новыхъ прибавлено 5,500,000; за тѣмъ остается уменьшенныхъ налоговъ 36,500,000 ф. ст. (902, 500,000 руб. асс.), изъ коихъ 18,500,000 прямыхъ, а 23,000,000 косвенныхъ налоговъ.

Теперь скажемъ, что надлежало бы сдѣлать, по нашему мнѣнію. Всѣ прямые налоги, какъ то, съ доходовъ, income tax, съ домовъ и оконъ, надлежало бы отмѣнить разомъ, а также, можетъ-быть, съ экипажей и слугъ. Оставить неприкосновенными одни налоги косвенные, на потребленіе, съ налогомъ на книгопечатаніе и поземельнымъ сборомъ, land tax. При такой системѣ, можно смѣло сказать, что бремя налоговъ было бы нечувствительно для народа, а между тѣмъ польза народная и сила государства была бы неисчислима отъ могущественнаго и благодѣтельнаго дѣйствія капитала погашенія. Государство не было бы задавлено несноснымъ бременемъ, какъ теперь, бременемъ, отъ котораго освободиться нѣтъ ни какой надежды; и величество Короны не было бы принуждено унизиться, держась боязливой политики на все остальное время своего существованія.

Мы не отрицаемъ, что уменьшеніе косвенныхъ налоговъ было во многихъ случаяхъ благодѣтельно, въ нѣкоторыхъ весьма благодѣтельно для рабочаго класса народа. Потому, каждая сбереженная копѣйка, оставшаяся за необходимыми расходами и за обезпеченіемъ процентовъ государственнаго долга и капитала погашенія, не должна быть потеряна. Такимъ образомъ, самые тягостные для бѣдныхъ людей налоги, особенно, на соль, солодъ, мыло и свѣчи, можно было бы сложить. Но что касается до другихъ важныхъ налоговъ на предметы потребленія, то правительство не должно бы касаться ихъ, не смотря ни на какіе крики безсмысленной черни; ибо это зна-

чить, отдать расиутному сыну капиталъ, назначенный на будущій его прожитокъ. Допустимъ, что уничтоженіе многихъ налоговъ на предметы потребленія было благодѣтельно: спрашивается, можно ли это благодѣяніе почесть возмездіемъ за ужасное зло – остаться навсегда подъ бременемъ долга? И вотъ до чего мы нынѣ доведены!

Въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, если Радикалы не принудятъ насъ сдѣлать сдѣлку, то есть, другими словами, не доведутъ до всеобщаго банкрутства, мы должны будемъ каждыя сто лѣтъ платить одними процентами впятеро больше всего нашего долга, и это – навсегда! Если бы нація имѣла столько благоразумія, чтобы давать, а наши Министры столько твердости, чтобы взимать, 15 милліоновъ косвенныхъ налоговъ, сложенныхъ съ 1815 года, этимъ капиталомъ было бы уже заплачено по сіе время 500 милліоновъ долга, а еще черезъ семь лѣтъ весь долгъ былъ бы уплаченъ совершенно. И что значитъ бремя 15 милліоновъ съ 1815 до 1840 года, въ сравненіи съ ежегоднымъ бременемъ 23 милліоновъ навсегда! Противъ этого нѣтъ возраженій.

Еще если бы народъ рѣшительно не могъ нести бремени 15 милліоновъ, столь безрасчетно и безпредусмотрительно сложенныхъ со времени Ватерлооской битвы, то можно было бы сказать, что пагубныя послѣдствія сей мѣры, сколь ни плачевной, были неизбѣжны, и оставалось бы только о томъ сожалѣть, но не можно было бы никого винить въ безнадежности долга. Но, къ несчастію, не такъ. Очевидно всякому, что нація не получила *ни какой пользы* отъ уничтоженія налоговъ: напротивъ того, много потеряла уже и нынѣ, а впередъ потеряетъ еще болѣе.

Въ доказательство нужно только вспомнить, что въ продолженіе войны нація не только существо-

вала, но возвысилась, подъ бременемъ гораздо тягостнѣйшимъ того, какое она несла по окончаніи войны. Вся сумма расходовъ, вмѣстѣ съ капиталомъ погашенія, въ послѣдніе годы войны, была сравнительно съ послѣдними годами слѣдующая:

| Расходъ. | Собрано налогами. | Расходъ. |
|---|---|---|
| 1813–107,644,000 ф. ст. | 1813–65,211,000 | 1830–55,824,000. |
| 1814–122,255,000 ф. ст. | 1814–70,926,000 | 1831–54,840,000. |
| 1815–129,742,400 ф. ст. | 1815–72,131,000 | 1832–50,990,000. |
| 1816–130,505,000 ф. ст. | 1816–76,834,000 | 1833–51,686,000. |

Но–всѣ мы помнимъ эти годы: они были не только не бѣдственны, но еще благополучнѣйшіе. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе благосостояніе было отчасти мнимое: то есть, оно происходило отъ того, что большіе капиталы, собранные съ народа, были израсходованы безплодно, и очевидно, что если бы это продолжалось на много лѣтъ, неизбѣжно послѣдовало бы совершенное разореніе. Но во всемъ есть середина. Какъ расходы до 1816 года были слишкомъ велики, такъ послѣ того слишкомъ малы. Сильные переходы столько же вредны въ политической жизни, какъ и въ гражданской. Внезапный переходъ отъ огромныхъ расходовъ къ скупой экономіи чрезвычайно вреденъ для націи.

Нѣтъ ничего справедливѣе, какъ по заключеніи мира сократить расходы на арміи и флотъ, и тотчасъ прекратить разорительную систему займовъ. Но сдѣлавши это, надлежало бы на томъ остановиться, и не допускать такихъ сокращеній, которыя уничтожили капиталъ погашенія. Это была мѣра необдуманная, пагубная, произведшая величайшее стѣсненіе во всѣхъ отрасляхъ народной промышленности въ послѣднія восемнадцать лѣтъ.

Въ то время всѣ обманулись въ послѣдствіяхъ внезапнаго сокращенія расходовъ; всѣ смотрѣли на

это съ одной только стороны. Забыли, что если правительство сократитъ свои сборы, то и публика должна будетъ сократить свои требованія; что если казна перестанетъ взимать 75 милліоновъ въ годъ, она должна будетъ уменьшить и расходы на такую же сумму. Всякое сокращеніе налоговъ считали уменьшеніемъ народныхъ тягостей; но забыли, что оно влекло за собою уменьшеніе работъ и занятій рабочаго класса народа. Вотъ истинная причина того всеобщаго оскудѣнія и стѣсненнаго положенія, въ какомъ находились всѣ состоянія народа въ послѣднія десять лѣтъ!

Ни какая отрасль государственныхъ расходовъ не могла бы лучше поддержать народную промышленость и кредитъ, какъ капиталъ погашенія. Капиталъ сей, первоначально въ 15 милліоновъ, возрастая постепенно до 20, 30 и 40 милліоновъ въ годъ, и будучи обращаемъ неизмѣнно на уплату государственнаго долга, или, что все равно, на выкупъ фондовъ изъ частныхъ рукъ, произвелъ бы удивительное дѣйствіе, какъ на поддержаніе кредита, такъ и на расширеніе коммерческихъ предпріятій. Фонды наши, при дѣйствіи огромнаго капитала выкупа, поднялись бы весьма высоко, и вѣроятно, они удержались бы постоянно по курсу отъ 90 до 100. Послѣдствіемъ сего было бы возвышеніе кредита и оживленіе коммерческихъ предпріятій. Выкупъ фондовъ былъ бы величайшимъ благодѣяніемъ для государства; разлилась бы рѣка богатствъ, съ каждымъ годомъ возрастающая и оплодотворяющая обширнѣйшія поля народной промышлености. Всеобщее благосостояніе, которое изъ того послѣдовало бы, сдѣлало бы сборъ налога легкимъ бременемъ; по всему вѣроятно, нація находилась бы въ лучшемъ благосостояніи, нежели теперь при противной системѣ, и пріобрѣла бы еще ту неисчислимую вы-

году, что, въ продолженіе сихъ благополучныхъ лѣтъ, двѣ трети государственнаго долга были бы уплачены.

Мысль, разсѣянная повсюду новѣйшими политическими экономистами, будто капиталъ погашенія есть не что иное, какъ обманъ, выдуманный для ободренія народа во времена бѣдственныя,—эта мысль совершенно неосновательна. Не вѣроятно, чтобы такой великій человѣкъ, каковъ Питтъ, былъ омраченъ обманомъ, еще меньше вѣроятно, чтобы система, основанная на обманѣ, имѣла такой удивительный успѣхъ, чтобъ могла увеличить капиталъ одного милліона, въ 1786 году, на 15 милліоновъ въ 1814. Дѣйствительно, не было ни какой тайны, ни какого обмана, въ учрежденіи капитала погашенія. Совершенно справедливо, какъ доказываетъ Гамильтонъ, что доколѣ нація занимаетъ каждый годъ болѣе, нежели уплачиваетъ, она ни сколько не успѣваетъ въ уменьшеніи своего долга; и конечно Питтъ не былъ столько безуменъ, чтобы могъ думать, что если мы будемъ уплачивать ежегодно 15 милліоновъ, а занимать 50, то бремя государственнаго долга не уменьшится. Безъ-сомнѣнія, при такихъ обстоятельствахъ Гамильтонъ правъ, что весь расходъ капитала выкупа есть чистая потеря для народа. Но допустивъ, что все это справедливо *во время войны*; что нація, точно такъ же, какъ и частный человѣкъ, тогда только можетъ съ пользою распорядиться уплатою своихъ долговъ, когда расходы ея менѣе доходовъ, спрашивается: былъ ли тутъ какой обманъ въ капиталѣ погашенія, когда война прекратилась, а вмѣстѣ съ нею прекратились и новые займы? Вотъ, что надлежитъ разсудить! Съ 1815 года не было сдѣлано новыхъ займовъ. Не льзя отрицать, что съ того времени, если бы капиталъ погашенія не былъ уничтоженъ, онъ бы выкупилъ

долгу 500 милліоновъ. Тутъ нѣтъ ни какого обмана, ибо въ мирное время сей капиталъ былъ бы чисто излишекъ дохода противъ расхода – слѣдовательно могъ бы, умножаясь процентами, произвести постепенное уменьшеніе государственнаго долга.

Тотъ совсѣмъ превратно понимаетъ политику Питта, кто думаетъ, что онъ основалъ капиталъ выкупа для того, чтобы уплачивать долгъ тогда, когда государство дѣлаетъ займы свыше уплаты. Намѣреніе его было, основать такой капиталъ, который бы скоро и вѣрно произвелъ уплату долга *въ мирное время.* Удивительное свойство сего учрежденія состояло въ томъ, что оно припасало капиталъ, безпрестанно умножающійся даже во время войны, который начинаетъ дѣйствовать тотчасъ по окончаніи оной. Въ этомъ состоитъ вся важность, вся тайна. Дѣйствительно, опытъ доказалъ, что безъ того всѣ усилія къ уменьшенію долга были совершенно безуспѣшны. Питтъ зналъ сродную людямъ нетерпѣливость въ дѣлѣ налоговъ и всеобщее желаніе сбросить ихъ бремя, какъ скоро война прекратится. Онъ предвидѣлъ, что не возможно будетъ убѣдить народныхъ представителей, наложить новыя подати въ мирное время, и основать капиталъ погашенія для заплаты долга, сдѣланнаго во время войны. И такъ не оставалось другаго способа для достиженія сей вожделѣнной цѣли, какъ имѣть въ готовности всю сію машину, во время войны, чтобы, *тотчасъ по заключеніи мира,* она могла дѣйствовать, не имѣя надобности испрашивать новаго закона отъ Парламента, а единственно послѣ прекращенія займовъ.

Послѣдствія совершенно оправдали мудрость его намѣреній. Не взирая на то, что капиталъ погашенія, въ послѣдніе годы, былъ многократно обрѣзываемъ, онъ весьма много уплатилъ госу-

дарственнаго долга въ продолженіе мира. Это доказывается отчетами, представленными Парламенту.

Изъ нихъ открывается, что по окончаніи войны въ 1815 году, обезпеченный долгъ былъ 864,822,000
Необезпеченный..... 48,510,000

Всего 913,332,000 ф. с.

А въ началѣ 1830 года, обезпеченный долгъ былъ..... 771,251,000
Необезпеченный..... 32,000,000

Всего 803,251,000 ф. с.

Уплачено въ 15 лѣтъ..... 110,081,000 ф. с.

И такъ, капиталъ погашенія, сколько ни былъ обрѣзанъ въ разныя времена, уплатилъ въ 15 лѣтъ болѣе девятой части долга. И этотъ капиталъ погашенія, произведшій такія чудеса при столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, разрушенъ совершенно безразсудствомъ Виговъ!

Одинъ подвигъ Министровъ, въ послѣднее засѣданіе Парламента, заслуживаетъ величайшую похвалу, которую мы охотно имъ отдаемъ. Они рѣшительно воспротивились дальнѣйшему сокращенію налоговъ, которое заставило бы ихъ нарушить обязательство Правительства въ платежѣ процентовъ государственнымъ кредиторамъ. Но сколь ни похвальна такая рѣшимость, нельзя однако не пожалѣть, что они признаютъ постоянные налоги спасительнымъ якоремъ кредиторовъ, и держатся безумной системы, выдуманной сначала политическими экономистами, а потомъ поддерживаемой революціонерами, состоящей въ томъ, что *главные* налоги должны быть *прямые*. Система эта совершенно неосновательна, какъ то мы докажемъ.

Противъ прямыхъ налоговъ можно сдѣлать два возраженія, ничѣмъ неопровергаемыя.

Во-первыхъ, ни какой иной налогъ не падаетъ такъ прямо и непосредственно на рабочій классъ народа, какъ прямой. Ограничьте его, какъ хотите; наложите его на доходъ, на имѣнія, на домы, окна, лошадей, повозки, или вообще на богатыхъ людей: прямой налогъ всегда есть и будетъ тяжкое бремя для бѣднаго. Чѣмъ больше вы обложите доходъ или имѣніе богатаго, тѣмъ больше уменьшите его способы занимать работами бѣднаго. Если бы всѣ налоги Великобританіи, 50 милліоновъ ф. с. (1250 милліоновъ руб.) ежегодно, собираемы были по соразмѣрности съ высшихъ и богатѣйшихъ классовъ народа, то бѣдный не только не былъ бы тѣмъ облегченъ, но доведенъ бы былъ до такой степени нищеты, какой никогда не видано. Отнимите у богатаго способы давать бѣднымъ людямъ занятія: послѣдніе, не тысячами, а милліонами, останутся безъ работы, слѣдовательно безъ хлѣба. И такъ, прямой налогъ на богатаго есть налогъ не на удобства и предметы роскоши, но на самыя необходимости и пропитаніе бѣднаго; не на сахаръ и чай, на табакъ и водку, но на хлѣбъ и мясо, — на воздухъ, которымъ онъ дышитъ, на воду, которую пьетъ. Сіи и другіе дары Природы были бы неприступны для рабочаго класса народа, если бъ онъ не могъ найти работы. И въ семъ-то состоитъ важное различіе между прямыми и косвенными налогами. Первые отнимаютъ часть капиталовъ, назначенныхъ для занятія бѣдныхъ людей работою; послѣдніе прибавляютъ только нѣкоторую надбавку на товаръ при его потребленіи. Въ этомъ существенная разность. Въ первомъ случаѣ отнимаются способы для покупки товара; въ послѣднемъ надбавка на цѣну товара часто вознаграждается улучшеннымъ способомъ выдѣлки, или соблюденіемъ большей экономіи въ матеріалахъ, изъ которыхъ товаръ приготовляется.

Во-вторыхъ, косвенные налоги всегда меньше тягостны, потому, что они налагаются на расходъ, — на предметы роскоши, покупаемые излишними капиталами, накопленными трудолюбіемъ и промышленостію. Никто не разорился платежемъ косвенныхъ налоговъ; никто за неплатежъ ихъ не подвергся секвестру своего имущества; никто не можетъ жаловаться, что онъ обремененъ налогомъ свыше своихъ способовъ: всякъ добровольно платитъ его, покупая товаръ, обложенный налогомъ. Напротивъ, безпрестанно слышны жалобы на постоянные налоги, — и жалобы совершенно справедливыя. Налоги сіи тягостны для промышленаго класса, потому, что они лежатъ не на предметахъ его роскоши, но на необходимыхъ его потребностяхъ, — на мастерской комнатѣ, въ которой онъ работаетъ, или на лавкѣ, въ которой торгуетъ. Обременять налогомъ сіи предметы есть обременять не избытокъ, или роскошь и довольство, но капиталъ, коимъ пріобрѣтается сей избытокъ; онъ есть налогъ не на произведеніе ремесленника, но на его орудія и снаряды, которыми онъ добываетъ себѣ пищу и содержаніе. Это налогъ не на урожай, но на сѣмя, которое земледѣлецъ ввѣряетъ землѣ, или на плугъ, которымъ онъ обработываетъ свое поле.

Наконецъ, — и это зло величайшее! — прямые налоги истребляютъ общественное богатство въ самомъ его зародышѣ, не допуская накопленія капиталовъ въ рукахъ мелочныхъ домохозяевъ и низшаго класса промышленыхъ гражданъ. Для нихъ постоянные налоги составляютъ вообще полные 5 процентовъ ихъ дохода. Если бы сего налога не было и деньги остались у нихъ, они составили бъ ихъ капиталъ, который, возрастая годъ отъ году, въ короткое время усугубилъ бы богатство и промышленость государства. Народное благосостояніе всего

надежнѣе должно быть основываемо на привычкѣ къ бережливости и сбереженіяхъ средняго класса людей. Посѣянныя такимъ образомъ сѣмена большею частію падаютъ на добрую землю, и приносятъ плодъ, – сорокъ, шестьдесятъ, сто. Изсушать источники, питающіе эти сбереженія, значитъ отвращать народъ отъ бережливости и отнимать у него надежду на будущее его благосостояніе; значитъ зарѣзать курицу, которая несла золотыя яйца. Изъ всѣхъ многочисленныхъ золъ, какими Политическая Экономія, ложно понятая, отягчила родъ человѣческій, самое величайшее то, что прямые налоги предпочтены косвеннымъ.

Истина сія такъ сильно впечатлѣлась въ умахъ народа, что мы смѣло утверждаемъ, что въ цѣломъ государствѣ едва ли найдется десять человѣкъ, обуянныхъ предразсудками политическихъ экономистовъ, которые стали бы ее оспоривать. Всякой, и всѣ классы народа, – купцы, лавочники, фабриканты, арендаторы, ремесленники всякаго рода, – всѣ одного мнѣнія о семъ предметѣ; всѣ увѣрены въ необходимости немедленнаго уничтоженія сихъ тягостныхъ и пагубныхъ налоговъ.

Если бъ сохраненіе государственнаго кредита зависѣло отъ продолженія постоянныхъ налоговъ, то, сколь они ни тягостны, мы первые настояли бы, чтобъ ихъ оставить неприкосновенными. Но не справедливо, чтобы государственный кредитъ былъ въ связи съ сими налогами. Все дѣло въ томъ, чтобъ снять одну тягость налоговъ, вмѣсто другой. Лордъ Алторпъ въ этомъ году уничтожилъ на сумму одного милліона (25 милліон. руб.) косвенныхъ налоговъ на мыло, черепицу, объявленія, афишки и другія мелочи, не стоящія словъ. Сумма всѣхъ косвенныхъ налоговъ, уничтоженныхъ Вигами, со времени ихъ Министерства, есть слѣдующая:

| | | |
|---|---|---|
| 1831. | Каменный уголь, вина, черепица | 1,031,112 ф. с. |
| | Каленкоръ..... | 529,000 |
| 1832. | Сальныя свѣчи..... | 476,500 |
| 1833. | Мыло, черепица и проч..... | 1,000,000 |
| | | 3,036,612 ф. с. |

И такъ, косвенные налоги, уничтоженные со времени министерства Виговъ, простираются свыше 3 милліоновъ въ годъ, а налоги на домы и окна:

| | |
|---|---|
| налогъ на домы..... | 1,390,000 |
| ---- на окна..... | 1,202,000 |
| | 2,592,000 ф. с. |

Слѣдственно, мы платимъ постоянные налоги не для того, чтобы это нужно было для поддержанія государственнаго кредита, но для того, что политическіе экономисты убѣдили правительство взимать ихъ, а сложить другіе, гораздо бо́льшіе, на которые ни одинъ человѣкъ не жаловался. Пусть знаетъ это народъ Англійскій и всѣ домохозяева, платящіе эти тягостные налоги. Они платятъ ихъ не для того, чтобы это было необходимо для поддержанія государственнаго кредита, но только въ угодность Мак' Куллоку, Парнеллю и политико-экономическому клубу! Вотъ та свобода, которую они себѣ купили реформою!

Далѣе: если бы нужно было найти, чѣмъ замѣнить сіи прямые налоги, то можно было бы указать на тѣ, которые уничтожены, подъ вліяніемъ того же ослѣпленія, прежнимъ Правительствомъ, именно:

| | |
|---|---|
| Въ 1826 году, крѣпкіе напитки..... | 1,038,000. |
| – 1830 --- пиво..... | 3,055,000. |
| | 4,093,000 ф. с. |

И такъ налоги на пьянственные напитки, сложенные партіею Торп, по наущенію Виговъ и политическихъ экономистовъ, составляютъ свыше 4 милліоновъ въ годъ, почти вдвое противъ того, что составляютъ налоги на домы и окна. А чтобы видѣть послѣдствія такого уничтоженія налоговъ на пьянственные напитки относительно къ нравственности народной, обратимся къ другому парламентскому акту, обнародованному вь засѣданіе сего 1833 года, и показывающему число преступниковъ въ послѣдніе 21 годъ. Изъ нихъ открывается, что преступниковъ въ 1823 году было только 12,263, а въ 1832 году число ихъ возрасло до 20,829! То есть, уголовныя преступленія умножились болѣе нежели третьею долею со времени уничтоженія налоговъ на пьянственные напитки. Въ такомъ случаѣ, можно смѣло сказать, что сумма ненаказанныхъ преступленій, распутства и буйства въ частныхъ семействахъ, умножилась вдвое въ то же время и отъ той же причины. Постоянные налоги продолжаютъ взиматься не для того, чтобъ поддержать государственный кредитъ, но для того, чтобъ дать возможность пьяницамъ упиваться дешевле прежняго, ввергать себя и свои семейства скорѣе въ нищету, и умножать число преступниковъ отъ 12,000 до 20,000 въ годъ!

Подлинно, система финансовъ, которой слѣдовали наши Министры въ послѣднія восемнадцать лѣтъ, есть истинное бѣдствіе для націи. Она показываетъ, сколь пагубно вліяніе непросвѣщеннаго народа на власть законодательную. Къ чести Лорда Кастельре должно сказать, что онъ, какъ истинный государственный мужъ, воспротивился великому уменьшенію налоговъ въ 1816 году. Жаль только, что онъ не уничтожилъ вдругъ всѣхъ прямыхъ налоговъ, и не воспротивился дальнѣйшему уничтоженію косвенныхъ. Но послѣ его смерти вся финансовая система руши-

лась, и почти каждый годъ былъ ознаменованъ безнужнымъ уничтоженіемъ какой нибудь важной отрасли государственныхъ доходовъ, безъ всякой другой причины, кромѣ той, чтобъ снискать народное благоволеніе. Одинъ Министръ уничтожаетъ налогъ на шиферъ, другой на черепицу; одного превозносятъ на публичныхъ площадяхъ и рынкахъ за уничтоженіе пошлины на водку; въ одно засѣданіе уничтожается налогъ на мыло, въ другое на кожу. Среди этого неслыханнаго замѣшательства и безрасчетности, государственный доходъ быстро упадаетъ, и не было другаго способа его пополнить, какъ наложивъ руку на капиталъ погашенія: 12 милліоновъ взято изъ него въ одинъ годъ, 13 въ другой; и эта безразсудная нерасчетливость дошла наконецъ до того, что сей огромный капиталъ, накопленный прозорливостію тридцати лѣтъ, совершенно исчезъ, и нація осталась безнадежно подъ ежегоднымъ бременемъ 28 милліоновъ процентовъ. Кажется, какъ будто въ послѣднія восемнадцать лѣтъ наши Министры совершенно оставили всѣ заботы о будущемъ и всѣ попеченія о постоянной системѣ; каждое министерство, отчаявшись спасти ветхій корабль, заботилось только о томъ, какъ бы отнять отъ него нѣсколько досокъ, чтобъ на нихъ удержаться на малое время, оставивъ древнее почтенное зданіе на произволъ волнамъ.

Въ разрушеніи прочной и благоразумно устроенной системы финансовъ Питта, никто особенно не виновенъ. Ни одно министерство не дерзнуло бы само собою нанести подобный ударъ. Но это произошло отъ непредусмотрительности, свойственной всякому представительному правительству, которое, будучи всегда шатко и кратковременно, заботится только о настоящемъ, старается только снискать минутное благоволеніе народа. Наши Министры виновны въ

томъ, что они вверглись въ сію бездонную пропасть сокращенія налоговъ, и не объяснили Парламенту съ твердостью и неустрашимостію, сколь обманчивы настоящія выгоды, въ пользу которыхъ рѣшился онъ пожертвовать всѣми будущими надеждами націи. Но не справедливо было бы, обращать весь упрекъ на Министровъ. Они никакъ не осмѣлились бы разрушить финансовую политику великаго ихъ предшественника, если бы не были въ томъ поддержаны націею. Упрекъ должны нести мы всѣ. Безрасчетность въ разсужденіи будущаго, невниманіе къ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ предпринимаемыхъ мѣръ, заботливость о настоящихъ только выгодахъ, есть, повторяемъ, коренной порокъ всякаго представительнаго правительства. При безпрестанной перемѣнчивости Министровъ и чиновниковъ, — любимый предметъ завистливости либераловъ — невозможно ни какому правительству избрать мудрую и постоянную систему. Никто не хочетъ трудиться для своихъ преемниковъ; никто не хочетъ подвергнуться народной ненависти, и нести бремя настоящихъ трудностей, для облегченія другихъ, съ которыми онъ не имѣетъ ни какой связи, которые принадлежатъ, можетъ-быть, къ противной партіи. Перемѣнчивость высшихъ властей и ихъ сослуживцевъ годится только тамъ, гдѣ, какъ подъ владычествомъ Римскихъ Консуловъ или Французской Директоріи, продолжается безпрестанная война, для завоеванія и разграбленія иностранныхъ Государствъ, и гдѣ каждый временной властелинъ старается прославить свое правленіе добычами побѣжденныхъ народовъ. Но коль скоро прекратится сія система грабительствъ въ чужихъ странахъ, тогда чѣмъ инымъ можно снискать народное благоволеніе, какъ не такими мѣрами, которыя льстятъ настоящимъ выгодамъ? Грабительства продолжаются; но жерт-

вою ихъ дѣлаются уже не иностранныя государства, а потомство собственнаго отечества. Каждое послѣдующее министерство старается поддержать себя въ народномъ благоволеніи какимъ либо настоящимъ облегченіемъ, жертвуя будущею безопасностію; пока наконецъ, безпрестаннымъ уменьшеніемъ потомственнаго богатства, истощится и сей огромный капиталъ, и народъ, пробужденный изъ своей дремоты, съ ужасомъ увидитъ, что онъ расточилъ всѣ способы къ уплатѣ своего долга и къ облегченію себя въ будущее время.

Финансовыя мѣры нашихъ Министровъ въ послѣднее засѣданіе Палатъ показываютъ чрезвычайную и безпримѣрную нерасчетливость – коренной порокъ всякаго правительства съ Палатами; и мы съ прискорбіемъ видимъ, что чѣмъ болѣе вліянія имѣлъ народъ на реформу, тѣмъ болѣе зло сіе усиливалось. Питтъ предвидѣлъ, въ 1786 году, что онъ совершилъ важное дѣло, установивъ капиталъ погашенія въ милліонъ ф. стерл; и послѣдствія показали, что онъ въ томъ не ошибался, ибо, пока капиталъ сей не былъ разрушенъ въ 1813 году, помощію его уплачено государственнаго долга 236 милліоновъ фунтовъ. Герцогъ Веллингтонъ, одинъ изъ новѣйшихъ нашихъ Министровъ, достойный итти по слѣдамъ великаго предшественника, не будучи большимъ ораторомъ, успѣлъ самою строгою экономіею возвысить сей капиталъ, послѣ многократныхъ расточеній, до 2,900,000 ф. И къ чему послужили финансовыя мѣры сихъ великихъ мужей противъ расточительности краснорѣчивыхъ либераловъ! Одною рукою они уничтожили косвенные налоги до такой суммы, что весь капиталъ погашенія совершенно исчезъ; другою прибавили въ одинъ годъ отъ 30 до 40 милліоновъ государственнаго долга безъ всякихъ способовъ къ выкупу! И это сдѣлано не для

того, будто предстаялась какая нибудь опасность, — не отъ того, будто легіоны Наполеоновы угрожали нашей независимости, или факелъ революціи брошенъ на наши жилища, — но отъ того, что ихъ принудила къ тому необходимость быть въ мгновенной милости у черни. Новое бремя, наложенное на Англію безразсудными мѣрами нашихъ демагоговъ, есть Ирландія. Сперва они обѣщали уничтожить десятину, чтобъ тѣмъ удовольствовать Ирландскихъ возмутителей, но это произвело всеобщее возстаніе противъ Духовенства, и когда двухлѣтнимъ опытомъ было доказано, что сборъ десятины невозможенъ, они взвалили тяжесть Ирландскаго Духовенства на Англійское Казначейство, предлагая вознаградить его налогомъ на Ирландскихъ помѣщиковъ: то есть, такъ какъ *А* отказывается платить долгъ, лежащій на немъ законно, то ты, Джонъ Булль, изволь заплатить его, а тебѣ заплатятъ, дастъ Богъ, наложивши его на *Б*. Вотъ правосудіе, бережливость и прозорливость всѣхъ тѣхъ, которые управляютъ своимъ отечествомъ посредствомъ длинныхъ рѣчей, произносимыхъ послѣ обѣда!

*Blackwood's Magazine.*

# ЗЕМНОЙ ШАРЪ ДО ПОТОПА

## ПО СИСТЕМѢ КЮВЬЕ.

=

*Изъ рѣчи Доктора Паризе.*

=

Идеи Кювье о переворотахъ, претерпѣнныхъ Земнымъ Шаромъ, состоятъ изъ нѣсколькихъ положеній. Я покажу ихъ связь между собою. Первое изъ сихъ положеній состоитъ въ томъ, что море имѣло на нашихъ материкахъ продолжительное и спокойное пребываніе выше нынѣшняго стоянія воды; что оно положило вездѣ горизонтальные пласты раковинъ, и потомъ вода сбыла: истина сія доказывается сама собою и означаетъ по крайней мѣрѣ одно измѣненіе Земнаго Шара. Второе положеніе есть то, что, поднимаясь, у подошвы большихъ цѣпей горъ встрѣчаешь другіе пласты, составленные изъ иныхъ раковинъ. Вначалѣ эти пласты были горизонтальные, такъ же какъ и первые; нынѣ они уже не таковы; они подняты; они расположены наклонно, а иногда даже вертикально; и притомъ они не останавливаются на первыхъ пластахъ, но спускаются ниже ихъ; они частію покрыты ими; слѣдственно они имъ предшествовали; слѣдственно они принадлежатъ къ древнѣйшей эпохѣ; слѣдственно Земной Шаръ претерпѣлъ по крайней мѣрѣ два переворота; а какъ раковины поднятыхъ пластовъ не тѣ, изъ коихъ состоятъ пласты горизонтальные, то слѣдовательно жидкость, ихъ низвергнувшая, измѣнилась въ своихъ свойствахъ: она получила другія начала, другія составныя части. А если одно измѣненіе дѣлаетъ

вѣроятнымъ другое измѣненіе, то тѣмъ болѣе два столь очевидныя измѣненія дѣлаютъ вѣроятными безчисленное множество другихъ; и здѣсь границы возможнаго могутъ быть положены только существенностію. Теперь слѣдуйте за различными пластами земли; сравните органическія породы, которыя въ нихъ остались, – вы тотчасъ замѣтите различіе между тѣми и другими, и слѣдовательно замѣтите измѣненія въ ихъ состояніи, измѣненія, которыхъ число соотвѣтствуетъ числу сихъ пластовъ и породъ. Притомъ, эти измѣненія въ породахъ принадлежащихъ землѣ, морю и прѣснымъ водамъ, никогда не бываютъ рѣшительными или полными; первое измѣненіе какъ бы приготовляетъ второе, это приготовляетъ третье и такъ далѣе. Такимъ образомъ смежныя породы сохраняютъ почти одинакую физіономію, и цѣлое только въ оконечностяхъ различествуетъ само съ собою: но тутъ уже разница весьма велика.

Это великое зрѣлище весьма разнообразится неимовѣрнымъ превращеніемъ въ положеніи, въ которомъ находятся иногда сіи ископаемыя. Пласты, наполненные растеніями и животными, принадлежащими землѣ или прѣснымъ водамъ, бываютъ иногда какъ бы погружены въ морскихъ пластахъ, даже самыхъ древнѣйшихъ, и наоборотъ въ пластахъ самыхъ верхнихъ и новѣйшихъ, земныя животныя встрѣчаются подъ произведеніями моря. Это измѣняется до безконечности, такъ, что въ одной могилѣ, составленной изъ лавы, находили двухъ великановъ земли и моря, слона и кита. Но этого еще мало: бедра слона поддерживала массу устрицъ, которыя какъ бы вросли въ нее. Слѣдовательно при жизни слона море пришло такъ скоро, что застигнуло его внезапно, и притомъ покрывало его такъ долго, что устрицы легли на часть его скелета; по-

томъ волненіе стихій привлекло къ нему кита, и наконецъ расплавленная масса, низвергнутая волканомъ, облекла ихъ обоихъ. Изъ сего видно, что отъ послѣдовательнаго повышенія и пониженія жидкости, материки были затопляемы, и обнаженное дно моря занимало ихъ мѣсто; цѣлыя созданія разрушались и образовались новыя. Нѣкоторыя изъ сихъ замѣщеній совершались медленно, но большая часть производилась внезапно и насильственно, что доказывается раздробленіемъ нѣкоторыхъ пластовъ земли, скопленными валунами и обломками, между коими лежатъ эти растерзанные пласты. Къ этому я, вмѣстѣ съ Кювье, долженъ прибавить, что замѣщенія произвели послѣдствія не только не посредственныя, но и побочныя, весьма пагубныя. Они навсегда и совершенно измѣнили температуру мѣстъ, въ которыхъ совершались. Температура вдругъ понизилась, какъ она падаетъ иногда послѣ бурь; внезапная стужа овладѣла землею и водами. И дѣйствительно мерзлыя воды и земли Сибирскія сохранили въ себѣ носорога, открытаго лѣтъ за шестьдесятъ предъ симъ Палласомъ и огромнаго слона, который тридцать четыре года назадъ вдругъ явился за полярнымъ кругомъ, на берегахъ Ледовитаго моря, какъ бы выходцемъ изъ міровъ уничтоженныхъ. Онъ составлялъ во льду, его облекавшемъ, неправильную массу, которая разстаяла не прежде, какъ лѣтъ въ пять. Волны выбросили его на берегъ. Мясо слона было столь свѣжо, что послужило пищею дикимъ звѣрямъ и рыбачьимъ собакамъ. Извѣстно, что носорогъ былъ покрытъ отчасти волосами, и что на слонѣ былъ мѣхъ, состоявшій изъ длинныхъ волосъ, густой шерсти и тонкаго пуха. Если бы кто вздумалъ основать на этомъ обстоятельствѣ положеніе, что климатъ въ Сибири былъ тогда такой же, какъ и нынѣ, и что слоны, защищенные такимъ

образомъ отъ стужи, могли жить въ ней, то невѣрность подобнаго мнѣнія доказать было бы не трудно. Не возможно утверждать, чтобы эти животныя были заброшены въ Сибирь какимъ либо переворотомъ: они занимаютъ, такъ сказать, каждую частицу тамошней земли; остатки ихъ покрываютъ всѣ берега Ледовитаго Океана, и наполняютъ всѣ проливы этого пространнаго моря въ Азіи и Америкѣ, и потому надобно допустить, что всѣ эти земли были ихъ родиною. Эти огромныя животныя не могли существовать иначе, какъ на счетъ сильнаго, обильнаго прозябенія, а это прозябеніе не могло существовать безъ температуры, если не весьма жаркой, то по крайней мѣрѣ болѣе возвышенной и особенно болѣе постоянной, чѣмъ нынѣшняя. Слѣдственно прежняя температура исчезла, и исчезла внезапно: иначе остатки слона и носорога разложились бы, разрушились, такъ сказать уничтожились, и не дошли бы до насъ сквозь нѣсколько тысячъ лѣтъ.

Такимъ образомъ существованіе ископаемыхъ остововъ и разность ихъ происхожденія неоспоримо доказываетъ, что пласты, заключающіе ихъ въ себѣ, во время жизни этихъ животныхъ были волнуемы неправильными, судорожными движеніями, которыхъ они сдѣлались жертвами. Перевороты сіи соотвѣтствуютъ разнымъ эпохамъ. Монмартрскій калеотеріумъ жилъ, конечно, прежде слона, котораго остовъ найденъ въ Уркскомъ каналѣ; лошадь, отрытая въ Готвильской (Hauteville) улицѣ, остатки тигра и китъ, выкопанные лѣтъ за сто предъ симъ въ улицѣ Дофиновой, безъ сомнѣнія не могутъ быть отнесены къ одной и той же эпохѣ. И въ какомъ порядкѣ они одни за другими слѣдовали? Разсматривая одни частныя и мѣстныя измѣненія, этого опредѣлить неможемъ; но сообразивъ всѣ пласты, доселѣ открытые, мы найдемъ цѣлый ихъ рядъ,

въ которомъ замѣтенъ порядокъ постоянный и неизмѣнный. Нельзя сказать, чтобы каждый пластъ являлся на своемъ мѣстѣ; иногда одного или двухъ пластовъ не достаетъ; но всякой разъ, какъ они являются, они всегда встрѣчаются на тѣхъ же мѣстахъ, и никогда не располагаются въ новомъ порядкѣ. Такимъ образомъ, при полномъ числѣ пластовъ, надобно только замѣтить, какія ископаемыя соотвѣтствуютъ какимъ пластамъ, и тогда можно будетъ опредѣлить соотвѣтствующій порядокъ сихъ животныхъ, и заключать по ископаемымъ о пластахъ и по пластамъ объ ископаемыхъ. Посредствомъ сего каждый пластъ будетъ означенъ троякимъ образомъ: по мѣсту, имъ занимаемому, по массѣ, изъ которой состоитъ онъ, по ископаемымъ, которыя въ немъ заключаются. По этому предмету можемъ мы имѣть только такую хронологію; хронологію, совершенно относительную, которая не показываетъ намъ продолжительности существованія цѣлаго или частей его. Теперь, почему Природа слѣдовала этому порядку? и особенно почему, въ произведеніи живыхъ существъ, начинала она всегда съ простѣйшихъ? Неужели ей не доставало опытности, силы, матеріаловъ? Неужели могущество ея ограничено? Неужели она покоряется какой либо необходимости? Да, безъ сомнѣнія: необходимости разсудка; ибо въ нынѣшнемъ положеніи вещей существованіе растеній прежде животныхъ травоядныхъ есть необходимость; существованіе животныхъ травоядныхъ прежде животныхъ плотоядныхъ также необходимость, а тѣ и другія предполагаютъ предварительное существованіе воздуха, воды, теплоты, начала или формы, которая привлекала бы къ себѣ стихіи, точки твердой и неизмѣнной, которая бы ихъ поддерживала и служила имъ опорою. Подобныя необходимости управляли ее сотвореніемъ первыхъ

существъ. Ничто не произошло случаемъ, все произведено премудростію, которая есть высшая необходимость. Что касается до силъ, употребленныхъ Природою для произведенія столь многочисленныхъ переворотовъ, эти силы остались намъ почти неизвѣстными. Онѣ, вѣроятно, заключались въ первоначальномъ составѣ Земнаго Шара, и ежели справедливо, какъ говорятъ астрономы, что Юпитеръ находится еще въ состояніи хаоса; что жаръ, которымъ проникнута эта огромная масса, не позволяетъ морямъ покоиться на ея поверхности, или, если, занявъ на ней свое мѣсто, моря возмущаются огнемъ, кипятъ и извергаются изъ углубленій, которыя на время заняли; ежели Марсъ находится почти въ томъ же безпорядочномъ состояніи, — то надобно думать, что въ первобытныя времена тѣ же причины производили на землѣ такіе же перевороты. Но какъ бы ни вѣроподобна была эта гипотеза, какую бы вѣроятность ни придавали ей и форма Земнаго Шара, и опыты съ маятникомъ, и другіе опыты, которые, по-видимому, доказываютъ существованіе центральнаго огня, но въ ней всегда будетъ недоставать прямаго доказательства; ибо мы не можемъ дойти довершины потока вѣковъ, и присутствовать при первомъ происхожденіи вещей. Притомъ, положивъ, что причиною переворотовъ земли была единственная въ Природѣ всемогущая дѣйствующая сила, огонь; надобно будетъ допустить, что эта причина дѣйствовала не одна, или что она не всегда была тождественна, по крайней мѣрѣ въ результатахъ. Первые перевороты были дѣйствительно, такъ сказать, одни только перемѣщенія почвъ. Въ послѣднемъ совершилось подъ полюсомъ внезапное сотрясеніе. Масса воды, огромная по своему объему, поднялась изъ бездны и разлилась отъ сѣвера къ югу по всѣмъ материкамъ, уничтожая всѣ встрѣчающіяся

ей препятствія, межъ тѣмъ, какъ часть этихъ водъ, возлетѣвшая въ высшія пространства, низпадала дождемъ на землю, покрывала ее мракомъ, съ корнемъ исторгала лѣса и отверзала подъ ногами животныхъ могилы, въ которыя устремлялись волны. Цѣлыя массы матеріи, обломки небесныхъ тѣлъ, отрывки міровъ блуждали въ пространствѣ. Можетъ быть, одинъ изъ нихъ ударился въ землю; этотъ ударъ вышибъ воды изъ мѣстъ ихъ, затопилъ материки, пошатнулъ ось земли, измѣнилъ температуру климатовъ!..... Но кто я, чтобы осмѣливался приписывать образованіе земли подобной причинѣ, это явленіе! Оно могло произойти отъ множества другихъ причинъ, когда голосъ, раздававшійся у всѣхъ народовъ, провозгласилъ причину другаго рода, которую я долженъ уважать, которую уважали Декартъ, Лейбницъ, Ньютонъ? Какъ бы то ни было, но наводненіе было кратковременно. Глубоко напитавъ собою земли, истребивъ все ихъ оживлявшее, воды улеглись въ своихъ руслахъ, оставивъ земли безплодными и обнаженными; и эти земли, вышедшія изъ подъ-воды, составляютъ большую часть материковъ, нами обитаемыхъ.

О.

*Revue de Paris.*

# О ГРАНИЦАХЪ

и

## ПЕРЕХОДАХЪ ЦАРСТВЪ ПРИРОДЫ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Чтобы различить переходы жизни изъ одного царства въ другое, взглянемъ на противоположное отношеніе двухъ міровъ, составляемыхъ царствами Природы.

Въ мірѣ органическомъ жизнь стремится къ пересозданію стихій въ безчисленное множество тѣлъ высшаго образованія, стремится возвысить неорганическое бытіе, одаряя его въ разнообразныхъ видахъ производимостью, чувствомъ, произвольнымъ движеніемъ. Но вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ ея къ одухотворенію и возвышенію, на каждомъ шагу замѣчаемъ ея упаденіе: какъ будто неорганическій міръ противится ея великому дѣлу, какъ будто жизнь его обречена стремиться къ тому овеществленію, какого достигаетъ она въ разнообразныхъ видахъ минераловъ.

И въ самомъ дѣлѣ: велико, неодолимо это тяготѣніе колосальнаго міра неорганическаго, хотя могущественно и стремленіе органической жизни къ возвышенію: оттуда велика тяжба царствъ Природы, которая содержитъ ихъ во внутреннемъ волнованіи, задерживаетъ ихъ ходъ впередъ, и не даетъ вѣчнаго мира сему міру.

Неорганическая Природа, покорствуя своему тяготѣнію, вноситъ оное и въ органическую Природу, подрываетъ великое дѣло ея жизни, и разрушаетъ ея стройныя созданія. Отъ того происходятъ безпрестанныя пониженія органическихъ тѣлъ на степень неорганическаго бытія, разнообразные переходы ихъ въ царства неорганическаго міра.

Сіи пониженія и переходы я означилъ именами: *смерти цѣпенѣнія* и *смерти разрушенія* *.

Смерть разрушенія дѣйствуетъ обыкновенно скрытнымъ, медленнымъ огнемъ тлѣнія, и этимъ средствомъ она разоряетъ до основанія органическія тѣла, низводитъ ихъ до состоянія стихійнаго. Отъ такого разрушенія они обращаются въ чернозёмъ, которымъ земля, какъ траурною тканью, ежегодно прикрываетъ морщины старѣющаго лица своего. Оземленѣлый сей остатокъ бытія органическаго есть переходное существо, которое собственно не принадлежитъ ни къ какому царству: это безобразный хаосъ земной жизни, въ которомъ она свела концы свои, и пребываетъ неопредѣленною въ своемъ бытіи. Это могила и вмѣстѣ колыбель бытія органическаго.

Другимъ образомъ дѣйствуетъ смерть оцѣпенѣнія. Она не разрушаетъ тѣлъ органическихъ, но лишая ихъ производимости, погружаетъ въ ту вещественную пребываемость, въ какой находятся минералы, и которая составляетъ верхъ бытія неорганическаго.

Зима представляетъ ежегодное торжество сего бытія надъ органическимъ міромъ: она налагаетъ цѣпенѣніе почти на всѣ растенія, на большую часть животныхъ и на самаго человѣка. Въ нашихъ странахъ лѣтнее солнце растопляетъ зимнее цѣпенѣніе органической Природы, и возвращаетъ ей производимость ея; но полярные концы нашей планеты подпали вѣчному владычеству холода, и гранитные великаны земли гордо подымаютъ свои ледяныя головы передъ дольнымъ міромъ.

Не думайте однако жъ, чтобы только холодною смертью томилась жизнь: не менѣе трудна для нея

* Размышленія о Природѣ, гл. IV и VI.

бываетъ и знойная смерть цѣпенѣнія. Жаркопесчаныя пустыни тропическихъ странъ представляютъ печальную картину вѣчнаго владычества зноя. Цвѣтущая жизнь томится и сохнетъ тамъ подъ опалою солнца, животная жизнь тамъ ядовитѣе и лютѣе, — тамъ человѣкъ чернѣе.

Конечно, есть растенія, которыя требуютъ для себя именно такихъ мѣстъ, гдѣ почва суше и песчанѣе, гдѣ припёкъ солнца сильнѣе, и эти растенія суть самыя жирныя, сочныя, хотя своими корешками едва держатся на зыбкой почвѣ; но въ тоже есть цѣлый классъ поростовъ, algae, для которыхъ непосредственное вліяніе солнца не выгодно, для которыхъ живительна влажная стихія. Такъ водоросли, hydrophyta, первородное племя растительнаго царства, въ морѣ наслаждаются непрерывнымъ произрастаніемъ, достигаютъ непомѣрной величины, питаютъ собою несмѣтное множество подводныхъ животныхъ; но будучи заброшены волнами на берегъ, на вольномъ свѣтѣ, они засыхаютъ, приходятъ въ минеральное цѣпенѣніе, и только возвращенные морю опять начинаютъ жить органически. Такъ Исландскій поростъ, или мохъ, столь цѣлебный и многопитательный, оленій поростъ, которому такое приволье въ снѣжныхъ пустыняхъ Сѣвера, и всѣ вообще ягели, Lichenes, замираютъ, когда солнце производитъ засуху въ атмосферѣ: и вы можете ихъ содержать десятки лѣтъ въ этомъ минеральномъ состояніи, но положите ихъ въ воду, и они опять возобновятъ прерванное произрастаніе, опять начнутъ жить органически.

Однако жъ, какъ ни благотворною для органическихъ тѣлъ представляется вода, какъ ни говорите, что *все живое изъ жидкаго*, но и влажная стихія по-

могаетъ неорганическому міру воевать органическую жизнь. Вода, столь живящая собою растенія, часто становится для нихъ мертвою водою, и упояетъ ихъ до минеральнаго забытья, и мало по малу переводитъ ихъ въ минеральное царство. Такого образованія переходное существо называется «торфомъ.» Мшистыя тундры дремучей Сибири представляютъ въ большомъ размѣрѣ такое склоненіе растительной жизни къ минеральному бытію.

Но чтобы видѣть всю страшную моготу влажной смерти, обратитесь къ давно прошедшему бытію земнаго міра: разрываемое нѣдро земной коры представитъ вамъ одно великое кладбище органической жизни, одинъ огромный Геркуланумъ, ибо цѣлая земля нѣкогда, вскипѣвъ своими водами, растворила въ нихъ свою поверхность, извергла изъ себя эту влажную лаву, и залила ею весь допотопный міръ, задушила его на смертельной груди своей.

Такимъ образомъ допотопныя животныя и растенія вошли въ составъ земной коры. Многія изъ нихъ, наполняясь каменистымъ веществомъ, застывая въ земляномъ растворѣ, хотя и подпали тяжкому игу минеральнаго царства, но удержали еще свой органической образъ. Таковые встрѣчаемыя вездѣ во множествѣ окамѣнелости рыбъ, раковинъ, улитокъ, лучевиковъ и другихъ животныхъ, и окаменѣлости разныхъ частей растеній. Таковы ископаемыя кости звѣрей, гадовъ, находимыя иногда цѣлыми остовами. Наша Сибирь особенно изобилуетъ остовами и костями мамонтовъ, или допотопныхъ слоновъ.

Одинъ изъ нихъ сохранился было въ цѣлости, замороженный Природою въ полярной льдинѣ; но сѣверные медвѣди открыли его еще прежде Г. Адамса:

они первые изслѣдовали допотопное мясо, и любопытный натуралистъ могъ представить С.-Петербургской Кунсткамерѣ только кости да кожу знаменитаго современника потопа.

Подобно сему огромному мамонту, уцѣлѣли и многіе мелкіе жители прежняго органическаго міра. Такъ маленькія водоросли попадаются заплавленными въ свѣтлой водѣ горнаго хрусталя *. Въ янтарѣ, который самъ есть закаменѣлая смола допотопныхъ деревъ, многія насѣкомыя, по словамъ Ломоносова, получили гробницы великолѣпнѣе, нежели знатные и богатые на свѣтѣ люди имѣть могутъ, — и наши поморяне не даромъ называютъ янтарь «морскимъ ладономъ.»

Другія допотопныя существа измѣнялись въ своемъ образѣ и составѣ до того, что ихъ уже причисляютъ къ системѣ минераловъ. Такъ почти всѣ пламевики, составляющіе третій классъ минеральнаго царства произошли изъ растеній: неорганическая Природа цѣлые лѣса ихъ претворила въ огромныя копи каменнаго угля; и не только ихъ обминералила самою земною стихіей, — тяжелымъ углеродомъ, но отдѣливъ отъ нихъ и содержимыя въ нихъ вещества, дала имъ минеральную особность, и обратила ихъ въ смольники, или минеральныя смолы: таковы, кромѣ янтаря, суть ретинитъ, элатеритъ, асфальтъ, или жидовская смола, нефть, или горное масло.

Подобнымъ образомъ и животныя входили въ составъ каменнаго царства: многіе большіе пласты известняковые обязаны имъ своимъ происхожденіемъ. Когда вамъ случится быть въ Мячковѣ, гдѣ возвышается

* Если справедливо сіе названіе тѣхъ красивыхъ жилокъ, кои находятся въ камняхъ, называемыхъ моховиками.

знаменитый курганъ, гдѣ находится богатая каменоломня, которой такъ много обязана Москва бѣлокаменная, тамъ подъ тремя песчаными слоями и шестью слоями каменными, лежитъ слой известняка, толщиною въ аршинъ. Онъ состоитъ изъ полипниковъ, раковинъ, улитокъ, растертыхъ и смѣшанныхъ въ одну массу, въ которой нельзя уже признать ихъ вида, въ которой только изрѣдка попадаются еще уцѣлѣвшіе ихъ обломки [1]. Такого же происхожденія вѣроятно и многія мѣловыя горы.... Самая бирюза, которая плѣняетъ васъ и лазурью неба, и незабудковымъ цвѣтомъ воспоминанія, часто есть только сувенпръ допотопнаго звѣря, — его кость, проникнутая и окрашенная мѣдной рудою [2]....

Наконецъ многія растенія и животныя оставили по себѣ одни отпечатки, или слѣпки на каменныхъ слояхъ, стиснутыя которыми они исчезли съ лица земли, завѣщавъ человѣку только слѣдъ бытія своего.

И человѣкъ углубляется въ нихъ своею думою, сбираетъ останки умершей жизни, вспрыскиваетъ ихъ живою водой разумѣнія, — и эти слѣпки отдѣляются отъ каменныхъ скрижалей смерти, — и эти обломки, эти раскиданныя по землѣ кости сростаются въ цѣлыя, исполинскія тѣла — они сходятся, слетаются семьями на злачные долы, въ ли-

[1] Камень сего десятаго слоя на Мячковскихъ *приломахъ* называется *горохомъ;* пятый слой называютъ тамъ *лыскою,* шестой *товаромъ,* седьмой *клиннымъ*, осьмой *назольникомъ,* девятый *налогою,* одиннадцатый *доннпкомъ*, а двѣнадцатый, обыкновенно залитой водою -- *лещедкою.* Народъ нашъ весьма изобрѣтателенъ на термины, умѣетъ переводить на Русскій ладъ и иностранные: такъ туфштейнъ, осаждающійся изъ сѣрныхъ минеральныхъ водъ, на Кавказѣ солдаты при ваннахъ называютъ *тупейникомъ.*

[2] Это такъ называемая *бирюза новой породы;* восточная же, *бирюза старой породы,* происхожденія неорганическаго.

лѣйные и пальмовые лѣса, возстающіе изъ копей угольныхъ, изъ твердынь каменныхъ, и воздвигается цѣлый міръ стройный, колоссальный, для новой, мысленной жизни въ умѣ человѣка!

Но человѣкъ своею системою совершаетъ только великую тризну по усопшемъ бытіи. У него нѣтъ той магической воли, которою могъ бы онъ вызвать этихъ мертвецовъ для жизни дѣйствительной, личной; — онъ не попалъ еще на ту точку, съ которой Архимедъ брался перевернуть землю; и смерть одолѣваетъ еще власть его надъ жизнію, окруживъ землю останками допотопнаго міра, какъ трофеями своей роковой побѣды.

**М. МАКСИМОВИЧЪ.**

О

# МІРѢ И ЕГО СОЗДАТЕЛѢ.

**ASTRONOMY AND GENERAL PHYSICS** etc. — Астрономія и Общая Физика въ отношеніи къ Естественному Богословію. Соч. Пастора Вильяма Вевеля. (Whewel) Лондонъ, 1833.

**ON THE ADAPTATION OF EXTERNAL NATURE** etc. — О приспособленіи внѣшней Природы къ физическому состоянію человѣка, особенно къ удовлетворенію его потребностей и упражненію умственныхъ способностей. Соч. Джона Кидда (Kidd) M. D. Лондонъ, 1833.

**THE HAND,** etc. — Рука, ея механизмъ и способности, какъ доказательство Высшаго намѣренія. Соч. Сиръ-Чарлса Белля (Bell). Лонд. 1833.

**ON THE POWER WISDOM, AND GOODNESS OF GOD,** etc. — О могуществѣ, мудрости и благости Божіей въ примѣненіи внѣшней Природы къ нравственному и умственному состоянію человѣка. Соч. Пастора Томаса Чамерса (Chalmers). Лондонъ, 1833.

Четыре сочиненія, которыхъ заглавія здѣсь выписываемъ, суть одинъ изъ благороднѣйшихъ памятниковъ настоящей образованности рода человѣческаго. Никогда Европеецъ не посвящалъ своихъ познаній и способностей важнѣйшей для его счастія и возвышеннѣйшей цѣли. Никогда смертный, обогащенный сокровищами планеты, на которой онъ обитаетъ, не могъ полезнѣе и лучше употребить части огромнаго своего достоянія, нежели какъ покойный Герцогъ Бриджватеръ, завѣщанію котораго обязаны мы этими твореніями, принадлежащими отнынѣ къ всеобщей Литературѣ человѣчества. Герцогъ Бриджватеръ, умирая, опредѣлилъ сумму восемь тысячъ фунтовъ стерлинговъ (200,000 руб.) въ награду тому, кто напишетъ лучшее сочиненіе «О могуществѣ, мудрости и благости Бога», и докажетъ несомнѣнное его существованіе всѣмъ тѣмъ, что Науки точныя и изслѣдованія естествоиспытателей открыли человѣку въ этомъ отношеніи. Мысль прекрасная!

Нельзя было оказать большей услуги ни человѣку, ни самимъ Наукамъ. Исполнители завѣщанія, не найдя никого, способнаго принять на себя подобный трудъ въ полномъ его пространствѣ, объемлющемъ почти всѣ отрасли познаній, принуждены были раздѣлить премію на восемь частей, и поручить восьми знаменитѣйшимъ Ученымъ трактовать одинъ и тотъ же предметъ, каждому по своей части. Четыре книги, о которыхъ сказано, суть слѣдствіе этого распоряженія.

Должно сожалѣть, что намѣреніе человѣколюбиваго завѣщателя не могло быть исполнено въ буквальномъ смыслѣ: доказательства, которыя, бывъ собраны въ одну книгу, образовали бы одно цѣлое и одну утѣшительную Науку, разбросанныя въ восьми отдѣльныхъ сочиненіяхъ, теряютъ великолѣпіе единства, и влекутъ за собою важное неудобство безпрестанныхъ повтореній. Сверхъ-того и достоинство частей не одинаково. Сочиненіе Г. Чамерса, одного изъ краснорѣчивѣйшихъ писателей нынѣшняго вѣка, по несчастію, и даже къ удивленію, не удовлетворило нашихъ ожиданій. Книга Г. Белля прелестна, восхитительна. Трудъ Доктора Кидда въ состояніи принести удовольствіе каждому, кто напередъ не пробѣжалъ мастерскаго творенія Г. Вевеля, долженствующаго, по нашему мнѣнію, предпочтительно предъ другими, сдѣлаться повсемѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что оно и полнѣе другихъ. Еще отягощенные высокими впечатлѣніями, которыя произвело въ насъ чтеніе этихъ четырехъ сочиненій, постараемся тутъ же сосредоточить въ немногихъ страницахъ главнѣйшія и самыя разительныя черты величественнаго предмета, — предмета, въ сравненіи съ которымъ все остальное мечта и ничтожность!

Никогда съ полнымъ убѣжденіемъ, человѣкъ не постигнетъ живо положенія своего въ чинѣ вселен-

ной, если не посмотритъ съ неразвлеченнымъ вниманіемъ выше и вокругъ себя, и не напряжетъ всѣхъ умственныхъ способностей къ изслѣдованію безконечной цѣпи бытія, которой самъ онъ звено. Доколѣ онъ ограничиваетъ свое любопытство исторіею себѣ подобныхъ, дивясь переходу отъ дремучаго лѣса къ многолюдному городу, содрогаясь отъ кровопитныхъ войнъ и междоусобій, которыхъ позорищемъ перебывали почти всѣ поля Земнаго Шара, — корпя надъ обветшалыми правилами Философіи и Законодательства, или выдумывая новые планы устроенія преходящихъ выгодъ, — до тѣхъ поръ онъ чуждъ сознанія высшихъ цѣлей, для которыхъ предназначены его способности. Мелочной, поденный навыкъ ведетъ его къ понятіямъ совершенно ложнымъ, будто къ истинной цѣли, для которой дана ему жизнь. Считая непосредственные предметы своего корыстолюбія или тщеславія исключительно достойными попеченій, — они забота его днемъ и грѣза ночью! — онъ задумываетъ о себѣ слишкомъ высоко, и это мѣшаетъ ему удѣлить единый помыслъ началу, исходу и послѣднему концу шестидесяти лѣтъ, — этого часа, — нѣтъ! даже и не мгновенія вѣчности, — которыя пришлись на его долю. Иногда впадаетъ онъ въ противоположную крайность. Путешествуя по Альпамъ или Андамъ, онъ блѣднѣетъ, когда молнія освѣтитъ ихъ вершины, увѣнчанныя снѣгами вѣковъ минувшихъ, дрожитъ отъ грома, потрясающаго страшныя толщи въ основаніи, а если змѣистая стрѣла раздвоитъ скалу, на которой стоялъ онъ недавно, какимъ мелкимъ насѣкомымъ дѣлается онъ въ собственномъ мнѣніи! Претерпѣвъ крушеніе у острововъ Сциллы, онъ озираетъ волны Океана, воздымающія главу къ небесамъ и грозящія разрушить всѣ преграды, которыя Природа и Искусство сговорились противопоставить ихъ ярости; глядитъ, — и мы-

сленно нисходитъ до степени раковинъ, которыя отхлынувшая волна оставляетъ за собою на взморьѣ.

Однако жъ человѣкъ, безпрекословно подвергающійся дѣйствію котораго-нибудь изъ этихъ противоположныхъ впечатлѣній, долженъ быть чуждъ размышленія или незнакомъ съ обыкновенными началами познанія. Правда, почти не проходитъ часа безъ множества напоминаній о нашей смертности. Но съ другой стороны, въ насъ таится гордое сознаніе, что не можетъ быть безъ достоинства то существо, которое такъ возвышено умомъ, такъ безпредѣльно въ способностяхъ, такъ выразительно, чудесно видомъ и въ движеніяхъ, въ дѣйствіи такъ подобно ангелу, въ разумѣніи такъ подобно божеству!

Но этотъ самый умъ, эти самыя способности, долженствовали бъ научать его, что хотя онъ подобенъ ангелу въ дѣйствіи, подобенъ божеству въ разумѣніи, но пока ступаетъ по землѣ, онъ ни тотъ, ни другое, а только можетъ быть причастенъ естеству обоихъ. Счастливъ онъ, если разумъ открылъ ему эту великую истину, обличилъ предъ нимъ тлѣнность всего вещества, созданнаго нарочно для временныхъ его потребностей, частію, чтобъ искусить его въ добродѣтели, частію, чтобъ приготовить духъ его къ тѣмъ безконечнымъ зрѣлищамъ, въ которыхъ онъ уже будетъ ангеломъ въ дѣйствіи, если и въ разумѣніи чуть не сравнится съ божествомъ.

Волею Промысла, благодѣтельною для милліоновъ людей, достиженіе такого знанія не было предоставлено однимъ усиліямъ ихъ собственнаго разума. Прямыя, сверхъ-естественныя откровенія внушили имъ понятіе о бытіи Божества, безначальнаго и безконечнаго, котораго могуществомъ созданъ міръ, котораго мудростію всѣ различныя части его гармонически устроены, котораго благодѣтельною волею держится онъ въ теченіе безчисленныхъ вѣ-

ковъ. Но хотя вдохновенныя преданія требуютъ нашего безусловнаго довѣрія и вполнѣ его заслуживаютъ, однако жъ наступило, кажется, то время, что Наука и убѣжденіе должны итти объ-руку съ Вѣрою, что человѣкъ, самый гордый, самый дерзкій и ослѣпленный богатствомъ своихъ познаній, долженъ примириться съ откровенными истинами, и сознаться со стыдомъ, сколько онъ заблуждался въ своей недовѣрчивости.

Многократно пересмотрѣнные и накопленные результаты изслѣдованій геологовъ, астрономовъ и математиковъ не были предназначены для одной забавы тѣхъ, кто посвящалъ себя этого рода занятіямъ. Предназначеніе ихъ было гораздо высшее: только теперь узнаемъ мы его! Чѣмъ успѣшнѣе обработывались Науки, тѣмъ яснѣе, тѣмъ многочисленнѣе становились признаки и, можемъ прибавить, доказательства бытія Всемогущаго Разума, создавшаго всяческая.

Съ раннихъ временъ пастухи, стерегшіе стада свои на равнинахъ Азіи, ознакомились съ замѣчательнѣйшими изъ огненныхъ точекъ, сіяющихъ на небѣ въ ночную пору, и извѣстныхъ Персамъ подъ общимъ именемъ астръ, звѣздъ. Съ этимъ словомъ первоначально сопрягался смыслъ управленія или указанія, потому, что свѣтила часто служили пастуху вожатымъ по обширнымъ пастбищамъ, которыя надлежало ему проходить, а земледѣльцу признакомъ годовыхъ перемѣнъ. Долго думали, да и теперь большая часть людей въ тѣхъ мысляхъ, что звѣзды неподвижны; но телескопъ далъ намъ способъ утверждать съ достовѣрностію, что многія, — и съ большою вѣроятностью, — что даже, всѣ онѣ движутся, хотя мы сами, увлеченные общимъ движеніемъ міра, не можемъ замѣтить направленія, по которому

онѣ совершаютъ круговой путь свой въ орбитѣ вселенной.

Мы не имѣемъ доселѣ, и, безъ сомнѣнія, никогда не будемъ имѣть средствъ исчислить этихъ блестящихъ обитателей безпредѣльной небесной пустыни. Каждое новое усовершеніе телескопа открываетъ зрѣнію нашему несмѣтное множество такихъ свѣтилъ, которыхъ глазъ человѣческій никогда прежде не видывалъ. Есть звѣзды двойныя и даже тройныя: простому зрителю онѣ кажутся однимъ свѣтиломъ, но вооруженный взоръ видитъ въ нихъ скопленіе двухъ и болѣе пылающихъ шаровъ, въ знатительныхъ, хотя едва примѣтныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Болѣе трехъ тысячъ двойныхъ звѣздъ открыто до сего времени, но мы еще не истощили обилія небесъ въ этихъ двойныхъ произведеніяхъ: многія изъ нихъ видимо движутся одно около другаго въ орбитахъ, для прохожденія которыхъ потребны имъ тысяча двѣсти нашихъ лѣтъ. Такія кругообращенія являютъ уму только слабый отблескъ вѣчности.

Астрономы, по аналогіи нашей собственной, то есть, солнечной системы *, заключаютъ не безъ основанія, что обтекая другъ друга, эти звѣзды, или, лучше сказать, солнцы не напрасно изливаютъ свѣтъ свой, и что каждое сопровождается своимъ причтомъ планетъ, которыя, какъ тѣла темныя, вѣроятно всегда будутъ скрываться отъ нашего зрѣнія въ блескѣ дневныхъ свѣтилъ своихъ. Мысль эта ведетъ насъ къ заключенію, что двойныя звѣзды, отдѣленныя другъ отъ друга, по крайней мѣрѣ такими же разстояніями, какъ Уранъ отъ нашего солнца, т. е., тремя тысячами шестью стами милліоновъ верстъ, также имѣютъ свои планеты,

* Системою въ Астрономіи называется извѣстное число земныхъ шаровъ, или планетъ, текущихъ вокругъ своего средоточнаго свѣтила, или солнца.

свои Меркуріи, Земли, Юпитеры и Сатурны, и составляютъ средоточія особыхъ системъ, разсѣянныхъ по всей пустынѣ небесъ. Если эти планеты населены разумными тварями, подобно Землѣ и, — какъ думаютъ, — прочимъ планетамъ нашей солнечной области, то мысленное созерцаніе миріадъ такихъ шаровъ, покрытыхъ обитателями, подавляетъ воображеніе.

Мы не имѣемъ средствъ удостовѣриться въ разстояніи какой бы то ни было звѣзды отъ Земнаго Шара. Мы измѣрили окружность, описываемую нами въ годичномъ путешествіи вокругъ солнца; возьмемъ поперечникъ этого круга, и примемъ его за основаніе треугольника, который бы вершиною упирался въ ближайшее изъ этихъ свѣтящихъ тѣлъ. Однако жъ угла, образовавшагося такимъ способомъ у звѣзды, не возможно было бы опредѣлить по его малости и съ помощію совершеннѣйшаго орудія, изобрѣтеннаго человѣкомъ. Но уголъ въ одну секунду градуса измѣримъ: слѣдственно разстояніе ближайшей, такъ называемой неподвижной звѣзды, должно превышать полупоперечникъ круга, окружность котораго, въ каждой своей секундѣ градуса, заключаетъ три тысячи шесть сотъ милліоновъ верстъ, то есть, оно должно быть въ двѣсти тысячъ разъ болѣе поперечника земной орбиты. Если голубка, невозвратившаяся къ Ною, послана была отнесть, съ возможною для нея скоростью, оливную вѣтку на ближайшую изъ этихъ сферъ, то она бы до сихъ поръ все еще летѣла, и пронесшись въ высоту цѣлыя сорокъ столѣтій, не совершила бы и половины предназначеннаго пути.

Не изобрѣтено еще такого снаряда, — да теперь и вовсе кажется несбыточнымъ, чтобъ мы когда-нибудь придумали къ тому средства, — которымъ бы можно было опредѣлить величину даже самомалѣйшихъ

звѣздъ, потому, что мы никогда не видимъ ихъ дисковъ. Мы пріобрѣтаемъ ощущеніе бытія ихъ посредствомъ свѣтовыхъ лучей, которые иногда вѣроятно достигаютъ Земнаго Шара не менѣе какъ въ тысячу лѣтъ, не смотря на то, что свѣтъ проходитъ, какъ извѣстно, по триста восьмидесяти четыре тысячи верстъ въ секунду. Сиріусъ самое блестящее, — быть-можетъ потому, что ближайшее къ намъ — свѣтило, даетъ, по мнѣнію Волластона, столько свѣта, сколько четырнадцать солнцевъ, каждое величиною съ наше. Потому, какъ ни великолѣпна должна быть система, которой средоточіемъ Сиріусъ, но мы не видимъ ни одной ея части. Планета Сатурнъ, съ приборомъ колецъ и спутниковъ, представляетъ, когда видны кольца, такое зрѣлище, которое въ телескопъ посредственной силы показалось бы намъ величиною съ серебряный полтинникъ. Но если бъ кто посмотрѣлъ, въ подобный инструментъ, съ Сиріусовой планеты на наше солнце, то могъ бы съ своей стороны подумать, что всю нашу солнечную систему можно покрыть нитью паутины. Онъ выставилъ бы у себя на картѣ солнце неподвижною звѣздою, но глазъ его не замѣтилъ бы въ немъ ни какой перемѣны, потому, что и величайшая изъ нашихъ планетъ заслоняла бы ему не много болѣе сотой доли поверхности этой звѣзды, и слѣдственно не могла бы причинить замѣтной для него утраты свѣта. Для него этотъ Земной Шаръ, какъ ни обширенъ онъ кажется для нашихъ ограниченныхъ чувствъ и способностей, даже и не существовалъ бы. Онъ не удостоился бы стать точкою на его картѣ, и если бъ завтра сгинулъ изъ пространства, этого не примѣтили бъ ни съ одного изъ пятидесяти подобныхъ нашей Землѣ міровъ, которые вѣроятно плаваютъ въ волнахъ свѣта, изливаемыхъ Сиріусомъ. Чье око блюдетъ нашу сферу? Чья вѣчнопростертая рука ее поддерживаетъ?

Звѣзда, именуемая Омикронъ, въ созвѣздіи Кита, является намъ только двѣнадцать разъ въ одиннадцать лѣтъ. Недѣли двѣ видна она въ полномъ блескѣ, потомъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ постепенно уменьшается, и совсѣмъ пропадаетъ. Чрезъ пять мѣсяцевъ она снова становится видима, и продолжаетъ прибывать въ три остальные мѣсяца своего періода. Другая звѣзда, именуемая Альголь, или Греческая буква $\beta$ Персея, бываетъ видима въ продолженіе шестидесяти двухъ часовъ, потомъ внезапно теряетъ свой блескъ, и, хотя она второй величины, въ два или три часа умаляется до четвертой. Затѣмъ опять начинаетъ она прибывать, и въ три съ половиною часа достигаетъ прежняго блеска. Гудрикъ, открывшій въ 1782 году сіе замѣчательное явленіе, говоритъ, — и мысль его вообще принята теперь астрономами, — что такая перемѣна должна происходить отъ обращенія вкрутъ Альголя какого нибудь темнаго тѣла, его собственной планеты, которое, находясь между нами и звѣздою, заслоняетъ большую часть ея свѣта. Очень вѣроятно, что подобное устройство измѣняетъ періодически свѣтъ Омикрона, хотя и въ другомъ размѣрѣ. Есть еще одиннадцать звѣздъ, представляющихъ сей феноменъ, и нѣкоторыя изъ нихъ не чаще одного раза въ сто лѣтъ: на нихъ можно смотрѣть, не боясь погрѣшности; мы осязаемъ ихъ зрѣніемъ, и намъ открывается видъ въ будущность. Когда остановимся мыслію на этихъ фактахъ, и на обстоятельствѣ, что лучи, посредствомъ которыхъ видимъ вечеромъ Плеяды, долженствовали выйти изъ своихъ источниковъ во время нашей Гептархіи или прежде, то чувствуемъ, что умъ, который пріобрѣтаетъ такимъ образомъ способность постигать миріады другихъ населенныхъ міровъ, кромѣ нашего, и проникать въ будущее и прошедшее съ быстротою, превосходящею скорость самаго свѣта, долженъ быть

созданіемъ какого-то высшаго Духа, сущаго въ вѣчности.

Находясь, какъ полагаютъ астрономы, въ срединѣ всѣхъ системъ, оживляющихъ пространство *; и будучи обогащены сверхъ-естественнымъ Откровеніемъ и великими учеными пріобрѣтеніями, мы однако жъ наклонны спрашивать: существуютъ ли эти системы своею собственною силою, или сотворены могуществомъ, внѣ ихъ живущимъ? Если онѣ окажутся самобытными, то слѣдуетъ, что онѣ и непреходящи.

* Это мнѣніе не всѣми принято: нѣкоторые, довольно правдоподобно, думаютъ, что солнечная система, то есть, солнце съ своими планетами, занимаетъ мѣсто близъ одного изъ краевъ огромнаго обломка пространства вселенной, являющагося намъ въ видѣ звѣздистаго міра, въ которомъ и наше солнце — только звѣзда; что этотъ звѣздистый міръ весь, съ нашимъ солнцемъ и нами, есть лишь большое созвѣздіе, родъ звѣзднаго облака, одушевленнаго движеніемъ внутри, и носящагося собственною, особою силою въ великомъ пространствѣ вселенной, въ которомъ безъ сомнѣнія существуютъ милліоны другихъ такихъ же звѣздныхъ облаковъ. Слѣдственно то, что мы видимъ на небѣ и подъ нашими ногами, есть только единица, одна изъ великихъ міровыхъ констелляцій, или созвѣздій вселенной; и мы видимъ только внутренность этой констелляціи, а о внутренности другихъ и понятія не имѣемъ, потому что наше зрѣніе не выходитъ за предѣлы звѣзднаго облака, въ которомъ повѣшены мы съ нашею звѣздочкою, то есть, солнцемъ. Такъ называемый Млечной Путь, состоящій изъ безчисленныхъ миріадъ звѣздъ разной величины, размѣщенныхъ въ различныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, но, по причинѣ неизмѣримой ихъ отдаленности отъ нашего глаза, сливающихся на небѣ въ одну свѣтлую массу, долженъ быть не что иное какъ площадь разсѣченія нашего звѣздочнаго облака, и самая неровность краевъ этой площади, мѣстами довольно узкой, можетъ доказывать, что мы, съ нашимъ, солнцемъ находимся гдѣ то въ углу, по крайней мѣрѣ не въ центрѣ, этого облака звѣздъ. Въ существѣ этой величественной ипотезы можно отдать себѣ отчетъ, представивъ себя стоящимъ въ какомъ нибудь рѣдкомъ лѣсу, не далеко отъ кряжа: деревья, растущія къ вамъ поближе являются вамъ въ видѣ отдѣльныхъ тѣлъ; тѣ, которыя стоятъ по дальше, покажутся тощими и неясными, а за ними увидите вы только темную глубину, нѣкую плотную массу растенія. Поглядите потомъ вокругъ себя: съ той стороны гдѣ лѣсъ тянется далеко, эта масса шире и темнѣе; со стороны кряжа она рѣже и кажется вамъ неровною, по причинѣ близости пустаго пространства, поля. Нашъ видимый міръ простой лѣсъ звѣздъ, и вѣроятно только одинъ изъ тысячи дремучихъ звѣздныхъ лѣсовъ, плавающихъ въ бездонномъ пространствѣ вселеной.

Но если бренность ихъ будетъ доказана, то слѣдуетъ, что онѣ не могутъ быть самостоятельны, и долженствовали быть сотворены внѣшнимъ могуществомъ, которое должно быть всесильно, по самому естеству его произведеній. Это могущество должно быть и самосуще, ибо ни какая власть, кромѣ всесильной, не могла произвести такого существа; оно должно быть вѣчно, ибо Всемогущему Существу не вѣдомы ни дѣтство, ни старость. Здѣсь-то, въ важнѣйшемъ для человѣчества изслѣдованіи, астрономическіе факты приспѣваютъ къ намъ на помощь съ убѣдительностію самаго точнаго математическаго доказательства, съ гораздо сильнѣйшею, нежели большая часть свидѣтельствъ, на которыхъ основана исторія дѣлъ человѣческихъ. Печать смертности, рука самой смерти была замѣчена на нѣкоторыхъ изъ блистательнѣйшихъ міровъ, какіе только виданы на небесной тверди.

Въ 125 году до Р. Х, необычайное свѣтило привлекло на себя вниманіе Гиппарха, и подало ему поводъ къ составленію росписи звѣздамъ, древнѣйшей, какая только извѣстна: это свѣтило, эта звѣзда исчезла съ неба въ его время. Въ 389 году отъ Р. Х. какая-то звѣзда сіяла въ созвѣздіи Орла близъ звѣзды $\alpha$; три недѣли оставалась блестящею, какъ Венера, и потомъ исчезла. Въ 1572 году, Тихо Браге, идучи однажды вечеромъ домой съ своей обсерваторіи, изумился, увидѣвъ толпу народа, дивующагося свѣтлой звѣздѣ, которой самъ онъ, сколько ни высматривалъ небо, не видалъ. Она явилась въ созвѣздіи Кассіопеи, блистала тогда какъ Сиріусъ, и нѣкоторое время была видима даже въ полдень; начала убывать въ Декабрѣ того жъ года, и, явивъ всѣ переходы горѣнія, исчезла въ Мартѣ 1574. Былъ ли это спутникъ какой-нибудь неподвижной звѣзды, который загорѣвшись,

предобразовалъ намъ судьбу, ожидающую, по словамъ пророковъ, нашъ собственный міръ.

«Подобные, хотя и не такъ блистательные феномены, говоритъ Сиръ Джонъ Гершель, являлись и позже: такова, напримѣръ, звѣзда третьей величины, открытая Антельмомъ, въ головѣ Лебедя въ 1660 году, которая, пропавъ изъ виду, опять явилась, и послѣ одного или двухъ странныхъ измѣненій своего свѣта въ теченіе двухъ лѣтъ исчезла наконецъ совершенно; такъ, что съ тѣхъ поръ ея уже не видали. При тщательномъ переизслѣдованіи неба, и при сравненіи каталоговъ, оказывается, что теперь многихъ звѣздъ не достаетъ; и хотя нѣтъ сомнѣнія, что такія утраты иногда происходятъ отъ ошибочныхъ внесеній въ каталоги, но равно достовѣрно и то, что во многихъ случаяхъ, не было ошибки ни со стороны наблюдателя, ни со стороны вносителя: звѣзда дѣйствительно была наблюдаема, но такъ же дѣйствительно и исчезала.» *A treatise on Astronomy, p. 384.*

Существованіе и смерть Александра Великаго, возвышеніе и упадокъ Римской Имперіи, истребленіе землетрясеніями или волканомъ городовъ, бывшихъ нѣкогда средоточіями торговли и искусствъ, — все это дошло до насъ по свидѣтельствамъ, отнюдь не имѣющимъ болѣе права на наше довѣріе, нежели тѣ, которыми подкрѣпляются астрономическіе факты, изложенные здѣсь Гершелемъ. Люди, исключительно посвятившіе себя долголѣтнему наблюденію небесной тверди, согласно утверждаютъ, что во *многихъ* случаяхъ, звѣзды, которыя нѣкогда были коротко знакомы глазу, переставали являться, и притомъ на такіе періоды времени, которые ясно показываютъ ихъ уничтоженіе. Слѣдствіе явно и неизбѣжно; эти тѣла были созданы, — иначе они не могли бъ подвергнуться разрушенію. Они совершили предназначенные имъ переходы существованія, дѣтство, юность, зрѣлый возрастъ и старость, и погибли, какъ погибаетъ человѣкъ, проживъ опредѣ-

лснное число лѣтъ. Если они были созданы, то долженствовало быть и какое нибудь могущество, давшее имъ существованіе и предписавшее законы, по которымъ эта ихъ жизнь достигла своего конца.

Но скажутъ, что все это одни только сказанія Астрономіи, Науки, занимающейся предметами, которые не могутъ быть подвергнуты осязанію или прогнаны сквозь ордалію опыта, — предметами объема неизмѣримаго, удаленными отъ насъ на разстоянія, которыхъ никогда нельзя будетъ привести въ извѣстность. Однако жъ каждый, кто заглядывалъ въ календарь, вѣрно допуститъ, что затмѣнія солнца и луны вычисляются заранѣе изъ минуты въ минуту. У насъ теперь передъ глазами роспись затмѣній на все текущее столѣтіе, и доколѣ хотя одно изъ этихъ вычисленій не окажется ложнымъ, до тѣхъ поръ надо согласиться, что Астрономія имѣетъ свои неоспоримыя достовѣрности, какъ Химія или Математика. Еще болѣе этого можно сказать объ изысканіяхъ Кеплеровъ и Гершелей. Первый, отгадавъ еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ небесный механизмъ, открылъ себѣ путь къ изложенію ряда законовъ, изъ которыхъ потомъ заключили съ большою увѣренностью, что планета, никогда еще не виданная человѣкомъ, будетъ открыта въ особой части неба, — и это предсказаніе сбылось. Кеплеръ показалъ, что извѣстныя тогда планеты, — Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ, къ которымъ Вилліамъ Гершель (отецъ) присовокупилъ въ 1781 году Урана, — были, всѣ какъ бы одной семьи, «связаны одною цѣпью, соединены узами взаимнаго соотношенія и стройнаго согласія, подвержены одному общему вліянію, простирающемуся отъ средоточія до отдаленнѣйшихъ предѣловъ своей обширной системы, которой всѣ они, и самая Земля, должны почитаться отнынѣ членами.» Такъ

какъ промежутки планетныхъ орбитъ удвоиваются или около того, по мѣрѣ удаленія планетъ отъ солнца, а гораздо бо̀льшій промежутокъ, раздѣляющій Марса и Юпитера, составлялъ бы исключеніе изъ этого семейнаго закона, сохраняющаго однако жъ свою силу для другихъ, отдаленнѣйшихъ планетъ, то долго подозрѣвали, что между Юпитеромъ и Марсомъ должна быть еще планета; и дѣйствительно, начало текущаго столѣтія ознаменовалось открытіемъ Цереры, Паллады и Юноны. Малость и неправильность вида этихъ планетъ, и тѣсное сближеніе ихъ среднихъ разстояній, вели къ заключенію, что онѣ могутъ быть обломками большой планеты, которая, въ какой нибудь отдаленный періодъ времени, занимала тотъ промежутокъ. Если такъ, то вѣроятно существуютъ и другіе обломки того же тѣла, и всего правдоподобнѣе было, – искать ихъ близъ узловъ открытыхъ частей планеты: этому именно глубокомысленному умствованію обязаны мы открытіемъ Весты. Осуществленіе такого рода наведенія, правильно основаннаго на предпосланныхъ началахъ, кажется, даетъ Астрономіи право именоваться не одною теоріею вѣроятностей, а чѣмъ-то высшимъ и вѣрнѣйшимъ.

Быть-можетъ, изумятся, что мы, безъ всякихъ обиняковъ, коснулись существованія разныхъ тварей на миріадахъ шаровъ, обращающихся, какъ изъ всего должно заключать, около звѣздъ. Что звѣзды суть солнца, что наше солнце звѣзда, въ этомъ нѣтъ ни какого сомнѣнія. Что нѣкоторыя изъ нихъ періодически заслоняются темными тѣлами, которыя суть, повидимому, члены ихъ планетной семьи, это мы уже видѣли. Положительное знаніе удостовѣряетъ насъ; что Земля обитаема, а аналогія ведетъ къ заключенію, что если темный шаръ, подобный Землѣ, обращается вокругъ Альголя, то конечно для

того, чтобъ, проходя орбиту свою около центральнаго солнца, пользоваться свѣтомъ, теплотою, перемѣнами годовыми и суточными, — дарами такого рода, что странно бъ было подумать, будто Богъ надѣляетъ ими, безъ всякой цѣли, простую глыбу вещества!

Аналогіи, распространяющія семейное сходство на всѣ системы нашего звѣздистаго міра, сдѣлаются еще понятнѣе, если мы обратимся на минуту къ другимъ планетамъ собственной нашей системы, которыя непосредственно подлежатъ глазамъ въ сферѣ нашего наблюденія. И Меркурій, и Венера, плотные шары вещества, поселившіеся въ промежуткѣ, отдѣляющемъ Землю отъ солнца, имѣютъ атмосферы, отягченныя облаками, которыя явно предназначены къ ослабленію сильнаго солнечнаго зноя и блеска. Разсмотримъ тѣсную связь, существующую между прозябеніемъ нашей Земли, даже между бытіемъ животной жизни и распространеніемъ звука и свѣта, даже между всѣми искусствами, ведущими общество къ образованности, и между существованіемъ той атмосферы, какую мы имѣемъ. Гдѣ ни увидимъ шаръ, одѣтый атмосферою, въ которой поднимаются облака паровъ, всегда можемъ достовѣрно заключать, что на такомъ шарѣ есть вода и суша, есть прозябеніе, есть животная жизнь, разумныя существа и образованность. Это заключеніе становится тѣмъ неизбѣжнѣе, что, по лучшимъ наблюденіямъ, на обѣихъ этихъ планетахъ, Меркуріи и Венерѣ, день и ночь почти одинаковой длины съ нашими. Въ Марсѣ, брошенномъ уже внѣ нашей орбиты, текущемъ въ отношеніи къ солнцу уже позади нашей Земли, ясно различены очерки материковъ и морей: у него также своя атмосфера и облака, а на полюсахъ блестятъ бѣлыя пятна, которыя, съ большею вѣроятностью, почитаютъ за снѣгъ.

Огнистый видъ его приписываютъ охреному цвѣту почвы, довольно сходной съ нашимъ краснымъ песчаникомъ. Его сутки разнятся отъ нашихъ немногимъ болѣе получаса. Все это показываетъ такое сходство съ Землею, при которомъ мысль, будто эти три планеты плаваютъ только для счету въ солнечной системѣ, становится совершенно несогласною съ дѣйствительнымъ нашимъ познаніемъ плодовитости, кипящей жизнію всюду, гдѣ совокупляются воздухъ, вода, теплота и свѣтъ. Приведемъ одинъ замѣчательный примѣръ дѣятельности, съ которою эти стихіи выполняютъ свое предназначеніе:

«Я часто бралъ на булавочную головку каплю воды, и спускалъ ее на стекло, стоящее ребромъ въ микроскопѣ: капелька немного побольше сбѣжала бы по его поверхности; однако жъ, какъ ни мала была частица жидкости, она закрывала большую половину комнаты, въ которой я стоялъ, и имѣла *двѣнадцать футовъ* въ поперечникѣ, когда я разсматривалъ ее по частямъ, съ помощію зеркала, поставленнаго въ пяти футахъ отъ лупы, или зрительнаго стекла. Употребивъ другую лупу, я бы конечно могъ превратить двѣнадцать футовъ въ двадцать четыре. Въ такомъ увеличенномъ размѣрѣ, капелька воды представлялась наполненною *различными породами* маленькихъ животныхъ, отъ $^1/_{16}$ доли дюйма до тринадцати дюймовъ величиною! Часто являлись они въ такомъ множествѣ, что на пространствѣ двѣнадцати футовъ не отыщешь мѣстечка, гдѣ бы уставить карандашъ. Нерѣдко видалъ я сплошные слои мелкихъ животныхъ, только-что выходящихъ на свѣтъ: они были съ булавочную головку, и ужъ никакъ не болѣе горошины: между тѣмъ крупныя и полнѣе образовавшіяся играли тутъже около новорожденныхъ. Иногда бываетъ ихъ такъ много, что они образуютъ плотную движущуюся толщу, которую по необходимости разводилъ я чистою водою, чтобъ наблюдать движенія каждаго изъ нихъ порознь. Сколько миріадъ такихъ существъ въ Природѣ! До какой безконечной малости достигаютъ животные виды! И всѣ они, безъ-

сомнѣнія, питаются живыми существами, которыя еще ихъ меньше, которыхъ уже не разглядишь и въ микроскопъ.

*Рукописный дневникъ Сиръ Джона Гершеля.*

Если малѣйшая капелька воды населена безчисленными толпами животныхъ различныхъ породъ, гдѣ жъ тутъ философія — предполагать, вопреки всему, что свѣтъ, теплота, воздухъ, вода, прозябеніе, суточныя перемѣны, даны Меркурію, Венерѣ и Марсу безъ всякаго промышленія объ органическомъ бытіи, безъ всякаго преднамѣренія сдѣлать что-нибудь для поддержанія и блага разумныхъ существъ, способныхъ оцѣнить всю сладость жизни! Этотъ доводъ еще съ бо̀льшею силою прилагается къ Юпитеру, Сатурну и Урану: для каждаго изъ нихъ придуманъ многосложнѣйшій снарядъ, явно на тотъ конецъ, между прочимъ, чтобъ вознаградить недостатокъ въ солнечномъ свѣтѣ, которому бы они иначе подверглись, находясь въ такой дали отъ центра общей системы. Мы всѣ одной семьи относительно къ веществу и къ движенію. Не должно ли заключать, что семейное сходство простирается такъ же и на особенный характеръ, какъ на внѣшній образъ бытія?

Мы говоримъ здѣсь объ однѣхъ планетахъ, не о спутникахъ, которые очевидно даны въ помощь первымъ для отраженія свѣта, для уравновѣшиванія ихъ водъ, и, быть-можетъ, для поддержанія правильности ихъ обоюдныхъ движеній. Напримѣръ, наша Луна не кажется способною къ поддержанію животнаго бытія. Мы видимъ, что поверхность этого свѣтила, или, по крайней мѣрѣ, та его часть, которая видна съ Земли, покрыта волканическими жерлами, изъ которыхъ многія чрезвычайно велики: мы не различаемъ на ней ни какого признака паровъ, — слѣдственно, тамъ нѣтъ и воды, или она скрыта въ пещерахъ, недоступныхъ для солнечныхъ

лучей. Безъ облаковъ и атмосферы животная дѣятельность не можетъ существовать. Справедливо ли или несправедливо это умствованіе, но то ясно, что не только Луна, но и Земля, которой она служитъ, и планеты съ ихъ спутниками, всѣ идутъ медленнымъ, но неизбѣжнымъ шагомъ, къ тому періоду, когда онѣ перестанутъ существовать, какъ бы ни удаленъ былъ этотъ предѣлъ отъ времени, въ которое намъ случилось жить на свѣтѣ. По этому, доказательство, выведенное изъ смертности звѣздъ, подкрѣпляется явленіями системы, которой жилище наше, Земля, составляетъ такую малую часть.

Едва ли нужно припоминать кому-нибудь, что поперечникъ настоящаго солнечнаго шара, безъ окружающей его свѣтовой стихіи, вычисленъ въ восемьсотъ восемьдесятъ двѣ тысячи миль. Но, быть-можетъ, никто не обращалъ особеннаго вниманія на тотъ разительный фактъ, что если бъ всѣ одинадцать планетъ, которыя обтекаютъ солнце, въ различныхъ отъ него разстояніяхъ, съ восемнадцатью ихъ спутниками и двумя кольцами Сатурна, слить въ одинъ шаръ, объемъ этого шара едва составилъ бы трехсотую долю величины солнца. Яблоко, падающее съ дерева, возвращеніе къ землѣ камня, брошеннаго вверхъ, доказываютъ неодолимую силу огромной массы вещества надъ меньшею массою По тому же самому закону, солнце притягиваетъ и Меркурія въ разстояніи тридцати семи милліоновъ миль. Но силѣ этого притяженія противудѣйствуетъ въ нѣкоторой степени притяженіе Венеры, равно какъ и всѣхъ другихъ планетъ и спутниковъ; и точность, съ которою соприпоровлены всѣ эти многосложныя силы, есть уже сама по себѣ доказательство, что никто, кромѣ Божественнаго Разума, не могъ изобрѣсть и устроить такой великолѣпной машины. Магнитъ и палочка сургуча, согрѣтая трені-

емъ, притягиваютъ другія тѣла, посредствомъ электрической жидкости, которою первый постоянно наполненъ, а послѣдній заряжается временно. Но движенія небесныя учреждаются такою силою, которою надѣлена каждая частица вещества въ отношеніи ко всякой другой частицѣ его въ мірѣ.

Это взаимное тяготѣніе планетъ, на пути ихъ вокругъ солнца, производитъ и нѣкоторыя замѣшательства въ системѣ, которыя, какъ ни маловажны порознь, въ теченіе вѣковъ становятся значительными. Къ числу его слѣдствій принадлежитъ, напримѣръ, то, что Луна совершаетъ мѣсячный оборотъ свой около Земли скорѣе прежняго, какъ видно изъ преданія о затмѣніи, за семьсотъ двадцать одинъ годъ до Р. Х. замѣченнаго Халдеями въ Вавилонѣ. Подобныя замѣшательства заключаются однако жъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, за которые перейти не могутъ. И такъ, въ этомъ отношеніи прочность солнечной системы обезопасена, и если бъ произошелъ для нея какой нибудь вредъ отъ очевиднаго недостатка въ механизмѣ, это было бы недостойно Великаго Строителя. Впрочемъ, даже не правдоподобно, чтобъ какая-нибудь существенная перемѣна случилась въ нашей системѣ, если допустить ту несомнѣнную для насъ истину, что эта система, вмѣстѣ съ прочими звѣздами и планетами, движется около средоточія вселенной, верховнаго солнца всѣхъ міровъ до котораго ввѣкъ не досягнетъ ни какое земное зрѣніе. Разумѣется, что движеніе такого рода для насъ должно быть совершенно непримѣтно. «Развитіе этой всеобщей перемѣны, замѣчаетъ Поэнсетъ, подобно необъятной кривой линіи, которой мы видимъ столь малую дугу, что считаемъ ее прямою.» Въ такомъ предположеніи, истинный равноденникъ всѣхъ солнцевъ и всѣхъ освѣщаемыхъ ими міровъ проходилъ бы чрезъ центръ всемірной тяжести, и

въ этомъ-то центрѣ мы найдемъ несотворенное и единственное обиталище безусловнаго и вѣчнаго спокойствія, – престолъ Всемогущаго. Воображеніе не въ силахъ постичь, пока дѣйствительно не увидитъ величія этого хода безчисленныхъ шаровъ, одѣтыхъ свѣтомъ, окруженныхъ своими планетами, и текущихъ толпами въ видѣ пышнаго вѣнца радужныхъ огней около Верховнаго Разума, создавшаго все, – во всемъ сіяющаго славою и могуществомъ!

По разрушеніи какой-нибудь системы, заступаетъ ли всегда ея мѣсто другая, проявляя во всѣхъ вѣкахъ присутствіе вѣчнодѣятельнаго Всемогущества? – объ этомъ не намъ пускаться въ заключенія. Но существованіе силы разрушительной доказано событіями въ разсужденіи звѣздъ, а что касается до нашей солнечной системы, то разрушительность является здѣсь въ видѣ упругаго посредства (medium), которое, не смотря на чрезвычайную свою разрѣшенность и неощутительное доселѣ дѣйствіе на Землю, наконецъ должно измѣнить формы планетныхъ орбитъ и повергнуть ихъ въ безпорядокъ и разрушеніе. Предположеніе о присутствіи и силѣ такой летучей, электрообразной жидкости, было любимою мыслію Картезіанцевъ, которые, не предвидя всѣхъ слѣдствій своей теоріи, изъ однихъ отвлеченныхъ умствованій заключили, что все пространство вселенной наполнено какимъ-нибудь безконечно тонкимъ веществомъ. Напротивъ того, вычисленія Ньютона произведены были въ томъ предположеніи, что всѣ небесныя тѣла движутся въ совершенной пустотѣ. Замѣчательное новое открытіе показываетъ, что ученіе Картезіанцевъ справедливо, но жидкость, о которой сказано, такъ рѣдка и свыше всякаго осязанія тѣлесными чувствами, и конечные ея результаты такъ отдалены, что вычисленія великаго астронома, въ сущности, ни сколько отъ того не потерпѣли.

Этимъ открытіемъ одолжены мы наблюденіямъ надъ тѣломъ, теперь вообще именуемымъ кометою Энке, и движущимся около солнца съ необыкновенной быстротою и въ чрезвычайно продолговатой, эксцентрической орбитѣ. Эту орбиту пролетаетъ оно въ три года и четыре мѣсяца, или точнѣе, въ тысячу двѣсти восемь дней. Неплотность Энковой кометы чрезвычайна; на нашемъ горизонтѣ является она будто облачко пару. Звѣзды просвѣчиваютъ сквозь нее, ни сколько не теряя своего блеска. Однако жъ, какъ ни легокъ намъ кажется этотъ паръ, онъ занимаетъ пространство необъятное, и наблюденіями доказано, что на него дѣйствуетъ сила солнечнаго притяженія, какъ и на другія тѣла нашей системы. Легко было сообразить, что, если только части пространства, незанятыя плотнѣйшими веществами, наполнены упругою, противопоставляющею какое-нибудь сопротивленіе, хотя и весьма разрѣшенною жидкостью, дѣйствіе подобной жидкости на такое тѣло, какова комета Энке, непремѣнно должно быть примѣтно, и тогда его можно усмотрѣть съ Земли и вычислить: — такъ въ самомъ дѣлѣ и вышло! Энкову комету впервые увидѣли въ 1686 году; потомъ опять въ 1795, 1805 и 1819. Астрономы думали сначала, что это четыре разныя кометы. Но извѣстный Энке показалъ, что наблюденія ихъ могли прилагаться только къ четыремъ возвратамъ одного и того же тѣла, и онъ заранѣе вычислилъ, что оно опять явится въ южной части неба въ 1822 году. Однако, въ разсужденіи мѣста появленія между вычисленіями и наблюденіями оказалась существенная разница, какъ въ этомъ, такъ опять въ 1825 и 1828 годахъ. Безъ-сомнѣнія эти разности надлежало приписать отчасти и взаимному дѣйствію планетъ, отъ котораго, какъ мы выше видѣли, происходятъ замѣшательства. Но дѣйствія этихъ причинъ были вычислены съ вели-

кимъ тщаніемъ, и отстой феномена, какъ выражается Сиръ Джонъ Гершель, былъ выведенъ на чистую воду: остававшаяся разница уклоненія кометы отъ правильнаго ея пути привела насъ къ убѣжденію въ очевидномъ существованіи упругаго посредства (medium), разлитаго во всемъ пространствѣ и образующаго родъ воздуха вселенной, въ которомъ плаваютъ всѣ солнцы и всѣ ихъ планеты. Дѣйствіемъ этого посредства, этой эѳирной жидкости было то, что время полнаго оборота кометы сократилось двумя днями съ тѣхъ поръ, какъ ее въ первый разъ открыли, и теперь она является почти десятью днями ранѣе, чего бы не могло быть, если бъ напоръ эѳирной жидкости не стѣснилъ ея орбиты. Слѣдственно она будетъ наконецъ поглощена солнцемъ, какъ бы ни далеко было то время, когда это дѣйствительно случится. Но мы можемъ заимствовать у Г. Вевеля сужденія, сильнѣйшія нашихъ собственныхъ.

«То же посредство (medium), которое дѣйствуетъ на Энкову комету, должно имѣть вліяніе и на планеты, движущіяся въ тѣхъ же самыхъ пространствахъ; но дѣйствіе его на планеты должно быть гораздо слабѣе, нежели на комету, потому, что первыя несравненно превосходятъ послѣднюю количествомъ вещества и его плотностью.

«Не легко, съ нѣкоторою вѣроятностью, показать силу, или даже какой нибудь предѣлъ дѣйствія эѳира на планеты. Намъ отнюдь неизвѣстны толщи кометъ сравнительно съ планетами, и слѣдственно мы не можемъ дѣлать ни какихъ вычисленій, основанныхъ на сравненіи этого рода. Ньютонъ старался показать, какъ ничтожно должно быть сопротивленіе этого посредства, если оно и существуетъ. Результатъ его вычисленія таковъ: если принять, что плотность посредства равна той, которую нашъ воздухъ будетъ имѣть въ трехъ стахъ верстахъ отъ поверхности земли, безъ всякаго измѣненія въ законѣ извѣстнаго уменьшенія его плотности, по мѣрѣ удаленія отъ этой поверхности, и

предположить, что Юпитеръ движется въ такомъ посредствѣ, то въ милліонъ лѣтъ онъ не утратитъ и милліонной доли своей скорости; — если бъ планета, обращающаяся около солнца, утратила отъ сопротивленія эѳира часть своей быстроты, то соразмѣрно этому она приблизилась бы къ солнцу, потому, что стремленіе къ центру перестало бы умѣряться въ надлежащей степени средобѣжною силою, происходящею отъ быстроты тѣла; — и если бъ сопротивленіе продолжало дѣйствовать, планета, все болѣе и болѣе приближаясь къ центру системы и тѣмъ скорѣе оканчивая свои обороты, наконецъ достигла бы центральнаго тѣла, и система перестала бъ быть системою.

«Но результатъ все тотъ же, какъ ни мала часть скорости, отнимаемая сопротивленіемъ эѳира: вся разность въ томъ, что когда сопротивленіе не велико, то потребно болѣе времени, чтобъ движеніе прекратилось. Во всякомъ случаѣ, времена, къ которымъ приводитъ разсмотрѣніе задачъ этого рода, огромностью ужасаютъ обыкновенное понятіе. Такъ, по выводамъ изъ дѣланныхъ доселѣ наблюденій, Энкова комета утратитъ въ десять полныхъ оборотовъ, то есть, въ тридцать три года, менѣе тысячной доли своей скорости; и если этотъ законъ не перемѣнится, быстрота ея убудетъ въ половину противъ нынѣшней не менѣе, какъ въ семь тысячь оборотовъ, или въ двадцать три тысячи лѣтъ. Если бъ Юпитеръ, въ милліонъ лѣтъ, терялъ милліонную долю своей скорости, — что, какъ мы выше видѣли, несравненно превосходитъ вѣроятную его утрату, — то, для потери тысячной доли этой скорости, потребно бы семьдесятъ милліоновъ лѣтъ, и въ семьсотъ разъ столько жъ времени для уменьшенія быстроты его вполовину. Такіе періоды времени совершенно подавляютъ воображеніе, и само собою разумѣется, что эти вычисленія сдѣланы безъ всякихъ притязаній на точность. Но, въ то же время, нѣтъ сомнѣнія, что хотя сроки этихъ перемѣнъ очень неопредѣленны, но рано или поздно должны произойти въ слѣдствіе существованія упругой стихіи. Какъ скоро есть замедлительная сила, дѣйствующая постоянно, при всей маломочности она погубитъ наконецъ небесное движеніе. Пусть пройдутъ милліоны лѣтъ прежде нежели замедленіе въ ходѣ Земли

произведетъ примѣтное дѣйствіе въ видимомъ движеніи солнца, все-таки наступитъ день, — если Провидѣніе, создавшее нашу систему, продлитъ до тѣхъ поръ ея существованіе, — наступитъ день, въ который эта причина совсѣмъ измѣнитъ долготу нашего года и порядокъ его временъ, а наконецъ и остановитъ движеніе Земли около солнца. Малость сопротивленія какъ ни предположимъ его ничтожнымъ, отнюдь не даетъ еще намъ повода отвергать эту достовѣрность. Есть препятствующая стихія, и слѣдовательно движенія солнечной системы не вѣчны! Съ той минуты, какъ бытіе такой жидкости дознано, вѣчность движенія планетъ становится такъ же невозможна, какъ и perpetuum mobile на землѣ.» *Стр. 197—200.*

И такъ, изъ открытія упругаго посредства, наполняющаго собою просторъ вселенной, выводится не только, что комета Энке наконецъ погибнетъ, но что и Меркурій, Венера, Земля, — всѣ планеты одна за другою повергнутся въ солнце, и исчезнутъ съ лица вселенной. До истины этого довода не касается то обстоятельство, что для естественнаго достиженія къ этимъ событіямъ потребны милліоны лѣтъ, —періодъ, для насъ невообразимый, хотя едва ли не равный часу нашего времени для Существа, управляющаго вѣчностью: да и что за необходимость намъ воображать его! Способности наши приноровлены къ цѣлямъ краткаго существованія на особой планетѣ. Даже шары вселенной, подобные нашему, и только требующіе для своихъ оборотовъ десятковъ нашихъ столѣтій, въ правѣ почитать насъ эфемерными, или, лучше мгновенными созданіями. Въ состояніи ли мы перечесть предметы, которые микроскопъ открываетъ нашему взору? Успѣли ли сосчитать звѣзды, наблюдавъ ихъ около четырехъ тысячъ лѣтъ? Гдѣ жъ намъ вычислить, сколько лѣтъ остается прожить солнечной системѣ? Но трудность или, лучше, невозможность этого для насъ отнюдь не нарушаетъ достовѣрности открытія, которое показа-

ло, что хотя и далекъ, но, безъ-сомнѣнія, опредѣленъ тотъ часъ, когда солнечная система лишится своего бытія. Слѣдствіе прямое: она не вѣчна, — и должна погибнуть! Имѣя конецъ, она долженствовала имѣть начало. Было время, когда ея не было. Слѣдственно, она необходимо сотворена какимъ-то могуществомъ, которому такой необъятный трудъ по силамъ, — могуществомъ, во всемъ безпредѣльнымъ, — и мы опять возвращаемся, прямымъ путемъ, къ бытію Всемогущаго Создателя, для котораго наши милліоны лѣтъ, вычисленные по оборотамъ около солнца, суть даже не часы, не ожиданія, а только слѣдствія вѣчно изреченнаго закона.

« Мы иногда сравниваемъ преходящій удѣлъ человѣка съ долговѣчностью лѣсовъ, горъ, морей, — съ неизмѣнностію солнечнаго круга. Но эта противоположность — призракъ воображенія: тутъ все различіе въ степени. Дерево, проживъ столѣтія, умираетъ; горы рушатся и измѣняются, а быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ переворотахъ Природы и погибаютъ; море убываетъ, и берегъ перестаетъ оглашаться вѣчнымъ стономъ океана. Подобныя мысли толпились уже въ умѣ геологовъ, а теперь видно, — что и небесныя движенія подвержены всеобщему закону смерти, — что не на однихъ горахъ и утесахъ, но и на солнцѣ и на лунѣ вырѣзанъ приговоръ: «быть концу!» — что и они не пользуются ни какими преимуществами передъ человѣкомъ, а одной льготою дальнѣйшей отсрочки. Поденка гибнетъ въ одинъ часъ, человѣкъ живетъ лѣтъ семьдесятъ. Царство или народъ насчитываетъ вѣки, быть-можетъ, тысячелѣтія; материки и острова, ему подвластные, имѣютъ свою эпоху подобно тѣмъ, которые имъ предшествовали; и самый ходъ свѣтилъ небесныхъ, которымъ измѣряются столѣтія, наконецъ замедлится и станетъ.» *Вевель, стр. 202, 203.*

Эти мысли ведутъ насъ къ заключенію, что области вселенной, которой мы составляемъ участокъ, предстоитъ еще длинный рядъ вѣковъ, прежде нежели, по обыкновенному ходу вещей, она должна

будетъ погибнуть. Даже и въ отношеніи къ Меркурію, дѣйствіе эѳира еще не произвело ни какой примѣтной для насъ перемѣны. И такъ мы можемъ быть увѣрены, что вліяніе этого посредства, даже въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, очень маловажно; можемъ также надѣяться, что Создатель, творя по собственнымъ законамъ, дозволитъ имъ сохранить свое дѣйствіе, и совершить предназначенное безъ всякаго перерыва. Слѣдовательно, шаръ нашъ долженъ быть еще въ пеленахъ, и человѣкъ — сущій младенецъ опытомъ. Мы не можемъ и предугадывать дальнѣйшихъ и высшихъ усовершенствованій въ Наукахъ и Искусствахъ, въ гражданской образованности и особенно въ Религіи, которыя еще могутъ открыться человѣку на новыхъ, предстоящихъ ему ступеняхъ бытія. Должно предполагать, что если не ближе, то по крайней мѣрѣ черезъ сто тысячъ лѣтъ, Христіанское ученіе и воспитаніе сдѣлаются всеобщими на Землѣ. Поколѣнія этихъ временъ будутъ видѣть въ нашихъ періодъ мрака и варварства. Война, быть-можетъ, будетъ имъ неизвѣстна. Всѣ необходимыя статьи Законодательства и Экономіи вполнѣ будутъ обработаны. Сообщенія между всѣми народами облегчатся до такой степени, какой только можетъ достигнуть умъ въ своихъ изобрѣтеніяхъ. Новыя Царства возрастутъ, и, — почему знать! — новые материки возникнутъ изъ лона водъ, а умъ и знаніе постоянно будутъ друзьями, а не врагами Вѣры.

Едва ли есть какое-нибудь обстоятельство, сопряженное съ нашимъ бытіемъ, которое не представляло бы намъ обильныхъ свидѣтельствъ Мудрости и Благости, управляющихъ вселенною, когда разсмотримъ его со вниманіемъ. Стоитъ только взрыть землю у ногъ своихъ, и мы найдемъ безчисленное множество сѣмянъ, полезныхъ для человѣка. Стоитъ посмо-

трѣть вокругъ себя на поверхность земли, и увидимъ, что вездѣ кишитъ бездна животныхъ, служащихъ намъ не только для пищи, но и для удобства, для забавы. И море, и воздухъ населены къ нашимъ услугамъ, и чѣмъ глубже изслѣдываемъ законы, которыми управляется вся система растительной и животной жизни, тѣмъ яснѣе видимъ ихъ полное и исключительное приноровленіе къ той планетѣ, на которой они совершаютъ свое дѣяніе.

Такъ, во внутреннихъ отправленіяхъ растеній мы усматриваемъ полный кругъ, точно соотвѣтствующій нашему году. Напримѣръ, большая часть нашихъ плодовыхъ деревъ ждутъ весны, чтобъ въ нихъ поднялся сокъ, лѣта и осени, чтобъ созрѣли плоды, и наконецъ зимы для укрѣпленія новаго слоя дерева, который передъ тѣмъ образовался. Пусть Земля будетъ на мѣстѣ Венеры: тогда годъ ея превратится въ семимѣсячный, и отъ этой перемѣны весь нашъ растительный міръ прійдетъ въ смятеніе. Дерево, одѣвшись листьями, цвѣтомъ, и зачавъ плодъ, вдругъ будетъ истреблено наступившею, вмѣсто осени, зимою. Пусть Земля удалится къ орбитѣ Марса, годъ ея былъ бы тогда въ двадцать три мѣсяца. Шестимѣсячная весна или лѣто могутъ быть очень хороши для растительной жизни на Марсѣ, но на Землѣ они были бы пагубны. Если бъ пшеничный колосъ выстоялъ шесть мѣсяцевъ на лѣтнемъ солнцѣ, зерно его превратилось бы въ мякину. Если бъ онъ пробылъ зеленъ цѣлую такую весну, ему бы ввѣкъ не созрѣть. Или растенія наши приноровлены къ году, или годъ къ нимъ: въ обоихъ случаяхъ видѣнъ законъ обоюднаго приспособленія, доказывающій необходимость преднамѣренія.

Подобное замѣчаніе прилагается и къ долготѣ нашего дня. Множество цвѣтовъ, каковы денная лилія, обыкновенные одуванчики, ноготки и другіе,

открываются и закрываются въ извѣстные часы, какъ то могъ замѣтить всякой, кто обращаетъ вниманіе на цвѣточный міръ. Если бъ день былъ значительно продленъ или сокращенъ, приспособленныя къ часовому дѣйствію пружины этихъ созданій потребовали бы совершенно другаго устройства, чтобъ согласоваться съ новымъ порядкомъ восхожденія и заката солнца. Ночь – время успокоенія для человѣка и для всѣхъ почти животныхъ: если бъ сутки были въ сорокъ восемь часовъ, настоящія его силы не дозволили бъ ему трудиться двадцать четыре часа, даже и съ отдыхами, къ которымъ привыкъ онъ теперь, и въ двадцати-четырехъ-часовой ночи онъ подобнымъ же образомъ не могъ бы спать долѣе восьми или, по большей мѣрѣ, десяти часовъ, оставаясь остальное время въ темнотѣ, безъ дѣйствія и безъ средствъ къ пропитанію. Онъ не могъ бы воспользоваться имъ ни для умственнаго, ни для тѣлеснаго занятія. Вотъ другое явное доказательство преднамѣренія: или отправленія животнаго бытія приноровлены къ періоду оборота Земли около ея оси, или этотъ оборотъ къ отправленіямъ.

Сила тяготѣнія, въ области, находящейся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Земли, зависитъ отъ количества земной массы; а эта масса, какъ мы видѣли, есть одна изъ стихій солнечной системы. Хотя бы шаръ нашъ былъ величиною съ Юпитера или Сатурна, съ Палладу или Цереру, повидимому, не произошло бы отъ этого ни какого безпорядка въ общемъ движеніи системы, къ которой онъ принадлежитъ. Но будь земля съ Юпитера, степень тяготѣнія, то есть, сила притягающая все къ одному центру, къ внутреннему зародышу ея шара, до того бы возвысилась, что сокъ не могъ бы подниматься въ деревьяхъ, и жизненныя движенія всѣхъ на-

нихъ растеній совершенно бы остановились. Тутъ можно видѣть чудесное соотношеніе между толщею Земнаго Шара и распукольками подсѣжника. Далѣе: всякое значительное увеличеніе силы тяготѣнія противъ настоящей ея степени уничтожило бы мышечныя отправленія всѣхъ нашихъ животныхъ. Лапа почти такъ же была бы тяжела на ногу, какъ слонъ; заяцъ тянулся бы подобно лѣнивцу, тигръ утратилъ бы способность кидаться на свою добычу, и самъ человѣкъ, ползая съ тяжкимъ трудомъ на четвереинькахъ, упалъ бы до степени четвероногаго. Онъ едва бы могъ дышать отъ сгущенія нижнихъ слоевъ атмосферы; срубить дерево стоило бъ ему жизни; онъ бы не въ силахъ былъ водить плугъ, вырыть колодезь, поднять камень отъ поверхности такого шара, какъ Юпитеръ, для строенія мостовъ и храмовъ, которые, если подобныя зданія есть на Юпитерѣ, должны быть въ циклопскихъ размѣрахъ, чтобъ выдерживать наводненія и бури этой планеты. Ему не прожить тамъ дня, ежели сложеніе его не укрѣпится дополнительными мышцами, не обогатится прибавочными струями жизненнаго потока съ новыми путями для ихъ обращенія, и добрымъ запасомъ легкихъ, соразмѣрнымъ съ его могучимъ строеніемъ. Легкость, съ какою всѣ наши животныя, отъ слона до бѣлки, совершаютъ свои движенія, и проходятъ начертанный имъ кругъ бытія, показываетъ, что величина ихъ, члены, мышцы и самомалѣйшія орудія, служащія къ поддержанію ихъ жизни, приспособлены съ мелочною точностію къ силѣ тяготѣнія, которая дѣйствуетъ на нихъ изъ нѣдръ земной толщи. То же и съ человѣкомъ. На всемъ пространствѣ нашей планеты онъ въ точной соразмѣрности съ ея величиною: Всемогущій, такъ сказать, взялъ его, при сотвореніи, въ одну руку, а землю въ другую, и уравновѣсилъ ихъ между собою.

*

Удивительная правильность, съ какою Земля проходитъ свою орбиту, есть уже громкое доказательство божественнаго совершенства, проявленнаго въ начертаніи этой огромной орбиты. Десять дней, три недѣли, мѣсяцъ разницы въ долготѣ нашего года, подорвали бы трудъ земледѣльца, и сбили съ толку всякую хронологическую попытку. Исторія минувшихъ поколѣній была бы хаосомъ; предварительныя вычисленія астрономическихъ феноменовъ и все сопряженное съ временемъ — пустыми грѣзами. Мы не могли бъ имѣть ни годовъ, ни мѣсяцевъ, а имѣли бы только рядъ дней, которыхъ бы и назвать не умѣли, — и весь нашъ нынѣшній житейскій бытъ перепутался бы до безконечности. Ловкость, — если можно употребить здѣсь это выраженіе, — легкость, съ которою земля держится своей стези въ пространствѣ, минуя всѣ многочисленныя кометы, безпрестанно блуждающія во вселенной по всевозможнымъ направленіямъ, оплетающія путь ея своими орбитами, движущіяся съ неимовѣрною быстротою, есть слѣдствіе предусмотрительности, долженствовавшей быть въ то время, когда еще ни одна изъ этихъ огромныхъ толщъ не катилась въ пространствѣ. Комета 1680 года влекла за собою хвостъ, превосходившій длиною весь промежутокъ, которымъ солнце отдѣляется отъ земли; хвостъ кометы 1769 года былъ въ девяносто милліоновъ верстъ, а хвостъ большой кометы 1811 года въ пятьдесятъ четыре милліона. Орбита маленькой кометы, названной именемъ Г. Бѣлы, Іозефштатскаго астронома, по замѣчательному стеченію обстоятельствъ, почти пересѣкаетъ земную, и всѣмъ извѣстно, что если бъ, во время прохожденія этой кометы въ 1832 году, Земля была только на мѣсяцъ впереди отъ тогдашняго своего мѣста, онѣ бы непремѣнно встрѣтились. Комета Бѣлы очень мала: будучи притомъ,

подобно Энковой, почти не плотнѣе облака, она не могла произвести ни какого дѣйствія на земную орбиту. Но весьма вѣроятно, что, столкновеніемъ своимъ, она разстроила бы составныя части нашей атмосферы, сдѣлала бы ее негодною для поддержанія животнаго бытія, и чрезвычайно усилила бы заразу, посѣтившую въ тотъ несчастный годъ столько народовъ. *

Средняя глубина моря, по мнѣнію Лапласа, отъ шести до семи верстъ. Если бъ существующія воды умножились четвертою долею, онѣ потопили бы всю землю, за исключеніемъ нѣкоторыхъ высокихъ горъ. Если бы объемъ Океана увеличился только восьмою долею, значительныя части нынѣшнихъ материковъ были бы залиты, и времена года измѣнились бы на всемъ пространствѣ Земнаго Шара. Испареніе усилилось бы до такой степени, что непрестанными дождями оно истребило бъ хлѣба, плоды и цвѣты, и поставило бы вверхъ дномъ все хозяйство Природы. Можетъ-быть, въ цѣлой системѣ нашей нѣтъ ничего прекраснѣе того процесса, которымъ поля орошаются съ неба, рѣки получаютъ пищу съ горъ, и Океанъ удерживается въ предѣлахъ, за которые не можетъ перейти, доколѣ процессъ будетъ продолжаться на нынѣшнемъ основаніи. Пары, поднимаемые солнцемъ съ моря, плаваютъ въ атмосферѣ, когда они легче ея; сгущенные, они падаютъ на землю въ видѣ воды, или, притянутые

* Мы позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь одно сближеніе: за нѣсколько мѣсяцевъ до полученія у насъ этой превосходной статьи, сочиненной, какъ увѣряютъ, по запискамъ Г. Гершеля, который отправился на Мысъ Доброй Надежды для астрономическихъ наблюденій, та же самая мысль о приливѣ новыхъ газовъ къ нашему воздуху отъ присоединенія къ земной толщѣ кометныхъ массъ, объ измѣненіи прежняго его состава и началѣ болѣзненности въ атмосферѣ, была изложена у насъ въ видѣ литературной шутки, въ Фантастическомъ Путешествіи на Медвѣжій Островъ, Барона Брамбеуса.

горами, скопляются на ихъ вершинахъ, разрѣшаются въ жидкость, и безпрестанно наполняютъ протоки, которыми всѣ горы снабжены снаружи или внутри. Этими протоками жидкость бѣжитъ въ рѣки, текущія по лицу земли, и въ родники, сокрытые глубоко въ ея нѣдрахъ, и предназначенные доставлять человѣку чистѣйшую стихію. Если бъ теперь случилось, что море значительно убыло: тогда Амазонская Рѣка и Миссисипи, эти внутреннія текущія моря Западнаго Свѣта, вдругъ превратились бы въ ручейки; ручьи совершенно исчезли бы; атмосфера лишилась бы надлежащей степени влажности; вся Природа одѣлась бы печалію: птица опуститъ крылья, низшія животныя погибнутъ на изсохшей почвѣ, и самъ человѣкъ зачахнетъ, наравнѣ съ тощею травою подъ его ногами. Да! тотъ долженъ быть слѣпъ совершенно, или, по крайней мѣмѣ, не умнѣе обезьяны, кто, бывъ одаренъ человѣческими средствами къ соображенію, осмѣлится сказать, или даже подумать, что пружины, посредствомъ которыхъ, въ теченіе вѣковъ, постоянно происходитъ на землѣ процессъ испаренія и сгущенія, не являютъ ни какихъ слѣдовъ божественнаго знанія, могущества, и особенно благости къ безчисленнымъ тварямъ, существующимъ и пользующимся счастіемъ бытія единственно отъ того обстоятельства, что воды Океана, земля и воздухъ неизмѣнно сохраняютъ настоящее содержаніе свое другъ къ другу.

Взглянемъ мимоходомъ на сумму богатствъ, которыми этотъ процессъ надѣляетъ ежегодно родъ человѣческій, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ люди, выполняя первое условіе благосостоянія, положенное Создателемъ, усердно старались воздѣлать землю. Франція, кишащая народомъ земледѣльцевъ, чуждая однако многихъ новѣйшихъ улучшеній, доведенныхъ

до такого совершенства въ Англіи и Бельгіи, производитъ ежегодно, среднимъ числомъ, около двадцати шести милліоновъ четвертей пшеницы, до тридцати девяти милліоновъ другаго зерна, и до семидесяти двухъ милліоновъ картофелю и каштановъ, — всего, по умѣреннымъ цѣнамъ, на тысячу милліоновъ рублей, кромѣ богатствъ, пріобрѣтаемыхъ ею на оливахъ и винѣ. Всякаго рода зерно, рогатый скотъ, овцы, кожи, шерсть, масло, сыръ и живность, ежегодно производимые Англіею, оцѣнены въ двѣсти двадцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (4500 милліоновъ руб.). Одинъ Французскій писатель, * котораго тщательно обработанныя таблицы хотя и не всегда точны, но по большей части близки къ истинѣ, полагалъ, что въ Англіи среднимъ числомъ овецъ сорокъ два милліона, рогатаго скота десять милліоновъ, и милліонъ восемьсотъ тысячъ лошадей. Вычислено, что шерсть, снимаемая въ годъ съ Англійскихъ овецъ, — по восемнадцати пенсовъ за фунтъ, — составила бы болѣе восьми милліоновъ стерлинговъ (2,000,000 руб.). Если возьмемъ въ соображеніе, что вина Франціи не что иное какъ пары, вытянутые солнцемъ изъ моря, возвратившіеся на землю посредствомъ облаковъ и горъ, высосанные изъ нея виноградными лозами и растекшіеся по пурпуровымъ гроздамъ, которые, созрѣвъ, клонятся къ землѣ отъ тяжести, то сей-часъ увидимъ, что всякое существенное разстройство того процесса, о которомъ говорили мы выше, превратило бы всѣ виноградники Франціи въ хворостъ, годный только въ огонь. Помощію того же процесса, можно, при нѣкоторомъ уходѣ, размножить одно пшеничное зерно до четырехъ или пяти тысячъ. Въ Philosophical Transactions (1768, стр. 205) приведенъ любопытный примѣръ, что со-

* Г. Дюпенъ.

рокъ семь фунтовъ пшеницы дѣйствительно получены были изъ одного зерна. Подобнымъ образомъ, шерсть, молоко и мясо не что иное, какъ трава и хлѣбъ, превращенные въ вещество этого вида дѣятельностью животнаго тѣла, которая бы прекратилась, если бъ только половина морскихъ водъ ушла въ подземелья. Умъ подавляется сознаніемъ необъятнаго могущества вездѣсущаго и заботливаго обо всемъ Провидѣнія, когда вообразишь, что въ эту самую минуту живетъ на землѣ около тысячи милліоновъ людей, ожидающихъ насущнаго хлѣба отъ паровъ Океана, которые всегда поднимались дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, и не перестаютъ подниматься въ такихъ именно количествахъ, какія нужны для потребностей цѣлой этой массы человѣческихъ жизней, и сообразно съ временами года!

Атмосфера, которой не видимъ глазами, но которую ощущаемъ, густоту которой до извѣстной вышины можемъ измѣрить, которой чистота необходима для существованія, которой упругое давленіе на легкія и на все тѣло поддерживаетъ человѣка въ благородномъ положеніи, съ подъятою къ небу головою, и внушаетъ ему искать *тамъ* вѣчнаго жилища, эта атмосфера, которая есть ни водяное, ни земное испареніе, а особая жидкость, налитая на планету и постоянно сопровождающая ее на пути около солнца, — неужели она даръ одной случайности? Предположимъ, что нѣтъ атмосферы, и что мы могли бъ существовать безъ нея: тогда за одинъ шагъ не услышимъ мы сильнѣйшей пушечной пальбы, лишимся музыки волнъ морскихъ и пѣсни лѣсовъ, внетатлѣній искусственнаго сочетанія пріятныхъ звуковъ, и даже выгодъ очаровательной прелести голоса человѣческаго. Мы могли бы сообщать другъ другу свои нужды и чувствованія знаками и тѣлодвиженіями, но языкъ былъ бы обреченъ невольному молчанію.

Людскія племена бродили бъ по землѣ дикими толпами, неспособными къ образованности, и знали бы только такія искусства, которыя помогаютъ истреблять другъ друга. Безъ существованія звуковъ языка, не существовали бъ письмена, то есть, знаки, изображающіе звукъ. И такъ, безъ атмосферы у насъ не было бы ни изустныхъ, ни письменныхъ преданій о вѣкахъ минувшихъ. Каждому поколѣнію пришлось бы полагаться только на собственную опытность, и нынѣшнія поколѣнія не были бъ умнѣе допотопныхъ. Не было бъ ни книгопечатанія, ни Математики, ни Астрономіи, ни Словесности, ни пароходовъ, ни чугунныхъ дорогъ, ни фабрикъ. Одѣтые въ кожи дикихъ звѣрей, мы укрывались бы въ горахъ и чащѣ лѣсовъ; мы были бы неспособны сохранить Откровеніе, а собственнымъ разумомъ никогда бъ не постигли той степени, которую занимаемъ въ мірѣ. Пусть кто-хочетъ разсмотритъ ухо себѣ подобнаго человѣка или какого-нибудь животнаго, и потомъ скажетъ, — не дивно ли оно устроено къ принятію звука, который можетъ распространяться только посредствомъ атмосферы? Какъ же тутъ сомнѣваться, что ухо создано для атмосферы, а атмосфера для уха? Но кѣмъ? Когда Эпикуръ впервые прочелъ съ учителемъ стихи Гезіода: «Сначала возникъ хаосъ, древнѣйшее изъ «существъ; отъ него родилась пространная земля, твердое жилище всѣхъ Безсмертныхъ» — по свойственной ему пытливости, онъ такъ же спросилъ: а откуда Хаосъ? Въ зрѣлыхъ лѣтахъ философъ удовольствовался мыслію, что Хаосъ произошелъ отъ случайнаго столкновенія атомовъ, и совсѣмъ позабылъ оставить намъ отвѣтъ на вопросъ, — откуда жъ атомы?

Атмосфера, при всей огромности своего объема, ибо она окружаетъ Землю со всѣхъ сторонъ на шесть-

десять или болѣе верстъ въ вышину, ни въ чемъ никогда намъ не мѣшаетъ. Мы оттѣсняемъ ее, поднимая руку, и упругая жидкость тотчасъ опять занимаетъ свое мѣсто. Она разливаетъ и умѣряетъ теплоту въ разныхъ климатахъ, течетъ отъ полюса къ экватору, поддерживаетъ облака въ ихъ расширенномъ состояніи, передвигаетъ ихъ съ одного мѣста въ другое, и такимъ образомъ уравниваетъ распредѣленіе водъ по всей земной поверхности; сверхъ того, она непосредственно участвуетъ въ образованіи и направленіи вѣтра, который постоянно дѣйствуетъ для водворенія равновѣсія плодотворной теплоты и влаги. Намъ ужѐ извѣстно, что, безъ атмосферы, ухо было бы безполезно. Безъ нея и глазъ не имѣлъ бы полной дѣятельности: мы видѣли бъ только предметы, на которые солнечные лучи падаютъ или прямо, или чрезъ отраженіе, то есть, ослѣпляя насъ блескомъ въ обоихъ случаяхъ. Атмосфера, своею преломляющей силою, распредѣляетъ свѣтъ солнечныхъ лучей, какъ бы расправляя ихъ въ золотистую жидкость, и закрашивая то пространство, въ которомъ мы живемъ и движемся, — степенью освѣщенія, дивно размѣренною по чувствительности нѣжнѣйшаго изъ нашихъ органовъ. Такъ, мы усматриваемъ неразрывную связь между атмосферою, ухомъ, зрѣніемъ, и всѣми удобствами и утонченностями, которыя звукъ и свѣтъ распространяютъ въ обществѣ. Подобныя соотношенія, при чрезвычайной простотѣ ихъ механизма, такъ явно обличаютъ присутствіе разумнаго и благодѣтельнаго Могущества, что, не заткнувъ ушей отъ звука и не зажмуривъ глазъ отъ свѣта, не можемъ усомниться ни въ бытіи этого могущества, ни въ его божественности.

Какъ многоразличны земные климаты, и однако жъ какъ каждый изъ нихъ однообразенъ въ своей температурѣ, не смотря на то, что мы ежегодно

описываемъ въ пространствѣ вселенной кругъ, котораго поперечникъ слишкомъ въ двѣсти восемьдесятъ милліоновъ верстъ! Въ каждомъ климатѣ находимъ мы породы животныхъ и растеній, изъ которыхъ многія не могутъ водиться въ другомъ мѣстѣ. Хотя, по видимому, дожди, вѣтры и морозы очень неправильны, однако жъ среднія показанія погоды и годовыхъ перемѣнъ замѣчательно постоянны. Очень жаркія лѣта или очень холодныя зимы весьма незначительно возвышаютъ или понижаютъ среднюю годовую пропорцію температуры, какого бы то ни было климата *. Наблюденія доказали, что составъ растеній и свойство многихъ животныхъ исключительно приноровлены къ тому климату, гдѣ назначено имъ водиться. Напримѣръ: прозябеніе, цвѣтущее въ томъ мѣстѣ, гдѣ средняя температура десять градусовъ Реомюра, засохнетъ при девяти. Если бъ средняя температура возвысилась или понизилась у насъ на одинъ градусъ, нашъ растительный міръ погибъ бы, а въ послѣдствіи его замѣнили бъ другіе роды, соотвѣтственные новому климату. Житель тропическихъ странъ, гдѣ средняя температура двадцать два градуса Реомюра, едва повѣрилъ бы, что растительная жизнь можетъ существовать въ климатѣ, каковъ нашъ. Мы то же самое думаемъ о полярныхъ странахъ. И онъ, и мы въ заблужденіи: попечительность благаго Провидѣнія не ограничивается ни какимъ климатомъ.

«На экваторѣ находимъ мы растительныхъ уроженцевъ Молуккскихъ острововъ, — гвоздичное и мушкатное дерево, перецъ и мушкатный цвѣтъ. Коричные кусты одѣваютъ поверхность Цейлона; благовонный сандалъ, черное дерево,

* Не смотря на непостоянство Петербургскаго климата, средняя температура года въ нашей столицѣ всегда одинакова, — около 2 $^3/_4$ град. по Реомюру; среднее давленіе воздуха на барометръ около 28 $^1/_2$ дюймовъ, и среднее количество безвѣтреннаго времени въ году, $^1/_4$

баньянъ растутъ въ Остъ-Индіи. Въ тѣхъ же широтахъ, въ Счастливой Аравіи, видимъ бальзамъ, ладанъ, мирру, кофейное дерево и тамаринъ. Но въ тѣхъ странахъ, по крайней мѣрѣ на равнинахъ, нѣтъ деревъ и кустовъ, которыми украшаются наши сѣверные климаты. И когда пойдемъ далѣе на сѣверъ, то сборище растеній съ каждымъ шагомъ измѣняется, вмѣстѣ и прибывая и убывая. Въ лѣсахъ къ западу отъ Каспійскаго моря, встрѣчаемъ мы абрикосъ, лимонъ, персикъ, орѣхъ. Въ той-же широтѣ, въ Испаніи, Сициліи и Италіи, находимъ малорослую сливу, кипарисъ, каштанъ, пробковое дерево; тамъ цвѣтутъ апельсинныя и лимонныя деревья, наполняя воздухъ благоуханіемъ; мирта и гранатъ растутъ дико, между утесами. Перейдемъ за Альпы: вотъ растенія, принадлежащія сѣверной Европѣ! Тутъ дубъ, букъ и вязъ — туземцы. Если пойдемъ еще далѣе на сѣверъ, составъ лѣсовъ опять измѣняется. Въ сѣверныхъ областяхъ Россійской Имперіи есть цѣлые лѣса разнаго рода сосенъ, Шотландская сосна, листвяница, и прочая. На Оркнейскихъ Островахъ нѣтъ другаго дерева, кромѣ орѣшника, попадающагося и на сѣверныхъ берегахъ Балтійскаго моря. И въ хладнѣйшихъ странахъ мы все еще находимъ такія прозябенія, которыя какъ бы нарочно созданы для этихъ мѣстъ. Сѣдой или снѣжный самбукъ показывается къ сѣверу отъ Стокгольма; дикая смоковница и горный ясень сопровождаютъ насъ до верховья Ботническаго залива; а когда отсюда двинемся чрезъ Дофрефильды, то минуемъ одинъ за другимъ предѣлы разнаго рода сосенъ и тѣхъ мелкихъ кустовъ, которые извѣстны у ботаниковъ подъ именемъ малорослой березы и малорослой ивы. Здѣсь у арктическаго круга, или даже за нимъ, находимъ еще прекрасные самородные цвѣты, — дикій лавръ, желтую и бѣлую лилію, а гдѣ и это исчезаетъ, тамъ еще оленій мохъ поддерживаетъ бытіе животныхъ и человѣка.» *Вевель, стр. 64 – 66.*

Есть также предѣлы прозябенію хлѣба, винограда и оливъ. Пшеница идетъ полосами отъ Англіи до Тибета; — она не родится ни въ полярныхъ странахъ, ни между тропиковъ, развѣ по мѣстамъ, зна-

чительно возвышеннымъ надъ поверхностью моря. Температура, потребная для успѣшнаго разведенія винограда, должна быть среднимъ числомъ не ниже восьми, и немногимъ выше тринадцати градусовъ Реомюра, хотя въ теплыхъ климатахъ избытокъ жара поправляется возвышенностью мѣста. Кукуруза и оливы всего лучше растутъ во Франціи, Италіи и Испаніи. Съ рисомъ встрѣчаемся мы въ первый разъ къ западу отъ Милана; онъ простирается по сѣвернымъ областямъ Персіи и по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ Южной Азіи, гдѣ есть удобства къ орошенію. Просо одинъ изъ главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Африкѣ. Хлопчатая бумага разводится въ Новомъ Свѣтѣ только до 40° широты, а въ Старомъ до 46°, такъ, что она есть и въ Астрахани. Должно почитать исключеніями сахарный тростникъ, индиговое дерево и шелковицу, которые, бывъ уроженцами Индіи и Китая, попали на благопріятный для себя климатъ въ Вестъ-Индіи и Южной Америкѣ. Чайное дерево, по-видимому, не расположено плодиться внѣ Китая, хотя у Юго-Американскихъ Индѣйцевъ и есть нѣчто похожее. Кассава (маніокъ), хлѣбное дерево, саго, капустное дерево, — родъ пальмы, какъ и саго, — всѣ, кажется, исключительно подарены тѣмъ островамъ, гдѣ они такъ роскошно произрастаютъ. Кто, подумавъ о безконечномъ разнообразіи естественныхъ богатствъ, и о приспособленіи каждаго ихъ рода къ своему климату, не убѣдится, что подлинно, съ самаго начала существованія жизни въ Земномъ Шарѣ, нѣкая таинственная рука разбросала сѣмена ихъ такимъ образомъ по планетѣ съ преднамѣреніемъ, возбудить и поддерживать въ ея жителяхъ склонность къ торговому и дружественному сообщенію, которое въ самомъ дѣлѣ тотчасъ и установилось между поселенцами странъ, самыхъ отдаленныхъ!

Новѣйшими геологическими изслѣдованіями обнаружены необыкновенные допотопные наносы, которые сильно подтверждаютъ библейскій разсказъ о порядкѣ сотворенія на Землѣ. Между этими осадками древняго бытія и древняго времени не отыскано ни единаго слѣда человѣка или дѣла рукъ его. Нѣдра земли, взрытой великими переворотами Природы, преимущественно состоятъ изъ остатковъ животныхъ, которые кажутся намъ отвратительными единственно потому, что мы къ нимъ не привыкли, и что давно уже это племя исчезло съ лица органической жизни. Нѣкоторыя изъ нихъ родъ ящерицъ, другія ни ящерицы, ни рыбы. Ихъ находятъ иногда въ тростникѣ и въ травѣ, исполинскихъ размѣровъ, вмѣстѣ съ черепокожными, какъ напримѣръ, аммонитами и корабликами, которые были чрезвычайно неуклюжи въ сравненіи съ нынѣшними. Стоитъ только взглянуть на образчики этихъ животныхъ: безчисленные ихъ остовы, иногда прекрасно сохраненные, исторгнуты мощными руками Науки изъ внутренности планеты, и перенесены въ Музеи всѣхъ почти Европейскихъ столицъ: они попеременно долженствовали жить въ мелководьяхъ, въ морскихъ рукавахъ или большихъ озерахъ; на поверхности земли не было, въ ихъ время, ни горъ, ни утесовъ, а всякая гладь была покрыта пасмурною и туманною атмосферою. « Дѣйствительно, прибавляетъ Г. Белль: по всему должно полагать, что классы млекопитающихъ и птицъ еще не были тогда сотворены. »

Эти заключенія, подтверждаемыя органическими тѣлами, найденными въ допотопныхъ наносахъ, совершенно согласуются съ сказаніемъ Книги Бытія. Прежде повелѣно было водамъ: «да изведутъ гады душъ живыхъ.» Потомъ созданы были птицы; далѣе земнородныя; наконецъ, человѣкъ, который, по

единогласному мнѣнію всѣхъ геологовъ, самый недавній жилецъ Земли, въ сравненіи съ прочими породами животнаго царства.

«Мы уже намѣкали, замѣчаетъ Г. Белль, на открытіе геологовъ, что въ напластованіи горныхъ породъ очевидна правильная послѣдовательность образованія земнаго черепа, и что въ нихъ погребены и сохраняются животныя чрезвычайно различнаго строенія. Въ пластахъ, ранѣе образовавшихся, лежатъ животныя, такъ сказать, низкаго разряда; въ новѣйшихъ слояхъ открываются яйцеродныя огромной величины и сложнѣйшаго состава; поверхъ грядъ, которыя содержатъ въ себѣ этихъ яйцеродныхъ пресмыкающихся, видимъ млекопитающихъ, а еще выше, въ рыхлѣйшемъ пластѣ, находятся кости мастодоновъ, мегатеріоновъ, носороговъ и слоновъ. Всѣ согласны въ томъ, что человѣкъ сотворенъ послѣдній.» *Стр. 34.*

Эти величественныя летины даютъ намъ полное право заключать, что *дни* сотворенія далеко превосходили наши вѣки, или лучше, что это были эпохи, изъ которыхъ въ каждой, быть-можетъ, заключалось болѣе тысячи лѣтъ. Число этихъ эпохъ образованія земной жизни, оставившихъ послѣ себя толстые осады на ядрѣ планеты, соотвѣтствуетъ числу дней созданія, и Наука, недавно еще невѣрившая вдохновеннымъ преданіямъ, нынѣ сама явно свидѣтельствуетъ о неземномъ происхожденіи Моисеева показанія: могъ ли человѣкъ, однимъ своимъ воображеніемъ, отгадать въ такое отдаленное время то, на что требовалось почти четырехъ тысячъ лѣтъ совокупнымъ способностямъ рода человѣческаго, чтобъ открыть, сообразить и постигнуть? Нѣтъ сомнѣнія, что, въ минуту рожденія нашей планеты, законы вещества были уже изречены и приложены хотя къ нѣкоторымъ изъ прочихъ міровъ, наполняющихъ вселенную. По этимъ законамъ, очень сообразны съ безпредѣльнымъ творческимъ могуществомъ сло-

ва Св. Писанія о первобытномъ состояніи земли — «бѣ невидима и неустроена,» — очевидно изображающія хаосъ стихій, которыя постепенно перемѣшались, и слились въ шаръ силою круговращательнаго движенія около солнца.

Требовалось время для образованія ископаемыхъ, драгоцѣнныхъ металловъ, каменнаго угля и другихъ подземныхъ сокровищъ, — полезныхъ, а частію и необходимыхъ для предпріятій человѣка. Земля, послѣ первоначальнаго ея образованія, нѣсколько разъ была, по-видимому, совершенно перелита, прежде нежели содѣлалась его жилищемъ. Мелководья, вязкія логовища ихтіосавра, высокія травы, густые и вредоносные пары, постепенно исчезли. Горы, каково бы ни было ихъ происхожденіе, подняли хребты свои, и способствовали къ очищенію атмосферы; морю назначены, были предѣлы; климаты установлены; наконецъ лѣса, долины и зеленѣющіе луга, въ полномъ своемъ убранствѣ изъ свѣтлыхъ рѣкъ, шумныхъ потоковъ, птицъ и цвѣтовъ, пестрѣющихъ тысячьми оттѣнковъ, соединили всѣ свои прелести въ томъ Раѣ, который воспріялъ первенца нашего рода.

Слѣдя такимъ образомъ постепенный ходъ творенія, можемъ ли мы не видѣть разумнаго Могущества, дѣйствующаго по законамъ, которые и теперь еще въ силѣ? И, въ то-же время, не пробуждаются ли въ насъ высокія понятія о достоинствѣ человѣка даже предъ лицемъ его Создателя, благоволившаго употребить столько вѣковъ на уготовленіе ему жилища, которое, какъ всесильный, однимъ движеніемъ своей воли онъ могъ бы вдругъ привести къ совершенному бытію?.....

Будь человѣкъ просто животною машиною, безъ ума, — и онъ беззащитнѣйшее твореніе на Земномъ Шарѣ. Слонъ обладаетъ такимъ орудіемъ, что мо-

жетъ схватить своего непріятеля, и такою огромною тяжестью, что можетъ стоптать его въ прахъ. Медвѣдь одаренъ такою силою въ мышцахъ, что ему сломать человѣка — какъ намъ разгрызть орѣхъ. Левъ и тигръ въ состояніи броситься на свою добычу, и, пригвоздивъ ее къ землѣ когтями, терзать досыта. Но младенецъ, — какое безпомощное существо! и какъ долго онъ остается въ этомъ состояніи! Юродивый, никогда не имѣвшій разума, и сумасшедшій, который потерялъ его, — какъ жалки, какъ отъ всего зависимы въ сравненіи съ носорогомъ или орломъ. Не смотря на то, человѣку дано было покорить всѣ племена животной Природы своимъ пользамъ, и онъ выполнилъ это предназначеніе посредствомъ руки, совершеннѣйшаго физическаго орудія, какое намъ только извѣстно. Все искусство человѣческое доселѣ не могло поддѣлаться подъ составъ и отправленія руки, или придумать въ ней какое нибудь улучшеніе. Галеново полное огня и краснорѣчивое описаніе человѣческой руки, хотя оно лучшее изъ всѣхъ, древнихъ и новѣйшихъ, едва ли отдало всю справедливость гибкости, нѣжности и силѣ этого чудеснаго орудія. За всѣмъ тѣмъ, она только орудіе — не болѣе, какъ простое орудіе, и отнюдь не была бы такъ сильна и дивна, если бъ не управлялась умственною способностью, которой непосредственно повинуется.

Дѣйствуя на внѣшность съ помощію руки, мы однако жъ не постигаемъ, какъ справедливо замѣтилъ Г. Белль, ни какого отношенія между нею и умомъ. Столько же отлична рука отъ розы, которую она протянулась сорвать, сколько умъ отъ этого органа своихъ произволеній. Конечно, каждый изъ насъ долженъ чувствовать, что пульсъ, бьющійся у кисти, не имѣетъ ни какого сношенія съ нашей волею. Мы можемъ употреблять руку для своихъ нуждъ, но

ся механизмъ, ся жизненность ни сколько отъ насъ не зависятъ. Дѣйствія сердца, обращеніе крови, совершаются по законамъ, которымъ душа не причастна. Намъ не предоставлено заводить свое тѣло, какъ часы, потому, что мы часто забывали бъ завести его: оно живетъ само собою. Разрывъ одного волоконца въ чудесномъ сплетеніи нервовъ, которое связываетъ сочувствіемъ разные органы, причинилъ бы корчи, удушье и смерть. Но въ насъ есть, — и мы его чувствуемъ поминутно, — въ насъ есть что-то, которое безпрерывно заботится о сохраненіи жизни въ тѣлѣ, напоминаетъ ему, что оно должно ее поддерживать, и хлопочетъ о потребностяхъ безсмысленной машины. И такъ, въ насъ два начала жизненности — одно духовное, другое тѣлесное: они совершенно отличны другъ отъ друга, и оба явно созданіе Высшей Мудрости, которая, одаривъ одно изъ нихъ способностію наблюдать дѣйствія другаго, вмѣстѣ научила его постигать тайну безсмертія въ законахъ, предписанныхъ для раскрытія отдѣльнаго ихъ бытія. Планеты движутся вокругъ солнца отъ притягательной его силы; кровь обращается въ тѣлѣ нашемъ безъ всякаго отношенія къ духу. Планеты и самое солнце погибнутъ; кровь перестанетъ обращаться, и прекраснѣйшее произведеніе смертности истлѣетъ въ прахъ, но душа живетъ независимо отъ вещества, какъ вещество отъ духа, и не болѣе потерпитъ въ существѣ своемъ отъ разрушенія тѣла, чѣмъ Сиріусъ отъ уничтоженія всей нашей солнечной системы.

Не только жизненныя отправленія тѣла независимы въ насъ отъ воли, но и каждый органъ, безъ вѣдома и согласія нашего, одаренъ способностями, чудесно приноровленными къ его назначенію, — способностями, которыя результатъ не умственной и не тѣлесной жизни, но особаго законоположенія,

основаннаго на преднамѣреніи, и приспособляющаго средства къ цѣли такимъ образомъ, что они удивительно отъ того совершенствуются. Такъ сердце, на которое любовникъ ссылается, какъ на вмѣстилище пламенныхъ чувствованій, какъ на нѣжнѣйшій органъ всего состава человѣческаго, – можно крѣпко жать рукою, и оно не ощутитъ ни какого прикосновенія. Послѣ славнаго Гарвеева опыта, фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію. У одного молодаго человѣка, въ Англіи, изъ благородной фамиліи Монтгомери, внутренности стали видны необыкновеннымъ образомъ послѣ чирья, причиненнаго ушибомъ на одной сторонѣ живота. Молодой человѣкъ былъ представленъ Карлу I, и Гарвей, просунувъ руку въ отверзтіе, взялся за сердце, и продержалъ его такъ нѣсколько времени, а молодой человѣкъ и не почувствовалъ прикосновенія посторонняго предмета. Это открытіе подтвердилось потомъ другими наблюденіями, и теперь всѣ свѣдущіе въ Медицинѣ признаютъ сердце – безчувственнымъ! Не смотря на то, каждому изъ насъ извѣстно, что на сердце дѣйствуютъ не только душевныя ощущенія, но и всякая перемѣна въ состояніи тѣлесномъ. Здѣсь полное доказательство преднамѣренія. Сердце, безчувственное къ *осязанію*, для котораго, по нутреному своему положенію, отнюдь не предназначалось, живо ощущаетъ каждую перемѣну въ кровообращеніи, и сочувствуетъ, въ строгомъ смыслѣ, со всѣми силами организаціи. Однако жъ, ни въ жизненномъ началѣ, ни тѣмъ менѣе въ физическомъ составѣ сердца, нѣтъ ничего, сообщающаго безчувственность къ осязанію, и чувствительность къ впечатлѣніямъ, самую дѣятельную и утонченную. Какъ жизнь есть одушевленіе, даруемое тѣлу при его образованіи, такъ и эта *пріемчивость* сердца – даръ, которымъ надѣляетъ его Создатель.

Физики, объясняя законы зрѣнія, увѣряютъ, что образъ внѣшняго предмета рисуется на сѣткѣ свѣтовыми лучами, которые, отразившись отъ послѣдняго, преломляются въ глазномъ хрусталикѣ. Но они еще не открыли, какимъ процессомъ присутствіе образа, если онъ подлинно рисуется на сѣткѣ, переходитъ въ мозгъ — и въ умъ. Не вѣдаемъ теперь, и вѣроятно никогда не узнаемъ, какъ вещество одухотворяется въ идею.

«Намъ нечего сказать объ этомъ, замѣчаетъ Г. Белль: исключая, что сотрясенія нервовъ внѣшняго чувства суть знаки, которые Творцу Природы угодно было сдѣлать для насъ средствами сообщенія съ дѣйствительностію. Между чувственнымъ впечатлѣніемъ и возбуждаемою имъ мыслію такое же сходство, какое между звукомъ и понятіемъ, родившимся въ умѣ человѣка, который, смотря на бурное море, услышалъ пушечный выстрѣлъ, сопрягающійся для него съ мыслію объ отчаяніи и кораблекрушеніи, — или между впечатлѣніемъ свѣта на глазъ, и мыслію того, кто, долго опасавшись народной бури, видитъ издали пожарное пламя, — признакъ дѣйствительнаго взрыва страстей въ поправшихъ свой долгъ людяхъ.» *Стр. 170.*

Какъ ни безчисленны и сильны доводы въ пользу бытія Всемогущаго и Всеблагаго Создателя, заимствуемые изъ міра вещественнаго и физической Природы человѣка, однако жъ тѣ, которые проистекаютъ изъ феноменовъ духа, превосходнѣе и по силѣ, и по достоинству. Но они не принадлежатъ къ предмету этого разсужденія.

*Quarterly Review.*

## О СКОТОВОДСТВѢ РОГАТАГО СКОТА ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЮ.

Какая это чудесная страна, Англія, во всѣхъ частяхъ земледѣльческой промышленности! Какъ все тамъ придумано, расчитано, одно съ другимъ согласовано, улучшено, доведено до полезнѣйшей цѣли! Каждый клочекъ земли, какъ садъ, расчищенъ, удобренъ, уводненъ, обсаженъ живою изгородою и приноситъ обильнѣйшій урожай. Но если земледѣліе въ Англіи находится въ превосходномъ состояніи, то это наиболѣе отъ наилучшаго въ свѣтѣ скотоводства. Надобно видѣть, какой это скотъ, какое его множество, какъ онъ превосходно содержится, и какую выгоду отъ него получаютъ! Надобно видѣть, на Смитфильдскомъ рынкѣ въ Лондонѣ, огромныхъ длиннорогихъ быковъ вѣсомъ въ 80 пудъ, коровъ, дающихъ по 5 ведра молока въ день. Тамъ воспитывается скотъ для извѣстнаго предмета: волы для работы, сильные и проворные; быки на убой, тучные и тяжеловѣсные; коровы для масла и сыра; всѣ для навоза. И тамъ, не такъ какъ у насъ, навозъ сыплется изрѣдка малыми кучками, а разстилается по полю толстымъ слоемъ и запахивается въ землю. Отъ того и урожаи вдвое и втрое изобильнѣе нашихъ.

Какъ скоро дознано, что земля, безъ достаточнаго навоза, даетъ скудный урожай, то Англійскіе помѣщики и фермеры обратили все вниманіе на умноженіе скотоводства. Но какъ для большаго числа скота потребно и много корму, то они, сокративъ хлѣбопашество, распространили луга, и искусственнымъ уводненіемъ и посѣвомъ кормовыхъ травъ пріобрѣли множество корму. Такимъ образомъ они успѣли сдѣлать и малыя поля плодоноснѣйшими, нежели въ дру-

гихъ странахъ обширнѣйшія пространства, тощія и малоплодныя.

Размноженіе скотоводства у Англичанъ произведено не слѣпо, не наугадъ, но съ большимъ разборомъ. Они правильно судили, что дурной скотъ не стоитъ корму: отъ него ни работы, ни молока, ни позему. Они ознакомились съ разными породами домашняго скота, въ разныхъ провинціяхъ природнаго, и выбрали изъ нихъ тѣ, которыя соединяли въ себѣ въ высшей степени качества, нужныя для ихъ цѣли. Вывезли лучшій скотъ изъ Голландіи и Ирландіи, и размножили въ тѣхъ мѣстахъ, какія каждой породѣ свойственны. Сего не довольно; попечительные экономы сотворили, такъ сказать, новыя искусственныя породы рогатаго скота, случкою, кормомъ, воспитаніемъ и присмотромъ, подобно тому, какъ овцеводы произвели новыя породы овецъ, коноводы новыя породы лошадей. Такимъ образомъ размножились въ Англіи разныя породы рогатаго скота, изъ коихъ главныя суть:

1. *Ланкастерскій* скотъ, съ длинными рогами, весьма крупный, кожа самая толстая, коровы молочныя, молоко жирное. Порода сія наиболѣе размножилась въ южныхъ провинціяхъ.

2. *Съ короткими рогами*; порода сія почитается образцовою въ Англіи, и нынѣ наиболѣе стараются размножить оную. Скотъ самый крупный, наиболѣе способный къ тучности, и слѣдовательно наиболѣе имѣетъ вѣсу и даетъ больше всѣхъ сала; кожа самая тонкая; но особенное, отличительное качество сего скота есть то, что коровы даютъ гораздо больше молока, нежели всѣхъ другихъ породъ. Бывали примѣры, что корова сей породы давала въ день молока 56 квартъ (5 ведра), и отъ 12 коровъ получалось масла 48 кадочекъ (firkins), каждая кадочка $1^1/_2$ пуда, а среднимъ числомъ 3 кадочки ($4^1/_2$ пуда) масла отъ каждой коровы въ лѣто, и 24 кварты (два ведра) молока въ день. Волы не годятся въ работу, ибо не имѣютъ ни силы, ни проворства. Сія порода наиболѣе находится въ Линкольнширѣ, въ Графствахъ Іоркскомъ, Дургамскомъ, Нортумберланд-

скомъ и Бервикскомъ. Она первоначально вывезена изъ Голландіи, и отъ того часто называется Голландскою. *

3. *Съ средними рогами, Девонширской* или *Гертфордширской.* Нѣкоторые экономы почитаютъ сію породу вообще за самую лучшую въ Англіи, соединяющую въ себѣ всѣ превосходныя качества: самый большой ростъ, красивыя формы, способность къ тучности, силу, крѣпость и проворство въ работѣ; и хотя коровы даютъ меньше молока, нежели длиннорогія, но молоко лучше и жирнѣе; мясо сего скота самое лучшее, и обыкновенно дороже продается. Вѣсъ такого быка, получившаго награду въ 1832 году на Смитфильдской выставкѣ, былъ 80 пудъ. Покойный Король, Георгъ III, предпочиталъ сію породу всѣмъ прочимъ.

4. *Валлисскій:* малаго роста, но весьма годный къ работѣ; коровы даютъ мало молока.

5. *Суссекскій*, почти такъ же похваляется, какъ и N 3.

6. *Галловейскій: безрогій* скотъ; наиболѣе славится въ Шотландіи; величиною и вѣсомъ меньше другихъ, но мясо лучшее, жирное и, какъ называютъ Англичане, мраморовидное (marbled, съ проросью); коровы молочныя и даютъ лучшее молоко и масло. Сія порода наиболѣе разведена въ югозападныхъ областяхъ Шотландіи, откуда пригоняютъ сей скотъ большими стадами въ столицу, гдѣ продается онъ дороже другаго тяжелаго скота.

7. *Суффолькскій:* также *безрогій*; вѣроятно Галловейской породы: скотъ мелкій, но коровы молочныя и даютъ прекрасное молоко, обыкновенно 24 кварты (два ведра) въ день, то есть, почти столько же, какъ и N 3. Лучшее масло и сыръ

* Вотъ вѣсъ и цѣна одного такого быка въ 1802 году:

| | пуд. | фу. | | | | руб. | к. |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Двѣ переднія четверти | 28 | 30 | по 1 руб. | за 4 фун. | . . . . . | 287 | 50 |
| » заднія « | 29 | » | по 1¼ | » | . . . . . | 362 | 50 |
| Сала . . . . . | 4 | » | по 1 « | » | . . . . . | 40 | » |
| Кожа . . . . . | 4 | » | » | » | . . . . . | 40 | » |
| | 65 | 30 | | | | 730 | » |

Здѣсь показана цѣна, бывшая въ 1802 году, а нынѣ говядина продается въ Лондонѣ по 30 руб. за пудъ, и дороже.

*

дѣлаются въ Суффолькѣ. Для домашняго хозяйства коровы сей породы суть самыя лучшія.

8. *Шотландскій*, или *островской* (Kiloe breed): скотъ мелкій, но крѣпкій, бодрый, наиболѣе выдерживающій стужу въ горнистыхъ странахъ; коровы молочныя, даютъ 7 фунтовъ масла въ недѣлю, и не перестаютъ доиться. Сей породы Renfrew и Ayrshire почитаются самыми молочными въ Великобританніи, какъ по количеству, такъ и по качеству молока: даютъ отъ $5^1/_2$ до 7 галлоновъ въ день (отъ 1 до 2 ведръ съ небольшимъ).

9. *Дикій*, или *горный*.

10. *Честерскій:* въ Графствѣ Честерскомъ, гдѣ дѣлается лучшій сыръ, извѣстный въ цѣломъ свѣтѣ подъ именемъ Честерскаго.

11. *Баквельскій*, или славный *Канлейскій*; сія порода произведена знаменитымъ экономомъ Баквелемъ, случкою другихъ породъ, кормомъ и воспитаніемъ. Она въ Англіи высоко уважается; за случку платятъ по 5 гиней за каждую корову (150 руб. асс.); коровы продаются по 30 гиней и дороже (около 800 руб. асс.).

Каждая изъ сихъ породъ поселена въ тѣхъ странахъ, которыя наиболѣе ей свойственны, по климату, по качеству корма, по предмету назначенія. Улучшенія по сей части не останавливаются, но продолжаются безпрерывно; и какъ въ Англіи всѣ отрасли промышлености процвѣтаютъ отъ поощренія покровительствующихъ Обществъ, такъ и по части усовершенствованія скотоводства составлены въ разныхъ провинціяхъ особыя Общества, которыя наставленіемъ, примѣрами, наградами, стараются болѣе и болѣе споспѣшествовать успѣхамъ онаго. Президентомъ одного изъ такихъ Обществъ братъ Короля. Каждый годъ бываютъ публичныя выставки скота, на которыхъ раздаются награды тѣмъ, кто наиболѣе развелъ скота въ своемъ имѣніи или на своей фермѣ; кто воспиталъ лучшія онаго породы; кто представилъ отличнѣйшихъ коровъ или быковъ, по вѣсу, силѣ и крѣпости, наружному виду, или по другимъ превосходнымъ

качествамъ. Такія выставки имѣютъ практическую пользу для сельскаго хозяйства; награды назначаются весьма значительныя: за лучшихъ быковъ съ короткими рогами большая награда 40 ф. ст. (1000 руб. асс.), но съ тѣмъ условіемъ, что хозяева оныхъ обязаны отпускать ихъ для случки; члены Общества имѣютъ право требовать случки каждаго такого быка съ 80 коровами имъ принадлежащими, съ платою по 10 руб. за каждую корову. Лучшій скотъ находитъ тутъ же на выставкѣ охотниковъ, которые покупаютъ его часто за бѣшеную цѣну. Такъ распространилось и улучшилось скотоводство по всей Англіи, къ величайшему подкрѣпленію земледѣлія и къ неисчетному обогащенію государства.

Полезныя послѣдствія такихъ поощреній были замѣчены и въ другихъ странахъ. По примѣру Англіи, учредились подобныя Общества въ Австріи, Пруссіи и Франціи. Особенно въ Австріи они имѣли полный успѣхъ: и тамъ также Принцы Императорскаго Дома приняли сію часть Сельскаго Домоводства въ свое особенное покровительство; обнародываются наставленія, показываются примѣры, учреждены публичныя выставки, раздаются награды. Образцовою породою признанъ *Штейнмаркскій* рогатый скотъ; быки сей породы разводятся повсюду для случки. Такъ размножилось и улучшилось скотоводство въ Австріи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и земледѣліе приходитъ въ лучшее состояніе. Примѣчательный наблюдатель съ удовольствіемъ видитъ, что Австрія въ послѣдніе годы тихо, безъ хвастовства, но ревностно и быстро подвинула впередъ всѣ отрасли сельской и мануфактурной промышлености.

Обратимся теперь къ нашему отечеству. Въ какомъ состояніи находится у насъ скотоводство? Судя по большимъ отпускамъ сала за границу, можно подумать, что оно у насъ въ преуспѣвающемъ состояніи. Но этотъ признакъ обманчивъ. Обширное скотоводство у насъ только въ степныхъ областяхъ; тамъ оно составляетъ родъ промышлености; оттуда огромныя количества сала и кожъ; оттуда многочисленныя стада быковъ для продовольствія столицъ. Не должно также забывать, что къ намъ пригоняются ежегодно большія стада Киргизскихъ барановъ, которыя увеличиваютъ коли-

чество отпускнаго сала: мы покупаемъ отъ южныхъ нашихъ сосѣдей для продажи на сѣверѣ. — Но мы говоримъ здѣсь о томъ скотоводствѣ, которое необходимо для земледѣлія; о томъ скотѣ, который кормятъ не на убой, а для удобренія полей; и сіе-то скотоводство у насъ, говоря вообще, весьма въ скудномъ состояніи.

Извѣстно, что у насъ весьма мало такихъ земель, которыя могутъ обойтись безъ искусственнаго удобренія, развѣ только въ многоземельныхъ губерніяхъ, гдѣ можно мѣнять пашни, оставляя тѣ, которыя отъ долговременныхъ посѣвовъ истощились, и распахивая новыя, небывшія еще подъ хлѣбомъ, или въ продолженіе многихъ лѣтъ отдыхавшія. Но и для такихъ земель, кажется, уже рѣшено, что удобреніе было бы не безполезно. Вообще же во всѣхъ Великороссійскихъ губерніяхъ земля требуетъ удобренія, и хорошаго удобренія, а безъ того ничего не произведетъ. Введенное у насъ повсемѣстно трехпольное землепашество, истощающее землю въ немногіе годы, дѣлаетъ еще болѣе удобреніе земли необходимымъ, а для сего нужно имѣть достаточно скота.

Я знаю нѣкоторыя губерніи, гдѣ земли много, и земля благодатная, а скота весьма мало; тамъ и земледѣліе въ самомъ жалкомъ положеніи. Онѣ могли бы быть житницами для другихъ малоплодныхъ губерній, а теперь едва сами себя прокормить въ состояніи. Много и такихъ областей, которыя потому только почитаются нехлѣбородными, что не имѣютъ достаточно скота для хорошаго удобренія полей. Путешественники, посѣщавшіе въ послѣдніе годы разныя Великороссійскія губерніи, съ сожалѣніемъ замѣтили разительное уменьшеніе скотоводства противъ того, какъ оно было лѣтъ двадцать тому назадъ. Для хорошаго удобренія, я полагаю, нужно имѣть по 5 коровъ на десятину. Крестьянинъ, высѣвающій 3 четверти ржи въ полѣ, слѣдовательно на 2 десятинахъ, долженъ бы имѣть 10 коровъ, обыкновенныхъ крестьянскихъ, кромѣ мелкаго скота; но у него едва есть три, а нерѣдко только двѣ, и даже одна. Какого же тутъ ожидать плодородія, и каково должно быть земледѣліе?

Когда я покупаю имѣніе, моя первая забота знать, много ли у крестьянъ скота. По этому я заключаю о ихъ достаткѣ или разореніи, и не ошибусь; по этому же заключаю и о богатствѣ или скудости ихъ землепашества. Само собою разумѣется, что сіе замѣчаніе не можетъ относиться до тѣхъ имѣній, гдѣ крестьяне живутъ промыслами, а не земледѣліемъ.

Другой недостатокъ нашего скотоводства есть тотъ, что у нашихъ крестьянъ, а весьма часто и у самихъ помѣщиковъ, скотъ по большей части мелкій, худой; онъ ни для земледѣлія, ни для домашняго хозяйства не годится. Большая разность, даетъ ли корова полведра молока въ день, и то худаго, или два ведра хорошаго. Большая разность получить отъ быка 4 или 5 пудовъ сала, или 8 и 10 пудовъ. Такая же разность въ вѣсѣ скотины, въ кожѣ, въ поземѣ, въ годности въ работу. Въ общемъ государственномъ объемѣ, сія разность есть величайшей важности, и можетъ простираться до многихъ милліоновъ. Есть и у насъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ прекраснѣйшій скотъ: Украинскій, Холмогорскій, Сумскій, не оставляетъ желать лучшаго; но онъ у насъ гдѣ разведенъ, тамъ и остается, а въ другихъ областяхъ не распространяется. Мнѣ однако же извѣстны нѣкоторые богатые помѣщики, которые, заведши у себя Холмогорскій, и даже выписавши настоящій Голландскій скотъ, старались развести оный случкою не только у своихъ, но даже и у сосѣднихъ крестьянъ, такъ, что теперь въ цѣлой округѣ съ удовольствіемъ видишь прекраснѣйшій скотъ. Нѣтъ нужды припоминать, что тамъ и земледѣліе въ лучшемъ состояніи.

И такъ, для поддержанія нашего земледѣлія, необходимы двѣ потребности: 1) скота достаточно, и 2) скотъ хорошій.

Но какъ этого достигнуть, какъ надѣлить цѣлыя губерніи скотомъ, какъ улучшить его повсемѣстно? Для этого нужны большіе капиталы! Мѣры правительственныя до меня не принадлежатъ; объ нихъ лучше знаетъ само Правительство. Но мнѣ кажется, что учрежденіе *Обществъ* для поощренія скотоводства было бы и у насъ не безполезно. Намъ должно слѣдовать хорошимъ примѣрамъ иностранныхъ государствъ, для водворенія въ нашемъ отечествѣ тѣхъ

учрежденій, которыя на опытѣ оказались полезными. Нельзя предоставлять этого важнаго дѣла произволу частныхъ лицъ; тутъ нужны изысканія, соображенія, примѣненія, система. Попечительные помѣщики могли бы учредить между собою такія Общества въ разныхъ губерніяхъ, назначить публичныя выставки скота, опредѣлить награды, обнародовать наставленія, показать примѣры. Такимъ образомъ мало по малу и у насъ бы распространилось и улучшилось скотоводство. Весьма пора о томъ позаботиться; а безъ того наше земледѣліе съ каждымъ годомъ будетъ упадать и ослабѣвать. Какъ много предметовъ, которые бы нужно было ввести для поддержанія нашего земледѣлія! Но мнѣ кажется, у насъ не съ того начинаютъ, съ чего бы должно: заводятъ лучшія земледѣльческія орудія, пробуютъ лучшія сѣмена, устроиваютъ дорогія мельницы, и проч. и проч.; все это хорошо, но не то главное: всего важнѣе, по моему мнѣнію, размноженіе хорошаго скота, не у однихъ помѣщиковъ, но и у крестьянъ. Это первая, существенная потребность; за нею уже слѣдуютъ дальнѣйшія улучшенія.

*Г. Яценковъ.*

---

## О ВРЕДНОСТИ МѢДНОЙ ПОВАРЕННОЙ ПОСУДЫ, И О ЗАМѢНѢ ЕЯ ЧУГУННОЮ ГЛАЗУРОВАННОЮ.

Давно уже было замѣчено, сколь опасно употреблять мѣдную посуду въ домашнемъ хозяйствѣ. Безпрестанно читаемъ въ публичныхъ листахъ жалкіе примѣры отравленія цѣлыхъ семействъ отъ неосторожности поваровъ. Приведемъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ:

Въ Ноябрѣ прошлаго года, трое дѣтей Виконта N*** жалостно погибли жертвами неосторожности кухарки, оставившей кушанье простыть въ мѣдной посудѣ.

Въ *Лѣтописяхъ Гигіены и Медицины* (Annales d'hygiène et de médecine) содержится множество указаній на отравленіе мѣдью.

Гг. Баррюель и Жирардень, коимъ въ Апрѣлѣ прошлаго года поручено было отъ Физиката изслѣдовать причину внезапной и жестокой смерти женщины Б...., донесли, что сія несчастная отравлена колбасою. Сіи Химики нашли въ оставшемся кускѣ колбасы значительное количество окисла мѣди (яри-мѣдянки), вѣроятно отъ неосторожности колбасниковъ и отъ нечистоты употребляемой ими мѣдной посуды; ярь родилась отъ соли, положенной въ мясо въ мѣдный котелъ, который вѣроятно былъ худо лужень.

Г. Навье приводитъ примѣръ отравленія цѣлаго семейства: отца, матери, дочери и трехъ мальчиковъ; трое были очень больны; дочь отъ того, что съѣла пирогъ, испеченный съ растопленнымъ масломъ, съ котораго кухарка снимала пѣну мѣдною ложкою, на которой масло застыло; отецъ, мать и мальчики отъ того, что съѣли говядины, вареной въ горшкѣ, съ котораго пѣну снимали тою же ложкою, невычищенною; двое другихъ были также очень больны отъ того, что покушали соуса съ цыпленкомъ, приготовленнаго съ тѣмъ же бульономъ.

Моризо-Деландъ разсказываетъ, что онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ жестокихъ болѣзненныхъ припадковъ у 20 человѣкъ, которые ѣли камбалу, жареную въ мѣдной кастрюлѣ, на которую налито уксуса, чтобъ она окрѣпла, а потомъ рыба сія снята съ огня, и оставалась часа два въ той же кострюлѣ.

Множество людей были отравлены соусомъ съ яйцами и зеленью, телятиной, вареною въ глиняной кострюлѣ, закрытой мѣдною крышкою, раками, разными соусами, котлетами, сосисками и рубленымъ мясомъ, приготовленными въ мѣдной посудѣ; въ томъ числѣ воспитанники Политехническаго Училища, Г. Дюбрюнфо, Профессоръ Химіи въ Коммерческомъ Училищѣ, и проч. и проч.

Не льзя не ужасаться сихъ несчастныхъ примѣровъ, а особливо зная небрежность и неопрятность нашихъ поваровъ

и кухарокъ, которые часто лѣнятся даже сказать, что надобно лудить посуду. Подлинно, одна только наша забывчивость производитъ то хладнокровіе, съ какимъ садимся за столъ, когда надобно бы дрожать каждый день. Если бы у насъ были публикованы подобныя несчастныя приключенія, мы читали бы ихъ въ газетахъ почти ежедневно.

Доказано, что кушанье, приготовленное въ мѣдной посудѣ, даже луженой, почти всегда содержитъ въ себѣ небольшія количества сего металла *. Г. Шеврель, Членъ Французскаго Института, нашелъ его въ бульонѣ, правда, весьма мало, однако жъ мѣдь тутъ была. Откуда жъ она тутъ очутилась? Несомнѣнно, что либо отъ той посуды, въ которой приготовлялся бульонъ, либо отъ вѣсовъ, на которыхъ вѣсили говядину.

Противъ сего скажутъ можетъ быть: 1. что мѣдь находится въ кушаньѣ въ самыхъ малыхъ количествахъ, слѣдовательно не можетъ вредить; 2. что даже хлѣбъ, вино и другіе естественные продукты содержатъ въ себѣ иногда мѣдь; и это правда.

На сіе можно отвѣчать: Правда, что обыкновенно бываетъ весьма малое количество мѣди въ кушаньяхъ; но кто можетъ ручаться, что ея всегда будетъ мало? зависитъ ли это отъ повара? Ни сколько: мѣдь отдѣляется непримѣтными частицами, и легко случиться можетъ, что иное кушанье приметъ ея въ себя довольно большое количество, которое окажется весьма вреднымъ, особливо отъ кислоты.

Да и кто осмѣлится утверждать, что и самые малые пріемы мѣднаго окисла, поглощаемые нами ежедневно и по нѣскольку разъ въ день, не производятъ ни какого вреднаго дѣйствія на наше здравіе, и не причиняютъ со временемъ разстройства въ жизненныхъ органахъ? Развѣ мы не знаемъ, что всѣ мѣдные составы суть яды, болѣе или менѣе сильные? Не отъ того ли, между прочимъ, крестьяне въ деревняхъ менѣе бываютъ подвержены болѣзнямъ, и живутъ долговѣчнѣе, что они почти вовсе не употребляютъ мѣдной поваренной посуды?

* См. Journal des connaissances usuelles et pratiques; Journal de Chimie médicale, etc., 1833.

Если же нѣкоторые изъ земныхъ продуктовъ, употребляемыхъ въ пищу, сами по себѣ естественно содержатъ въ себѣ нѣсколько мѣди, то мы тѣмъ болѣе должны остерегаться, чтобъ не прибавлять оной еще, приготовляя ихъ въ мѣдной посудѣ.

И такъ, всего лучше отказаться совсѣмъ отъ употребленія мѣдной поваренной посуды, если хотимъ предупредить отраву, медленную или внезапную и жестокую.

Въ Швеціи это уже сдѣлано: тамъ не увидите въ кухнѣ другой посуды, кромѣ глиняной и чугунной. Въ харчевняхъ, рестораціяхъ и другихъ публичныхъ заведеніяхъ, гдѣ приготовляется кушанье и напитки на продажу, запрещено закономъ употреблять мѣдную посуду, подъ опасеніемъ строгаго взысканія. Полиція наблюдаетъ за исполненіемъ сего постановленія.

Чугунная поваренная посуда начинаетъ входить въ употребленіе и въ другихъ государствахъ, особенно въ Англіи и Пруссіи, и недавно во Франціи. Она совершенно безвредна, и имѣетъ еще ту выгоду, что гораздо скорѣе нагрѣвается, нежели мѣдная, слѣдовательно сберегаетъ топливо. Противъ нея не льзя ничего сказать, кромѣ только того, что отъ нея нѣкоторыя кушанья чернѣютъ; но и это неудобство отвращено новѣйшими изобрѣтеніями. Найденъ способъ, лудить ее, или покрывать внутри безвредною глазурью, подобно фарфору. Сія глазурь, искусно приготовленная, не трескается на огнѣ, но расширяется вмѣстѣ съ металломъ, а при остываніи сжимается въ той же соразмѣрности, какъ и чугунъ, не производя ни какихъ трещинъ. Въ Англіи и Пруссіи искусство глазурованія чугунной посуды доведено до высокой степени совершенства.

У насъ, въ Россіи, Г. Асманъ получилъ въ прошломъ году привилегію на подобное изобрѣтеніе. Глазурованной его чугунной посуды еще не видно въ продажѣ.

Пожелаемъ для блага человѣчества, чтобы употребленіе безвредной глазурованной чугунной посуды распространилось повсюду: тогда мы не услышимъ о тѣхъ несчастныхъ приключеніяхъ, которыя часто случаются отъ неосторожности и неопрятности, и кончатся почти всегда смертію.

## НѢКОТОРЫЯ ПОНЯТІЯ О ПАРОВЫХЪ МАШИНАХЪ.

Употребленіе паровыхъ машинъ съ каждымъ годомъ умножается; люди всѣхъ состояній ознакомились уже съ сею новою силою, съ симъ великимъ двигателемъ въ разныхъ искусствахъ и мануфактурахъ; весьма часто машины сіи бываютъ предметомъ разговоровъ въ обществахъ; но удивительно, что не многимъ извѣстны тѣ правила, на которыхъ основывается ихъ устройство. Часто говорятъ о машинѣ силою въ 20 или 30 лошадей, не имѣя вѣрнаго понятія о силѣ одной паровой лошади. Вообще думаютъ, что сія сила въ паровой машинѣ есть та же, какая и въ живой лошади; но сей послѣдней не льзя никакъ опредѣлить съ точностію: большое различіе между ломовою лошадью, подобною тѣмъ, какія употребляются въ Англійскихъ пивоварняхъ, и простою крестьянскою клячею. Въ этомъ весьма ошибаются. Сила лошади въ паровыхъ машинахъ гораздо больше силы живой лошади, и имѣетъ еще то преимущество, что она не знаетъ усталости и не требуетъ отдохновенія.

Весьма еще недавно во всѣхъ большихъ заведеніяхъ, устроенныхъ не при водѣ, сила живыхъ лошадей была единственнымъ двигателемъ. Сочтено, что средняя сила одной лошади, запряженной по нѣскольку разъ въ конскомъ приводѣ, въ цѣлый рабочій день, то есть, въ 8 рабочихъ часовъ, способна поднять 800 кубическихъ метровъ воды на одинъ метръ высоты (9,712 кубич. метровъ - кубич. сажени Россійской).

Совсѣмъ иначе опредѣлена сила лошади въ паровыхъ машинахъ.

Когда знаменитый часовой подмастерье Ваттъ усовершенствовалъ паровыя машины до такой степени, что онѣ производили втрое болѣе противъ того, что прежде него, то онъ предложилъ одному Лондонскому пивовару, по имени Виттбреду, ввести сіи его машины вмѣсто конскихъ приводовъ. Пивоваръ на то согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы машина Ватта произвела такое же количество рабо-

ты, какое его лошади, запряженныя въ приводѣ. Знаменитый механикъ принялъ сіе условіе. Тогда пивоваръ выбралъ самыхъ сильныхъ лошадей, изъ самой большой Англійской породы, и запрягши ихъ въ приводъ, велѣлъ безпрестанно погонять, такъ, что каждая лошадь, въ 8 рабочихъ часовъ, подняла 2,120 кубич. метра воды на одинъ метръ высоты, то есть, почти втрое противъ того, сколько производятъ лошади, обыкновенно употребляемыя на фабрикахъ, какъ въ Англіи, такъ и на твердой землѣ Европы. И такъ, чтобъ замѣнить одну изъ сихъ сильныхъ лошадей, паровая машина Ватта должна была произвесть почти втрое болѣе силы, нежели какова обыкновенная сила одной лошади. Не нужно упоминать, что Ваттъ имѣлъ полный въ семъ дѣлѣ успѣхъ; съ того времени сила паровой машины опредѣлена была симъ размѣромъ. Но какъ живая лошадь работаетъ только 8 часовъ въ день, а паровая машина 24 часа въ сутки, не останавливаясь, то изъ сего слѣдуетъ, что паровая лошадь въ самомъ дѣлѣ въ 8 разъ сильнѣе живой лошади, то есть, первая въ 24 часа подниметъ 6,560 куб. метровъ воды на одинъ метръ высоты, а послѣдняя въ то же время подниметъ 800 куб. метровъ на ту же высоту.

Сія первая Ваттова машина и донынѣ находится въ той пивоварнѣ, и дѣйствуетъ превосходно. На ней выставлена надпись. Она есть предметомъ уваженія для всѣхъ любителей Механики и для работниковъ. Знаменитый ея устроитель покоится, подлѣ Королей Англійскихъ, въ Вестминстерѣ.

Съ того времени паровая машина во всѣхъ почти большихъ заводахъ и фабрикахъ замѣнила конскіе приводы съ великою выгодою, сбереженіемъ времени и труда. Съ того же времени произведенія мануфактуръ такъ размножились, какъ то мы видимъ нынѣ въ Англіи, Франціи, Соединенныхъ Штатахъ Америки, и во многихъ другихъ странахъ. Одна изъ первыхъ машинъ, устроенныхъ въ Англіи Смитономъ, употреблена для поднятія воды для снабженія оною великаго Бирмингамскаго канала.

Въ послѣдствіи Ваттъ сдѣлалъ еще другое важное улучшеніе въ паровой машинѣ, на которое и получилъ привилегію, но оно приведено было въ дѣйствіе Горнблоксеромъ.

Прежде сего паръ входилъ въ цилиндръ, поднималъ или опускалъ поршень, и свободно выходилъ вонъ, или сгущался въ резервуарахъ холодной воды. Горнбловеръ придумалъ сдѣлать цилиндръ длиннѣе и удержать въ немъ паръ до тѣхъ поръ, пока отъ безпрестаннаго поднятія поршня, давленіе его сдѣлается почти ничтожнымъ. Такимъ образомъ онъ произвелъ два дѣйствія: одно то, которое имѣла прежняя Ваттова машина, и которое называется производительною силою; а другое силою происходящею отъ совершеннаго расширенія пара.

Сіи машины извѣстны подъ именемъ паровыхъ машинъ съ двоякимъ дѣйствіемъ, или съ сугубымъ давленіемъ. Какъ въ оныхъ употребляется паръ съ сильнымъ давленіемъ (обыкновенно равняющимся давленію четырехъ или пяти атмосферъ, а давленіе одной атмосферы равняется, какъ извѣстно, давленію водянаго столба вышиною въ 32 фута), то многіе возстали противъ сей системы по причинѣ опасности взрыва; однако паровыя машины сего послѣдняго рода болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе съ нѣкоторыми придуманными предосторожностями. По сей системѣ обыкновенно устроиваются пароходы: ибо въ нихъ самое важное дѣло состоитъ въ сбереженіи горючаго матеріала, а паровая машина съ сугубымъ давленіемъ производитъ гораздо большую силу, одинаковымъ количествомъ уголья, нежели простая машина.

---

## О ЧУГУННЫХЪ ДОРОГАХЪ ВО ФРАНЦІИ.

Чугунныя дороги, начатыя постройкою во Франціи, имѣютъ протяженія, всѣ совокупно, около 32 Французскихъ миль (около 150 верстъ). Постройка оныхъ производится тремя разными Компаніями. Первыя сообщенія сего рода начаты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются угольныя копи, желѣзные заводы и наибольшее число мануфактуръ (въ Сентъ-Этіеннѣ).

Первая дорога идетъ отъ Сентъ-Этіенна до Ліона, вторая отъ Сентъ-Этіенна до Андрезіе, третья отъ Андрезіе до Роанна. И такъ, рѣка Рона соединена съ рѣкою Луарою, и скоро можно будетъ ѣхать изъ Ліона до Роанна по желѣзнымъ дорогамъ. Донынѣ окончана постройкою одна только линія отъ Сентъ-Этіенна до Андрезіе.

Сочтено, что одна миля ($4\frac{1}{4}$ версты) чугунной дороги отъ Сентъ-Этіенна до Ліона стоитъ, среднимъ числомъ, 855,000 франк. Въ Англіи то же пространство чугунной дороги отъ Ливерпуля до Манчестера стоило 1,651,000 фр. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ капиталы рѣдки, а разстоянія весьма велики, удовольствовались средственною скоростію, немного большею той, съ какою въ Англіи ѣдетъ почта по почтовой дорогѣ, и устроили чугунныя дороги во 100,000 фр. за каждую почтовую милю ($4\frac{1}{4}$ версты). Въ Англіи же, гдѣ капиталы изобильны, захотѣли и могли устроить образцовую дорогу, которая и стоила въ шестнадцать разъ съ половиною дороже.

---

## ВИСЯЩІЕ МОСТЫ ВО ФРАНЦІИ.

Висящіе мосты умножаются во Франціи. Въ одной долинѣ рѣки Роны, на пространствѣ около 60 Французскихъ миль (260 верстъ) ниже Ліона, устроено уже девять такихъ мостовъ, изъ коихъ одинъ, въ Бокерѣ, необычайной длины, въ 700 футовъ, съ великолѣпными портиками. Черезъ рѣку Луару сдѣлано 4 или 5 такихъ мостовъ; черезъ рѣку Сону, въ Ліонѣ, два моста изъ желѣзныхъ прутьевъ; черезъ рѣку Марну близъ Парижа желѣзный мостъ, длиною въ 500 футовъ, утвержденъ на чугунныхъ столбахъ; черезъ рѣку Эну, на пространствѣ 8 Французскихъ миль, устроиваются три моста. Большая часть такихъ мостовъ черезъ рѣку Рону стоила отъ 200,000 до 500,000 франковъ. *Изъ Французскихъ Журналовъ.*

---

## СПОСОБЪ КРАСИТЬ ВЪ ШАРЛАХОВЫЙ ЦВѢТЪ ЛАКЪ-ДЕЕМЪ ЯРЧЕ И ПРОЧНѢЕ НЕЖЕЛИ КОШЕНИЛЬЮ.

Положимъ, что нужно выкрасить кусокъ сукна, вѣсомъ въ 10 фунтовъ.

Возьмите котелъ, вмѣщающій отъ 50 до 60 литръ, вычистите его со всевозможнымъ тщаніемъ, и налейте до трехъ четвертей прѣсною водою, хорошо распускающею мыло, — лучше всего рѣчною, возвысьте температуру воды почти до кипѣнія, подбавьте фунтъ кремортартару въ порошкѣ, десять унцій крошенаго желтаго сандалу и фунтъ съ четвертью приготовленнаго лаку; дайте разъ вскипѣть, потомъ прибавьте фунтъ съ четвертью селитрокислаго олова, называемаго шарлаховымъ составомъ, и налейте на него столько воды, чтобъ въ котлѣ только осталось мѣста для сукна, которое послѣ того размачивайте, быстро переворачивая въ растворѣ, и дайте ему кипѣть около часа. Если лакъ хорошъ и хорошо приготовленъ, то эта краска будетъ такъ же ярка, какъ получаемая посредствомъ кошенили. Качество шерсти много содѣйствуетъ красотѣ цвѣта: иная требуетъ болѣе состава, если цвѣтъ выйдетъ слишкомъ кармазинный, иная болѣе лаку, если онъ слишкомъ оранжевый.

Опытный красильщикъ легко это замѣтитъ: онъ вынимаетъ сукно, и прибавляетъ въ растворъ все что нужно.

Если понадобится красить шерстяную пряжу, то поступаютъ какъ съ сукномъ, только прибавляя поболѣе состава и лаку, потому, что сукно валяное, и принимаетъ красильное вещество только на поверхность, а пряжа вбираетъ его болѣе въ себя. Вотъ пропорція на фунтъ шерсти:

| | |
|---|---|
| Кремортартару | 2 унціи |
| Желтаго сандалу | 1 унція |
| Лаку | отъ $2\frac{1}{4}$ унцій до $2\frac{1}{2}$ |
| Состава | 3 унціи |

Этими пропорціями получается самый лучшій шарлаховый цвѣтъ, яркій и прочный какъ не льзя больше.

. Димитрій Самозванецъ, *Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе* А. Хомякова. *Москва, 1833 (1834).*

. Рука Всевышняго отечество спасла, *Драма изъ отечественной Исторіи въ пяти актахъ, въ стихахъ, сочиненіе* Н. К., *писанное въ Октябрѣ 1832 года. С. Петербургъ.* 1834

Самозванцы рѣшительно привлекли къ себѣ воображеніе нашихъ писателей: съ нѣкотораго времени лучшіе наши Романы, лучшія драматическія произведенія, лучшія труды по части Исторіи, посвящены Самозванцамъ. Ихъ оборотили на всѣ стороны, разглядѣли со всѣхъ боковъ, показали Самозванцевъ лицемъ, и вывернули ихъ наизнанку, чтобъ опять показывать. Полно мучить одну идею! Съ моей стороны я совершенно сытъ ею, и желалъ бы, для разнообразія Словесности, чтобы два сочиненія, о которыхъ будемъ здѣсь говорить, были послѣднимъ блюдомъ этого длиннаго пира воображеній, шумящихъ однимъ и тѣмъ же понятіемъ; желалъ бы этого тѣмъ болѣе, что, по крайней мѣрѣ, этотъ пиръ окончился бы громкимъ тостомъ, — пьесою Н. К., то есть, Г. Кукольника, при которой вся Россія отъ всего сердца прокричитъ торжественное — ура!

Я начну съ этой пьесы, которую, покамѣстъ, буду называть «пьесою» или «Поэмою», пока не приищемъ для нея настоящаго названія, потому, что это не Драма. Содержаніе Поэмы «Рука Всевышняго отечество спасла» уже извѣстна нашимъ читателямъ*. Въ ней непремѣнно должно отдѣлить, для критическаго разбора, предметъ отъ художественной части. Предметъ столь великъ, столь дорогъ

* Б, для Ч., томъ II, Смѣсь, стр. 19.

для Русскаго сердца, такъ тѣсно связанъ съ самыми священными для насъ чувствами, со всѣми понятіями нашего народнаго счастія, величія и славы, что онъ вдругъ затмѣваетъ собою всякую другую мысль, заставляетъ забыть о писателѣ, чтобъ помнить только о насъ самихъ, и забыть о насъ самихъ, чтобъ трепетать сладостнымъ восторгомъ передъ лицемъ высокихъ, торжественныхъ воспоминаній прошедшаго и самыхъ радостныхъ ощущеній настоящаго: предметъ Поэмы есть картина блистательнаго, патріотическаго, совершившагося истинно въ народномъ духѣ, переворота, который возвелъ на Престолъ династію Романовыхъ. Этой картины, облеченной волшебными формами Поэзіи и превращенной въ драматическое зрѣлище, самый сильный и ослѣпительный образъ дѣйствія Изящнаго на чувства, именно недоставало въ нашей Словесности, и молодой поэтъ сдѣлалъ не только прекрасный подвигъ, но и безцѣнный для насъ подарокъ, стараясь пополнить своимъ трудомъ эту важную полость въ воздвигающемся колоссѣ Русской Литературы. Самое величіе предмета долженствовало внушить ему множество возвышенныхъ мыслей и стиховъ, пылающихъ священнымъ огнемъ любви къ Престолу и отечеству, а его природное дарованіе доставить средства къ смѣлому, мощному и счастливому ихъ выраженію. По начертанному имъ плану, весь этотъ предметъ сосредоточенъ въ первомъ и послѣднемъ, то есть, пятомъ, актахъ, которые служатъ наружными стѣнами цѣлому зданію, и закрываютъ три средніе акта, — внутреннее расположеніе строенія. Въ этихъ двухъ актахъ онъ поэтъ, и самовластно владѣетъ нами и могуществомъ самаго предмета, и блескомъ поэтическихъ красокъ, употребленныхъ на его изображеніе. Чье сердце не загоритъ, слыша Минина, произносящаго на колѣняхъ:

Царю мой, Боже мой, Господь-Спаситель!
Теперь весь свѣтъ еще въ глубокомъ снѣ;
Никто тебя молитвою горячей
Еще не призываетъ; — я одинъ,
Съ моимъ несчастнымъ сердцемъ, предъ Тобою!
О преклони Твой слухъ къ моей молитвѣ!
Я весь горю спасти Святую Русь,
Отъ нечестиваго избавить Ляха;
Но средствъ къ тому меня лишило Небо:
Слова мои не красны, умъ холоній,
Рука моя въ бою не много значитъ.
О Господи! Дай языку Козьмы
Святую крѣпость, силу убѣжденья,
Развей мой умъ познаніемъ добра,
А сердце облеки въ кору стальную!
Дай все, что только нужно для Руси
И отними, когда гроза минуетъ!

**Два послѣдніе стиха принадлежатъ даже къ Высокому. Или:**

Въ серебряной приносятъ кружкѣ воду,
Когда Святая Русь въ когтяхъ желѣзныхъ!
И я, до сей поры, сребра не отдалъ,
И я, до сей поры, пью, ѣмъ, несчастный,
Я, окаянный грѣшникъ, пожалѣлъ
Имущества для Христіанской жертвы! —

ЖЕНА. Помилуй, Мининъ, сколько ты сребра
Послалъ въ Москву, рублями и вещами? —

МИНИНЪ. То было мнѣ не нужное богатство.
Я пожалѣлъ Святыхъ Иконъ, сосудовъ,
Изъ коихъ ѣлъ и пилъ. На что они?
Чтобъ умножать враговъ Руси добычу?.... —
Аминь, аминь! Неси сюда, жена,
Всю маетность Козьмы, твою и дѣтищъ;
Неси сюда домашнее сребро,
Иконъ Святыхъ оклады, тотъ ларецъ,
Гдѣ я копилъ на черный день копѣйку;
Неси сюда одежду, даже обувь....
Я босъ пойду спасать Святую Русь;
Я нагъ пойду въ крови купаться вражьей!

*

Какая опять прекрасная и эфектная сцена, когда Мининъ, объятый изступленіемъ патріотизма, увѣщеваетъ собравшійся на площади народъ; когда, въ нерѣшимости, кого избрать предводителемъ, слышитъ имя, случайно произнесенное въ толпѣ, и принимаетъ это за гласъ небеснаго предзнаменованія!

Я падаю предъ вами на колѣни!
Спасайте Русь, спасайте Церковь, люди!!

ГОЛОСЪ ВЪ НАРОДѢ.

Я все даю и самъ иду. — Я также. —
Я также. — И я также. — Всѣ даемъ. —
Все что имѣемъ и идемъ! — Ура!
За Вѣру и за Царство всѣмъ стоятъ! —
А Королю Креста не цѣловать. —
И Королевичу. — Бояръ не слушать. —
Всѣмъ за одно на Польшу и Литву. —
А дастъ Господь Царя — служить Царю! —
Своихъ людей не выдавать Боярамъ. —
Въ Соборъ, къ присягѣ! — Всѣ въ Соборъ, къ присягѣ!
А кто не хочетъ.... Нѣтъ такихъ межъ нами! —
Въ Соборъ! Въ Соборъ! Къ присягѣ и на битву!....

МИНИНЪ. *(торжественно).*

Возстань же, Русь! Послѣднія усилья!
Восторжествуемъ — или всѣ падемъ, —
Всѣ, до единаго Христіанина!
Пусть на землѣ растетъ соблазнъ и скверна;
Пусть на Руси возопіетъ пѣтухъ,
Съ тѣхъ башень, гдѣ стоялъ Крестъ православный;
Пусть кровь ліютъ враги Святаго Царства;
На дѣтяхъ ихъ кровь наша отзовется!
Возстань же, Русь! — Отъ мала до велика:
Вы, мертвые, затерзанные братья,
Вы, потопленные въ рѣкахъ отчизны,
Вы, спящіе отравой и измѣной,
Возстаньте всѣ! Месть воскрешаетъ мертвыхъ!
Да грозный гласъ раздастся на Востокѣ

И на закатѣ безпредѣльной Руси!
Мы не одни; не только мужи, жены, —
Земля возстанетъ съ мертвыми полями;
Возстанутъ рѣки мутными волнами;
Отмщеніемъ воспламенится лѣсъ.
И молніей займется сводъ небесъ!
Казнь извергамъ! Безъ строя и вождя,
Мы потечемъ, Москву огнемъ обымемъ,
И въ ней всю Русь мы Богу предадимъ.
И Богъ судилъ; прісмлетъ Русь на небо;
А землю ту, гдѣ жило Православье,
Сугубымъ пепломъ покрываетъ; церкви
Пять главъ своихъ съ крестами размешали;
Угодниковъ Святыхъ изображенья
На небеса уносятся въ окладахъ;
Крещеный міръ по лѣстницѣ восходитъ
Въ Ерусалимъ небесный; поле — чахнетъ,
Лугъ не даетъ травы, рѣка — воды,
Лѣсъ закурилъ смолистый ѳиміамъ!
Горитъ земля! Ни одному врагу
Жилья на ней не ставить; не топтать
Святой Руси погаными ногами!
Свершился судъ; — отъ моря до степей
Лежитъ одно святое пепелище!

.....

Кого жь избрать? Кого вождемъ назначить,
Да православныхъ предведетъ на славу? —
О вразуми насъ грѣшныхъ Русскихъ, Боже!
Дай намъ вождя небеснымъ повѣщеньемъ, —
Наименуй Стратига! *(Продолжительное молчаніе).*

ГОЛОСЪ ВЪ НАРОДѢ. Князь Пожарскій
Послалъ меня. — Зачѣмъ! — Узнать: какія
Привезъ Козьма изъ-подъ Москвы извѣстья.

МИНИНЪ. Ты рекъ, Отецъ! Возрадуйтесь, граждане!
Перстъ Божій указалъ намъ Воеводу.

ГОЛОСЪ. Кто жъ этотъ Воевода?

МИНИНЪ. Князь Пожарскій!

Слѣдующій выходъ, гдѣ Пожарскій лежитъ боль-

ной ранами въ постели, уже готовится къ смерти, уже посылаетъ за священникомъ, и вдругъ къ нему являются Мининъ съ Нижегородцами, и чудо любви къ отечеству свершается надъ нимъ всенародно, и онъ встаетъ исцѣленнымъ, чтобъ спасти Россію, тоже превосходенъ и по изобрѣтенію, и по многимъ прекраснымъ стихамъ. Но мѣсто, въ которомъ Поэтъ соединилъ наиболѣе торжественнаго чувства и эффекта, и даже искусства, — которое всегда будетъ производить въ насъ самое сильное, возвышенное, патріотическое потрясеніе, — которое считаю я лучшимъ въ цѣлой пьесѣ, есть избраніе Царя Михаила въ Соборѣ Бояръ, Воеводъ и выборныхъ людей.

ПОЖАР. (*сидя*). Свободна Русь, Господнимъ заступленьемъ!
Исчезли тмы враговъ и благость Неба
Избрать Царя намъ нынѣ дозволяетъ!
Но, братія! съ слезами на очахъ,
Молю: не избирайте иновѣрца!
Святая Русь своихъ Царей имѣла,
Единственно на свѣтѣ православныхъ!
Родясь, уже Царь будущій прісмлетъ
Помазанье отъ Господа-Царя!
Царь на землѣ Господній представитель!
Онъ мудростью небесною исполненъ,
Онъ крѣпостью небесной препоясанъ!
И можно ли, чтобъ чуждый иновѣрецъ,
Священную Царей прісмля шапку,
Въ душѣ своей всѣ чувства заглушилъ,
Которыя его влекутъ за море!
Мы видѣли ужасные примѣры
Въ сосѣдствѣ нашемъ и у насъ самихъ.
Еще въ предѣлы Царства не вступая,
Ужъ сколько зла посѣялъ Владиславъ, —
И, можетъ быть, десятокъ лѣтъ, другой,
Не высосутъ убійственнаго зла!
Но благъ Господь! — Вы обратите взоры
На поколѣніе Царей Московскихъ!

Неужели Богъ вовсе уничтожилъ
Потомковъ Калиты и Іоанновъ?
Неужели отъ Царской крови — вовсе
Намъ отрасли послѣдней не осталось?
Отъ Царской крови.... Да, Соборъ Великій?
Отъ Царской крови долженъ быть Владыка
И Повелитель многихъ Царствъ и Княжествъ!
Что личныя достоинства вельможи?
Что предковъ рядъ и доблестныхъ и славныхъ?
Монашеская лѣтопись — и только!
Раздоръ предъ нимъ, раздоръ за нимъ; невольно
Гласъ слышится въ душѣ: *онъ былъ мнѣ равенъ!*
Считается смѣшнымъ повиновенье
Тому, кто самъ всегда повиновался!
Прилична ли тому Царей держава,
Кто царствовать, безъ трепета, не можетъ?
А наконецъ скажу я вамъ: Держава
Не можетъ быть наградой за труды,
За личныя заслуги Государству. —
На то помѣстья, золотыя цѣпи,
И знаки разные Монаршей ласки,
На то чины, на то Царей вниманье,
Народная любовь и одобренье, —
А наконецъ Небесъ благословенье.....
А Царская порфира — не награда!
И только тотъ ее свободно носитъ,
Кто въ пеленахъ ее уже примѣрилъ —
И каждый день крѣпясь и возрастая,
Къ ней постепенно, долго привыкалъ!
А нерожденному отъ Царской крови
Она тяжка, какъ Божіе проклятье
За святотатство! Мало ль честолюбцевъ,
Подъ бременемъ порфиры, упадали?
И кто изъ васъ не помнитъ Годунова,
Отрепьева и Шуйскаго не помнитъ?
.....

(Пожарскій пишетъ, и всѣ, разрывая лежащую по столамъ бумагу, на лоскуткахъ пишутъ, свертываютъ и оставляютъ предъ собой. Мининъ, невольно подвигаясь впередъ).

Творецъ благій! Какой священный часъ!
Какъ сердце замерло! Морозъ и трепетъ
По членамъ ходятъ! Господи! Пошли
Единодушіе сему Собору!
Да согласитъ всѣ нужды Государства
И у Тебя испроситъ намъ Владыку!

(Продолжительное молчаніе; избраніе продолжается).

ПОЖАРСКІЙ. *(тихо).*

Въ душѣ моей и трепетъ и надежда! *(Молчаніе).*

МИНИНЪ. О не оставь въ послѣднюю минуту
Святой Руси! *(Молчаніе).*

ПОЖАРСКІЙ. Ты велъ меня на славу!
О увѣнчай усилія честныя! *(Молчаніе).*

ИЗМАЙЛОВЪ. Князь, повели собрать.....

ПОЖАРСКІЙ. *(отирая слезы).* О братья, братья!
Что, если здѣсь раздору сѣмена?

ТРУБЕЦКОЙ. По совѣсти, мы мнѣнія писали.....

ИЗМАЙЛОВЪ. И клятву вновь мы подтвердить готовы!

ПОЖАРСКІЙ. Не трепеталъ я смерти въ ратномъ полѣ;
А здѣсь тоска и страхъ стѣснили сердце!
Но благъ Господь и не оставитъ насъ.
Ты голоса не подавалъ, Козьма!
Такъ собери жъ чужіе голоса!

(Мининъ взявъ со стола золотое блюдо, обходитъ всѣ столы и собираетъ голоса).

Стань здѣсь, при мнѣ, — и отбирай: какой
Кѣмъ данъ и на кого?

МИНИНЪ.

(отобравъ множество голосовъ и предлагая каждый Князю Пожарскому, съ изумленіемъ).

Глазамъ не вѣрю!

(Продолжаетъ разбирать голоса тѣмъ же порядкомъ и, приходя постепенно въ большее и большее удивленіе.)

Не слыхано! Не видано!

(Опустивъ послѣдній голосъ.)

О чудо!

Твою ль десницу не узнаетъ грѣшникъ?
Единодушна Русь, единогласна!!

(Въ восторгѣ, поднявъ глаза и руки къ небу, стоитъ какъ бы пораженный нѣкіимъ чудомъ).

ИЗМАЙЛОВЪ. О не терзай Соборъ нетерпѣливый
И возгласи: кого Господь назначилъ?

ТРУБЕЦКОЙ. Смотрите: онъ безмолвенъ, недвижимъ!
Глаза горѣ вознесъ и льются слезы!

ИЗМАЙЛОВЪ. Князь, объяви!

ПОЖАРСКІЙ.

(съ жадностью и съ неменьшимъ удивленіемъ перебирая голоса.)

И я внимаю чуду!
Единодушно, такъ! единогласно
Соборомъ избранъ: Михаилъ Романовъ,
Сынъ Ѳедора, въ монахахъ Филарета!
*(Вставъ).* Провозгласимъ отъ сердца и души:
Да здравствуетъ Царь Михаилъ Романовъ!

ВСѢ *(вставъ).* Да здравствуетъ Царь Михаилъ Романовъ!

.....

ПОЖАРСКІЙ. Свершилось! Богъ благословилъ отчизну!
Царь Михаилъ, помазанный отъ вѣка,
Пріемлетъ Русь въ родительскія руки —
И благо ей!....

.....

Я въ будущность, какъ въ грамоту, смотрю,
И нѣтъ конца Великому Колѣну!
О братія, смотрите: это Онъ!
Величіемъ безмѣрнымъ осіянный!
На море сталъ могучею пятой —
Изъ подъ пяты ряды широко-крылыхъ,
Огромныхъ кораблей несутся въ море!
Земля дрожитъ отъ тяжести Его,
А небеса Его главу вмѣщаютъ!
Неизмѣримъ сей Русскій Полубогъ!
Въ объятіяхъ онъ сжалъ Святое Царство,
Покровомъ обвивая многоцѣннымъ
Для насъ еще непостижимыхъ благъ!
Святая Русь! Обыкновенный разумъ
Судьбы твоей въ себѣ вмѣстить не можетъ!

О ты, Святая Матерь, Русь родная!
Красуйся подъ державой Михаила!
Чтобъ дня сего не истребилась память,
Чтобъ Русскій родъ объ милости Господней
Не забывалъ; — я къ вамъ взываю, братья,
Святой Руси безчисленныя дѣти! —
Изъ вѣка въ вѣкъ, пока потухнетъ солнце,
Пока людей не истребится память,
Святите день избранья Михаила,
День двадцать первый Февраля.

Здѣсь всѣ уста и всѣ сердца увѣнчаютъ чело юнаго Поэта хвалою и благодарностью! Здѣсь не можетъ быть разногласія!

Исполненный пріятнѣйшаго восторга, который возбудили во мнѣ только-что приведенныя мѣста, я желалъ бы не быть въ обязанности говорить объ отношеніи этой Поэмы къ Искусству; но громкія похвалы, которыя воздалъ я первому произведенію автора, его драматической Фантазіи «Торквато Тассо», возлагаютъ на меня долгъ чести и добросовѣстности, высказать и о томъ мое мнѣніе во всемъ его пространствѣ: это вмѣстѣ и долгъ уваженія не только къ читателямъ этого Журнала, но и къ таланту самого Поэта.

Я нарочно отдѣлилъ предметъ Поэмы отъ художественной ея стороны: предметъ состоитъ подъ защитою общаго нашего благоговѣнія, и онъ внѣ всякой Критики. Онъ даже въ извѣстной степени защищаетъ и самого писателя. Если бъ польза Искусства, польза Русской Словесности и самого Поэта, не требовали строгой оцѣнки количества таланта, какое пролилъ онъ въ этомъ сочиненіи какъ Художникъ, я не смущалъ бы его успѣха моими замѣчаніями. Теперь дѣло идетъ только объ его литературномъ искусствѣ.

Англичанинъ, прочитавъ «Драму» Г. Кукольника, сказалъ бы: This book is misnamed, — потому

что Англичанинъ имѣетъ въ своемъ языкѣ прекрасное слово misnamed, котораго мы не имѣемъ. За недостаткомъ подобнаго слова, я долженъ сказать по-Русски, очень неловко, совсѣмъ не на манеръ Англійскій, – что авторъ не впопадъ назвалъ Драмою то, въ чемъ нѣтъ и слѣда Драмы. Нѣмцы, – о, я страхъ люблю Нѣмцевъ за ихъ аккуратность въ подобныхъ случаяхъ! – Нѣмцы называютъ творенія этого рода весьма скромно – dramatische Vorstellung in fünf Abtheilungen, что по-крещеному значитъ: *театральное представленіе въ пяти отдѣленіяхъ.*

Въ доказательство совершенной добросовѣстности разбора, я до сихъ поръ смотрѣлъ на эту пьесу только, какъ на *представленіе въ пяти отдѣленіяхъ*, и восхищался ея красотами, отнюдь не думая въ моемъ восхищеніи объ условіяхъ Драмы. Въ Критикѣ всегда есть двѣ точки воззрѣнія на подвергаемую суду книгу: можно глядѣть на нее снизу, и можно глядѣть сверху. Недоброжелательный литературный браковщикъ тотчасъ сталъ бы на высшей точкѣ, чтобъ обнаружить всѣ недостатки сочиненія, какъ Драмы; онъ пустился бы доказывать, что поэтъ не понимаетъ, что такое Драма; что тутъ нѣтъ ничего драматическаго, кромѣ наружной формы; что сочинитель не долженъ даже писать Драмъ, что это не его дѣло. Я не скажу, чтобъ авторъ Фантазіи Торквата Тассо не былъ въ состояніи написать превосходную Драму, – и приписываю только ошибкѣ, разсѣянности, слишкомъ высокій литературный титулъ этой второй пьесы. Я смотрю на пьесу снизу, – говорю, что это eine tranquille Sache, театральное представленіе, особеннаго рода, торжественное дышащее чувствомъ высокой добродѣтели патріотизма, возбуждающее самыя лестныя и драгоцѣнныя для сердца воспоминанія, посвященное единственно патріотизму зрителей и

читателей, но созданное безъ страстей, безъ интриги, безъ характеровъ: словомъ представленіе въ лицахъ одного изъ величественнѣйшихъ событій нашей Исторіи, — и какъ «представленіе,» нахожу пьесу во многихъ частяхъ прекрасною.

Всѣ занятія человѣческія можно раздѣлить на три части: занятія по тѣлу, по душѣ, и по душѣ и тѣлу. Трансцендентальный философъ разсуждаетъ только о душѣ. Нравственный философъ и драматистъ разсматриваютъ человѣка въ отношеніяхъ духа къ тѣлу. Кровь и духъ, — то есть, сердце и душа, — то есть, страсти и умственныя совершенства или добродѣтели, составляютъ предметъ ихъ соображеній и трудовъ. Драматистъ есть въ то же время нравственный философъ. Страсти и умственныя совершенства, слитыя въ одну массу, суть весь человѣкъ, и драматистъ наравнѣ съ нравственнымъ философомъ упражняется въ его разложеніи, съ тою лишь разницею, что нравственный философъ только разлагаетъ, тогда, какъ драматистъ, сочетая разложенныя начала, выливаетъ изъ этой массы новые, изящные виды. Страсти, ихъ быстрое, неровное, всегда запутанное движеніе, ихъ игра, также безпрерывная и темная, какъ игра самой крови, образуютъ грунтъ или глубину его картины; по этому грунту пролетаютъ въ разныхъ направленіяхъ свѣтлыя молнія духа, и яркими чертами своими рисуютъ на немъ тѣ бѣглые, фантастическіе узоры, которые называемъ мы характеромъ. Характеръ есть отраженіе чертъ души на страстяхъ. Драмою называемъ мы теперь искусство, высочайшую степень искусства представлять изъ тѣла и духа, изъ страстей и дѣйствій ума, самыя изящныя и замысловатыя картины и явленія: это родъ физическихъ опытовъ Нравственной Философіи, производимыхъ публично, передъ зрите-

лями и слушателя. Патріотизмъ не страсть, но добродѣтель, восторженное состояніе души, минута изъятія изъ обыкновеннаго характера человѣка. И все это означаетъ, что гдѣ повѣсть пьесы исключительно основана на дѣйствіи патріотизма, тамъ могутъ быть блестящія картины прекрасныхъ подвиговъ, но нельзя быть характерамъ, и слѣдственно тамъ нѣтъ Драмы, и это слово неумѣстно на заглавномъ листѣ пьесы.

Мининъ лице вдохновенное; Пожарскій, Патріархъ тоже, равно какъ и всѣ безсмертные ихъ сподвижники. Нашъ Поэтъ романтикъ. Понятія о существѣ Драмы перемѣнились. Самое слово *драма* получило въ наше время совсѣмъ другое значеніе. Нѣкогда Трагедія и Комедія стояли выше Драмы; теперь та и другая составляютъ только отрасли, виды Драмы, которая сдѣлалась типомъ, экстрактомъ всего Драматическаго Искусства, Белведерскимъ Аполлономъ Изящной Словесности. И такъ, не о чемъ болѣе и спорить.

Настоящее дѣйствіе пьесы заключается въ первомъ и пятомъ актахъ: должно сожалѣть, что поэтъ не ограничился ими. Я въ особенности о томъ сожалѣю, потому, что, подавъ по случаю перваго его творенія столь выспреннія объ немъ надежды, понесчастію не могу отыскать въ трехъ среднихъ актахъ новой его Поэмы тѣхъ даже драматическихъ красотъ, которыя искупили бы ихъ отъ имени посредственности относительно къ Искусству. Одна только важность предмета и хорошіе стихи спасаютъ ихъ честь, но — искусства, воображенія, драматическаго таланта, рѣшительно въ нихъ нѣтъ ни какого. Это рядъ сценъ безъ связи. Заруцкій, твореніе неясное, противологическое, безотчетливое, дѣйствующее наудачу, изъясняющееся то по-мужичьи, то по-философски, бросающееся на предпрія-

тія и злодѣянія безъ средствъ, безъ сообщниковъ и безъ слѣдствій, ничѣмъ не останавливающее хода происшествія и безполезное для интриги, – совершенное отсутствіе которой въ состояніи удивить всякаго, кто подумаетъ, что Авторъ, быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ написать Драму. Марина – Вакхантка, и совсѣмъ лишняя въ пьесѣ. Вся перипетія этихъ трехъ среднихъ актовъ заключается въ угрозахъ, которыя не исполняются, въ спорахъ, которые тотчасъ рѣшаются, и просьбахъ, которыя, по существу дѣла, не могутъ быть приняты. Повторенія однихъ и тѣхъ же выраженій и длинныя безконечныя рѣчи, увеличиваютъ еще число недостатковъ этой части Поэмы, которая была бы прекрасная, лирическая сцена если бъ вся состояла изъ двухъ актовъ, перваго и послѣдняго.

Но всего для меня прискорбнѣе, – для меня, который за видѣніе Тасса, за смерть Лукреціи, назвалъ Г-на Н. К. великимъ Кукольникомъ и нашимъ юнымъ Гёте – что во всей этой пьесѣ отнюдь не вижу высокаго творческаго дара автора Фантазіи. Поэтъ рѣшительно повторился во второмъ своемъ произведеніи, не говоря уже, что и самая идея его Минина есть явное повтореніе Орлеанской Дѣвы. Шиллеръ! Шиллеръ!.... Читая «Руку Всевышняго» я все думаю о Шиллерѣ, – и потому мнѣ все хочется говорить по-Нѣмецки! – и потому невольно вырываются у меня слова Vorstellung, tranquille Sache, u. s. w.!.... Не подражайте, молодой поэтъ: вы уже доказали, что можете быть оригинальнымъ! Не повторяйтесь, Бога ради, не повторяйтесь: въ Литературѣ, это самый тяжкій грѣхъ; ваши завистники, – вы будете ихъ имѣть, и пропасть! – скажутъ, что у васъ нѣтъ воображенія. Въ Фантазіи и въ такъ называемой Драмѣ большая часть положеній и драматическихъ средствъ одни и тѣ же. Ми-

нинъ, и въ нѣкоторомъ отношеніи самъ Пожарскій, очень напоминаютъ лирическое лице Тасса. Сцена больнаго героя не что иное, какъ отблескъ сцены больной Лукреціи. Молитвы и паденіе на колѣни — одинаковыя пружины эффекта въ обѣихъ пьесахъ. Марина, копія одного изъ сумасшедшихъ въ «Тассѣ», съ прибавленіемъ пѣсенки милой Розины. Что это Богъ? что это Богъ! — неудачное повтореніе прелестнаго вопроса послѣдней: — Джюліо, что это за страсть? — Сердце разорвалось, — сердце лопнуло, — и множество другихъ выраженій и цѣлыхъ мыслей, созданныхъ для Фантазіи, выданы только на прокатъ новой Поэмѣ. Прорицаніе Тасса и прорицаніе Пожарскаго..... Конца не было бы этимъ сравненіямъ, если бъ я сталъ сближать всѣ сходныя мѣста. Нѣтъ, тутъ не бывалъ творческій геній!

Да послужитъ это урокомъ молодому поэту: безъ сильныхъ страстей нѣтъ Драмы въ Природѣ, и безъ зрѣлыхъ, искусныхъ, долго и глубоко обдуманныхъ соображеній нельзя произвести ничего Прекраснаго. Кто избираетъ предметъ патріотическій, тотъ всегда можетъ быть увѣренъ въ громкихъ рукоплесканіяхъ и восторгѣ зрителей; но въ такомъ случаѣ долгъ сочинителя съ дарованіемъ удвоить, утроить свои усилія, чтобъ совѣстно исполнить обязанность свою въ отношеніи къ Художеству, и быть потомъ въ правѣ сказать себѣ и другимъ: Нѣтъ! я не подставилъ своей литературной славы подъ градъ рукоплесканій, которому назначено было упасть прямо на избранный мною предметъ; нѣтъ! я не похитилъ неправильно для себя восторга, возбужденнаго мною именемъ отечества! въ этомъ изліяніи патріотическаго одобренія половина рукоплесканій и восторга законно принадлежитъ Литературѣ, моему искусству, внутреннему достоинству моего труда! Авторъ удивительной Фан-

тазіи, почти отличной Драмы, «Торквато Тассо», въ состояніи создать и написать что-нибудь въ тысячу разъ лучше этихъ трехъ актовъ, и во столько же разъ достойнѣе итти рядомъ съ первымъ и пятымъ актами второй его Поэмы, которымъ я отдаю полную справедливость, какъ блестящей лирической картинѣ драгоцѣннаго для всей Россіи, для ея блаженства и славы, событія. Изъ любви къ Русской Словесности должно сказать эту рѣзкую истину молодому Поэту, чтобъ спасти высокое его дарованіе для нея самой: безусловныя похвалы уже погубили не одинъ талантъ. Самъ Поэтъ, я надѣюсь, оцѣнитъ благонамѣренность побужденія, исторгающаго у меня вслѣдъ за искреннею похвалою этотъ и для меня самого непріятный судъ: онъ можетъ быть увѣренъ, что всякой новый истинный его подвигъ въ области Прекраснаго всегда найдетъ въ этомъ Журналѣ вѣрный отголосокъ заслуженной имъ похвалы, но и всякая слабая попытка его дарованія, начавшаго свое поприще столь блистательнымъ образомъ, услышитъ изъ него же строгій голосъ истины.

Теперь о Трагедіи Г. Хомякова. Гдѣ то счастливое время, когда читателю стоило только вспомнить, что дѣлалъ онъ, читая книгу, чтобъ сказать съ достовѣрностью, какой родъ сочиненія былъ у него въ рукахъ! Если въ книгѣ убили человѣка и онъ плакалъ, – то была Трагедія, безъ всякаго сомнѣнія: онъ могъ держать пари, присягнуть, стрѣляться, и убить спорщика по чистой совѣсти, въ томъ, что это Трагедія. Если никого не убили, и онъ смѣялся, то была Комедія: онъ зналъ и всѣ знали, что это Комедія, и Европа была спокойна. Если онъ плакалъ и смѣялся, – то была Драма; и тогда возникалъ страшный шумъ въ Европѣ. Зачѣмъ онъ смѣялся и плакалъ? Онъ долженъ былъ только смѣяться

или плакать! Кто осмѣлился такъ безчеловѣчно мучить сердце честнаго, невиннаго человѣка, возбуждая въ немъ два такіе противоположные рода судорогъ? Кто нарушилъ порядокъ чувствованій, установленный для всѣхъ людей съ такимъ вкусомъ Квинтиліаномъ, Петеромъ, Баттё и мосьё Лагарпомъ? Ловите его! держите! Заряжай критическія баттареи! стрѣляй въ него картечью! Пусть знаетъ, невѣжда, что не должно смѣшить людей и въ то же время заставлять ихъ плакать: это вредно здоровью, останавливаетъ пищевареніе и ведетъ Словесность къ упадку.

Прошло то время! — теперь позволено всякому, кто только беретъ перо въ руки, дѣлать съ человѣческимъ сердцемъ что угодно, — колоть, щекотать, жечь, и раздирать по кускамъ, — и самому же смѣяться! Драма эта, нѣкогда угнетенная, осмѣянная, покрытая стыдомъ и отреньемъ рабыня, — Драма отважно приподнялась, и, въ свою очередь, схватила двумя руками Трагедію и Комедію за причесанныя à la Lucrèce волосы, повергла изнѣженныхъ противницъ подъ свои толстыя и черныя ноги, и недовольная побѣдою, взяла еще горсть грязи и постыдно натерла имъ ею лица, ярко расписанныя бѣлилами и карминомъ. Драма восторжествовала. Она ограбила Трагедію и Комедію, овладѣла ихъ гардеробомъ и кладовою чувствъ, похитила смѣхъ, слезы, ужасъ, состраданіе, злодѣянія, страсти, пороки, — словомъ, все Изящное. Драмѣ позволено все, все: она можетъ убивать и дурачиться, отравлять и плясать, пѣть и сажать на колъ, вздыхать и цыганить, хохотать во все горло и рыдать безъ памяти. На свѣтѣ есть только Драма; безъ *драмы* нѣтъ ничего въ свѣтѣ, — исключая скуки. Пусть и такъ! — переворотъ совершился, Драма возсѣла на престолѣ Искусства, и я готовъ признать новую царицу, съ условіемъ, что

въ ея владѣніяхъ никогда не будетъ жить скука. Помни же наше условіе, могущественная Драма: это моя граммата, обезпечивающая права и преимущества моего лица, какъ покорнаго читателя: коль скоро ты ихъ нарушишь, я не выдержу, — я усну!

Послѣ всего этого, есть ли еще у насъ, въ Европѣ, въ 1834 году, Трагедія?.... Богъ знаетъ! — кажется, нѣтъ! Но если предстанетъ предъ васъ порядочная книга, въ хорошей блѣдно-желтой или дико-зеленой оберткѣ по послѣдней модѣ, именующая себя Трагедіею, и еще новыми вычурными буквами?.... А! тогда нѣтъ другаго средства, какъ подать ей вѣжливо руку съ тремя Вестрисовскими поклонами, проводить запоздавшую гостью назадъ черезъ длинный рядъ тридцати трехъ годовъ, и, сѣвъ важно на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій, приступить къ разсужденію съ нею о дѣлѣ, вдали отъ шумнаго царства Драмы, отъ безначалія ультра-романтизма. Въ томъ только мѣстѣ поймете вы другъ друга, и никто не помѣшаетъ вашей бесѣдѣ; тамъ все тихо, чинно, благородно; тамъ господствуетъ строгій этикетъ, который говоритъ вамъ положительно: Если эта гостья убьетъ человѣка и заставитъ васъ плакать, принимайте ее съ почестями, должными Трагедіи; если она будетъ только смѣяться, такъ это Комедія, тоже лице важное; если же станетъ смѣяться и плакать, вести себя неприлично,— то значитъ, что она изъ разночинцевъ: обойдитесь съ нею, какъ угодно, — можете поцѣловать ее въ лице, если хороша собою!!

Все это прекрасно, — но я знаю одинъ казусъ, къ которому правила этого этикета не примѣняются: а если эта книга не заставитъ меня ни плакать, ни смѣяться, какой тогда у нея чинъ, и какъ ее принять?..... И въ этотъ казусъ я попадаю очень

часто: вотъ, недавно имѣлъ я дѣло съ Драмою, которая была именно въ этомъ вкусѣ; теперь является другая книга, приказавшая доложить о себѣ, что она Трагедія, и которая тоже не смѣется, и не плачетъ, хотя сперва отпускаетъ шутки, а потомъ убиваетъ человѣка. Тутъ станетъ въ тупикъ хоть какая Риторика, — и классическая, и романтическая!

У насъ рѣшительно хотятъ писать Драмы (Трагедія то же Драма) безъ страстей! А я рѣшительно буду говорить всякой Драмѣ безъ сильныхъ страстей, что она скучна, и не должна называться Драмою, хотя бы нарумянилась всѣми красотами Поэзіи и Прозы! Что значитъ этотъ морозъ въ двадцать четыре градуса, который хотятъ непремѣнно водворить подъ блистательнымъ, палящимъ небомъ Изящнаго? Отъ чего кровь такъ у насъ застыла, что мы ужъ сдѣлались безмятежны сердцемъ какъ схимники?.... Господа, воспламенитесь! воспламенитесь чѣмъ бы то ни было! — хоть гнѣвомъ на своего критика: это то же страсть, и можетъ внушить вамъ что-нибудь сильное, пылкое трогательное, высокое. Словесность согрѣется и оживится: теперь она дуетъ въ пальцы и мерзнетъ отъ вашихъ Драмъ и Трагедій! Безъ живописи сильныхъ страстей нѣтъ изящнаго созданія, потому, что нѣтъ и настоящаго искусства со стороны писателя. Въ Наукахъ вы можете отличиться трудолюбіемъ, точностью, обширныя познаніями, важными открытіями, которыя тѣмъ именно возбуждаютъ къ вамъ удивленіе, что заставляютъ предполагать отъ васъ большое усиліе, побѣдившее много трудностей, ужасающихъ не-Ученаго. Но въ Словесности! — на чемъ можете вы опереть въ Словесности притязанія свои на удивленіе и славу? Вы являетесь къ читателю безъ всякихъ заслугъ въ умственномъ мірѣ; вы ничего не сдѣлали для человѣка; вы его, какъ вашего читателя, даже не научили

сдѣлать иголку скорѣе и дешевле: вы совершенно равны ему передъ обществомъ. У васъ есть воображеніе; у него тоже. Вы пишете, что̀ воображеніе вамъ диктуетъ; онъ можетъ взять перо и списать то, что̀ его воображеніе, разыгравшись, натворитъ въ его головѣ, — и быть-можетъ занимательность будетъ еще въ его пользу. Вся разница между имъ и вами, что онъ лѣнится писать, а вы преодолѣли вашу лѣнь, и, увы! — торжество надъ лѣнью иногда принадлежитъ не вамъ, а нуждѣ! Все ваше передъ нимъ отличіе, что онъ не привыкъ владѣть даромъ слова, а вы легко имъ владѣете, — ничтожное отличіе, которое не возноситъ васъ выше хорошаго говоруна! Въ чемъ же заключается благородство вашего ремесла? Что называете вы своимъ Искусствомъ? Гдѣ высокій секретъ вашего Художества? — Онъ весь въ сердцѣ. Пусть ваша мысль смѣло бросится въ этотъ мрачный и бездонный колодезь страстей, и сильною рукою вынесетъ оттуда на свѣтъ завѣтныя истины моей животной жизни, и покажетъ мнѣ огненный міръ, который я только чувствую въ моей груди, не смѣя заглянуть въ него умомъ, и обнаружитъ глазамъ моимъ бо̀реніе, игру стихій, изъ которыхъ въ темнотѣ страданій, ударяютъ въ мою душу громы несчастія, и порой бьетъ блистательная радуга счастія, окрашая роскошными цвѣтами туманные своды мо̀его бытія хоть на короткое время; пусть ваше перо вѣрно изобразитъ эту ужасную и величественную игру духовъ внутренняго свѣта, который не есть ни адъ, ни небо, а смѣшеніе неба и ада, мой собственный свѣтъ, заключенный въ границахъ моего тѣла; пусть еще ваше слово сообщитъ этому изображенію подлинный, живой, теплый колоритъ предметовъ этого неприступнаго для обыкновенныхъ умовъ свѣта, хотя граничащаго съ ними, — будьте живописцемъ сердца и мятежныхъ его обитатель-

ницъ, страстей, — и я преклоню передъ вами колѣно, назову васъ Художникомъ, стану удивляться вашему искусству. Если вы вздумаете описывать мнѣ стихотворнымъ языкомъ наружныя дѣйствія тѣла, я скажу, что вы пишете газету въ стихахъ, и возьму читать Исторію, въ которой найду описаніе тѣхъ же дѣйствій, вѣрнѣе и лучше, потому, что тамъ нѣтъ примѣси воображенія. И не думайте, чтобы съ помощію одной холодной выдумки обстоятельствъ для развитія этихъ дѣйствій, могли вы создать либо представить характеры, извѣстные нравственные типы. Характера нѣтъ, доколѣ сильныя страсти не задѣйствуютъ въ человѣкѣ, — есть только поведеніе. Оно принадлежитъ Исторіи. Характеръ есть слогъ страсти: освѣщенная съ одной стороны факеломъ вашей мысли, она бросаетъ на стѣну жизни тѣнь свою и слитой съ нею души, рисуя и вѣрный рѣзкій профиль послѣдней, — и это есть характеръ. Тщетно будете вы подстрекать поведеніе мелкими или искусственными страстями, произведенными гражданственностью, чтобъ вывести его изъ себя и заставить показать душу: оно побѣдитъ эти ничтожныя вожделѣнія, и скроетъ отъ васъ человѣка. Если заставите его проболтаться, то упрекъ падетъ на васъ: вы представите только человѣка безъ поведенія, несообразнаго, неправдоподобнаго, не представляющаго ничего для Художества: вашъ человѣкъ будетъ чудакъ, — вы, писатель безъ искусства. Не забывайте, что вашъ читатель самъ человѣкъ образованный, хорошій общественный лицемѣръ, то есть, съ хорошимъ поведеніемъ: онъ проститъ вашему человѣку неумѣстное открытіе тайнъ его души только въ случаѣ такой бури сердца, которой самъ онъ испугается такъ, что забудетъ о всѣхъ приличіяхъ и условіяхъ искуснаго поведенія.

Не мелкія и большею частію искусственныя

страсти, но сильныя, коренныя страсти человѣческой природы составляютъ первую матерію изящнаго созданія въ Словесности, особенно Драмы. Это иначе и быть не можетъ. Между этими страстями Художество должно еще избирать такія, которыя понятны всѣмъ вообще сердцамъ, и отъ которыхъ никто не уклоняется, хотя въ правѣ не ощущать ихъ въ высокой степени. Инстинктъ всего человѣчества, съ незапамятныхъ временъ, отгадалъ и указалъ Художникамъ тѣ страсти, или тотъ рядъ страстей, въ которыхъ заключается истинное начало изящнаго и Драмы: это любовь, — любовь чувственная, материнская, отцовская, сыновняя, — но все любовь. Никто не оспаривалъ этой истины, доколѣ неумѣніе Художниковъ и плоское подражательство не наскучило однообразностью произведеній. Родившаяся въ наше время, гордое исчадіе матеріялизма, система утилитарная, подводя душу и сердце подъ четыре ариѳметическія правила, переплавляя все въ вещество, числа и золото, превращая страсти въ паръ для фабричныхъ машинъ, подняла невѣжественный грубый вопль и противъ любви, стала осмѣивать ее замараными производительною сажею устами, и дерзнула управлять Изящнымъ по Политической Экономіи. По ея приказанію, люди, никогда не разсуждавшіе объ истинно Прекрасномъ и Художествѣ, или, по своей слабости, повиновавшіеся новымъ понятіямъ, которыхъ сами знали всю неосновательность и уродливость, рѣшились быть умнѣе вѣрнаго инстинкта своего рода, и стали писать Трагедіи безъ любви, — писать Драмы, писать Комедіи и даже Романы, безъ любви. Прочь, любовь! прочь, мерзкая и несвойственная человѣку страстишка! Гоните безобразное и скучное чувство изъ Словесности, изъ общества, изъ Европы, отвсюду! Заперть всѣ парадныя лѣстницы! Если она опять появится, то

пусть ее прыгаетъ по черной лѣстницѣ, — въ дѣвичью, если же угодно! — не то въ Романы Поль-де-Кока! — туда, гдѣ нѣтъ Словесности!

Ни слова! очень справедливо! Любовь надоѣла: но покажите, что̀ произвели вы хорошаго безъ нея? Много ли осталось, для потомства, твореній, которыхъ не оживила она своимъ огнемъ? Гдѣ они? Преспокойно спятъ на полкахъ библіотекъ, усыпивъ три четверти читателей! Или иногда еще пробѣгаютъ ихъ, зѣвая, истасканные жизнію холостяки, единственно на зло своимъ любовницамъ! Незавидная судьба для плода ума человѣческаго! Это понятіе, о Драмѣ безъ любви, — въ возможность которой многіе у насъ еще вѣрятъ или стыдятся не вѣрить, — было нѣкоторое время въ модѣ во всей Европѣ. Европа уже объ немъ забыла; но у насъ моды не такъ-то скоро проходятъ: ихъ длинный изорванный шлейфъ всегда долго еще тащится по нашей землѣ. Но что касается до Драмы безъ любви, то, по-видимому, нашъ литературный міръ крѣпко ухватился за это понятіе, и держитъ его за хвостъ обѣими руками. Пустите его, пожалуйте: вы оторвете хвостъ, и сами опрокинетесь на землю. Съ нимъ ничего не выиграете! Пустите, и оглянитесь. Видите, вся Европа опять стряпаетъ Драмы на любви, убѣдясь, что иначе быть не можетъ! Видите, Викторъ Гюго̀, отчаянный ултра-романтикъ, непримиримый врагъ всего классическаго, человѣкъ, который жертвуетъ высокою своею судьбою, чтобъ казаться необыкновеннымъ, — самъ Викторъ Гюго̀ изъ любви выливаетъ первыя формы своихъ Драмъ. Вы спросите, почему? — потому, что въ немъ есть инстинктъ генія, который ясно видитъ существо дѣла. Любовь есть единая истинно-драматическая страсть въ Природѣ: во-первыхъ, она мила, трогательна, сильна и никому не противна; она непримѣтно распаляетъ зрителя и читателя,

и увлекаетъ его въ пользу повѣсти, въ которой господствуетъ; она основаніе занимательности всякой интриги; во-вторыхъ, она представляетъ художнику неисчерпаемый источникъ изящныхъ соображеній, потому что въ ней соединяются всѣ другія коренныя жизненныя страсти, — ревность, ненависть, месть, зависть, коварство, отчаяніе, — всѣ добродѣтели и всѣ злодѣянія, всѣ благородныя движенія души и всѣ злобные порывы сердца; въ-третьихъ, отъ нея рѣзко и превосходно отражаются искусственныя страсти общественнаго человѣка, — гордость, тщеславіе, честолюбіе, скупость, и. т. и. Съ нею сочетается все: она всеобщая страсть Природы, и для драматическаго созданія нѣтъ на землѣ лучшей и богатѣйшей основы. Сверхъ-того драматистъ находитъ подлѣ нея двѣ важныя и самыя естественныя пружины занимательности, — красоту и юность. Изящное, отвергая любовь, отвергаетъ родную мать, потому что безъ любви мы не имѣли бъ и понятія объ Изящномъ.

Эти разсужденія показались мнѣ необходимы, и я съ удовольствіемъ распространился о предметѣ, который считаю чрезвычайно важнымъ для Искусства въ нашемъ отечествѣ. Въ нашей возникающей Словесности, для ея блага, должно всѣми силами обращать усилія писателей къ истиннымъ началамъ Художества, когда они увлекаются ложными понятіями, примѣчательными только по своей необычайности; должно откровенно предостеречь тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ будущая слава Литературы, что они берутъ на себя бремя сверхъ силъ человѣческихъ, и безполезно теряютъ свои досуги на достиженіе невозможнаго: иначе, Русская Словесность всегда будетъ въ младенчествѣ, и мы не произведемъ ничего великаго, ничего удивительнаго. Но пора приступить къ Трагедіи Г. Хомякова, то есть, воз-

вратиться къ начатому: теперь уже не уклонюсь отъ предмета. Самозванецъ Г. Хомякова не похожъ на другихъ печатныхъ Самозванцевъ: поэтъ предпринялъ формальную апологію Гришки Отрепьева, и желалъ показать его человѣкомъ необыкновеннымъ, одушевленнымъ высокими помышленіями, но поставленнымъ въ ложномъ положеніи, преданнымъ въ руки глупыхъ и коварныхъ совѣтниковъ, слабымъ, и въ то же время твердымъ и слабымъ, — коротко, человѣкомъ высшаго разряда, но неопытнымъ и нерасчетливымъ. Быть можетъ, Г. Хомяковъ уже достоинъ похвалы за то, что не думалъ чужею головою, но смѣло излилъ на бумагу то, что самъ задумалъ, — и притомъ излилъ въ хорошихъ стихахъ. Но я не скажу, чтобъ такой Самозванецъ былъ вполнѣ лице драматическое, и могъ замѣнить собою въ повѣсти недостатокъ основнаго начала занимательности и Изящнаго, — сильной и нѣжной страсти. Самозванецъ не въ состояніи быть занимательнымъ, — потому, что онъ самозванецъ. Мы не въ силахъ и не должны, принимать живаго участія въ плутѣ, какъ бы знаменитъ онъ ни былъ. На комъ опирается интересъ Драмы Г. Хомякова, — если только въ его Трагедіи есть Драма? Рѣшительно, ни на комъ! Теперь научите меня средству выдержать до конца чтеніе книги въ 200 страницъ, изъ которой изгнаны за излишествомъ не только страсть, но и занимательныя лица!..... Всѣ дѣйствующія фигуры отвратительны: Самозванецъ — самозванецъ, и этого довольно; Шуйскій лицемѣръ, ханжа, холодный честолюбецъ; Марина и Патеръ Квицкій изверги, безъ поведенія; вдовствующая Царица и Басмановъ сообщники обмана и лица второстепенныя; прочіе — пролазы, льстецы, глупцы или слѣпыя орудія. Подобной ошибки въ планѣ, въ созданіи формы

изящнаго творенія, не искупитъ ни какой талантъ въ мірѣ.

Поэту оставались еще театральные эффекты, но онъ презрѣлъ и эту пружину. Двѣ сцены, въ которыхъ ожидалъ я встрѣтиться съ ними, суть — объясненіе Димитрія съ Царицею Марѳою, и совѣщаніе его съ женою. Я думалъ, что тутъ разразится громъ надъ Димитріемъ; что послѣ долгаго спора съ мнимымъ сыномъ, несчастная мать рѣшится на послѣднее средство, произнесетъ упрекъ, который собственное достоинство и гордость не позволяли ей обнаружить до того времени, и, въ отчаяніи, скажетъ ему, что онъ не ея сынъ, — что она знаетъ обманъ его! Димитрій, вдругъ уничтоженный среди ослѣпленія своего счастія; мать, доведенная добродѣтельнымъ гнѣвомъ до самаго унизительнаго признанія, — безъ-сомнѣнія образовали бы прекрасное драматическое положеніе. Но у Г. Хомякова Димитрій и Царица Марѳа старые знакомцы: они обманываютъ вмѣстѣ, съ общаго согласія, и съ перваго слова знаютъ, какъ называть другъ друга. Послѣ этой *читательской* неудачи, я надѣялся, что, когда прійдетъ рѣшительная минута, авторъ доставитъ мнѣ по крайней мѣрѣ обратную эффектную сцену, и Самозванецъ, въ опасности, сдѣлаетъ съ женою, гордою знаменитостью своего рода и тщеславною до безконечности, то, что мать забыла съ нимъ сдѣлать, — что онъ разразитъ Марину, вѣтрено предающуюся упоенію величія, необходимымъ признаніемъ въ своемъ самозванствѣ. Ничего не бывало! Марина давно о томъ знаетъ; Димитрій никогда не скрывался передъ нею, и между ними это домашнее дѣло. Это ужъ не только не драматически, но и не правдоподобно! А сцена между супругами могла бы быть чудесна, — даже при небольшомъ искусствѣ!

Содержаніе Трагедіи, въ которой нѣтъ ни силь-

ныхъ страстей, ни занимательныхъ лицъ, весьма просто. Въ первомъ дѣйствіи разговариваютъ объ охотѣ, и Дьякъ Осиповъ уличаетъ Димитрія, въ присутствіи всѣхъ вельможъ; Шуйскій взятъ подъ стражу и преданъ суду. Во второмъ, Шуйскій приговоренъ къ смерти: всѣ ходатайствуютъ о помилованіи, и ему прощается. Въ третьемъ дѣйствіи, Димитрій обиженъ посломъ Сигизмунда, и готовитъ войну Литвѣ, но Марина его уговорила, и онъ для прелестныхъ ея глазокъ, теряетъ даже тѣхъ приверженцевъ, которыхъ снискала ему благородная его рѣшимость. Совѣщанія заговорщиковъ у Шуйскаго возобновляются, и здѣсь является тѣнь интриги, которая ослабѣваетъ въ длинныхъ сценахъ и исчезаетъ въ преждевременныхъ объявленіяхъ о томъ, что кто намѣренъ дѣлать. Съ одной стороны Бояре готовятъ у Шуйскаго погибель Самозванцу; съ другой Самозванецъ, увѣщеваемый женою и Іезуитомъ, сбирается однимъ ударомъ, во время пира, истребить всѣхъ Бояръ. Послѣдняя сцена была бы прекрасна, если бъ Марина и Іезуитъ имѣли болѣе *поведенія;* но въ рѣчахъ Марины нѣтъ ничего женскаго, въ Іезуитѣ ничего Іезуитскаго. Наконецъ, Бояре предупреждаютъ ударъ, и Самозванецъ убитъ, какъ въ Романѣ Ѳ. В. Булгарина. Шуйскій достигъ верховной власти: онъ обманулъ всѣхъ!

Отнюдь не утверждаю я того, чтобъ въ этомъ произведеніи не было удачныхъ мѣстъ, даже хорошихъ сценъ; — напротивъ, въ немъ очень много прелестныхъ выраженій и стиховъ, но, по моему мнѣнію, при такомъ промахѣ въ созданіи цѣлаго, частныя красоты значатъ то же, что горсть золота, брошенная въ море для испрошенія попутнаго вѣтра, когда корабль застигнутъ тишью. Золото потеряно, — и корабль стоитъ на мѣстѣ. Послушайте заговор-

щиковъ, толкующихъ у Шуйскаго о обидахъ, претерпѣнныхъ ими отъ новаго Царя.

САЛТЫКОВЪ. Какъ дерзокъ Царь, какъ онъ неблагодаренъ!
Подумайте, какъ я служилъ ему,
И кланялся и билъ челомъ смиренно,
И съ Ляхами былъ дружень. Что жъ теперь?
На этихъ дняхъ уговорилъ я Мишшка,
Чтобъ онъ просилъ награды за меня;
И знаете ль, что отвѣчалъ Разстрига?
«Не дамъ ему: въ немъ подлая душа!».....
Душа, душа! Какъ видѣнъ бывшій Дьяконъ!

КУРАКИНЪ. Ну, признаюсь! обиженъ Салтыковъ! (*Хохочутъ*).

САЛТЫКОВЪ. Да, смѣйтеся!

Я не привожу этого мѣста, какъ самое лучшее но только какъ образецъ тона, какимъ большею частію изъясняются дѣйствующія лица. Ища красотъ Поэзіи въ этомъ твореніи Г. Хомякова, скорѣе взялъ бы я пѣснь слѣпца Антонія и слѣдующій за нею разговоръ, или нѣкоторыя мѣста изъ бесѣды Димитрія съ Басмановымъ (Явл. VIII пятаго дѣйствія). Но истинно драматическая сцена, и одна во всей Трагедіи, гдѣ пылаетъ огонь, гдѣ Поэтъ возвысился до степени изящнаго соображенія, есть появленіе, ночью, въ кельѣ Царицы Марѳы, слѣпца Антонія, клеврета Шуйскихъ и хитраго фанатика: онъ имѣетъ порученіе уговорить ее, чтобъ она торжественно объявила колеблющимся заговорщикамъ, что Димитрій не ея сынъ; онъ старается подѣйствовать на умъ набожной женщины однимъ изъ самыхъ трогательныхъ обстоятельствъ Вѣры, — тѣмъ, что она имѣетъ счастіе быть матерью Святаго, ибо могила настоящаго ея сына уже начинаетъ славиться чудесами. Но Марѳа поклялась Самозванцу предъ иконою, всегда свято хранить ужасную тайну подлога, и на другой день долженствовала всенародно

объявить Москвѣ, что онъ дѣйствительно тотъ самый, котораго считали убитымъ въ Угличѣ.

АНТОНІЙ..... И ты тому не вѣришь,
Что вскормленный для будущихъ злодѣйствъ
Отравами коварныхъ Іезуитовъ,
Онъ обѣщалъ учителямъ благимъ
Смирить главу Святой Христовой Церкви
И подъ пяту Латинскаго врага
Ее сложить. Ты этому не вѣришь?
Иди жъ внимать, въ часы его забавъ
Какъ нагло онъ надъ Вѣрою смѣется,
Какъ въ дни постовъ, порой святыхъ молитвъ,
Бѣснуется съ толпами скомороховъ
Средь пѣсень, винъ и смрада гнусныхъ яствъ;
Какъ иноковъ торговой казнью мучa,
Обителей завѣтную казну
Для праздниковъ безбожно расхищаетъ.
Гляди, какъ Ляхъ вступаетъ въ чистый храмъ
И за собой, хохоча, вводитъ стаю
Нечистыхъ псовъ.... Иль нѣтъ, идемъ туда,
Гдѣ въ сумракѣ церквей исозаренныхъ
Едва блеститъ ночной лампады свѣтъ;
Тамъ слушай гласъ Іереевъ, звукъ анаѳемъ,
Зовущихъ Божій громъ на Лже-Царя;
Внимай, внимай, и послѣ — сихъ проклятій
Тягчайшую, ужаснѣйшую часть
Возьми съ собой! Ц. МАРѲА. О пощади, Антоній!
Ты грудь мою терзаешь; но увы!
Я Шуйскаго отъ гибели спасая,
Присягою тяжелой сопрягла
Свою судьбу съ судьбой злодѣя. АНТОНІЙ. Клятвой?
И этимъ ли оковань робкій духъ?
Сильнѣе ли обѣтъ безумной, грѣшной,
Чѣмъ тотъ обѣтъ, что Богу ты дала
При таинствѣ спасительной купѣли?

Ц. МАРѲА. Нѣтъ, старецъ, нѣтъ; не знаешь ты тѣхъ словъ,
Тѣхъ грозныхъ словъ, которыми навѣки
Связала я свой трепетный языкъ.

АНТОНІЙ. Ты совершила страшный грѣхъ: но слушай!
Когда бъ клялась ты Руси измѣнить
Иль въ спящаго, невиннаго младенца
Вонзить кинжалъ, иль Бога позабывъ,
Поправъ Креста животворящу силу,
Безсмертный духъ продать бѣсамъ, — скажи....
Должна ль бы ты тогда обѣтъ исполнить?
Все въ клятвѣ той сосдинила ты,
Обманъ и кровь, отечеству измѣну,
Предательство предъ Вѣрой и Творцемъ,
И торжество нечистыхъ силъ, и болѣ
О, болѣе еще. — Иди за мной,
Союзъ грѣха расторгни покаяньемъ,
Преступника оставь! ЦАРИЦА МАРѲА. Я не могу.
Не отвѣчай, подумай! я въ страданьяхъ,
Въ презрѣніи влачила дни свои;
Всѣ съ ужасомъ измѣнницы бѣжали;
Онъ жизнь мою мгновенно оживилъ,
Бездѣтную сыновнею любовью
Онъ окружилъ, и мщенье мщенье далъ;
Да: мщеніе, котораго такъ долго
Алкала я; и дней моихъ закатъ
Озолотилъ торжественной зарею. —
И онъ мой сынъ, и я Царицей вновь:
А гдѣ враги? во прахѣ. — О Антоній!
Забуду ль все и измѣню ль ему,
Чтобъ снова быть страдалицей презрѣнной?

АНТОНІЙ. Остановись! Такъ вотъ чему душой
Ты жертвуешь, и Вѣрой и Россіей?
А, вотъ чему! Безумной мишурѣ
Мгновенныхъ почестей и злой гордынѣ
И мщенію! Но вѣдай же, Царица,
Что безъ тебя судьбъ твоихъ завѣтъ
Свершитъ Господь; что безъ тебя съ престола
Преступника онъ свергнетъ, безъ тебя
Освободитъ онъ Вѣру Православну.
Но ты, отвергшая его призывъ святой,
Раба грѣха, отнынѣ надъ тобой
Клеймо суда, анаѳема презрѣнья

Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ:
И казнь стыда и отверженья
Съ названіемъ твоимъ къ потомству перейдетъ.

Ц. МАРѲА. Зачѣмъ, зачѣмъ столь грознымъ испытаньемъ
Безсильная жена посѣщена?
И робкому, волнуемому духу
Зачѣмъ людей тяжелая судьба
Поручена? АНТОНІЙ. И ты ль на Бога ропщешь?
Ты, болѣ всѣхъ въ сей беззаконный вѣкъ
Избранная и взысканная свыше?
Ты ль на отвѣтъ Всевышняго зовешь?
Межь тѣмъ, какъ онъ, сіяньемъ чудотворства
И святостью видѣній неземныхъ,
Царевича безгрѣшную могилу
Прославилъ дивно? Ц. МАРѲА. Чью могилу? чью?
Димитрія? АНТОНІЙ. И ты того не знала,
Не слышала? Ужель никто доселѣ
Преступницѣ повѣдать не дерзнулъ
Величіе отверженнаго сына?
Уже давно въ дали степей глухихъ,
Во тмѣ лѣсовъ, въ пустыняхъ полунощныхъ,
Вездѣ гремитъ хвалебныхъ ликовъ гласъ
Димитрію, а ты одна не знаешь?
Несчастная! Ц. МАРѲА. О счастливая мать!
Мой сынъ, мой сынъ небесною любовью
Искупитъ. АНТ. Нѣтъ: отвергнетъ онъ тебя,
Какъ ты его отвергла. Ц. МАРѲА. Боже, Боже!

АНТОНІЙ. Онъ чуждъ тебѣ: твой сынъ Разстрига злой,
Избранникъ твой, любимецъ; съ нимъ прекрасный
Свой путь свершишь, съ нимъ мзду пріимешь ты.
И каждый лучъ небесной благодати
Сіяющій надъ отрокомъ твоимъ,
Надъ отрокомъ, отверженнымъ тобою,
И каждое Разстриги злое дѣло,
Какъ тяжкій гнетъ въ бездонной глубинѣ
Тебя прижметъ, какъ мечъ вонзится въ душу.
Какъ огнь сожжетъ. Ц. МАРѲА. И завтра я должна
Отъ сына вновь отречься отъ Святаго,

И Патріархъ благословитъ обрядъ,
И вся земля узнаетъ. АНТ. Завтра, завтра?
Свою бѣду почуялъ хитрый врагъ. —
Но съ нами Богъ! — Въ послѣдній разъ, Царица,
Всевышняго ослушная раба,
Зову тебя; послѣдній мигъ спасенья
Дастъ Господь; расторгни плѣнъ грѣха:
Иди за мной, отвергни Самозванца.
Ты медлишь? А! возьми же приговоръ!
Внемли ему. — Твое отнынѣ имя
Изгладится изъ Книги Живота,
И въ небесахъ, среди блаженныхъ ликовъ,
Какъ ложь, какъ грѣхъ, забудется оно;
И отвратится Ангелъ покаянья;
И въ безпредѣльной благости Творца
Тебѣ одной пощады не найдется. (*Беретъ ее за руку.*)
Но ты дрожишь, ты стонешь, слезы льешь!....
О, знаю я, ты не отвергнешь сына;
Внемли, внемли, я слышу: онъ зоветъ!
Воззри горѣ: чело его сіяетъ.
Съ своихъ небесъ, съ блаженныхъ тѣхъ высотъ,
Онъ чистыя объятья простираетъ,
И грѣшницу вѣнцами осѣняетъ,
И въ Божій рай тебѣ отверзся входъ.
О не бѣги призванія роднаго,
Не отвергай младенца своего!
За мной, за мной; я именемъ его
Тебя зову. ЦАРИЦА МАРѲА. Антоній, я готова!

Какъ жалко видѣть подобную сцену, не смотря на ея непомѣрную длинноту, въ самомъ сочиненіи поставленною въ ледяномъ чертогѣ Трагедіи «Димитрій Самозванецъ», гдѣ и красоты свѣтятся не своимъ блескомъ, но холоднымъ огнемъ лучей солнца, отраженныхъ отъ гладкаго, полированнаго льда! То вѣрно, что путь къ безсмертію не черезъ Драмы, въ которыхъ нѣтъ сильныхъ страстей.

Панорама Санктпетербурга. *Часть первая. С.-Петербургъ, 1834. Съ виньетами, планами и гравированными видами.*

Какъ бы то ни было, я Москву уважаю, а люблю Петербургъ: это столица въ полномъ значеніи слова, — вмѣстѣ гавань, торговый городъ, музей, ярмарка, мануфактура, и бальная зала и фасадъ Россіи.

Москва имѣетъ свои преимущества, которыхъ я у ней не отнимаю. Она справедливо гордится своимъ сановитымъ Кремлемъ, множествомъ своихъ церквей, лѣсомъ своихъ грушеобразныхъ башенъ. Москва есть городъ, великолѣпно набросанный на большомъ пространствѣ прекрасно изваянной земли, огромный, многолюдный, пустопорожній, пестрый, живописный, странный; исполненный рѣдкостей и противоположностей, поражающій яркостью своихъ красокъ и глубокою мрачностью своихъ тѣней, носящій на своихъ зданіяхъ, видахъ, деревьяхъ, почвѣ, въ самомъ даже воздухѣ, тотъ плѣнительный отпечатокъ народности, котораго ни перенести въ другое мѣсто, ни поддѣлать не возможно, занятый расчитываніемъ своихъ богатствъ на тысячи душъ и своей славы на столѣтія, преданный шумнымъ забавамъ и философскимъ разсужденіямъ, и зѣвающій отъ скуки среди забавъ, разсужденій, тысячъ душъ и столѣтій. Все это презанимательно, — но я не охотникъ до Древностей, и предпочитаю Петербургъ: онъ выросъ съ нами, онъ намъ братъ, нашъ школьный товарищъ, дитя и представитель нашей образованности. Въ немъ родилась и теперь воспитывается будущность Россіи.

Посмотрите, какъ онъ молодъ, свѣжъ, красивъ, правиленъ, изященъ! Какъ убранъ, раскрашенъ, уставленъ безчисленными рядами Коринѳскихъ колоннъ и Шведскихъ печей на маперъ Аѳинскій! Это Европа юная и еще невинная.

И когда хочу я видѣть Петербургъ, который всегда имѣю предъ глазами, то надѣваю плащъ и галоши, и иду ровно въ два часа на Невскій Проспектъ: онъ тогда гуляетъ тамъ семейно, ведя за руку наряженное куклою, любимое свое дѣтище,— тщеславіе.

Что писать критику! Лучше пойдемъ на Невскій Проспектъ. Петербургъ тамъ!

Небо завалено мелкими сѣрыми обрывками облаковъ. Сѣверо-западный вѣтеръ распинаетъ флаги. Дождь не падаетъ каплями, но только, подобно счастію, нисходящему во время сна, легкимъ прозрачнымъ туманомъ осаждается на перила и тротуары, поламывая въ костяхъ у старыхъ холостяковъ, разоряя отставные усы у провинціяловъ, и развивая у красавицъ жидовскіе локоны, которые уныло, безъ жизни, безъ надежды, висятъ на розовыхъ озябшихъ щекахъ, какъ отчаяніе, по словамъ Г. Жанена, или подобно Черкесскимъ нагайкамъ, какъ выражается одинъ нашъ Русскій Философъ. Солнца не видно уже три недѣли. Петербургскіе жители, встрѣчаясь, говорятъ другъ другу:—Ахъ, какая прекрасная погода!...

Шляпы и щляпки роятся на широкомъ и длинномъ тротуарѣ любимаго гульбища. Безчисленныя группы веселыхъ пѣшеходовъ, вѣрныя супружескія пары и пасмурныя одинокія фигуры текутъ туда и назадъ безпрерывною струею, встрѣчаются, смѣшиваются, пересѣкаются, толпятся и опять расходятся. Цвѣта розовый и черный, голубой и желтый, красный и лиловый,—лица бѣлыя и смуглыя, блѣдныя и багровыя,—глаза синіе, сѣрые, черные, безцвѣтные,—движась, мелькая, исчезая, сталкиваясь невзначай, сливаясь въ радуги, сбиваясь въ массы, — и вдругъ разлагаясь, представляютъ живую, неподражаемую игру узоровъ, красивыхъ, пестрыхъ, уродливыхъ, скудныхъ, отвратительныхъ, чудесныхъ.

Женщины и мужчины бѣгутъ, тѣснятся, пробираются, толкаютъ и учтиво просятъ извиненія, для здоровья: здѣсь всѣ важно сустятся подъ этою общею вывѣскою. И эти три розовые капота, модные, легкіе, жеманные, страждущіе ознобомъ, но такіе тонкіе въ таліи и такіе короткіе въ юбкѣ, расхаживаютъ, побрякивая зубами, для здоровья. И эти двѣ миленькія ножки, насильно вбитыя въ пару тѣсныхъ Варшавскихъ башмаковъ, лѣзутъ прямо въ лужу для здоровья. И этотъ великолѣпный разноцвѣтный клокъ для здоровья тащится въ грязи. И эта обезьяна въ Англійскомъ сюртукѣ и съ Чухонскими глазками, увиваясь въ толпѣ, забѣгаетъ впередъ всякому и снимаетъ шляпу; и эта олицетворенная гордость, высокая и неприступная какъ стѣны Ахалцыха, шагаетъ въ галошахъ по скользкимъ плитамъ, фыркаетъ и презираетъ весь родъ человѣческій, — для здоровья. Франты вертятся, щеголи выставляютъ себя на показъ, влюбленные вздыхаютъ, кокетки улыбаются, старики кашляютъ, обольстители волочатся, неуклюжіе наступаютъ другимъ на ноги, маменьки важничаютъ, дочки стрѣляютъ изъ шляпокъ нѣжно-любопытными взорами, нахалы заглядываютъ дочкамъ подъ шляпки, гувернантки ворчатъ. А тутъ записные вѣстовщики загораживаютъ вамъ дорогу важною новостью, какъ колодою! Вы перепрыгнули черезъ важную новость, — а тамъ всемірные друзья, пожимая руку Проспекту, вывихнули у васъ палецъ, — тогда какъ вокругъ васъ знакомцы перемигиваются, щеголихи пересмѣиваютъ, счастливые выскочки не узнаютъ вчерашнихъ своихъ знакомцевъ, пріятели клевещутъ, пріятельницы злословятъ, наушники подстерегаютъ.... Тфу, мерзавецъ! какой-то пролазъ пролизнулъ между моихъ ногъ и чуть-чуть не повалилъ меня въ лужу, спѣша мелькомъ закинуть позади меня свое словцо, — липкое сѣмя злобы, принимающееся всю-

ду, и на каменной почвѣ тротуаровъ,—способное прорыть гранитъ своими корнями, и, черезъ годъ, черезъ два года или болѣе, вырости въ гнусныя вѣтви интриги!..... По крайней мѣрѣ, покорные пріѣзжіе ходатаи, кланяясь Петербургу, поклонились и мнѣ съ благоговѣніемъ! Я забылъ о пролазѣ, и отрадно утопаю въ чувствѣ моего достоинства, — достоинства жителя всемощной столицы. Вотъ плуты надуваютъ! Вотъ дѣловые степенно нюхаютъ табакъ! Вотъ должникъ рысью уходитъ отъ попавшагося на встрѣчу кредитора, и мотъ умильно проситъ денегъ дозавтра! Неблагодарные отворачиваются и краснѣютъ, завистники терзаютъ невиннаго, проигравшіе дѣло проклинаютъ весь свѣтъ, и меня вмѣстѣ, враги сердечно здороваются, и, отойдя, другъ друга предаютъ чорту..... Въ самомъ дѣлѣ, гулянье сегодня необыкновенно пріятно!

Гдѣ жъ мой пріятель V***?... Гдѣ Петръ Петровичь?... Я ихъ не вижу,—а безъ нихъ нѣтъ гулянья, нѣтъ Невскаго Проспекта, нѣтъ Петербурга!.... А! вотъ мой пріятель!.... Онъ держитъ кого-то за полу, зоветъ къ себѣ сегодня обѣдать, и исчисляетъ ему тѣхъ, которые уже обѣщали сдѣлать эту честь его повару. Петръ Петровичь кажется, зазываетъ этихъ господъ на завтрашній аукціонъ къ Тамизье?....Тѣмъ лучше! Слѣдственно все въ порядкѣ. Всѣ предводители Невскаго Проспекта здѣсь на-лицѣ! Ираклій Иракліевичъ пересказываетъ всѣмъ поочередно вчерашнюю свою партію виста; вотъ что у него было: «Тузъ, король, дама, семерка самъ-шестъ козырей; дама, валетъ, девятка, пятерка; тузъ, дама, десятка..... Что жъ? Проигралъ левѐ!!.....» И Баронъ фонъ Гундшванцъ здѣсь съ своею собакою! И Вася Пускуповъ съ своими фразами изъ Бальзака, которыя громко лепечетъ онъ двумъ тощимъ дамамъ, чтобъ всѣ слышали, какъ онъ говоритъ по-Французски! Какой ком-

плектъ! Между-тѣмъ потокъ неется съ шумомъ; между-тѣмъ все движется, плыветъ, кружится омутомъ и быстро уходитъ далѣе; около моей головы летаютъ рои словъ и звуковъ; со всѣхъ сторонъ, какъ щепки изъ подъ топора, прыскаютъ вамъ въ уши отрывки бѣглыхъ разговоровъ, острые осколки фразъ, черепки разбитыхъ мыслей, лопнувшіе въ воздухѣ замѣчанія, уроненныя и раздавленныя ногами нѣжности.—Pardon, mesdames!—Какой дуракъ!— Вы думаете, что онъ точно....? — Обыграли его на вѣрняка. — Моя Персидская кобыла..... — Посмотри, маменька, на эту куклу! Il faut être un grand sot..... — Mille obligations! — Вотъ это мужъ той, которую..... — Ja wohl! das muss wahr seyn.—Теперь она влюблена въ..... — *Анасьинѝ, бабасьинѝ, Мустафа-Ага!* — Indeed? — Ну, это понимается! — Mais elle charmante! — Questi signori Russi..... — ....А бѣдный мужъ!.... — Онъ будетъ отвѣчать Полевому. — Скажите, откуда она добываетъ деньги! — Соня, у тебя башмакъ развя.... — Уфъ, Марья Ивановна! зачто ты меня такъ ущипнула? — Vous êtes bien bonne, madame! — Иванъ Ивановичъ! что ты, батюшка? съ ума сходишь? зачѣмъ такъ пристально на нее смотришь? — Я ни какихъ книгъ не читаю.—Какой онъ милый? —Ваша собачка, сударыня? — Отворачивается! не узнаетъ! — Ахъ, подлецъ! — И эта карета не заплачена! — Постой, голубчикъ! прійдемъ домой; я съ тобой раздѣлаюсь. — Мой мужъ уѣдетъ въ седьмомъ часу..... — Задамъ же я этому негодяю!

Послѣ такого моціона, всѣ Петербургскіе жители непремѣнно должны быть здоровы! Я думаю, мы будемъ обѣдать сегодня съ большимъ аппетитомъ.

Постойте, однако жъ, милостивые государи! Мы гуляемъ какъ сапожники. Такъ гулять не возможно въ нашемъ вѣкѣ. Что̀ пользы, что мы, городъ Петербургъ, собрались всѣ въ одной улицѣ, и ходимъ

взадъ и впередъ!.... Знаемъ ли мы, гдѣ ходимъ? и почему здѣсь ходимъ? кто здѣсь ходилъ прежде? и какъ здѣсь ходили наши предки? и что они думали, расхаживая? что говорили, думая? и наконецъ, что такое мы, Петербургъ? – Мы ничего этого не знаемъ! Мы не имѣемъ понятія о великолѣпномъ городѣ, въ которомъ живемъ, о рѣдкостяхъ и богатствахъ всякаго рода, вещественыхъ и умственныхъ, которыя въ немъ накопились въ теченіе столѣтія, и которыми мы окружены. Такъ ли гуляютъ на свѣтѣ другія столицы, которыя не стоятъ и половины нашей? Въ XIX вѣкѣ должно гулять не ногами, но головой, – гулять исторически, статистически и топографически, – какъ гуляютъ просвѣщенные народы, которые знаютъ, какъ слѣдуетъ расхаживать по своему городу. Надо дѣлать основательно. Я пришелъ сюда гулять съ книгою въ карманѣ, ученымъ и полезнымъ образомъ, – и вамъ совѣтую сдѣлать то же. Вотъ она! Имя ей «Панорама Петербурга!» Посмотрите, какая красивая! Ее не стыдно показать и на Невскомъ Проспектѣ. Видали ли вы Русскую книгу милѣе этой? Ее должно бы знать на-изусть всякому посѣтителю этой улицы; а покрайней мѣрѣ имѣть у себя дома. Я предлагаю составить журналъ гулянья, и, въ полномъ засѣданіи Невскаго Проспекта, запнеать благодарность А. П. Башуцкому за его прекрасный трудъ и пожертвованія для насъ, Петербурга, и для всѣхъ тѣхъ, которые не имѣютъ счастія быть нами. Право, онъ достоинъ нашей благодарности! Если бъ онъ не имѣлъ чести родиться на Мойкѣ, я предложилъ бы вамъ поднести ему дипломъ на званіе Петербургскаго гражданина за эту прелестную снаружи и преполезную внутри книгу, съ правомъ гулять здѣсь одному въ девятомъ часу вечера. Во всякомъ случаѣ, нашъ долгъ хоть уступить ему почетное мѣсто на тротуарѣ Невскаго Проспекта, и

потомъ купить его сочиненіе, которое каждому изъ насъ необходимо.

Символъ нашего возрожденія въ политическомъ свѣтѣ, красивая, голова съ изящными Греческими чертами и благороднымъ челомъ, на гигантскомъ тѣлѣ Россіи, величественное осуществленіе блистательный мечты Генія, Петербургъ вполнѣ заслуживаетъ быть тщательно изученъ Русскимъ. Эта наша Ниниія,— памятникъ, воздвигнутый нашими Государями благоденствію и славѣ возобновленаго отечества. И между-тѣмъ, быть-можетъ, нѣтъ ни одного города въ Европѣ, который бы менѣе былъ извѣстенъ его жителямъ, чѣмъ Петербургъ! Исторія его не многосложна, не окружена облакомъ древности, — и та уже, оставленная памятію безпрестанно мѣняющихся обывателей, перешла во владѣніе немногочисленнаго класса литераторовъ.

Земля, на которой построенъ Петербургъ, была, кажется, древнее достояніе Нордманно-Руссовъ. Многія историческія данныя заставляютъ думать, что Ингрія, Карелія и вся Финляндія, съ частію нынѣшней сѣверной Норвегіи, принадлежали предкамъ Рурика, — и были совокуплены въ одно государство съ Новымъ городомъ, Весью и Чудью, когда его династія распространила свое владычество въ тѣхъ странахъ. При царствовавшей тогда у Нордманновъ системѣ Удѣловъ, соединеніе это могло быть болѣе династическое, нежели правительственное; но и тогда, какъ линія Рурика совершенно отдѣлилась отъ своего Дома, и двинулась къ югу и востоку, основанная ею Финно-Славянская Русь не отказывалась отъ правъ своихъ на древнія владѣнія рода Русскихъ Князей, современемъ перешедшія подъ власть другихъ Княжескихъ родовъ Скандинавіи. Ингрія и Карелія долѣе другихъ областей оставались за Россіею, и принадлежали Новугороду подъ названіемъ «Вотской

Пятины». Въ послѣдствіи Швеція утвердила здѣсь свое владычество. По взятія Шлотборга, нынѣшняго Шлиссельбурга, въ 1703 году, —

«Видя себя властелиномъ Невы отъ истока ея до самаго устья, — ибо хотя Шведская эскадра находилась еще въ виду, но не могла войти въ рѣку, по недостаточной глубинѣ, — Петръ вознамѣрился стать твердою ногой на возвращенномъ имъ силою оружія мѣстѣ, и укрѣпить оное такъ, чтобы всѣ покушенія Шведовъ къ обратному завоеванію онаго содѣлать безплодными. Съ сею цѣлію, вскорѣ послѣ Усть-Невскаго дѣла, Царь собралъ Военный Совѣтъ, на которомъ было разсуждаемо: должно ли укрѣпиться въ Шлотбургѣ, или предпочесть иное мѣсто, не столь удаленное отъ моря? — Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, Шлотбургъ, по причинѣ тѣсноты, по слабымъ способамъ, представлявшимся къ его оборонѣ, и, всего болѣе, по отдаленію отъ устья Невы, положили срыть, и построить новую крѣпость ближе ко взморью. Для выбора къ тому мѣста, Петръ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ особъ, поѣхалъ осматривать острова, омываемые разными рукавами Невы, и здѣсь-то блеснула въ умѣ его великая и полезная мысль: въ семъ уединенномъ, но богатомъ удобствами мѣстѣ, основать обширный городъ и оживить дикія пустыни Ингріи и Кореліи народонаселеніемъ, торговлею и промышленостію. Необозримыя пространства лѣсовъ и болотъ, представлявшихся со всѣхъ сторонъ взорамъ Царя, не остановили его исполинскаго намѣренія: оно было принято — и небольшой низменный островъ *Енисари*, или *Заячій*, лежащій на Большой Невѣ, предъ нынѣшнею Петербургскою стороною, избранъ для заложенія крѣпости.

«Есть преданіе, будто еще предшественникъ Карла XII подарилъ знатному Шведскому вельможѣ (кажется, Графу Стенбоку) участокъ земли при Невскихъ устьяхъ. Графъ, прельстясь красивымъ и выгоднымъ положеніемъ мѣста, построилъ тамъ мызу, заселилъ ее и назвалъ Lustholm (увеселительный островъ). Не прошло двухъ, трехъ лѣтъ, какъ осенью, еще до появленія льда, нѣсколько изъ жившихъ при мызѣ поселянъ погибли отъ стужи, а вслѣдъ затѣмъ

выступившая изъ береговъ вода затопила все селеніе. Графъ, увидѣвъ свои труды и издержки утраченными, не разсудилъ заблаго возобновлять разрушенныя строенія, назвалъ подаренное ему мѣсто Teufelsholm (чортовъ островъ), и уѣхалъ, оставивъ разоренную мызу въ запустѣніи и забвеніи. Преданіе сіе, не подтверждаемое свидѣтельствами современниковъ, вѣроятно вымышлено, но тѣмъ не менѣе удачно приноровлено къ понятію о Петербургскомъ климатѣ, который въ настоящее время еще умѣреннѣе прежняго отъ увеличивающагося съ каждымъ почти днемъ народонаселенія, и отъ сопряженныхъ съ онымъ осушенія болотъ и вырубки лѣсовъ.»

Петропавловская Крѣпость, и баттарея, устроенная на *Лосиномъ* (Васильевскомъ) Острову на мѣстѣ нынѣшней Биржи, были первое ядро будущей столицы Сѣвера, о которой Петръ Великій тогда еще не думалъ. Для личнаго надзора за работами, Царь велѣлъ выстроить для себя на Петербургскомъ Острову, называвшемся по-Фински *Койвисари*, или Березовымъ, скромный деревянный домикъ въ двухъ стахъ саженяхъ отъ берега Невы, который донынѣ сохраняется какъ святыня, — какъ жилище великаго человѣка, и первое зданіе внѣ крѣпости, — первый домъ города Петербурга. Народъ, собранный для производства работъ въ крѣпости, также строилъ себѣ хижины по разнымъ островамъ. Междутѣмъ, громы войны раздавались окрестъ, и малѣйшая неудача на полѣ брани грозила неминуемымъ разрушеніемъ воздвигающейся твердынѣ и хижинамъ. Въ томъ же году прибылъ въ Неву первый купеческій корабль подъ Голландскимъ флагомъ, для торга съ работниками и военными. Въ 1705, Царь приказалъ уже выстроить по близости своего домика и дома Меньшикова деревянныя лавки, и около нихъ большіе «Торговые ряды», гдѣ продавалась смѣсь разныхъ товаровъ. Шведы стояли лагеремъ на Фон-

танкѣ; но тогда уже первыя черты будущаго города примѣтно начинали отдѣляться отъ хаоса сваленныхъ въ безпорядкѣ лѣсовъ, болотъ, пустынь, воды и нестройныхъ хижинъ.

«Не смотря на безпокойства, наводимыя Шведами на Петербургскихъ жителей, число ихъ безпрестанно возрастало. Финны, Эстляндцы, Лифляндцы, и даже самые Шведы, лишенные въ продолженіе войны своихъ жилищъ, приходили селиться въ новостроимый городъ, если не охотно, то по необходимости. Иноземные художники, ремесленники и матрозы также являлись цѣлыми семействами, для снискиванія пропитанія. Охотнѣе всѣхъ пріѣзжали въ Петербургъ мелочные торговцы, въ особенности изъ Новагорода. Кромѣ того, Татары и Калмыки, вызванные изъ дальныхъ странъ для крѣпостной работы, добровольно оставались въ Петербургѣ тысячами, ибо работая для частныхъ людей по найму, пріобрѣтали чрезъ то столько денегъ, что могли строить собственные свои домы, подъ которые отводилась имъ безденежно земля, равно какъ и потребный лѣсъ. Если ко всѣмъ симъ поселенцамъ прибавить еще являвшихся изъ бѣговъ солдатъ, каковыхъ въ царствованіе Петра Великаго, особенно въ первой половинѣ, бывало весьма много, и которыхъ повелѣвалось отправлять на работы въ Петербургъ, и наконецъ, ко всему присовокупить гарнизонныя войска, коихъ число безпрестанно увеличивалось, то можно ли удивляться, что въ столь короткое время на мѣстахъ бѣдныхъ хижинъ возникли цѣлые ряды домовъ и улицъ, и безмолвныя пустыни, каковыми до того были мѣста, омываемыя устьями Невы, обратились въ населенный городъ?»

Такъ вотъ первоначальное, коренное народонаселеніе нашей столицы! Чухонцы, Латыши, Нѣмцы, Голландцы, Новогородцы, Татары, Калмыки!...Боюсь, чтобы, въ такомъ случаѣ, и самъ я не происходилъ отъ какого-нибудь Калмыка: мой сосѣдъ очевидно происходитъ отъ этого племени, но, перераждаясь въ теченіе ста тридцати лѣтъ, и облагороживаясь постепенно, изъ *Бирю-юкши-Гундуръ-Чипчена* онъ наконецъ превра-

тился въ *Губернскаго Секретаря Чипченова.* Онъ уже давно Русскій человѣкъ, и Чипченовъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи родъ его, быть-можетъ, возвысится до точки Высокоблагородія: тогда, вѣроятно, переселится онъ съ Петербургской стороны въ самый городъ, и исчезнетъ въ массѣ наноснаго народонаселенія. Междутѣмъ, мой сосѣдъ и сослуживецъ, Губернскій Секретарь Чипченовъ внушаетъ мнѣ особенное къ нему почтеніе: я смотрю на него съ умиленіемъ, какъ на типъ кореннаго Петербургскаго обывателя, какъ на человѣка, въ жилахъ котораго течетъ кровь первыхъ строителей этой столицы. Взглянувъ на него, я вижу передъ собою черты пяти или шести племенъ, рывшихъ фундаменты города, въ которомъ онъ смирно обитаетъ! Эти гладкіе черные волосы и свѣтлокоричневый цвѣтъ кожи безспорно принадлежатъ еще трудолюбивому Бирю-юкчи-Гундуръ-Чипчену. Эти сѣрые глаза оставила въ его родѣ хорошенькая Чухонка. Терпѣливость, флегма, наклонность къ пуншу и молчанію, принесены въ его домъ дочерью Голландскаго ремесленника. Носъ, губы и борода очевидно Русскіе. О, если бъ вы, почтенный Г. Чипченовъ могли всегда остаться такимъ же! Не мѣняйте вашихъ чертъ ни на какія другія въ мірѣ, — ни даже на черты Белведерскаго Аполлона: онѣ, въ моихъ глазахъ, благороднѣе и изящнѣе Греческихъ и Римскихъ. Вы должны гордиться чертами тѣхъ, которые трудились при глазахъ Великаго. Живите всегда на Петербургской Сторонѣ, и, къ вашему скромному чину, прибавьте, прошу, почетный титулъ: «Потомокъ одного изъ основателей Петербурга.» А когда израсходуете ваше жалованье прежде срока трети, приходите на пуншъ ко мнѣ: я васъ попотчиваю настоящимъ Голландскимъ грогомъ, — такимъ, какой одинъ изъ вашихъ предковъ, послѣ денныхъ трудовъ со скоблемъ въ Адмиралтействѣ, нѣкогда пивалъ въ *Аустеріи.*

Въ 1707 году, весною, явилось въ Петербургѣ пятнадцать тысячъ работниковъ, собранныхъ по Царскому указу съ ближайшихъ городовъ и деревень, и работы оживились новою дѣятельностью. Пожаръ осенью едва не уничтожилъ всѣхъ трудовъ лѣта.

«Петербургъ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе заселяемый, въ 1708-мъ году, т. е. чрезъ пять лѣтъ по его основаніи, уже могъ въ полномъ смыслѣ называться городомъ — и городомъ Европейскимъ, ибо главные его жители были большею частію или иностранцы, или хотя и Русскіе, но люди чиновные, уже перенявшіе образъ жизни и обычаи просвѣщенныхъ Европейцевъ. Петръ видѣлъ съ восхищеніемъ плоды трудовъ, подъятыхъ имъ для созданія Петербурга, и желалъ сдѣлать участниками своего удовольствія особъ, близкихъ ему по родственнымъ связямъ. Собираясь къ веснѣ въ Невскій свой городъ, онъ пригласилъ посѣтить оный вдовствовавшую супругу Царя Іоанна Алексѣевича съ тремя дочерьми ея, Царевнами Екатериною, Анною и Параскевіею, равно и трехъ сестеръ своихъ, Царевенъ Наталію, Марію и Ѳеодосію, кои знали Петербургъ только по слуху, ибо жили постоянно въ Москвѣ, хотя уже во многомъ заимствовавшей Европейскую образованность, но во многомъ еще сохранявшей обычаи старины.»

Но опять туча сбиралась надъ раждающимся городомъ. Шведскій Генералъ Любекеръ внезапно появился у Шлиссельбурга. Тревога овладѣла всѣми. Петербургскіе жители, оставивъ свои постройки, должны были приготовляться къ защитѣ отъ наступающаго непріятеля; хлѣбные припасы были убраны въ крѣпость; чего не успѣли убрать, то сожгли, и новые поселенцы, между отчаяніемъ и надеждою, ожидали развязки дѣла, которое, по счастію, кончилось ошибками Любекера и торжествомъ Апраксина.

Лѣвый берегъ Невы заселялся болѣе и болѣе, и самый Петербургъ начиналъ уже переходить на эту сто-

рону. Адмиралтейство, въ которомъ съ невѣроятною поспѣшностью созидался первый Россійскій флотъ, — изъ котораго суда разной величины одни за другими слетали съ верфей на Невскія воды, было центромъ дѣятельности и промышленности жителей, и необходимо долженствовало сдѣлаться сердцемъ новаго города. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Зимній Дворецъ, воздвиглась въ 1708 Реформатская церковь. Адмиралъ Крюйсъ построилъ на дворѣ своего дома церковь для Лютеранъ, освященную во имя Св. Апостола Петра, и Толль, изъ Амстердама, былъ первымъ ея пасторомъ. Но слѣдующій годъ, ознаменованный Полтавскою побѣдою, навсегда утвердилъ и колеблющуюся судьбу Петербурга. Царь рѣшился перенести сюда столицу Имперіи. Министры и всѣ знатныя особы получили приказаніе переселяться въ «Невскій городъ.» Для отвращенія пожаровъ, не разъ угрожавшихъ превратить все въ пепелъ, повелѣно было строить каменные домы. Послы Царскіе между тѣмъ заключали трактаты съ иностранными Державами и городами о торговлѣ съ Петербургомъ.

«Обративъ вниманіе на красивое положеніе Лосинаго Острова, гдѣ нѣкогда стояла баттарея Поручика бомбардирской роты Василія Корчмина, онъ (Меншиковъ) избралъ восточную часть онаго для построенія себѣ дома, который бы соотвѣтствовалъ важности его сана и любви его къ роскоши и великолѣпію. Съ средствами, какія имѣлъ сей знаменитый вельможа, первый любимецъ и другъ Царя, Губернаторъ города, и человѣкъ, обладающій несмѣтнымъ богатствомъ, ему не трудно было приводить въ исполненіе самые обширные планы, если только они не превышали силъ человѣка. Съ сими средствами приступилъ онъ, еще въ 1709 г., къ построенію, на берегу Большой Невы, огромнаго каменнаго дома въ четыре этажа, съ длинными по сторонамъ трехъэтажными флигелями и съ большимъ садомъ, простиравшимся въ ширину острова до самой Малой Невы. Не смотря

на огромность работы, строеніе возникало съ невѣроятною быстротою; къ осени 1710-го года средняя и вмѣстѣ главная часть онаго и вся набережная сторона праваго флигеля были выведены, и многіе внутренніе покои отдѣланы. Въ числѣ послѣднихъ находилась высокая зала, удивлявшая всѣхъ жителей и посѣтителей Петербурга своею обширностію: въ продолженіе многихъ лѣтъ она служила для большихъ празднествъ и баловъ. Входъ въ сію залу велъ съ набережной по широкой, красивой лѣстницѣ, а изъ самой залы былъ выходъ на просторный балконъ, съ котораго можно было обозрѣвать пространство Большой Невы, омывающей Петербургъ, и весь лѣвый ея берегъ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе заселяемый. Смежныя съ залою комнаты, назначавшіяся собственно для жительства Князя, были украшены по потолку и стѣнамъ небольшими бѣлыми изразцами, съ изображеніями синяго цвѣта, заимствованными частію изъ Свѣтской Исторіи. Парадныя комнаты украшались гобеленовыми обоями, подаренными Петру въ бытность его въ Парижѣ.

«Не меньшее великолѣпіе отличало домашнюю утварь, которая, вмѣстѣ съ краснымъ убранствомъ стѣнъ, отражалась на блестящихъ штучныхъ полахъ, изъ разноцвѣтнаго дерева. Надъ срединою набережнаго фасада, на полуовальномъ фронтонѣ, находилось лѣпное изображеніе княжескаго герба, а въ саду, разведенномъ въ Голландскомъ вкусѣ съ обширными прудами и оранжереею, построенное въ томъ же году двуэтажное деревяное зданіе, Италіянской архитектуры, было назначено для помѣщенія пріѣзжавшихъ къ Двору, отъ чего и называлось *Посольскими хоромами*. Все пространство сихъ двухъ домовъ съ садомъ занимало до 33 т. квадратныхъ саженъ, и заключалось между Большою и Малою Невою, чертою, на косѣ въ послѣдствіи построены зданія Двѣнадцати Коллегій, и нынѣшнею Кадетскою линіею.

«Съ того времени Лосиный Островъ начали именовать *Княжескимъ*, или *Меньшиковымъ*, но болѣе называли его *Васильевскимъ*, по той причинѣ, что еще прежде того, Царь, посылая повелѣнія къ командовавшему на Стрѣлкѣ баттарсею Поручику Корчмину, обыкновенно надписывалъ

на оныхъ: «*Василью на Островъ.*» Другой, не столько обширный, мазанковый домъ построилъ Меньшиковъ на Адмиралтейской сторонѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Сената.»

Въ память побѣды при Полтавѣ, еще въ 1709 году была заложена церковь Св. Самисона; въ слѣдующемъ году возникла Троицкая церковь, основана Александро-Невская Обитель на мѣстѣ, называвшемся *Виктори*, и построены магазины для съѣстныхъ припасовъ на островѣ *Поцесари*, Столбовомъ, или Петровскомъ, и пороховые на островѣ *Корписари*, Еловомъ или Аптекарскомъ. Заложеніе Лѣтняго Дворца и Лѣтняго Сада принадлежитъ къ 1711 году, въ которомъ оживились и окрестности Петербурга мгновеннымъ появленіемъ загородныхъ дворцовъ и домовъ, – Екатерингофа съ его бельведеромъ, или Подзорнымъ Дворцомъ, Петергофа и Стрѣльны. Островъ *Поцесари*, Петровскій, достался Царевнѣ Наталіи; *Ристисари*, Крестовскій, Меньшикову; *Кивсари*, Каменный, Канцлеру Головкину, а *Мишинъ*, или Елагинъ, Вице-Канцлеру Шафирову. Въ то же самое время заложили еще каменный дворецъ, на берегу Финскаго Залива, между деревнями Лахтою и Сестрорѣцкомъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города. Царь, прельщенный положеніемъ этого мѣста, откуда взоръ простирается къ Петербургу и Кронштадту, повелѣлъ насадить тамъ дубовую рощу, и посему назвалъ дворецъ «Дубки». Теперь почти нѣтъ его слѣдовъ. Прекрасный лѣсъ, гдѣ видны и дубы, посаженные, быть-можетъ, собственною рукою Основателя столицы, сохраняетъ донынѣ, какъ и самое мѣсто, первоначальное свое наименованіе. – Кто изъ Петербургскихъ жителей знаетъ, гдѣ лежатъ «Дубки»?.....

Расчищенная и укрѣпленная въ берегахъ рѣка *Мья*, Мойка, бывшая до того времени узкимъ, мутнымъ и мелкимъ протокомъ; Зимній Каналъ; Почто-

вый дворъ, мазанковое строеніе на Петербургской Сторонѣ; Сенатъ и Аустерія, или трактиръ, въ которую иногда захаживалъ и самъ Царь, тамъ же; каменный домъ Кикина на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго Дворца; Италіянскій Дворецъ Царевича Алексія, тамъ, гдѣ теперь Училище Ордена Св. Екатерины; Литейный Дворъ, Провіантскіе Магазины и множество другихъ зданій украсили городъ въ 1712 году.

«Вельможи, стараясь угождать желанію Государя, продолжали застраивать городъ большими каменными домами. На берегу Большой Невы, нѣсколько выше Лѣтняго Сада, построилъ себѣ каменный домъ Сибирскій Генералъ-Губернаторъ Князь Гагаринъ; подлѣ него, еще выше, Вице-Канцлеръ Шафировъ, затѣмъ нѣкто Строевъ, бывшій учитель Царя Зотовъ, а на углу къ Литейному дому Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Брюсъ, братъ Оберъ-Коменданта. На Петербургской сторонѣ близъ угла, образуемаго Большою Невкою, построенъ деревянный домъ Князя-Папы Бутурлина, съ огромнымъ куполомъ, на верху коего находилась статуя Бахуса; тутъ же, на набережной противъ Выборгской стороны, селились Сенаторы и нѣкоторыя другія изъ знатныхъ особъ, отъ чего и улица, мимо оныхъ идущая, получила названіе *Большой Дворянской.*

«Царь, съ своей стороны, повелѣлъ отъ Адмиралтейства къ Александро-Невскому монастырю прорубить въ лѣсу прямую дорогу, получившую названіе *Невскаго Проспекта*, или *Большой Перспективы*; на Выборгской Сторонѣ учредилъ восковой заводъ, а на Петербургской сторонѣ, противъ Троицкой церкви, указалъ строить мазанковый съ черепичною кровлею Гостиный Дворъ въ два этажа, изъ которыхъ нижній назначался подъ лавки, а верхній подъ кладовыя. Сквозь сіе зданіе, имѣвшее фигуру продолговатаго четвероугольника, шелъ каналъ, соединявшій ровъ крепверка съ Большою Невкою, и имѣвшій сообщеніе, посредствомъ другаго канала равной ему ширины, съ Большою Невою.»

Мы не можемъ слѣдовать за Г. Башуцкимъ въ безчисленныхъ и чрезвычайно любопытныхъ подробностяхъ, которыя собралъ онъ о постепенномъ увеличіи Петербурга, созидавшагося какъ-бы волшебною силою. Ничто такъ не напоминаетъ блистательныхъ мечтаній Тысячи Одной Ночи, или поэтической картины города Идоменеева, какъ историческая дѣйствительность, описываемая въ этой книгѣ слогомъ простымъ и естественнымъ. Если бъ это былъ Романъ, а не достовѣрная Исторія, читатель былъ бы въ правѣ сказать автору: Вы скорѣе строите дворцы и улицы, нежели какъ я успѣваю перекинуть страницу! Въ первыя десять лѣтъ, въ Петербургѣ, круглымъ числомъ строилось домовъ всякое лѣто почти по 3500. Въ 1714 году была сдѣлана первая перепись, и въ новомъ городѣ нашлось уже 34,500 домовъ. Хорошо, что это говоритъ Г. Башуцкій, который заслуживаетъ полное наше довѣріе. Напиши это одинъ человѣкъ, котораго не назову, никто въ Россіи не повѣрилъ бы его сказкѣ! Полагая, среднимъ, умѣреннымъ числомъ, по 6 жителей на каждый домъ, народонаселеніе новой столицы въ одиннадцатый годъ ея существованія превосходило уже 200,000 душъ. Въ 1721 она имѣла уже 550,000 (тогдашнихъ) рублей дохода. И все это совершилось среди безпрестанной тревоги отъ непріятеля, бродящаго въ окрестностяхъ, при четырехъ сильныхъ наводненіяхъ (въ 1706, 1715, 1721 и 1723), и не смотря на частые пожары, которые иногда поглощали цѣлыя части города, — не смотря на недоброжелательство закоснѣлыхъ приверженцевъ старины и на происки суевѣрія, употреблявшаго обманъ и лжепророчества, чтобъ остановить подвигъ высокой мудрости! Извѣстный указъ, о собраніи каменщиковъ изъ всего Государства въ новую столицу, запрещавшій «подъ опасеніемъ лишенія всего имѣнія и ссылки,

производить гдѣ-либо въ Россіи каменное строеніе, кромѣ Петербурга,» послѣдовалъ только въ концѣ 1714, – слѣдственно уже послѣ переписи.

Одною изъ занимательнѣйшихъ частей сочиненія Г. Башуцкаго должно почитать представляемыя имъ картины празднествъ, баловъ и увеселеній, бывшихъ въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ, который, среди заботъ управленія и политики, еще находилъ время, съ даромъ безконечной разнообразности упражненій, свойственнымъ только совершеннѣйшему устройству человѣческой головы ума, лично обучать своихъ подданныхъ не только государственному и военному искусствамъ, не только новымъ обязанностямъ гражданина и новымъ средствамъ славы и богатства, но и домашнимъ удовольствіямъ образованной жизни тогдашняго Европейца. Читая эти описанія, кажется, видишь изумленіе и хлопоты, слышишь толки о дивныхъ новостяхъ, слышишь нелѣпыя замѣчанія и пересуды Петербургскихъ дамъ и кавалеровъ того времени. Можно себѣ представить, о чемъ говорили они, гуляя по песчаной въ лѣсу дорогѣ, названной по-Нѣмецки «Невскимъ Проспектомъ», когда вдругъ вышелъ указъ «Объ асамблеяхъ.»

«Положивъ прочныя основанія благочинію, тишинѣ и порядку города, Царь желалъ дать большее развитіе общественнымъ увеселеніямъ жителей, и приступилъ къ дѣлу, важному въ нравственномъ отношеніи, къ учрежденію тѣхъ собраній, которыя, подъ названіемъ *Ассамблей*, служили Петру Великому пріятнымъ отдохновеніемъ отъ трудовъ государственнаго управленія, и въ которыя онъ совершалъ не менѣе тяжкій трудъ, пріучалъ подданныхъ своихъ къ общественности, и смягчалъ ихъ вкусы и привычки. Пересоздавъ уже многое, Петръ чувствовалъ, что ему еще предстояло сблизить дворянъ, раздѣленныхъ предразсудками, поселить въ нихъ любовь къ удовольствіямъ благороднымъ, о которыхъ въ Россіи тогда имѣли мало понятія, и

совершенно измѣнить отношеніе, издавна существовавшее между обоими полами; женщины, назначенныя быть украшеніемъ обществъ, только со временъ Царя Алексѣя Михайловича начали пользоваться въ Россіи нѣкоторою свободою, но и то до чрезвычайности ограниченною мнѣніями и деспотическою волею мужчинъ; отъ самой колыбели осужденныя на скучное затворничество, онѣ влачили единообразно существованіе, въ которомъ не было ни надеждъ, ни радостей, ни собственной воли, ничего кромѣ тоски и рабскаго даже въ малѣйшихъ дѣйствіяхъ повиновенія чьей либо прихоти, отъ рожденія до могилы.

«Если одно невинное слово, сказанное чужому мужчинѣ, могло навсегда лишить дѣвушку добраго имени, а жену любви супруга, то не трудно понять, что стали бы говорить и думать о той, которая рука въ руку, съ человѣкомъ, вовсе, можетъ быть, ей незнакомымъ, вздумала бы разговаривать и даже кружиться въ присутствіи многочисленнаго собранія?

«Сіе принужденное отношеніе между полами, несогласовавшееся съ образованностію и просвѣщеніемъ, которыя въ высшихъ сословіяхъ были не только замѣтны, но вкоренялись и усиливались постоянно, въ слѣдствіе стараній Петра, препятствовало его намѣреніямъ: Царь рѣшился измѣнить его. Съ сею цѣлію, онъ издалъ 26-го Ноября 1718 года Указъ объ *Ассамблеяхъ*, неслыханныхъ дотолѣ собраніяхъ обоего пола. Приводимъ буквально здѣсь распоряженіе сіе, чрезвычайно любопытное, дабы читатель могъ судить о духѣ онаго.

«Ассамблеи, — слово Французское, которое на Русскомъ «языкѣ однимъ словомъ выразить не возможно, обстоятель«но сказать, вольное, въ которомъ домѣ собраніе или съѣздъ «дѣлается, не только для забавы, но и для дѣла; ибо тутъ «можетъ другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ перегово«рить, также слышать, что гдѣ дѣлается, притомъ же и «забава. А какимъ образомъ оныя Ассамблеи отправлять, «опредѣляется ниже сего пунктомъ, покамѣсть въ обычай «не войдетъ:

«1) Въ которомъ домѣ имѣетъ Ассамблея быть, то над«лежитъ письмомъ, или инымъ знакомъ, объявить людямъ,

«куда вольно всякому придтить, какъ мужскому, такъ и «женскому.

«2) Ранѣе 5 или 4-хъ не начинается, а далѣе 10 попо-«лудни, не продолжается.

«3) Хозяинъ неповиненъ гостей ни встрѣчать, ни прово-«жать, ни подчивать и не точію вышеписаннаго неповиненъ «чинить, но хотя и дома не случится онаго, нѣтъ ничего; «но токмо повиненъ нѣсколько покоевъ очистить, столы, «свѣчи, питье, употребляемое въ жажду кто проситъ, игры, «на столахъ употребляемыя.

«4) Часы не опредѣляются, въ которомъ быть, но кто «въ которомъ хочетъ, лишь бы не ранѣе и не позже по-«ложеннаго времени; также тутъ быть сколько кто похочетъ «и отъѣзжать воленъ, когда хочетъ.

«5) Во время бытія въ Ассамблеѣ вольно сидѣть, ходить, «играть, и въ томъ никто другому препкодитъ или уни-«мать; также церемоніи дѣлать вставаньемъ, провожаньемъ «и прочимъ отнюдь да не дерзаетъ, подъ штрафомъ Вели-«каго Орла, но только при пріѣздѣ и отъѣздѣ поклономъ «почтить должно.

«6) Опредѣляется, какъ чинамъ на оныя Ассамблеи хо-«дить, а именно: съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ «и дворянъ, также знатнымъ купцамъ и начальнымъ масте-«ровымъ людямъ, тоже знатнымъ приказнымъ; тожъ разу-«мѣется и о женскомъ полѣ, ихъ женъ и дочерей.

«7) Лакеямъ или служителямъ въ тѣ апартаменты не вхо-«дить, но быть въ сѣняхъ, или гдѣ хозяинъ опредѣлитъ, «также въ Австеріи, когда и въ прочихъ мѣстахъ будутъ «балы или банкеты, не вольно вышеписаннымъ служителямъ «въ тѣ апартаменты входить, кромѣ вышеозначенныхъ «мѣстъ.»

«Вотъ правила Ассамблей, начертанныя рукою Великаго Петра! Царь прибавилъ еще распоряженіе, чтобы въ одной комнатѣ танцовали, въ другой играли въ карты, шашки и шахматы; въ третьей занимались разговорами и курили вокругъ столовъ, на которыхъ поставлены бутылки съ винами, разсыпанъ табакъ, спички и т. д.

«Царь любилъ играть въ шашки, въ чемъ столько былъ силенъ, что едва находилъ себѣ равнаго.

«Первая Ассамблея происходила 7-го Декабря того же года у Генералъ-Адмирала Апраксина, вторая 9-го числа у Тайнаго Совѣтника Толстаго, третья 11-го у Канцлера Головкина, затѣмъ 16-го у Вице-Канцлера Шафирова, 20-го у Вице-Адмирала Крюйса, такимъ образомъ поочередно у прочихъ знатныхъ особъ.

«Въ день Ассамблеи Генералъ-Полицеймейстеръ былъ обязанъ чрезъ два или три часа послѣ полудня являться къ хозяину дома, и записывать всѣхъ пріѣзжающихъ. Въ 6 часовъ пріѣзжалъ Государь, нѣсколько позже Государыня и вдовствующая Царица съ Царевнами; танцы открывались Польскими, потомъ слѣдовалъ минуетъ и уже за симъ Англійскій контръ-дансъ. Плѣнные Шведскіе офицеры отличались предъ всѣми, и нѣкоторое время были учителями Русскихъ дамъ и кавалеровъ. Между танцами, дамамъ разносили чай, кофе, медъ, варенья и проч.; въ послѣдствіи же, со времени пребыванія въ Петербургѣ Голстинскаго Герцога, по примѣру его Ассамблеи, вошли въ моду шоколадъ и лимонадъ; онъ же первый ознакомилъ Петербургскую публику съ пріятною, стройною музыкою, выписанною имъ изъ Вѣны; до того на балахъ Петербургскихъ гремѣли трубы, фаготы, гобои и литавры и, за неимѣніемъ другой, эту грубую музыку находили прекрасною. Когда кто либо изъ посѣтителей преступалъ ассамблейныя правила, то на основаніи пятаго пункта оныхъ, подвергался наказанію осушить огромный кубокъ большаго орла, который обыкновенно находился въ одной изъ комнатъ; отъ сего нельзя было отговориться: ни какія причины или оправданія не были принимаемы отъ виновнаго. Лѣтомъ ассамблеи давались самимъ Царемъ въ Лѣтнемъ Саду.»

Мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что въ одномъ изъ Московскихъ архивовъ хранится первый типографическій оттискъ этого указа, корректуру котораго держалъ самъ Петръ Великій, — оттискъ съ собственноручными поправками незабвеннаго преобразователя Россіи.

Въ этой первой части «Панорамы» заключается только городская и нравственная Исторія Петербур-

га отъ его начала до кончины Петра Великаго. Все сочиненіе должно состоять изъ четырехъ частей текста,—вмѣсто трехъ, обѣщанныхъ первоначальною программою; изъ двухъ тетрадей плановъ столицы въ листъ большаго размѣра; изъ двѣнадцати тетрадей видовъ, отлично гравированныхъ въ Лондонѣ, въ числѣ *ста* картинокъ; наконецъ, изъ двухъ,—также необѣщанныхъ программою,—тетрадей очерковъ медалей, чеканенныхъ въ разныя эпохи существованія Петербурга. Этотъ великолѣпный приборъ художественныхъ украшеній обѣщаетъ сдѣлать книгу Г. Башуцкаго роскошнѣйшимъ произведеніемъ Русской печати. И въ самомъ дѣлѣ, Петербургъ давно уже заслуживалъ имѣть подобное, достойное его, твореніе: странно подумать, что самый изящный городъ въ Европѣ, одна изъ богатѣйшихъ, разнообразнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ столицъ образованнаго свѣта, до сихъ поръ была лишена этого необходимаго не только для пріѣзжихъ, но и для насъ самихъ, руководства.

Самое названіе книги, «Панорама», ставитъ уже ее внѣ притязаній Критики: я, по крайней мѣрѣ, не знаю, по какому плану должны составляться печатныя панорамы,—и въ этой «Панорамѣ» все мнѣ нравится безусловно. Я такъ люблю Петербургъ, что готовъ слушать объ немъ все, что мнѣ ни скажутъ,—а никто не можетъ сказать объ немъ болѣе и лучше Г. Башуцкаго, который, по роду своей службы и личнымъ своимъ отношеніямъ, былъ въ состояніи узнать множество важныхъ, рѣдкихъ и точныхъ подробностей. Если позволительно дѣлать какія-нибудь замѣчанія на книгу, которой знаете только четвертую часть, то съ моей стороны весь упрекъ ограничился бы тѣмъ, что въ ея слогѣ встрѣчаются иногда обороты, болѣе приличные канцелярскому, нежели литературному перу. Но какъ это

«Панорама», то здѣсь должны быть всѣ слоги: поэтому, я бросаю въ огонь мое замѣчаніе, – и опять въ полной мѣрѣ восхищаюсь ея выходомъ.

Не для замѣчаній, не для критическаго разбора или ничтожныхъ придирокъ, рѣшился я говорить сегодня объ этомъ новомъ явленіи, только-что родившемся на литературномъ горизонтѣ, и котораго доселѣ видѣнъ лишь одинъ первый фазъ; но для того, чтобъ обратить на него вниманіе любителей всего полезнаго, красиваго, и притомъ Русскаго. Трудъ Г. Башуцкаго заслуживаетъ совершенное ихъ одобреніе и участіе. У насъ и въ наше время, это – первое, по своей обширности, литературное предпріятіе частнаго человѣка. По самому умѣренному расчету, изданіе «Панорамы Петербурга», съ такимъ множествомъ и такихъ изящныхъ плановъ и гравюръ, должно стоить сочинителю слишкомъ сто тысячъ рублей, и едва продажа полторы тысячи экземпляровъ можетъ возвратить ему издержки. О прибыли и думать нечего; о славѣ..... Увы! – такъ ли бы онъ прославился, написавъ полу-плохой романъ, за который книгопродавцы тотчасъ заплатили бы ему порядочныя деньги, еще прежде окончанія рукописи? Слѣдственно, со стороны автора это безкорыстное и благородное пожертвованіе огромнаго капитала времени, трудовъ и денегъ; но я увѣренъ, что довольно объявить объ немъ нашей публикѣ, чтобъ она оцѣнила его и поддержала. Расчитавъ съ точностью, въ этомъ изданіи, каждый планъ, въ листъ большаго формата, приходится покупателю по 2 р. 50 к., а каждая гравюра видовъ и медалей по 50 копѣекъ. И дешево, – и мило!

Причины, побудившія автора къ такому пожертвованію, очень понятны для всякаго благомыслящаго человѣка, – совершенный недостатокъ и крайняя необходимость подобнаго сочиненія, – самая

красота предмета, - желаніе, при новомъ и точномъ описаніи столицы, доставить полныя историческія и статистическія объ ней свѣдѣнія, приложить къ нимъ притомъ такіе планы и виды, которые не были бы обидны для нашего самолюбія, произвести что-нибудь сообразное съ требованіями избалованнаго въ этомъ отношеніи вкуса, и проч. и проч. Но не каждому могутъ быть понятны причины, заставляющія меня такъ усердно хлопотать объ успѣхѣ чужаго труда: я скажу ихъ откровенно, потому что мы живемъ въ вѣкѣ удивительнаго чистосердечія. Прекрасная собою женщина и прекрасная собою книга производятъ надо мною неизъяснимое дѣйствіе: нѣкогда писалъ я длинныя посланія къ первымъ, —теперь..... ахъ, теперь мнѣ остается только воспѣвать похвалы вторымъ! Теперь я безъ памяти отъ красивой книги; и, какъ женщины меня оставили, я влюбленъ въ «Панораму.»

**Т. - О.**

## ФЕВРАЛЬ, 1834.

Димитрій Самозванецъ, *Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ.* А. Хомякова. *Москва, въ тип.* Лазаревыхъ, 1833, *въ*-8, *стр.* 204.

Хотя съ числомъ 1833 года, это сочиненіе вышло только въ началѣ вчера истекшаго Февраля, и законно принадлежитъ къ Словесности нынѣшняго года. Общими силами надобно оспаривать его у прошлаго года: изо всего вышеднаго въ Февралѣ мѣсяцѣ, это одна книга, которую можно читать.

Лирическія стихотворенія *Виктора Гюго́. Перевелъ съ Французскаго* М. Сорокинъ. *С.-Петербургъ, въ тип. Бенкенъ,* 1834, *въ*-12., *стр.* 101.

Брошюрка, заключающая въ себѣ первые опыты молодаго поэта, который обнаруживаетъ много дарованія. Читатели будутъ въ состояніи судить о родѣ этого стихотворнаго начинанія изъ слѣдующей Баллады, «Битва», въ переводѣ которой соединяются хорошая и слабая стороны пера, съ надеждою посвящающаго себя ихъ удовольствію.

Пастухъ, назадъ! Смотри-ка, подъ холмами,
Лѣсъ острыхъ копій движется густой;
Одна толпа къ другой толпѣ подходитъ:
Вожди ведутъ ихъ на кровавый бой.
Ты слышишь ихъ неистовые клики!
Трепещешъ ты!.... То гулъ ихъ пѣсенъ дикихъ:

«Соколъ, коршунъ, вранъ, орелъ,
Мы для васъ готовимъ пищу:
Прилетайте къ симъ полямъ,
Какъ къ разрытому кладбищу!
День угаснетъ — и со днемъ
Врагъ издохнетъ подъ мечемъ.
Имъ послѣднюю вечерню
Ихъ священникъ прочиталъ;
Насъ же матерь, отпуская
Въ дальній путь, благословляла.»

Галбертъ, Баронъ Нормандскій и Ронанъ

Князь Галловъ здѣсь сошлися; посмотри ты.
Норманецъ быстръ и пылокъ дикій Галлъ:
Тотъ латами звенящими покрытый,
Другой въ звѣриной шкурѣ, не шеломъ,
А волка пасть зубастая на немъ.

«Плачь, рви волосы, вдовица!
Сирота, тони въ слезахъ!
Пыль и кровь мы завтра смоемъ
Моря синяго въ волнахъ.
Станъ въ огонь, ряды стѣсните!
Въ трубы звонкія трубите!
Пусть дрожитъ презрѣнный врагъ!
Мы его разрушимъ силу,
И въ семъ полѣ каждый холмъ
Обратимъ ему въ могилу.»

Вотъ, поданъ знакъ! Сошлися рати ихъ,
Сквозь пыль вдали, какъ молнія сквозь тучи.
Какъ два коня, что удила грызутъ,
Иль два вола сшибаются могучихъ:
Такъ, съ яркимъ трескомъ, строй на строй летитъ,
И звукнулъ мечъ о щитъ, и мѣдь брянчитъ.

«Грянемъ!..... Рогъ призывный воетъ;
Раздался оружій стукъ,
Гулъ Норманскаго кларнета
И трубы Саксонской звукъ.
Вы, сверкающія жала
Алебарды и кинжала,
И мечи, и топоры,
Межъ разбитыми бронями,
Какъ колючій терпъ въ поляхъ,
Воздымайтесь остріями!»

Да гдѣ же солнце?... Вотъ, горитъ въ дыму,
Какъ красный щитъ, въ горнилѣ раскаленный.
Отъ крови паръ, въ парахъ сверкаетъ сталь;
И стало поле пепелью разожженной.
Подумаешь, что тамъ, освирѣпѣвъ,
Разверзся ада яростнаго зѣвъ.

«Вспенулась толпа въ толпу;
Бой гремитъ, долина стонетъ,
И воителя нога
Въ язвѣ раненаго тонетъ.
Въ дикой ярости своей,
Грудь желѣзную коней
Обгрызаетъ пѣхотинецъ:

Конь испуганный дрожитъ;
Алебарда, ударяясь
О чапракъ его, звенитъ.»

Разсѣяны и воины, и кони.
Окровавленной кожей облеченъ
Свирѣпый Галлъ; съ отвагою упорной,
Сражается на трупахъ братій онъ.
Какъ на стѣны устремлены ихъ пики,
Противъ Нормановъ, на коняхъ великихъ.

«Изломавъ свой мечъ, злодѣя
Камнемъ, посохомъ рази!
Ногтемъ ты его царапай,
Зубомъ ты его грызи!
Не дари врага пощадой:
Слава падшему наградой.
Чтобъ и завтра всякъ изъ насъ,
Ожидая новой брани,
Копія не выпускалъ
Изъ облитой кровью длани!»

Пойдемъ, пастухъ; ужъ ночь, а бой сильнѣе;
Сильнѣй мечи и бердыши стучатъ;
Безъ всадниковъ въ долинѣ кони рыщутъ.
Пойдемъ: безъ насъ они борьбу рѣшатъ.
Всѣхъ завтра сонъ спокоитъ вожделѣнный,
И побѣдителей, и умерщвленныхъ.

Воспоминанія *при взглядѣ на памятникъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО. Стихотвореніе Василія Бакунина. С.-П.-бургъ, въ тип. Греча.* 1834, *въ* 8.; *брошюрка въ* 8 *стр.*

Запорожская старина. *Харьковъ, въ тип. Университетской,* 1833, *въ* 12., *двѣ части, стр.* 132—140.

Это небольшое сочиненіе вышло также въ минувшемъ Февралѣ мѣсяцѣ, хотя носитъ число 1833 года. Народныя Малороссійскія Пѣсни и Думы, съ краткими историческими замѣчаніями издателя, составляютъ его содержаніе. Малороссіяне и наши литераторы, знающіе живописное нарѣчіе того края, вѣроятно съ удовольствіемъ прочитаютъ это собраніе памятниковъ исчезающей провинціяльной Словесности, которая еще хранится въ памяти мѣстныхъ Скальдовъ,— бандуристовъ. Приведемъ, «Пѣснь о подвигахъ Лободы.»

*

Ой у городи у Батурини
Дзвоны задзвонили:
То Козаки Гайдомаки
У Ради рядили.

Ой у Ради-та рядили,
Якъ на Польщу стати,
Та на Ради присудили
Вкраину е́днати.

Отъ, и выйшли Гайдомаки,
Хочь тысяча й двисти,
Та богацько-та за ними
Зведеться корысти!

А по переду Панъ Сулима
Атаманъ Коношо̂й.
Чёго-жъ жаху завдавати,
Що винъ чёрнобро̂вий?

Панъ Сулима, Панъ Сулима
Козакивъ збирае,
Та-й усимъ тимъ Гайдомакамъ
Онъ такъ промовляе:

— Товарищи Гайдомаки,
Чинитъ мою волю!
Що намъ треба виднлатити
Вкраиньску недолю.

Хочъ насъ, Паны Гайдомаки,
И тысяча й двисти;
Та богацько-та за нами
Зведеться корысти.

Ой богацько-та корысти
Зведеться за нами,
Коли схочете побиться
Бучно изъ Ляхами. —

Якъ на тее обизвався
Лободивськiй Чура;
До Козакивъ укланяе,
Отъ такъ промовляе:

— Ой Панове Гайдомаки,
Добро ссбе майте,
Що за мого Пана Йвана
Ляхамъ видомцайте.

Ой мiй Пане, Пане Йване,
Де-сь то ты зобгався,
Що на Ляхивъ ставъ завперше,
Та-й не сподивався.

Ой мій Пане, Пане Йване,
Наливайкивъ друже,
Що задавъ зъ нимъ зраду Ляхамъ,
Задавъ, та-й байдуже.
Ой мій Пане, Пане Йване,
Де-сь то ты сподився,
Що у мури у темниці
Ляхамъ знадобився.
Ой Панове Гайдомаки,
Пана Йвана вспомяните,
Та за мого Пана Йвана
Ляхамъ видомстите.
Коли хочете Украйну
До себе єдиати,
То вамъ треба Пана Йвана
Добромъ поминати.
Якъ Вкраину тіи Ляхи
До себе єдиали;
Тоди наши зъ Паномъ Йваномъ
Въ походъ выступали.
Якъ Вкраину тіи Ляхи
До себе єдиали,
Тоди наши зъ Паномъ Йваномъ
Ляхивъ воєвали.
Ой и Ляхивъ воєвали,
Якъ по Бугу стали;
Та Гетьмана Потоцькаго
Двичи заганяли.
Ой и Ляхивъ воєвали,
Якъ по Пруту стали;
Того було що-й Цоцору
Добре плиндровали.
Добро було, добро було,
Та сталася й зрада.
Що забито Пана Йвана
У недилю зрана.....

Намъ не кажется, чтобъ эта, и другія пѣсни того же размѣра, были сочиненія, современныя съ происшествіями, которыя онѣ описываютъ: это издѣліе прошлаго столѣтія, стихотворные переводы старинныхъ Думъ въ прозѣ.

Малороссійскія Думы, сочиненныя большею частію въ духѣ поэтической риѳмованной прозы, чрезвычайно напоми-

наютъ романтическія Саги древней Скандинавіи. Ихъ даже можно назвать Славянскими Сагами, подобно тому, какъ бандуристовъ наслѣдниками Скальдовъ, нѣкогда воспѣвавшихъ въ тѣхъ же мѣстахъ, на языкѣ Нордманновъ, подвиги покорителей Кіева. Эта область была настоящее гнѣздо Славянской Нормандіи: здѣсь сосредоточивались всѣ ихъ обычаи и понятія, — и дальнѣйшія изслѣдованія, мы въ томъ увѣрены, обнаружатъ непрерывную связь между Днѣпровскою Скандинавіею Руссовъ и Украиною Хмельницкаго. Нельзя не видѣть разительнаго сходства между обычаями, образомъ войны и морскимъ удальствомъ Запорожцевъ и Нордманновъ X вѣка. Еще при Константинѣ Багрянородномъ Днѣпровскіе пороги обращали на себя вниманіе иностранцевъ, и названія ихъ были извѣстны другимъ народамъ: кажется, что тогда уже шайки Нордманно-Руссовъ водились на островахъ Днѣпра, и жили въ независимости отъ Князей, занимаясь ремесломъ Балтійскихъ витязей, которое въ послѣдствіи грозно воскресло подъ именемъ Казачества. Нѣтъ сомнѣнія, что въ X, въ XI и XII столѣтіяхъ Казаки уже существовали на островахъ, лежащихъ въ устьѣ этой рѣки, хотя еще не назывались Казаками, и вѣроятно говорили еще по-Нормандски: вотъ, что говоритъ Арабскій космографъ, Демешки: «Тамъ есть «семь островов, называемыхъ островами Руссовъ: на нихъ «живутъ разбойники, и производятъ безпрестанные набѣги во «всѣ стороны. На этихъ островахъ поселился народъ, име«нуемый *Русскіе:* они Христіане, и имѣютъ на своихъ остро«вахъ города, деревни, виноградные сады и стада: острова «эти чрезвычайно гористы и обильны лѣсами.» Другія подобныя шайки находились около Судака. Нельзя не узнать, въ описываемыхъ Арабскимъ сочинителемъ островахъ, позднѣйшихъ жилищъ Запорожцевъ, которые, очевидно, суть только мѣстное Нордманское преданіе, гнѣздившееся тамъ въ тѣни вѣковъ и варварства, долго неизвѣстное Европѣ, и наконецъ развернувшееся съ новою силою, но въ прежнемъ духѣ, какъ скоро обстоятельства опять стали благопріятствовать. Сравните морскія экспедиціи Норвежцевъ на Западъ въ IX, Кіевскихъ Нордманновъ на Константинополь, Черноморскихъ Руссовъ XI, XII и XIII на Требизондъ и другіе приморскіе города той части Азіи, и наконецъ Запорожцевъ

въ тѣ же самыя мѣста въ XVI и XVII столѣтіяхъ, и вы увидите, что Казачина, которую устроилъ Баторій, тѣсно соединяется съ Нордманнскою, или Варяжскою, эпохою нашей Исторіи, съ ея правами и обычаями. Начало Украинскихъ Думъ, безъ-сомнѣнія, сопряжено съ Исландскою Словесностью. Сколько любопытныхъ упражненій еще предстоитъ нашей ученой дѣятельности!

Рожденіе благословеннаго Дома Романовыхъ *на Россійскомъ Престолѣ. Романическія картины историческихъ событій. Сочиненіе* Сергѣя . . . . . скаго. *Москва, въ тип. Лазаревыхъ,* 1834, *въ*-8.; *четыре части, стр.* VII *и*—292 300 – 296 – 287.

Повѣсти *изъ Русскихъ народныхъ преданій, изданныя* М. И. Макаровымъ. *Москва, въ тип. Селивановскаго,* 1834, *въ*-8., *стр.* 175.

Гуакъ, *или непреоборимая вѣрность, рыцарская Повѣсть. С.-П.-бургъ, въ тип. Края,* 1834, *въ*-8.; *двѣ части, стр.* 120 – 105.

Думаю я самъ про себя. *Романъ. Переводъ съ Англійскаго* Анны Ситниковой. *Часть вторая. С.-П.-бургъ, въ тип. Греча,* 1834, *въ*-8., *стр.* 173.

Это окончаніе довольно занимательнаго сочиненія, первая часть котораго вышла въ прошломъ году.

Жена какихъ много и мужъ какихъ мало, *Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе П. Григорьева, актера Императорскихъ С.-Петербургскихъ Театровъ. С.-П.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія С. Е. И. В. К.,* 1834, *въ*-12, *стр.* 81.

Fenella *Oper in fünf Akten, Musik von D. F. E. Auber. St.-Pétersbourg, aus der Druckerei der III Abtheilung der höchsteigenen Kanzellei S. M. d. K., 1834, 8°, 58 S.*

Almanac *pour l'an 1834, par J. W. St.-Pétersbourg,*

*de l'imp. de la III section de la chancellerie de S. M. I., 1833 (1834), 8°, pp. 144.*

Начальныя правила Греческой Грамматики *по руководству Шнейдера, изданныя* Герм. Шадомъ, *Философіи Докторомъ и Іенскаго В. М. Общества Членомъ. С.-П.-бургъ, въ тип. Вингебера,* 1834, *въ*-8., *стр.* II *и* 82.

Это сочиненіе можетъ быть употребляемо съ большою пользою въ гимназическомъ преподаваніи Греческаго языка: извѣстно, что превосходная Грамматика Бутмана для начинающихъ слишкомъ пространна и почти неудобна.

Польская Грамматика, *изданная* И. Савиничемъ. *С.-П.-бургъ, въ тип. Края,* 1833 (1834), *въ*-8, *стр. VIII* и 56.

Ариѳметика. *Сочиненіе Бурдона, принятое Парижскимъ Университетомъ. Переводъ съ девятаго Французскаго изданія,* В. Ч. — *С.-П.-бургъ, въ тип. О. К. Внутренней Стражи,* 1834, *въ*-8., *стр.* 271.

Книга весьма полезная, хотя напечатанная съ большими ошибками. Но это только первая часть сочиненія: вторая, говоритъ переводчикъ на обертке, уже печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ. Нельзя не замѣтить удивительной дешевости этого изданія въ нашемъ вѣкѣ драгоцѣнныхъ книгъ: оба тома будутъ продаваться по 5 рублей.

Картина человѣка, *опытъ наставительнаго чтенія о предметахъ самопознанія, для всѣхъ образованныхъ сословій, начертанный* А. Галичемъ. *С.-П.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ,* 1834, *въ*-8, *стр. XI и* 677.

.....omnis certat Dialecticâ turba sophorom! Это сказалъ еще Аузоній,— и отъ его временъ дѣло не сколько не перемѣнилось. Но діалектика книги, которой теперь прочитали вы заглавіе, не изъ самыхъ убѣдительныхъ.

Нѣтъ ничего занимательнѣе Умозрительной Философіи. Войдите только въ эту заколдованную область, и вы увидите людей, которые ходятъ по воздуху, глотаютъ облака мыслей, выражаютъ свои чувства туманомъ, и говорятъ съ вами какимъ-то иноплеменнымъ нарѣчіемъ, составленнымъ изъ словъ вашего же языка, но расположенными такъ дивно,

что они вамъ кажутся иноплеменнымъ нарѣчіемъ. Выпишу вамъ нѣсколько строкъ изъ предисловія къ толстой «Картинѣ человѣка», и вы сами признаетесь, что изъ, Русскихъ словъ, съ небольшимъ умѣніемъ, можно сдѣлать прекрасный иностранный языкъ.

«Сія причина поставила мнѣ въ обязанность, съ одной стороны расширивъ внутренній составъ Человѣкоученія *настилкой* многихъ новыхъ и характеровъ и цѣлыхъ статей, съ другой — отнять у него неправедныя присвоенія, т. е. исключить всѣ задачи, принадлежащія другимъ Наукамъ. Такъ *теорія рожденія* находитъ свое мѣсто въ *умозрительной Физикѣ*, такъ *нравственные идеалы*, напр. *дружбы*, *скромности*, *патріотизма* и пр. я отослалъ — по принадлежности — въ *Мораль*, такъ описаніе и Исторію *возрастовъ*, *половъ*, *породъ* предоставляю я *Исторіи человѣчества*, которую имѣю не только въ *виду*, но *знатною* частію и въ *запасѣ*. Наконецъ назначеніе Книги и для чтенія требовало — сблизить ея текстъ съ общими понятіями. Вотъ почему я старался, сколько позволяли мнѣ то и силы мои и права школы, выражаться — просто — по-Русски! Вотъ почему *физическая* сторона человѣка, для иныхъ *скучноватая*, обработана короче духовной! Вотъ почему предметы, болѣе близкіе къ *жизни* и къ *сердцу*, расписаны часто—*широкою кистію*—какого нибудь *Каруса*, *Шульце*, (особливо въ изображеніи страждущихъ состояній души), — *Свабедиссена*, *Гейнрота*, *Фриса*, *Нейбига*, *Гиллебрандта*, *Вагцера*, *Стиденрота*, *Тюро* и другихъ. Ибо

Имѣвъ подъ рукою множество иностранныхъ, особливо Нѣмецкихъ, книгъ по части Человѣкоученія, вышедшихъ въ послѣдніе 30 лѣтъ и поименованныхъ въ Исторіи и Литературѣ на страницахъ 27—33, я не преминулъ воспользоваться *дѣльными* ихъ замѣчаніями и *статейками*, въ той увѣренности, что за подобное *подспорье* въ моемъ, почти трехъ-лѣтнемъ трудѣ философически-литературномъ, не столько *побранитъ* меня Критикъ, всегда *чужой человѣкъ*, сколько *поненялъ бы родной* читатель *назидательныхъ* Русскихъ книгъ.»

Но не въ томъ дѣло: я привелъ это мѣсто единственно для того, чтобъ показать, что эта книга — мало того, что она книга, — она даже книга «и для чтенія»! Книга, изволите видѣть, съ умысломъ сдѣлана для того, чтобъ не только могла стоять въ шкафу, но и быть читанной, — что уже есть большой improvement, неимовѣрное улучшеніе въ искусствѣ выдѣлывать книги. Даже, если вѣрить заглавному листу, ее должны читать всѣ сословія. И дѣйствительно, что любопытнѣе для человѣка, чѣмъ онъ самъ? что слабѣе его тѣла въ

Природѣ, и величественнѣе его ума въ цѣломъ пространствѣ мірозданія? Станемъ же читать «Картину человѣка»: правда, портретъ толстъ, — но и родъ человѣческій иногда представляетъ не тонкіе оригиналы!

«Велики упомянутыя трудности; необъятенъ предметъ; но ему соотвѣтствуетъ точно такая-же безпредѣльность *силы* и *длительности неутомимаго любовѣдѣнія*, и изъ доблестныхъ бореній нашего рода съ упорною природой повсюду уже и притомъ все очевиднѣе, все побѣдительнѣе возникаетъ и расширяется самое *царство мыслящихъ душъ*, коихъ взоры вѣчно ищутъ и встрѣчаютъ другъ друга, дабы въ ихъ несмѣтныхъ, *призматическихъ* отливахъ постигнуть *единую сущность*, которая во всѣхъ равномѣрно, хотя, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе явственно, то въ яркихъ чертахъ и свѣтлыхъ образахъ, то въ тонкихъ намѣкахъ, обнаруживаетъ тайну своего значенія.»

Въ самомъ дѣлѣ, это книга для чтенія: едва ли есть въ свѣтѣ книга, которая болѣе была бы книгою для чтенія, чѣмъ эта! Напримѣръ, и это мѣсто, одно изъ тысячи подобныхъ мѣстъ, — очевидно сочинено для чтенія, — для неутомимаго, безпредѣльнаго чтенія: его надо читать два, три, десять, сто, тысячу разъ, пока постигнешь смыслъ; надо читать весь вѣкъ,—и такъ еще, быть-можетъ, постигнешь его не въ ту сторону. Такъ, по-настоящему, должны быть писаны книги «и для чтенія»!

Есть одинъ предметъ въ Человѣкознаніи, до сихъ поръ не тронутый никакимъ философомъ, — хотя мой любимый авторъ, умнѣйшій изъ подьяинхъ, Лукіанъ, сказалъ еще во II вѣкѣ, что человѣкъ не въ силахъ придумать такой безсмыслицы, про которую бы кто-нибудь изъ философовъ уже не доказалъ, что она несомнѣнная истина, — есть, говорю, одинъ не только нерѣшеный, но даже неизвѣданный любомудріемъ вопросъ, о которомъ я часто думаю, и который даже предлагалъ одному знаменитому ученику Канта: — почему иногда человѣкъ можетъ сказать такъ, что никто изъ людей его не понимаетъ? Люди были въ состояніи постигнуть самое сокровенное существо силъ солнечной системы, разгадать нѣмой языкъ законовъ Природы: какъ же подобный намъ человѣкъ, употребляя всѣмъ понятныя слова, дѣйствуя тѣми же мозговыми органами, какъ и наши, можетъ такъ озада-

чить умъ человѣческій, что самъ Кеплеръ, Ньютонъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, принуждены сознаться, что они его не понимаютъ? По мнѣ, это одинъ изъ удивительнѣйшихъ феноменовъ Психологіи: вы понимаете, что, поймавъ въ руки «Картину человѣка», всего прежде искалъ я въ ней объясненія этой статьи, — понесчастію, она и здѣсь выпущена изъ виду, хотя могла бъ доставить живописцу неисчерпаемый предметъ самыхъ тонкихъ умозрѣній!

Что это книга «для чтенія», о томъ, кажется, нельзя спорить. Хотите ли теперь увидѣть, какъ въ ней «предметы болѣе близкіе къ жизни и *сердцу* расписаны часто — широкою кистію — какого нибудь *Каруса*?»

«Гнусныя несчадія любостяжанія суть:

e) *Женитьба—блудныхъ сыновъ* на богатенькихъ уродахъ, женитьба *безталанныхъ молодцевъ* на дюжинныхъ, такъ называемыхъ, *воспитанницахъ* своего начальника, кои приносятъ въ приданое *штатныя* мѣста и въ добавокъ цѣлую колонію — *фонъ однодворцевъ*,

f) Тонкое воровство, извѣстное тѣмъ, кои *управляютъ* чужимъ имѣніемъ, имѣнію же казеннымъ, сиротскимъ и имѣніемъ Баръ-пустодомовъ,

g) Постройки и поставки всякаго рода для публичныхъ заведеній особливо же заготовленіе припасовъ *экономическимъ* образомъ,

h) Безотчетные сборы, концерты, спектакли, открытыя чтенія въ пользу бѣдныхъ, увѣчныхъ, погорѣвшихъ,

i) Исправленіе нѣсколькихъ публичныхъ должностей, съ твердою увѣренностію не успѣвать ни по одной и однако жъ получать по каждой то ежегодныя награжденія, то аренды, то пенсіи,

k) Нищенство—салопницъ, ополченныхъ, зантатныхъ чиновниковъ, бенефиціантовъ, издателей, которыхъ Аполлонъ пустилъ *по прокормежной*, т. е. на *подписку* или на сборъ *альманачныхъ статеекъ*,

l) Пошлое шутовство, которое въ силу привилегіи, данной ему чернію, величаетъ и подписываетъ себя — юморомъ,»

Широко! Но лучше было бы взять кисть потоньше. Если это кисть «какого-нибудь *Каруса*», то, право, ею можно только красить какія-нибудь рамы, а не писать картины человѣка, то есть, *какого-нибудь* человѣка. Я не люблю спорить о словахъ, но въ такомъ случаѣ, когда философъ вноситъ въ умозрительную картину человѣка свои личные вкусы и отвращенія, Умозрительная Философія приличнѣе могла бы на-

зваться Подозрительною. Это мое мнѣніе. Я отдаю полную справедливость религіозному духу этого сочиненія и благонамѣренности самаго предпріятія, но подобное забвеніе цѣли любомудрія, хотя бы и кратковременное, не должно было оставаться безъ упрека, который оно вполнѣ заслуживаетъ.

Само собою разумѣется, что умозрѣнія не могутъ обойтись безъ животнаго магнитизма: чудеса умозрѣнія и чудеса магнитизма объясняются одни другими, и сомнамбулизмъ есть верхъ умственнаго состоянія человѣка. Я не воспрещаю ни какой Картинѣ не только говорить о животномъ магнитизмѣ, но и имѣть ясновидѣнія, — хотя бы съ простою, весьма извинительною цѣлію, понять темныя мѣста собственныхъ сочиненія; но ни какое въ свѣтѣ умозрѣніе не имѣетъ права положительно утверждать того, что опытная Наука подвергла величайшему сомнѣнію, что вредитъ самому человѣкопознанію, и препятствуетъ безпристрастно изслѣдовать истину. Сказавъ, что первая степень дѣйствія животнаго магнитизма состоитъ въ утоленіи болей; что вторая степень есть магнитное усыпленіе, когда человѣкъ осязаетъ внутренними нервами состояніе собственаго тѣла, «Картина» присовокупляетъ:

«*Третье* дѣйствіе и третья степень магнитнаго сна открываются тамъ, гдѣ внутреннее ясное самоощущеніе обращается наружу, и гдѣ общая способность, непосредственно познавать *удѣльными, периферическими* чувствами, начинаетъ *играть роль духовную,* дѣлая своему запасу *сводъ,* не въ особенномъ, одинакомъ, но въ общемъ чувствѣ, а именно (не столько въ ручныхъ и ножныхъ пальцахъ, сколько) въ *брюшной впадинѣ,* у *грудной ложбинки,* гдѣ *сердцевѣдецъ* читаетъ закрытыя книги, запечатанныя письма, и проч.

Не одинакова опредѣлительность, не одинакоъ объемъ чудодѣйственной силы животнаго магнитизма. Высочайшая степень опредѣлительности называется *провозрѣніемъ, прозорливостію,* а самый огромный *размахъ,* самая обширная атмосфера—*дальновидностію.* Сія дальновидность *двуличневаго* сомнамбула—*Ятуса*

а) Либо обращается назадъ — къ былому и воскрешаетъ въ живой памяти самыя давнія, обветшалыя, едва знакомыя душѣ впечатлѣнія, слова, происшествія,

Либо b) обращается къ предметамъ въ пространствѣ и прости-

раетъ свою зоркость на нѣсколько сотъ миль, переноситъ себя на любое мѣсто и видитъ отсутствующее такъ точно, какъ настоящее, хотя естественнымъ образомъ внемлетъ тѣмъ смутнѣе и неопредѣлительнѣе, чѣмъ далѣе предметъ, и чѣмъ болѣе онъ заслоняется несоотвѣтственными промежутками,

Либо c) наконецъ обращается къ будущему и въ мѣткихъ предчувствіяхъ своихъ, смѣло раздвигая границы времени, *проницаетъ*. Но именно потому, что здѣсь иныя вещи *проразумѣваетъ* сомнамбулъ не иначе, какъ изъ развитій даннаго уже природою положенія вещей, его даръ гаданій можетъ, какъ и вездѣ, простираться преимущественно на будущее состояніе собственнаго его здоровья и здоровья близкихъ сердцу, а отнюдь не на то, что совершенно зависитъ отъ свободы.

Не восходитъ ли человѣкъ въ животномъ магнитизмѣ на высшую степень бдѣнія? Правда, та его сторона, которая въ обыкновенномъ здоровомъ состояніи озабочена только отправленіями, для поддержанія бытія нужными, до извѣстной степени тутъ облагороживается; однако жъ не иначе, какъ на счетъ истинной, трезвенной, бодрой духовности, а именно потому, что сія послѣдняя здѣсь погрязаетъ въ естественной жизни, связываетъ себя узами плоти и слѣдственно отчуждаетъ свою свободу. Тутъ духъ человѣка выказываетъ себя въ униженномъ званіи духа звѣзднаго, и живетъ жизнію своей планеты. Онъ глубоко проникъ въ бездну своего временнаго, дальняго бытія, но не такъ, чтобы овладѣлъ ею, а такъ, что она совершенно приняла его въ себя и поглотила, какъ китъ Іону. — Чувственны тутъ всѣ мысли сомнамбула; вотъ почему отъ состояній сего рода нельзя ожидать вразумленій на счетъ будущей жизни, ни на счетъ обитателей другихъ міровъ, ни вообще на счетъ метафизическихъ задачъ. Правда, симпатическая система иногда можетъ изнутри возбуждать дѣятельность мозга, который въ сихъ чрезвычайныхъ случаяхъ изобрѣтаетъ новыя машины и дѣлаетъ длинныя вычисленія; однакожъ не совершается ли это на пути къ пробужденію? Не есть ли это разсвѣтъ уже здраваго сознанія? Не примѣчаемъ ли подобныхъ явленій и въ обыкновенномъ снѣ?»

Вотъ вамъ всѣ чудеса магнитическихъ Журналовъ, нѣкогда процвѣтавшихъ въ фіолетовыхъ оберткахъ, превращенныя въ аксіомы Человѣкознанія! «Картина человѣка», по-видимому, забываетъ, что сомнамбулизмъ, съ тѣхъ поръ, отъ месмеристовъ перешелъ во владѣніе учениковъ Доктора Галла, и служилъ орудіемъ френологамъ; что это обстоятельство, особенно въ Англіи и во Франціи, опять возбудило желаніе въ занимающихся опытною и положительною Наукою человѣка повѣрить разсказываемыя чудеса наблюденіемъ;

что наблюденія опять не подтвердили разсказовъ; но,—въ этотъ разъ довели до выкладки, совсѣмъ противоположной прежнему понятію о сомнамбулизмѣ. Нѣкоторые даже предложили перемѣнить названіе феномена, и именовать его не *сомнамбулизмомъ*, или снострансвованіемъ, поскорѣе *сомновигилизмомъ;* somnovigilism, Schlafwachen, то есть, снободрствованіемъ, потому, что дѣйствія, исполняемыя человѣкомъ въ этомъ состояніи наружнаго усыпленія, суть очевидно продолженіе дѣйствій бодрствующаго ума и тѣла. Многіе точные опыты даютъ право заключать, что человѣкъ въ сомнамбулизмѣ не спитъ, а только находится въ сонливомъ омертвѣніи нѣкоторыхъ органовъ: тѣло его бодрствуетъ, умъ его бодрствуетъ; онъ думаетъ, разсуждаетъ, выводитъ заключенія и пользуется полнымъ употребленіемъ умственныхъ способностей; большею частію онъ даже видитъ, какъ скоро вѣки его не плотно закрыты; а если не осязаетъ зрѣніемъ, то слышитъ все прекрасно. У иныхъ не остается ни какого воспоминанія о дѣйствіяхъ, совершаемыхъ во время такого снободрствованія, подобно тому, какъ многіе не помнятъ своихъ сновъ; другіе сохраняютъ объ нихъ понятіе только какъ о сновидѣніяхъ; но бывали примѣры, что, сомнамбулы, проснувшись, сами разсказывали о томъ, что дѣлали или думали, и какія тщетно употребляли усилія, чтобъ выйти изъ летаргическаго усыпленія. Многіе явленія сомнамбулизма оказались сходными съ явленіями закоснѣлаго пьянства; иныя съ иными отправленіями бодраго состоянія. Замѣчено даже, что можно произвести искусственное снострансвіе безъ всякихъ магнитическихъ фиглей: въ Индіи, гдѣ жаркій климатъ удивительно располагаетъ Европейца ко сну, въ усиленныхъ маршахъ войска Англійскіе солдаты иногда засыпали на ногахъ, продолжали итти впередъ подъ тяжестью полнаго вооруженія, и исполняли всю команду, не просыпаясь.

Я имѣю привычку, — быть-можетъ, дурную, можетъ-статься, хорошую, во всякомъ случаѣ самую невинную, — не иначе говорить о человѣкѣ, какъ съ улыбкою на устахъ: теперь я спохватился, что эта толстая «Картина» своимъ животнымъ магнитизмомъ опрокинула меня въ важное и скучное. Я въ отчаяніи: чтобъ исправить дѣло и развеселиться, выпишу вамъ за-

бавную сцену изъ Англійской газеты Times, отъ 18 Января 1834 года. Дѣло весьма недавнее, и кстати.

«Town-hall. *Городовой Судъ, въ Соутваркѣ.* Вчера, въ присутствіе Г. альдермена Торпа, предстала молодая и миловидная арестантка, по имени Мери Спенсеръ, обвиняемая въ неправильномъ похищеніи узелка при слѣдующихъ необычайныхъ обстоятельствахъ. Джонъ Гринъ, истецъ, объявляетъ Суду, что онъ по званію штукатуръ: въ прошедшую субботу, вечеромъ, окончивъ свои дѣла, онъ пошелъ съ нѣсколькими пріятелями пить въ Нимлико, и въ исходѣ десятаго часу возвращался оттуда домой: когда миновалъ онъ Боро, къ нему подошла какая-то женщина, а у него на рукѣ былъ тогда узелокъ, въ которомъ находились панталоны, завязанные платкомъ. Болѣе онъ ничего не знаетъ, и не можетъ сказать, что съ нимъ происходило до втораго часу утра въ Воскресенье.

*Альдерменъ Торпъ.* Какъ! ты былъ такъ пьянъ, что ничего не помнишь?

*Истецъ.* (*очень добродушно*). Ваша Почесть, я не шучу: это сущая правда. Несчастію, я подверженъ припадкамъ сомнамбулизма, и, для безопасности отъ воровства, всегда крѣпко привязываю къ рукѣ то, что несу съ собою, чтобъ проснуться, если кто захочетъ вырвать у меня мои вещи.

*Альдерменъ* Такъ какъ же ты знаешь, что именно эта арестантка, а не кто другой, подходилъ къ тебѣ, когда ты шелъ черезъ Боро? Если ты спалъ, ты не могъ ея видѣть!

*Истецъ.* Это можетъ показаться страннымъ Вашей Почести, но оно справедливо, что хотя я не въ силахъ выбиться изъ сна, когда нахожусь въ этой чрезмѣрной летаргіи, однако жъ, я все слышу и помню голоса разговаривавшихъ особъ. Какъ скоро эта женщина произнесла нѣсколько словъ, я тотчасъ узналъ ее по голосу, и готовъ присягнуть, что это была она. У меня есть привычка ходить такъ по нѣскольку часовъ: если бъ кто-нибудь дернулъ за узелокъ, я бы проснулся. Но она отрѣзала платокъ, которымъ былъ онъ привязанъ къ рукѣ, и я это чувствовалъ.

*Альдерменъ.* О такомъ казусѣ я никогда и не слыхивалъ! А узелокъ нашли? Дежурный инспекторъ, Г. Мекъ-Кра, объявляетъ, что узелокъ отысканъ, изъясняя, что показаніе истца, на счетъ его странствованій по улицамъ во время сна, совершенно справедливо. Г. Мекъ-Кра производилъ слѣдствіе, и оно вполнѣ подтвердило истину: обстоятельство это очень хорошо извѣстно полиціи.

Полицейскій констебль, Г. Ваттсъ, показываетъ, что истецъ пришелъ къ нему въ Воскресенье, во второмъ часу утра, и объявилъ именно то же, что теперь передъ Г-мъ альдерменомъ. Констеблю показалось его сказка слишкомъ мистическою и невѣроятною, и онъ приказалъ ему сопровождать себя въ поискѣ украденной собственности.

Истецъ говорилъ, что знаетъ гдѣ она находится, потому что лице, которое похитило ее, разговаривало подлѣ него съ другимъ, и объясняло ему свою квартиру. Констебль и истецъ отправились вмѣстѣ въ Боро, въ Кентскую улицу, и пришли къ одному дому, гдѣ, по словамъ просителя, долженствовалъ находиться узелокъ. Г. Ваттсъ постучался; ему отворили двери, и, вошедши въ одну изъ комнатъ, онъ увидѣлъ описываемую просителемъ потерю подлѣ спящей женщины. Какъ скоро эта женщина заговорила, истецъ сказалъ, что она та самая, которая отняла у него узелокъ, въ Боро. Констебль взялъ воровку съ собою, и отвелъ ее въ ближнюю караульню.

Тутъ истецъ объяснилъ Г. Альдермену, какимъ образомъ узелокъ былъ привязанъ и потомъ отрѣзанъ, и показалъ кончики платка, остававшагося на его рукѣ.

Г. Эдмондсъ, адвокатъ, защищалъ арестантку, доказывая, что сама она, быть-можетъ, сдѣлала это въ такомъ же припадкѣ сомнамбулизма; и какъ арестантка говоритъ, что не знаетъ, какимъ образомъ узелокъ очутился подлѣ нея, а истецъ утверждаетъ, что онъ его собственность, то слѣдуетъ отдать ему узелокъ, и дѣло съ концемъ.

Г. альдерманъ Торнъ, по зрѣломъ размышленіи, произнесъ приговоръ, что казусъ этотъ такъ страненъ, что и самъ онъ не знаетъ, какъ поступить; а послику Англійскіе законы не предвидѣли случая о просителяхъ изъ сомнамбуловъ, то арестантку отъ дальнѣйшаго преслѣдованія освободить, а узелокъ вручить истцу, по принадлежности.

Одинъ джентльменъ, присутствовавшій при производствѣ дѣла, еще засвидѣтельствовалъ, что знаетъ просителя много лѣтъ. Ему нерѣдко случается быть застигнутымъ этою несчастною болѣзнію на лѣсахъ во время работы, которую однако жъ продолжаетъ онъ и во снѣ: не смотря на то, что онъ часто находился въ опасности слетѣть съ лѣсовъ при малѣйшемъ отступленіи, съ нимъ никогда не приключалось несчастія, и на предлагаемые вопросы онъ отвѣчаетъ такъ правильно, какъ-будто вовсе не повергался летаргіи.»

Вотъ по крайней мѣрѣ хотя одно событіе этого рода, обезпеченное всѣми необходимыми условіями общественной достовѣрности, и не основанное на частной повѣсти энтузіястовъ и систематиковъ, называющихъ себя безпристрастными очевидцами. Оно бросаетъ большой свѣтъ на вопросъ о сомнамбулизмѣ: человѣкъ имѣетъ полное сознаніе того, что дѣлаетъ во время такой летаргіи, и забвеніе дѣйствія или сохраненіе его въ памяти явно зависитъ только отъ устройства его мозговыхъ органовъ. Джонъ Гринъ знаетъ, что онъ спитъ и ходитъ; что онъ спитъ и беретъ съ собою вещи: онъ чувствуетъ опасность своего положенія отъ воровъ, и не смотря на

свой сонъ, привязываетъ вещи къ рукѣ. Онъ повергается въ сомнамбулизмъ, идучи улицей и работая на лѣсахъ, и продолжаетъ итти и работать, со всѣми предосторожностями бодрствующаго лица: слѣдственно, это состояніе есть простое продолженіе бодрствованія, а сонъ только случай, придача къ бодрствованію, превратное дѣйствіе животныхъ отправленій, перемѣщеніе нѣмоты нѣкоторыхъ органовъ изъ эпохи сна въ бодрый часъ жизни. Что жъ тутъ магнитическаго въ этомъ, впрочемъ весьма естественномъ, безпорядкѣ отправленій? Поэтому всѣ болѣзни и самый бредъ были бы слѣдствіе магнитизма, были бы сновидѣнія!

Примѣчательно, что сностранники въ дѣйствіяхъ своихъ, во время подобныхъ припадковъ, никогда не выходятъ изъ круга занятій и привычекъ, приличныхъ бодрому ихъ бытію. И такъ сомнамбулизмъ въ разныхъ своихъ степеняхъ соотвѣтствуетъ простому понятію о разныхъ степеняхъ продолженія или возобновленія бодраго бытія и о разныхъ степеняхъ перемѣщенія, въ тѣлѣ человѣческомъ, одного или нѣсколькихъ животныхъ отправленій вопреки установленному порядку. Первая степень сомнамбулизма, или этого неправильнаго перемѣщенія отправленій, есть говоръ во снѣ; послѣдняя, которая извѣстна съ достовѣрностью, превращеніе всего порядка чувствъ въ каталептическихъ и эпилептическихъ случаяхъ. Всѣ почти мы произносимъ слова во снѣ: и такъ, всѣ мы сомнамбулы. Никто однако жъ не думалъ приписывать магнитизму рѣчей, невольно вырывающихся у насъ на подушкѣ!

Для любопытства читателей, я не полѣнюсь привести нѣсколько извѣстнѣйшихъ примѣровъ сомнамбулизма. Докторъ Эберкромби, въ своихъ изслѣдованіяхъ объ умственныхъ силахъ человѣка, описываетъ, со всѣми доказательствами подлинности факта, случай одного подверженнаго сностранствію адвоката, который нѣсколько дней сряду мучился надъ соображеніемъ дѣла и не могъ придумать, какой дать ему ходъ и въ какомъ видѣ представить его Суду. Онъ легъ спать; потомъ всталъ съ постели, сѣлъ у конторки, стоявшей подлѣ кровати, и началъ писать. Сочинивъ длинную бумагу, онъ положилъ ее въ ящикъ, заперъ конторку, и опять легъ въ постель, не просыпаясь. На слѣдующее утро, сталъ онъ раз-

сказывать женѣ, будто видѣлъ удивительный сонъ, который подалъ ему прекрасную мысль въ разсужденіи его дѣла. Бывъ свидѣтельницею всего дѣйствія, когда сбирался онъ поутру писать въ духѣ этой мысли, она показала ему въ ящикѣ бумагу, сочиненную имъ ночью: адвокатъ удивился, нашедъ въ ней свѣтлое, превосходное изложеніе процесса, начертанное его же рукою и въ томъ самомъ смыслѣ.

Сожалѣю, что примѣръ Тартини, сочинившаго во снѣ одну изъ лучшихъ своихъ сонатъ, Suonata del diavolo, случайно уже попалъ мѣсто въ другой статьѣ этой книжки Журнала, и поетараюсь замѣнить его приключеніемъ молодаго Французскаго священника, быть-можетъ не всякому извѣстнымъ. Оно было засвидѣтельствовано мѣстнымъ Архіепископомъ. Не смотря на отличное дарованіе, священникъ тщетно трудился весь вечеръ, и не успѣлъ написать ничего порядочнаго, чтобъ заключить свою проповѣдь однимъ, сильнымъ, логическимъ выводомъ изъ разныхъ частей избраннаго имъ предмета. Утомясь и обремененный несвязными мыслями, онъ бросился на постель, и уснулъ. Въ продолженіе покоя, онъ всталъ, опять принялся за перо, и съ большимъ искусствомъ развернулъ предметъ съ того мѣста, гдѣ ввечеру остановился. Написавъ полторы страницы, онъ еще пробѣжалъ написанное, и сдѣлалъ многія поправки въ слогѣ, изъ которыхъ одна была примѣчательна: Онъ написалъ-было — ce divin enfant: пересчитывая, нашелъ онъ прилагательное divin слишкомъ короткимъ въ этомъ мѣстѣ и можетъ-быть противнымъ слуху по однозвучности носовыхъ окончаній; вычеркнулъ слово divin, и надписалъ adorable. Будучи доволенъ фразою — cet adorable enfant, — онъ занялся дальнѣйшимъ чтеніемъ, какъ вспомнилъ, что въ ней осталась грамматическая ошибка: перемѣнивъ прилагательное, надлежало также измѣнить и мѣстоименіе. Онъ опять откинулъ страницу, и къ мѣстоимѣнію ce прибавилъ букву t, такъ, что вышло правильно — cet adorable enfant.

Кто послѣ этого можетъ сказать, что умъ, память, воображеніе, не бодретвуютъ въ подобномъ состояніи человѣка; что самый человѣкъ не бодретвуетъ, не смотря на его наружный сонъ? Все чудесное въ этомъ случаѣ ограничивается тѣмъ, что Англійскій адвокатъ и Французскій проповѣдникъ

писали съ зажмуренными глазами. Но станемъ ли увѣрять, что вѣки его были сомкнуты такъ плотно, что для зрѣнія не оставалось ни малѣйшей расщелины? Вы скажете, что они писали безъ свѣчей. Но развѣ не извѣстны примѣры особъ, читающихъ книги въ ночной темнотѣ? Дѣятельность зрѣнія во мракѣ не заключаетъ въ себѣ ничего сверхъ-естественнаго: совы и летучія мыши умѣютъ ловить добычу безъ магнитическихъ ясновидѣній. Всякой человѣкъ можетъ видѣть ночью: доказательство, опытъ съ Гершелевымъ телескопомъ, который, бывъ наведенъ въ самую темную ночь на часы отдаленной башни, показалъ циферблатъ ихъ чисто, какъ днемъ. Все состоитъ въ устройствѣ глаза. Сверхъ-того, не доказано, чтобы человѣкъ вовсе ничего не видѣлъ во время обыкновеннаго сна: кому не извѣстно, что спящаго можно разбудить однимъ свѣтомъ, поставивъ свѣчу передъ его глазами? Слѣдственно и во время сна свѣтъ находитъ для себя пути, чтобъ проникнуть до зрительнаго нерва, — а что сомнамбулы ощущаютъ нужду въ свѣтѣ, въ томъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія: они дѣйствуютъ только въ мѣсячныя ночи, и жадно ищутъ луннаго свѣта, — обстоятельство, которое нѣсколькихъ физіологовъ даже заставило вѣрить вліянію луны на нервную систему. Многіе изъ нихъ, безъ чиновъ, высѣкаютъ огонь, и зажигаютъ себѣ свѣчи.

Горстъ упоминаетъ объ одномъ мальчикѣ въ Бреславлѣ, который вставалъ съ постели, какъ скоро комната освѣщалась лунными лучами, одѣвался, взлѣзалъ на крышу дома, и подбиралъ птичьи гнѣзда. Возможно ли допустить здоровымъ разсудкомъ, чтобъ онъ ходилъ по крышамъ, не ощущая въ себѣ совершенной бодрости тѣла и духа; чтобъ ожидалъ луннаго свѣта для того, что зрѣніе было ему безполезно въ опасныхъ его прогулкахъ; чтобъ наконецъ сонъ его не былъ только наружное явленіе?

Докторъ Грегори пишетъ, что въ 1758 году зналъ онъ въ Лунсбургѣ одного офицера, въ которомъ можно было производить какія угодно ясновидѣнія, шепча ему въ ухо разныя слова во время сна. Его товарищи заставляли его спящаго дѣлать все, что хотѣли. Однажды, шутя, они поссорили его во снѣ съ его пріятелемъ: дѣло дошло до самыхъ грубыхъ упрековъ и до вызова на дуэль; сомнамбулу

дали въ руки пистолетъ, — онъ выстрѣлилъ, и проснулся. Есть ли тутъ что-нибудь магнитическое или непонятное?.... И этотъ родъ лунатизма одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ: иногда ограничивается онъ простою бесѣдою на словахъ; въ другой разъ, разговоръ сопрягается съ движеніями тѣла. Во всякомъ случаѣ, онъ очень важенъ для наблюдателя, потому что показываетъ, какимъ образомъ внѣшніе предметы пробиваются сквозь завѣсу сна, и проникаютъ въ умъ спящей особы. Тутъ слухъ дѣйствуетъ въ полномъ смыслѣ.

Маіоръ Элліотъ сообщилъ ученому свѣту любопытное извѣстіе объ одной женщинѣ, страдавшей сомнамбулизмомъ, которая послѣ перваго припадка теряла память прошедшаго, послѣ втораго опять ее пріобрѣтала, лишалась ея послѣ третьяго, и такъ далѣе: въ этомъ состояніи, уже весьма близкомъ къ каталептическимъ явленіямъ, находилась она слишкомъ четыре года. Опять вопросъ: есть ли здѣсь что-нибудь необыкновенное, чего бы нельзя было понять безъ магнитическаго мистицизма? Не то ли самое случается съ нѣкоторыми пьяницами и опіатиками? Когда трезвы, они часто не помнятъ того, что дѣлали или говорили въ опьянѣніи, и, чтобъ вспомнить, должны снова напиться. Не видимъ ли примѣровъ подобной перемежевки отправленій и въ другихъ феноменахъ жизни? Въ нѣкоторыхъ семействахъ, русые волосы бываютъ наслѣдственны черезъ одно поколѣніе, переходя съ прадѣда на отца, и съ отца на внука. Докторъ Симонъ свидѣтельствуетъ о существованіи одного семейства, въ которомъ всегда черезъ одно поколѣніе родятся дѣти съ шестью пальцами; и, что удивительнѣе, тѣ изъ членовъ семейства, которые позволили сдѣлать операцію и избавить себя отъ шестаго пальца, освободили внуковъ своихъ отъ этого страннаго наказанія Природою. Неужели и это магнитизмъ?

Что касается до эпилептическихъ и каталептическихъ явленій, которыми магнитисты воюютъ умы легковѣрные и склонные къ чудесному, то въ нихъ вся необычайность дѣла состоитъ въ перемѣщеніи чувствъ зрѣнія, обонянія и слуха въ оконечности пальцевъ и носа и въ грудную ложбинку. Я не хочу спорить о подлинности всѣхъ дивъ, приписываемыхъ этимъ болѣзнямъ, хотя по сю пору они

еще состоятъ подъ споромъ; но подобное перемѣщеніе отнюдь не сверхъ-естественнѣе перемѣщенія сна въ бодрое бытіе человѣка. Не рѣшась быть слабоумнымъ или носить на плечахъ голову, разбитую параличемъ одной неподвижной идеи, не возможно оспаривать присутствія невещественнаго духа въ тѣлѣ человѣческомъ. Какимъ образомъ раздѣляетъ онъ съ тѣломъ труды земной жизни, того мы вѣроятно никогда не постигнемъ. Мы видимъ, что внѣшній предметъ отражаетъ свой образъ на зеркалѣ нашихъ зрачковъ; можемъ заключить почти съ достовѣрностью, что этотъ отраженный образъ переходитъ въ мозгъ посредствомъ нерва, нарочно къ тому приспособленнаго; что духъ принимаетъ, всасываетъ его въ себя изъ мозга, — но какъ?.... Здѣсь предѣлъ знанію. Мы не въ силахъ постичь способовъ прикосновенія между душею и мозгомъ; однако жъ никогда еще не приписывали магнитизму передачи наружной формы предмета глазомъ уму, то есть, душѣ. Когда въ данныхъ болѣзненныхъ припадкахъ зрѣніе переносится, — если только переносится! — въ оконечности пальцевъ или въ другой членъ, и умъ, понятіе, оставляютъ голову, я скорѣе вижу въ этомъ замѣшательство въ отправленіяхъ, скорѣе перемѣщеніе души изъ обыкновеннаго центра ея дѣйствія въ другую страну животнаго зданія, нежели вліяніе особеннаго и мудренаго вещества. Духовное начало человѣка необходимо должно тогда скопляться около того мѣста, черезъ которое образы внѣшнихъ предметовъ проникаютъ въ тѣло. Какимъ образомъ оконечность пальца передаетъ ихъ душѣ, не извѣстно, точно такъ же, какъ не извѣстно, какъ передаетъ ихъ мозгъ; но палецъ и мозгъ матерія; но духъ и матерія имѣютъ свои сообщенія; но мозговыя фибры въ этомъ случаѣ отнюдь не умнѣе и не духовнѣе фибровъ пальца, и душа, чтобъ видѣть черезъ послѣдніе, можетъ употреблять тѣ же самыя непонятныя для насъ средства, помощію которыхъ зритъ она въ мозговые нервы. Ипотеза за ипотезу: я нахожу благороднѣйшимъ довѣрять душѣ, чѣмъ магнитизму. Если животный магнитизмъ хочетъ благороднымъ образомъ войти въ состязаніе съ другими несомнѣнными началами жизненности, то онъ долженъ напередъ отказаться отъ всякаго знакомства съ шарлатанствомъ. Доколѣ онъ съ нимъ въ связяхъ, разсудокъ имѣетъ полное право сомнѣваться въ дѣй-

ствительности его могущества. Довольно замѣтить, что эпохи, въ которыя онъ былъ въ силѣ и въ модѣ, были въ то же время эпохи мистицизма, съ паденіемъ котораго всегда ослабѣвали и чудесныя свойства животнаго магнитизма. Что касается до силы, приписываемой каталептикамъ и другимъ подобнымъ паціентамъ, видѣть внутренность своего тѣла и прописывать себѣ лекарства, то эти доводы годятся только въ нянюшкины сказки. Есть ли средство повѣрить внутренность тѣла больнаго? И кто присягнетъ, что больной умеръ бы, если бъ не принялъ показаннаго имъ лекарства? Впрочемъ этого рода страдальцы, и по сознанію Медицины, выздоравливаютъ безъ всякихъ лекарствъ, и самая ихъ болѣзнь не что иное какъ выздоравливаніе отъ другаго какого-нибудь недуга.

Какъ еще Омеопатія не вошла въ составъ философической «Картины человѣка», подлѣ животнаго магнитизма? Омеопатія однако жъ ясно доказываетъ, что нынѣшній просвѣщенный вѣкъ можетъ еще вѣрить многому. Въ Германіи, и даже во Франціи, печатаются Журналы этого ученія, и «Омеопатическій Поваръ» ужъ имѣлъ два изданія, хотя сами Омеопаты обѣдаютъ крѣпко аллопатически, и пьютъ вино не «безконечно малыми» рюмками.

Омеопатія не наше дѣло; но Картина человѣка была бы не полна безъ Физіономики. О, не шутите надъ нею! Физіономика удивительное дѣло. Какія важныя, вѣковыя истины сообщаетъ она читателямъ «всѣхъ образованныхъ сословій!» Послѣ выхода въ свѣтъ «Картины человѣка», нельзя никому показаться на улицѣ: всѣ прохожіе разгадаютъ вашъ характеръ. У васъ толстыя губы? — вы эгоистъ! вы нелюдимъ! я съ вами не хочу имѣть дѣла!... И не сердите меня: а то скажу вамъ еще хуже: вы витійствующій оранг-утангъ! — На какомъ основаніи? спросите вы меня. А вотъ на какомъ основаніи:

«А какъ рѣчь есть частію органъ общежительныхъ сношеній, частію средство къ образованію; то губы толстыя обличаютъ либо эгоиста и нелюдима, либо *витійствующаго Оранг-утанга.* Сей физіономическій законъ опредѣлится еще точнѣе, когда раздѣлимъ ротъ на двѣ части профиля. Ибо тутъ *толстая, отвислая губа нижняя означаетъ перевѣсъ животной и грубой части, а втянувшаяся*

*нижняя губа, которая тѣмъ самымъ вздымаетъ верхнюю, либо же, по крайней мѣрѣ, увлекаетъ за собою, перевѣсъ или могущество чувствительной, умной, благородной части лица.»*

И я знаю цѣлые народы, составленные изъ одинхъ эгоистовъ и эгоистокъ, нелюдимовъ и нелюдимокъ: первый нелюдимъ и эгоистъ въ свѣтѣ — Гаитскій Президентъ Бойе: за нимъ всѣ Негры и всѣ Мулаты съ толстыми губами, не считая Кафровъ и одного моего пріятеля, который разорился хлѣбосольствомъ.

Есть еще много другихъ физіономическихъ «законовъ», чрезвычайно вѣрныхъ и замысловатыхъ. Напримѣръ: подбородокъ, ротъ и носъ, сближенные вмѣстѣ, означаютъ человѣка..... *«Царя Ликаона, разжалованнаго въ волки!»*

А глаза съ большимъ угломъ?..... *«Счастливый глазъ постоянно имѣетъ большой уголъ.»* Прошу теперь не вѣрить мамкамъ, что можно сглазить ребенка, когда Философіею доказано, что есть глаза счастливые и глаза несчастные!

Всѣ части лица имѣютъ свое значеніе, и вы найдете въ «Картинѣ человѣка» *постоянный* «законъ» на каждый казусъ лица вашего пріятеля. Одного носа, говоритъ «Картина» опредѣлить невозможно. Носъ-вещь непостижимая: человѣкъ можетъ все понять, — но онъ не въ силахъ понять своего носа. Что значитъ носъ? Зачѣмъ ростетъ онъ на лицѣ? Чего отъ людей хочетъ?.... Носъ! ужасный носъ! проклятый носъ! Скажи, кто ты? откуда ты?..... Кончикъ носа есть острая скала, о которую разбиваются всѣ умозрѣнія. Hic finis terrarum.

До сихъ поръ «Картина человѣка» возбуждала во мнѣ веселость; но теперь, какъ мы дошли до «законовъ» физіономіи, мнѣ хочется плакать, и съ уныніи я принужденъ спрятать носъ подъ мышку. И такъ, человѣкъ весь въ своемъ лицѣ!..... Ужасно подумать! А обо мнѣ мои пріятели иногда говорятъ, что я не такъ глупъ, какъ иному кажусь съ лица!.....

С. Амвросій нѣкогда восклицалъ съ сокрушеннымъ сердцемъ: Ab Aristotele libera nos, Domine! Св. Амвросій жилъ слишкомъ давно, и если бы онъ жилъ въ наше время, онъ бы вѣрно говорилъ: A philosopia germanica liber

nos, Domine! — Anebulis mysticismi libera, libera nos, Domine!

Царствованіе Елисаветы Петровны. *Сочиненіе* А. Вейдемейера, *служащее продолженіемъ Обзора главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго С.-Петербургъ, въ тип. Гинца,* 1834, *въ* 8, *стр.* 143—143.

Кто-то, не-знаю, сказалъ первый, — но что это было сказано кѣмъ-то первымъ, за которымъ стали повторять другіе, въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія, — что нельзя писать Исторіи близкихъ временъ. Кто-то сказалъ второй, на зло первому, что нельзя писать Исторіи отдаленнаго времени. Можетъ, это правда! Можетъ, это ложь! Но въ такомъ крайне затруднительномъ обстоятельствѣ и сочиненіе Г. Вейдемейера можетъ быть читано съ удовольствіемъ, — тѣмъ болѣе, что лучшаго мы не имѣемъ.

Исторія. *Первая часть Введенія. Идея, содержаніе и форма Исторіи. Москва, въ тип. Университетской,* 1834, *въ* 8., брошюра въ 94 страницы.

Трифона Коробейникова, *Московскаго Купца, съ товарищами Путешествіе въ Іерусалимъ, Египетъ и къ Синайской Горѣ въ* 1583 *году. С.-П.-бургъ, въ тип. Вд. Байковой,* 1833 (1834). *въ* 8., брошюра въ 64 страницы. Изданіе второе.

Подарокъ ученымъ на 1834 годъ. *О Царѣ Горохѣ; когда царствовалъ Государь Царь Горохъ, гдѣ онъ царствовалъ, и какъ Царь Горохъ перешелъ въ преданіяхъ народовъ до отдаленнаго потомства. Москва, въ тип. Университетской,* 1834, *въ* 8., брошюра въ 35 страницъ.

Кадетскіе вопросы, *или разборъ книги подъ заглавіемъ: Руководство къ познанію Литературы. С.-П.-бургъ, въ тип. Иверсена,* 1834, *въ* 8., брошюра въ 38 страницъ.

О хлопчатой бумагѣ и прядении оной. *Извлечено изъ иностранныхъ сочиненій и дополнено Ученымъ Лѣсни-*

*чимъ* Андреемъ Озерскимъ. *С.-П.-бургъ. въ тип. Экспедиціи Заготовленія Г. бумагъ*, 1833 (1834), *въ* 8., брошюра въ 68 стр., съ тремя рисунками.

Выставка Академіи Художествъ 1833 года. Брошюра безъ заглавнаго листа, въ 55 страницъ. Извлеченіе изъ Журнала Д. М. Народнаго Просвѣщенія.

Отчетъ Академіи Художествъ за 1832 годъ. *С.-П.-бургъ, въ тип. Крайя,* 1834, *въ* 8., брошюра въ 22 страницы.

Больница всѣхъ скорбящихъ. *С.-П.-бургъ, въ тип. Греча*, 1834, *въ* 8., брошюра въ 37 страницъ.

Coup d'oeil sur les principales causes actuelles *des maux de nerfs et des difformités de la taille des jeunes personnes, par* M. d. C. Simon, *docteur, conseiller d'état, médecin du département de l'Instruction Publique. St.-Pétersbourg, chez Kray, 1834*, 8°. Brochure de 46 p.

Въ этомъ брошюрномъ мѣсяцѣ, на этой бѣдной ярмаркѣ малорослой печатной Лопи, гдѣ нельзя купить куска мысли даже за тройныя деньги, а можно только упиться музыкою унылаго скрипа немазанныхъ колесъ пріѣзжихъ за литераторскою славою,— вотъ хотя одно сочиненьице, которое подняло на ноги важный фактъ, которое, по крайней мѣрѣ, предложило вопросъ обществу! Докторъ Симонъ, въ теченіе своей долголѣтней и обширной практики, замѣтилъ, что съ нѣкотораго времени нервныя болѣзни и неправильности таліи у молодыхъ особъ женскаго пола необыкновенно усилились въ Петербургѣ, и толпы блѣдныхъ и хилыхъ выходцевъ нашей столицы, бѣгущихъ къ заграничнымъ водамъ съ наступленіемъ всякой весны, годъ отъ году становятся огромнѣе. Чему приписать это страшное пониженіе здоровья?.... Г. Симонъ находитъ причину ему въ нашемъ образѣ воспитанія прекраснаго пола. Число женщинъ, получающихъ «хорошее воспитаніе» постепенно здѣсь умножается; хорошее воспитаніе дѣвицъ дѣлается болѣе и болѣе многосложнымъ и изысканнымъ: всѣ мы надѣялись, что съ увеличеніемъ класса образованныхъ и

любезныхъ женщинъ, намъ будетъ пріятнѣе и веселѣе, — а тутъ вдругъ нервы стали разстраиваться, таліи стали коверкаться, шеи, бѣленькія, атласныя шеи, стали искривляться, — болѣзненная блѣдность вторглась въ порядочныя уборныя, безобразіе быстро покоряетъ область красоты, — скоро не въ кого будетъ влюбиться въ Петербургѣ!..... Ужасная будущность! Я вполнѣ раздѣляю опасенія Доктора Симона, и совершенно съ нимъ согласенъ, что частное воспитаніе дѣвицъ принимаетъ у насъ насильственный, ложный, вредный оборотъ. Да! вредный и — опасный. Не то, чтобы я боялся, что наши женщины скоро будутъ умнѣе и образованнѣе насъ самихъ: напротивъ, я желаю имъ этого отъ всего сердца, хотя желаніе мое, кажется, излишнее: оно уже исполнилось. Коротко сказать, желаю нашимъ Россіянкамъ навсегда удержать за собою то умственное превосходство передъ нами, вѣрными ихъ мужчинами, которымъ онѣ теперь болѣе чѣмъ когда либо отличаются. Но то справедливо, что чрезмѣрное умноженіе статей женскаго воспитанія нанесло у насъ жестокій ударъ здоровью и красотѣ молодыхъ образованныхъ женщинъ. Теперь дѣвушка уже не называется отлично воспитанною, если она не воспитана по-Французски, по-Русски, по-Англійски, по-Нѣмецки; если это воспитаніе не вознесено умножено еще Алгеброю, Исторіею, Стастистикою и Риторикою; если Петербургская барышня не играетъ какъ артистка, не рисуетъ какъ ангелъ, не поетъ какъ божество, кромѣ двадцати другихъ Наукъ, совершенствъ, дарованій. Притомъ, она должна быть начитанная,—и она все читаетъ! Докторъ Симонъ усматриваетъ въ этомъ обстоятельствѣ другую, и весьма сильную причину быстраго и изумительнаго распространенія нервическихъ недуговъ въ послѣдніе годы въ Петербургѣ. Уже одинъ знаменитый Парижскій врачъ, два года назадъ тому, обнаружилъ ужасные слѣды дѣйствія новѣйшихъ Романовъ и Драмъ на нервныя системы молодыхъ особъ во Франціи: Докторъ Симонъ, не упоминая объ немъ и, быть-можетъ, независимо отъ его открытія, подтверждаетъ то же самое наблюденіями, сдѣланными здѣсь на-мѣстѣ. Эти неистовыя картины ужаса, свирѣпости, злодѣянія, сладострастія, потоковъ крови и лужъ порока, съ пламеннымъ слогомъ и частыми взрывами

страстной, превратной Философіи, брошенныя въ пылкія молодыя воображенія, страшно потрясаютъ всю нервную экономію изнѣженной женщины, уже разслабленную усиліями мучительнаго воспитанія; производятъ внутреннюю борьбу, остроту соковъ, раздраженіе и болѣзнь. Закрывъ книгу, надо послать за билетомъ на Любекскій пароходъ, и ѣхать къ теплымъ водамъ лечиться отъ спазмовъ или отъ истерики,— Г. Симонъ лучше знаетъ, отъ чего именно. Папеньки, маменьки, дядюшки, тетушки, бабушки, мужья, братцы, кузины! читайте со вниманіемъ любопытныя и человѣколюбивыя замѣчанія Доктора Симона: дѣло важнѣе, нежели какъ вы предполагаете. Не думайте, чтобы ихъ воображенія были такъ холодны, какъ ваши, и кровь ихъ текла такъ тихо, какъ въ нашихъ канцелярскихъ жилахъ. Онѣ родились и живутъ совсѣмъ въ другомъ климатѣ, какъ мы. за тридцать градусовъ широты отъ насъ, хотя всякой вечеръ танцуютъ съ нами кадрили. Лѣтомъ онѣ окружены атмосферою, раскаленною до 20 градусовъ Реомюра; осенью и весною въ ихъ казавейкахъ вы всегда найдете 17 градусовъ. Всю зиму проводятъ онѣ въ комнатахъ, согрѣтыхъ по крайней мѣрѣ въ 14 градусовъ, и еще носятъ казавейки, шубы, и проч., которыя усиливаютъ температуру воздуха около кожи до 18 и 20 градусовъ, не считая баловъ и театровъ, гдѣ бываетъ отъ 18 до 22. Сложите все это, вы найдете, что средняя годичная температура ихъ атмосферы не ниже 15 или 16 градусовъ: это климатъ Испаніи! — тогда, какъ мы живемъ большею частію въ природномъ Петербургскомъ климатѣ, котораго средняя температура не превосходитъ 3° теплоты. Мы ихъ воспитываемъ въ парникахъ, и онѣ нѣжны, какъ оранжерейныя растенія.

Докторъ Симонъ предлагаетъ нѣкоторыя простыя и легкія средства врачеванія этихъ мучительныхъ или безобразныхъ недуговъ въ самомъ ихъ началѣ. Я не докторъ, но осмѣлюсь сказать ему, что весьма удивился. не найдя, въ числѣ предлагаемыхъ средствъ, одного, весьма надежнаго: мнѣ кажется, что нервы, раздраженныя Французскими Романами и Драмами, легко можно успокоить нашею Словесностью!

=

*

## РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

1. *Смоляне въ* 1611 *году*, драматическая Хроника, въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Кн. А. А. Шаховскаго, (26 Января).

Дѣйствіе первое. Сраженіе за Смоленскою стѣною. Пушкарь кричитъ со стѣны, что воевода Шеинъ

Весь Королевскій сбродъ, какъ прахъ земной разсѣялъ.

Народъ кричитъ — ура, колокола звонятъ. Приходитъ Шеинъ съ Княземъ Горчаковымъ, Татищевымъ и другими.

Еще мы цѣлы!
Хоть Королевскіе полки какъ волки смѣлы,
Да Божьей помощью мы сперли ихъ назадъ.
. . . . . .
Изъ войска нашего ужъ многихъ тысячъ нѣтъ!
И сыщется ль шестьсотъ для обороны града,
А сдѣланъ взрывъ. Его чинить скорѣе надо,

говоритъ Шеинъ. А Князь Горчаковъ разсказываетъ, что сынъ его, Александръ, съ нимъ рядомъ бился,

Да вскрикнулъ вдругъ: хоругвь! и съ словомъ тѣмъ, впередъ,
Умчался изъ вида, какъ конь ретивый!

Дворянинъ Алексѣевъ объявляетъ Шеину и Горчакову,

Что, Патріархъ, Синклитъ и весь народъ
Большихъ Пословъ прислали къ Сигизмунду.

Шеинъ говоритъ:

Чтобъ града не сдавать безъ Царскаго указа,
И не сдадимъ, покуда Владиславъ,
По православію Восточной Церкви
На царство вѣнчанный, не повелитъ.

Шеинъ приглашаетъ согражданъ взглянуть

На Тулу, на Орелъ, на Нижній, на Калугу,

и продолжаетъ:

Какую тамъ народъ терпѣлъ и скорбъ и тугу!
Какъ тамъ крамольники темнили небеса
Пожарнымъ дымомъ селъ; и ужасомъ въ лѣса
Гоня людей, звѣрей выманивали въ поле
На смрадъ крещеныхъ тѣлъ.

Приходитъ жена Шеина, Евдокія, съ дочерью, Еленою'

и съ малолѣтнымъ сыномъ, Борисомъ. Шеинъ объявляетъ ей, что враговъ одолѣли. Жена въ отвѣтъ:

А мы молебствіе съ владыкой въ храмѣ пѣли.

Потомъ продолжаетъ разсказывать мужу, что дочь ихъ съ весны какъ свѣчка таетъ, что она три дня безъ хлѣба.

Вбѣгаетъ молодой Князь Горчаковъ, Александръ, съ хоругвію въ рукахъ, и отдаетъ ее Шеину. Идутъ въ соборъ, чтобъ освятить хоругвь. Остаются Александръ, Евдокія и Елена. Евдокія посылаетъ Александра въ соборъ. Александръ нейдетъ. Елена разсказываетъ ему о холодѣ и голодѣ, которые онѣ терпятъ въ Смоленскѣ; разсказываетъ видѣнный ею сонъ. Мать, въ утѣшеніе ей, говоритъ:

Во снѣ какая связь!
И мнѣ въ болѣзни снились
Такія ль чудеса!

Какія же это чудеса, — она умалчиваетъ. Елена оканчиваетъ свой разсказъ слѣдующимъ:

Чу! чу! набатъ! громъ! молнія! гроза!
Сраженье! кровь!..... все заклубилось!
Все, все, все ..... и я *(падаетъ безъ чувствъ)*.

Александръ, полагая, что Елена умерла, приходитъ въ отчаяніе. Евдокія успокоиваетъ его, увѣряя, что —

Это съ ней и прежде ужъ бывало:
Пройдетъ; но чтобъ ее ни что не испугало.

Читатель, вѣроятно, полагаетъ, что бѣдная Елена подвержена падучей болѣзни? — нѣтъ,

Отъ горькихъ думъ, она изнемогла сперва,
И изнурённыя всечаснымъ страхомъ силы
Не укрѣпляетъ злакъ притоптанныхъ полей;
А то, чѣмъ нашъ законъ мерзить повелѣваетъ,
Она, безъ ужаса, къ устамъ
Поднесть не можетъ.

Александръ вскрикиваетъ:

Я, въ трепетѣ, виню несправедливость неба:
Краса земли кончается безъ хлѣба!

Отъ чего же умираетъ съ голода одна Елена, а отецъ и мать ея и прочіе сограждане здравствуютъ? Конечно они изволятъ кушать то, —

Чѣмъ нашъ законъ мерзить повелѣваетъ.

На здоровье!

Александръ въ отчаяніи отъ того, что невѣста его, — виноватъ, забылъ сказать, что Елена, невѣста его, — умираетъ съ голоду, единственно отъ своей прихоти, увѣряетъ Потемкина, что —

Онъ днемъ однимъ и на челнѣ
То сдѣлаетъ, что шестеро рѣшились
На лодкѣ сдѣлать въ ночь.

Что жъ шестеро рѣшились сдѣлать на лодкѣ ночью? — Терпѣніе, Мм. Гг., терпѣніе! Скоро узнаете. Между тѣмъ:

Изъ стана прискакалъ налетъ, и черезъ ровъ —
..... грамоту съ кинжальнымъ клинкомъ бросилъ.

Этою грамотою совѣтуютъ сдать Смоленскъ Сигизмунду. Воевода Шеинъ, Бояре, Дворяне и народъ на сіе не соглашаются.

Если вамъ наскучило подробное изложеніе перваго акта Хроники «Смоляне въ 1611 году,» то постараюсь разсказать остальныя три дѣйствія, не переводя духа.

Дѣйствіе второе. Сбродное войско Сигизмундово пляшетъ и ссорится, поетъ и дерется, между собою. Приходитъ освобожденный изъ заключенія Московскій посолъ, Князь Мезецкій, и вмѣстѣ съ Мальтійскимъ кавалеромъ Новодворскимъ, отправляется въ Смоленскъ, чтобъ уговорить народъ къ сдачѣ города. Александръ и Потемкинъ съ товарищи, пріѣхавшіе тайкомъ на лодкѣ, вбѣгаютъ въ палатку, гдѣ обѣдаютъ Польскіе военачальники. Стража, отъ испугу, опустила руки. Александръ схватываетъ корзинку съ хлѣбомъ для голодной своей невѣсты. Вотъ для чего онъ приплылъ на лодкѣ! Потемкинъ мимоходомъ захватываетъ непріятельское знамя, и оба убѣгаютъ. Товарищи не отстаютъ отъ нихъ. Дѣйствіе третіе. Смоляне задѣлываютъ проломъ въ стѣнѣ. Евдокія и Елена рѣшили, что «отъ голода теряютъ сонъ и бредъ находятъ.» Входятъ Новодворскій и Князь Мезецкій. Новодворскій сперва ругаетъ воеводу Шеина, Князя Горчакова и прочихъ Бояръ невѣждами; потомъ обѣщаетъ имъ Сигизмундовы милости, если они сдадутъ ему Смоленскъ; наконецъ грозитъ имъ уничтоженіемъ сего города, если они не сдадутъ его. Шеинъ возражаетъ ему:

Хоть вамъ попуститъ Богъ,
Все жъ не живые мы падемъ у вашихъ ногъ.

Новодворскій спрашиваетъ его:

Ужель на воздухъ вы рѣшились взорваться?

Узнаешь послѣ! — отвѣчаетъ Шеинъ. Мезецкій одобряетъ рѣшимость Смолянъ не сдавать города. Потемкинъ приноситъ захваченное имъ знамя. Раненый Александръ приноситъ хлѣбъ, отдаетъ его Еленѣ и умираетъ. Елена беретъ хлѣбъ, и — въ ротъ его, но поздно: зубы разучились дѣйствовать. Она умираетъ.

Князь Горчаковъ сказалъ Смолянамъ:

Мы въ смертную одежду облечемся
И въ гробъ готовые убійцъ искать пойдемъ.
. . . . . .
Хочу имъ заживо явиться мертвецомъ!

Конечно для того, чтобъ пугнуть Сарматовъ. Дѣльно! И вотъ дѣйствіе четвертое! Мужчины и женщины, старые и малые, ходятъ въ саванахъ. Поляки вламываются въ городъ. Смоляне взрываютъ его на воздухъ, и конецъ Хроники. Это новое произведеніе Князя А. А. Шаховскаго, въ особенности этотъ взрывъ, напомнили мнѣ старую Драму Le dernier jour de Missolonghi, игранную за три-четыре года предъ симъ и въ Москвѣ, въ Русскомъ переводѣ. Но можно ли сравнивать переводъ, какъ бы онъ хорошъ ни былъ, съ оригинальнымъ твореніемъ! Кн. А. А Шаховскаго.

Въ Хроникѣ «Смоляне» Г-жа Валберхова (Евдокія), и Гг. Брянскій (Шеинъ), и Каратыгинъ ст. (Князь Мезецкій), заслужили общее одобреніе, не взирая на то, что они должны были только резонировать. Елену играла Г-жа Григорьева: это былъ второй ея дебютъ, а въ первый дебютъ свой она представляла Антигону въ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ.» Таланта драматическаго въ ней не замѣтно.

2. *Дона Діана*, Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, (29 Января).

Принцъ Ургельскій, Донъ Цезарь, чтобъ повѣрить своими глазами и своимъ умомъ красоту и гордость Графини Діаны, пріѣхалъ въ Барселону съ двоюродными своими братьями, Принцемъ Беарнскимъ и Графомъ де Фуа. Д. Цезарь отличился на Барселонскомъ турнирѣ.

Народъ рукоплескалъ отъ восхищенья,
Діана же осталась равнодушной.

Онъ —

Въ смущеніи ристалище оставилъ,
И съ той поры въ нее влюбился страстно!

Донъ Цезарь, сведя дружбу съ продувнымъ плутомъ, секретаремъ Графини, Периномъ, который явно продаетъ ее, открываетъ ему свое сердце. Непростительно владѣтельному Принцу съ умомъ, съ познаніемъ свѣтскихъ приличій, ввѣрять свои чувствованія ничтожному человѣку, не будучи еще увѣреннымъ, можетъ ли онъ помочь въ любовной неудачѣ; но какъ было Д. Цезарю пропустить мимо ушей увѣренія Перина въ томъ, —

Что горе всякое *мягчитъ языкъ;*
*А языкомъ снимаютъ (!!)* тягость сердца.

Какъ было не исполнить слѣдующихъ его наставленій:

Она *холодностью* васъ *бьетъ*, такъ что же?
Чѣмъ вы ушиблися, тѣмъ и лечитесь.

Отецъ Д. Діаны, Донъ Діего, въ отчаяніи, что дочь его не хочетъ итти замужъ, что она отвергла руку Принца Беарнскаго и руку Графа де Фуа, предлагаетъ имъ отправиться во-свояси. Но какъ эти забракованные женихи, такъ и Д. Цезарь, объявляютъ владѣтелю Барселоны, что они желаютъ остаться тамъ подолѣе, то, нечего дѣлать, старикъ, сжавъ сердце, приказываетъ:

Чтобъ продолжалось пиршество.

За это Принцъ Беарнскій утѣшаетъ Дона Діего тѣмъ, что дочь его можетъ еще влюбиться и вѣрно бы уже влюбилась, если бы они не забыли вступить съ нею въ разговоръ. Хороша память! Хороши женихи! Мало этого, — онъ и Графъ де Фуа обѣщаютъ постараться доказать надменной красавицѣ, —

Что Богъ имъ далъ и языки и ноги,
Полегче и мечей и копій.

Донъ Діего вводитъ ихъ всѣхъ троихъ къ Діанѣ. Она объявляетъ имъ, наотрѣзъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ выйдетъ замужъ. Отецъ, прервавъ ее слѣдующею выходкою, —

Ты худо поняла мое желанье,
Я не о бракѣ говорить пришелъ;
Но съ принцами должна ты объясниться,
Которые обижены тобой!

уходитъ.

Принцъ Бсарнскій и Графъ де Фуа начинаютъ мадригалить Донѣ Діанѣ; а Д. Цезарь увѣряетъ ее, что онъ, какъ и она, убѣгаетъ брака. Этотъ фарсъ обращаетъ на него особенное вниманіе ненавистницы любви. На предложеніе же Принца Беарнскаго *попытаться покорить ея сердце*, она говоритъ:

Пусть музыка и танцы здѣсь начнутся,
И маски пусть кружатся среди насъ.
Пусть испытаніе сердечное рѣшитъ,
Кому изъ нихъ принадлежитъ побѣда.

Донъ Цезарь, оставшись наединѣ съ Д. Діаною, заключаетъ съ нею условіе, платить за любовь презрѣніемъ.

Перинъ, избранный Д. Діаною въ помощники ея, *свести съ ума весь свѣтъ*, увѣряетъ Д. Цезаря, что она до полуночи можетъ полюбить его и въ томъ ему признаться. На сомнѣніе въ этомъ Д. Цезаря, возражаетъ онъ:

Помилуйте, да что жъ тутъ дивнаго? Она
Не только женщина (?) но и дѣвица (!!)
А сверхъ того, прекрасная Принцесса;
Такъ, стало быть, и избалованнѣе прочихъ,
И отъ того ей все желается сильнѣй.

По обыкновенію, существовавшему нѣкогда при Барселонскомъ Дворѣ, всѣ дамы должны были имѣть по рыцарю, который прислуживалъ бы имъ въ маскарадахъ. Образъ избранія въ такіе рыцари сохранился еще нѣсколько въ нашей *игрѣ въ фанты*: надобно было кавалеру угадать цвѣтъ, выбранный дамою, чтобъ принять названіе ея рыцаря. Донѣ Діанѣ, по случаю, разумѣется, заранѣе подготовленному, достался въ рыцари Донъ Цезарь. *Пользуясь симъ случаемъ*, она ищетъ извлечь изъ него признаніе въ любви, для того только, чтобъ надъ нимъ посмѣяться. Злая Дона! Она успѣла. Донъ Цезарь палъ предъ нею на колѣни, умоляя ее не отвергать любви его. Насмѣшка — отвѣтъ на признаніе! Счастливая мысль, за которую онъ обязанъ двуличному Перину, спасла его отъ постыднаго уничиженія. Донъ Цезарь открытіе въ любви обращаетъ въ шутку, увѣривъ Д. Діану, что онъ хотѣлъ этимъ испытать только силу своего краснорѣчія. Торжество надменной красавицы уничтожено! Эта сцена вознаграждаетъ вполнѣ скуку отъ длиннотъ, какими изобилуетъ разбираемая Комедія. Дона Діана съ досады

отказывается отъ бала, подъ предлогомъ болѣзни. Она больна, — и больна опасно! Искра первоначальной любви запала въ грудь ея. Мнимое презрѣніе обожаемаго предмета обратило искру въ пламя. Діана горитъ, пылаетъ! Надежда, эта усладительница жизни человѣческой, эта основа даже невозможной любви, не оставила Д. Діану. Узнавъ, что непреклонный рыцарь любитъ музыку, она рѣшается привлечь его къ себѣ звуками лютни. Эта продѣлка поручена Перину. Донна Діана, съ сестрами своими, Лаурою и Фенизою, сидятъ въ бесѣдкѣ и играютъ: она на лютнѣ, а сестры, одна на арфѣ, другая на гитарѣ. Подъ руководствомъ Перина, является Д. Цезарь. Онъ, будто не замѣчая Д. Діаны, восхищается мѣстоположеніемъ, цвѣтами. Это ее оскорбляетъ, бѣситъ, если позволено такъ выразиться о красавицѣ. Онъ хочетъ уйти. Она, потерявъ терпѣніе, сама останавливаетъ его. Сказавъ два-три истертыхъ комплимента, Д. Цезарь раскланивается съ нею. Донна Діана въ отчаяніи: новая ихъ встрѣча рѣшила судьбу ихъ. Встрѣча эта интересна любовною стратегіею. Д. Цезарь увѣряетъ Дону Діану, что онъ влюбленъ въ Лауру. Дона Діана увѣряетъ Д. Цезаря, что она влюблена въ Принца Беарнскаго. Наконецъ, благодаря подложной твердости Д. Цезаря, гордая красавица, достойная соименница звѣроловной богини, запуталась въ собственныхъ своихъ сѣтяхъ. Эти сѣти скрѣплены узломъ брака. Вмѣсто одной свадьбы, Д. Діего отпразднуетъ три: и другія двѣ его дочери помолвлены: Лаура за Принца Беарнскаго, а Фениза за Графа де Фуа.

По окончаніи піесы, одинъ изъ кресельныхъ моихъ сосѣдей, вѣроятно, остроты ради, повторилъ слова Лауры:

Оно довольно, кажется, понятно,
А смысла здраваго все нѣтъ.

Нельзя съ нимъ согласиться. Кто имѣлъ несчастный случай испытать въ любви капризы прелестной, умной женщины, тотъ не скажетъ, чтобъ въ Донѣ Діанѣ не было здраваго смысла. Не угодно ли кому знать истинные недостатки этой Комедіи? Вотъ они: растянутыя сцены и натянутые діалоги. Она создана въ Испаніи, и передѣлана въ Германіи. Эта передѣлка переведена нынѣ на Русскую сцену. О самомъ переводѣ, безъ сомнѣнія, никто не спроситъ нашего мнѣ-

нія. Достоинство его слишкомъ ощутительно въ приведенныхъ стихахъ. Достоинство самой піесы зависитъ отъ Доны Діаны, Дона Цезаря и Перина. Ихъ играли Г. Каратыгинъ ст., Г-жа Каратыгина ст. и Г. Сосницкій. Піеса принята была сухо.

3. *Чрезвычайное происшествіе*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ Французскаго и представленный 29 Января. – Артуръ Нельвиль, во время долговременной отлучки изъ Флоренціи Корсиканца Субрегонди, обольстилъ жену его. Она родила. Въ этомъ помогалъ ей цирюльникъ (!!), Клико. Проступокъ жены скрытъ былъ отъ мужа. Чрезъ двадцать лѣтъ послѣ того, Субрегонди останавливается во Франціи, въ одномъ трактирѣ, гдѣ встрѣчается съ Нельвилемъ. Содержатель этого трактира Клико, который женатъ на Лукреціи, бывшей въ услуженіи у жены Субрегонди, давно уже умершей. Болтливость Клико зажгла ревность въ Корсиканскомъ сердцѣ. Субрегонди почти увѣрился въ измѣнѣ свой жены, спустя два десятилѣтія. Не справедливо ли замѣчаніе, что дурное дѣло жены мужъ узнаетъ послѣдній! Спасибо новой Лукреціи! Она за нѣсколько тысячъ франковъ, обѣщанныхъ ей Нельвилемъ, приняла на себя преступленіе бывшей свой госпожи, и потомъ успокоила Корсиканца, и спасла, можетъ-быть, отъ смерти Нельвиля.

Этотъ Водевиль, прекрасно разыгранный Г-жею Самойловою стар. (Лукреція), и Гг. Петровымъ (Субрегонди), и Григорьевымъ ст. (Нельвиль) доставилъ часъ удовольствія просвѣщенной публикѣ.

9. *Венеціянскія забавы, или День карнавала*, Балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ.

Сколько лѣтъ прошло, какъ Милонъ поставилъ этотъ Балетъ на Парижскій Театръ! Тогда онъ могъ быть интересенъ, и то не какъ Балетъ, но какъ Дивертиссементъ, въ который вставлены двѣ-три сцены, – напримѣръ свиданіе Дона Карлоса и слуги его, Фабриціо, съ замаскированными ихъ любовницами, и условленная встрѣча на Венеціянской площади; но съ тѣхъ поръ, какъ танцы арлекиновъ и полишинеля, единственныя украшенія этого Балета, перешли давнымъ давно едва не во всѣ Петербургскіе Ди-

вертиссементы и даже начали уже наскучивать образованнымъ зрителямъ, съ тѣхъ поръ этотъ Балетъ на здѣшнемъ театрѣ не новость. Онъ былъ представленъ 31 Января.

4. *Игроки*, Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, сочиненіе А. С., представленная 5 Февраля. — Страсть къ азарднымъ играмъ — гибельнѣйшая страсть. Она истребляетъ всѣ благородныя чувства. Игрокъ ужаснѣе разбойника: отъ разбойника можно отбиться оружіемъ; но чѣмъ спастись отъ тайнаго *шулера*, пользующагося всѣми правами честнаго, полезнаго отечеству гражданина, и нерѣдко принадлежащаго къ лучшему обществу? чѣмъ спастись отъ него неопытному юношѣ, предавшемуся этой порочной, гнусной страсти? Первый законъ противъ игроковъ изданъ былъ, если не ошибаюсь, въ 1387 году Іоанномъ I, Королемъ Кастиліи, извѣстнымъ въ Исторіи потерею Алюбаротскаго сраженія, которымъ онъ мечталъ оспорить корону Португаліи у Іоанна I же, прозваннаго отцемъ отечества. Послѣ того, сколько написано подобныхъ законовъ въ благоустроенныхъ государствахъ! Не говоримъ о правительствахъ, покровительствующихъ игры, какъ изобильный источникъ финансовъ. Жалкія правительства! Сколько выведено на сцены, — Испанскую, Англійскую, Нѣмецкую, Французскую, Шведскую и Русскую, — жертвъ несчастной страсти, и что жъ пользы? Шулеры, поахавъ и поохавъ въ театрѣ, отправляются оттуда же прямо на свою добычу. Все сказанное мною старо; не спорю. Вотъ и новое: въ Драмѣ «Игроки» выведенъ молодой человѣкъ, завлеченный игрокомъ-разбойникомъ въ его сѣти; онъ проигрываетъ все свое имѣніе, лишается обожающей его подруги, и дѣлается, невольно, убійцею ближняго. И это старо, говорите вы: въ этомъ вините уже не меня, а автора піесы, Г-на А. С. Достоинство ея заключается въ нѣкоторыхъ монологахъ несчастнаго юноши, которые, кажется, вылились прямо изъ души автора. Данная предъ этою Драмою мистерія, «Маскарадъ», непостижима. Въ ней Мефистофель обыгрываетъ въ шахматы какую-то женщину, которая превращается потомъ въ скелета. Что хотѣлъ доказать этимъ драматургъ? Не то ли, что игра доводитъ человѣка до ничтожества? Согласился бы съ нимъ, если бы онъ заставилъ Мефистофеля объ-

игрывать кого-нибудь въ карты; а шахматная игра не уни чтожаетъ человѣка,—напротивъ, подкрѣпляетъ умственныя силы: слѣдственно, трудно повѣрить, чтобъ можно было отъ нея погибнутъ въ нравственномъ отношеніи. Это не банкъ, не штосъ, и. т. п., гдѣ нужно только или счастіе или мошенничество.

5. *Визитный билетъ, или Трубка табаку*, Комедія въ одномъ дѣйствіи (11 Января).

Комедійка: — Nehmt ein Exempel daran, перевдена нынѣ на Русскій языкъ и названа «Визитный билетъ.» Первый порокъ или, учтивѣе, первая слабость, явилась въ мірѣ — когда?—какъ вы думаете, просвѣщенныя читательницы? За 7212 лѣтъ предъ симъ. Не вѣрите: спросите у Греческихъ хронографовъ. Этотъ порокъ, или эта слабость — любопытство. Праматерь наша, Евва, проживъ счастливо въ раю 130 лѣтъ, вздумала впервые полюбопытствовать, и съ тѣхъ поръ, лишась рая, сдѣлалась изобрѣтательницею любопытства, которое донынѣ поддерживается съ честію достойными ея-праправнучками. Одна изъ нихъ, Генріетта Лидина, молодая, образованная, прелестная женщина, которой дядя ея запретилъ, для шутки, -а можетъ-быть тоже изъ любопытства посмотрѣть, что выйдетъ изъ этого запрещенія,—курить табакъ. Генріета, не обращавшая доселѣ ни какого вниманія на это Американское растеніе, вдругъ получаетъ непреоборимую охоту покурить трубку, и именно отъ того что это ей запрещено.

Генріетту играла Г-жа Самойлова младшая. На Генріетѣ основана вся Комедія. Я видѣлъ ее два раза, — во второй разъ (14 Февраля). Г-жа Самойлова художнически выполнила эту роль. Едва ли возможно правдоподобнѣе ее передать подстрекнутое любопытство молодой, только-что вступившей въ свѣтъ, дамы.

Комедія переведена бѣлыми разномѣрными ямбами, и не дурно. Правда, попадаются въ ней кое-гдѣ стишки, которые называются у насъ рубленою прозою; но ихъ такъ мало, что промолчу о нихъ.»

6. *Екатерина Медичи*, Драма въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенная съ Французскаго (12 Января).

Екатерина Медичи, вѣрно изображенная въ эпитафіи, написанной вскорѣ послѣ ея кончины:

La Reine qui ci-gît, fut un diable et un ange,
Toute pleine de blâme et pleine de louange.
Elle soutint l'état et l'état mit à bas;
Elle fit maints accords et pas moins de débats;
Elle enfanta trois rois et cinq guerres civiles,
Fit bâtir des châteaux et ruiner des villes,
Fit bien de bonnes lois et de mauvais édits:
Souhaite-lui, passant, enfer et paradis.

Не думайте, встрѣтить этаго дьявола-ангела въДрамѣ. Она есть произведеніе неутомимаго Ансело.

Екатерина Медичи, въ 1576 году, во время перемирія, прекратившаго кровопролитіе Протестантовъ и Католиковъ, пріѣзжаетъ въ замокъ Сенъ-Бри, назначенный мѣстомъ переговоровъ о заключеніи мира. Въ свитѣ ея находится Графиня Марія Нуармутье, невинная дѣвица, хотя и принадлежитъ она къ легіону красавицъ, которыхъ Екатерина употребляетъ по своимъ разсчетамъ. Марія съ дѣтства любитъ Рене де Монберона, командующаго войсками Католиковъ. Въ замкѣ Сенъ-Бри, взаимная ихъ страсть вспыхиваетъ съ новою силою. Является тамъ и начальникъ Протестантовъ, Графъ Невильскій, съ извѣстіемъ о намѣреніи Короля Наварскаго видѣться съ Екатериною. Графъ спѣшитъ возвратиться къ своимъ войскамъ. Медичи, изъ политическихъ видовъ, употребляетъ Марію, чтобъ удержать его на нѣсколько времени въ Сенъ-Бри. Марія, получаетъ письмо отъ Рене, въ которомъ онъ признается ей въ любви. Откровенная съ Графомъ, Марія показываетъ ему это письмо. Графъ обѣщаетъ ей содѣйствовать къ браку ея съ Рене. Въ это время входитъ де Монберонъ, и, видя ласковое обращеніе Маріи съ Графомъ Невильскимъ, считаетъ его своимъ соперникомъ. Ревность кипитъ въ груди его. Екатерина, предваренная Графомъ, изъявляетъ свое согласіе на бракъ Рене съ Маріею. Рене отказывается отъ него. Екатерина напоминаетъ ему о письмѣ. Онъ говоритъ, что это письмо было не къ Маріи, а къ

владѣтельницѣ замка Сенъ-Бри, Графинѣ Маргаритѣ. Вотъ каково писать письма безъ адреса! Впрочемъ это не новость: отъ подобной, по милости Вольтера, продѣлки, погибли и Танкредъ, и Аменанда. Маргарита въ восторгѣ, Марія въ отчаяніи.

Жизель, молоденькая, миленькая дѣвушка,—сдѣлайте милость, не судите о ней по представительницѣ ея, Г-жѣ Марсель!—Жизель, сестра Маргариты, пожалована во Фрейлины ко Двору Медичи. За что?—за то, что она открыла ей потаенную слуховую трубу, проведенную въ нижній залъ, назначенный для дипломатическихъ переговоровъ. Марія получаетъ письмо, — и весьма кстати!—отъ своей матери, заточившейся, добровольно въ какой-то монастырь, о томъ, что она, т. е., Марія, дочь любви; что отецъ ея есть Графъ Невильскій. Вотъ нравственно-сценическій эффектъ! Не получи она этого письма во-время, не обобралась бы грѣха. Спасибо Г. Ансело, спасибо ему! Екатерина диктуетъ Маріи письмо, — и еще письмо! — въ которомъ обѣщаетъ Генриху III перессорить между собою Принцевъ и военачальниковъ противной партіи, и узнать чувства вельможъ его. Жизель слушаетъ въ трубу, за которую она пожалована во Фрейлины, и слышанное передаетъ во всеуслышаніе Екатеринѣ. Медичи, узнавъ, по передачѣ, что Графъ Невильскій одинъ стоитъ противъ ея хитростей, что онъ открылъ всѣмъ ея умыселъ противъ Короля Наварскаго, осуждаетъ Графа на смерть, и поручаетъ это исполнить Рене, который, какъ подобаетъ рыцарю XVI вѣка, отказывается отъ этого порученія, но не надолго. Узнавъ, что Марія скрыла Графа въ своей комнатѣ, онъ вбѣгаетъ туда, и изъ ревности ранитъ его смертельно. Графъ выходитъ, объявляетъ всѣмъ, что онъ отецъ Маріи, и, побранивъ Екатерину, умираетъ. Занавѣсъ опускается.

Изъ этого подробнаго изложенія читателямъ, вѣроятно, угодно было замѣтить, что Екатерина Медичи, эта единственная, — къ счастію! — изъ вѣнценосныхъ женщинъ, властвовавшая надъ своимъ народомъ ложною нѣжностію и управлявшая имъ обольщеніями, хитростями, побывавъ въ рукахъ Г. Ансело, явилась обыкновенною, хотя кровожадною, женщиною.

Интерессъ Драмы начинается съ послѣдняго акта, въ которомъ весьма хороши были Гг. Каратыгинъ (Рене), Брянскій (Графъ) и Г-жа Каратыгина (Марія).

7. *Вдова чиновница*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи (12 Января).

Это Русское произведеніе. Вдова чиновница, женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ, имѣетъ у себя молоденькую племянницу, Машиньку, и жильца на хлѣбахъ, музыканта Паузина. Музыкантъ влюбленъ въ племянницу вдовы; но она не хочетъ выдать ее замужъ прежде, нежели обвѣнчается сама. Пройдоха, Воронковъ, другъ Паузина, помогаетъ ему въ этомъ горѣ. Онъ входитъ въ домъ вдовы, знакомится съ нею, и поддѣльными своими нѣжностями доводитъ ее до того, что она, считая его за непремѣннаго будущаго своего мужа, выдаетъ племянницу за Паузина, а Воронковъ раскланивается съ полувѣковою невѣстою.

Въ этомъ Водевилѣ есть двѣ сцены довольно забавныя: первая, когда братъ вдовы, Лабазинъ, узнавъ о переписке Паузина съ Машею, идетъ къ нему, чтобъ съ нимъ объясниться, и встрѣчаетъ въ его квартирѣ Воронкова, одного. Принимая этого послѣдняго за обольстителя племянницы, онъ начинаетъ упрекать его; Воронковъ же, не зная, въ чемъ дѣло, и считая Лабазина кредиторомъ Паузина, старается отъ него отыграться аріями Обера, Вебера. Вторая, когда вдова, влюбленная съ одного взгляда въ Воронкова, нѣжничаетъ съ нимъ. Жаль только, что эти обѣ сцены слишкомъ, слишкомъ разтянуты.

8. *Чортъ въ западнѣ*, Шутка въ одномъ дѣйствіи, представленная 12 Января.

Вотъ и еще новое и, къ сожалѣнію, оригинально-Русское же твореніе. Авторъ этой шутки зло подшутилъ надъ публикою. Кромѣ чорта, онъ поймалъ и ее въ западню, хотя совсѣмъ въ другую,—въ западню скуки. Впрочемъ публика не осталась въ долгу у шутника автора. Освободясь изъ этой западни, она порядкомъ отшикнулась отъ подобныхъ чертей. **М. Я.**

**МАСЛЯНИЦА.** Она здѣсь! Она съ нами! Весна гордится цвѣтами апельсиновыхъ деревъ и благоуханіемъ розы; лѣто сладко засыпаетъ на желтоватомъ снопѣ; осень прячется подъ зелеными листьями виноградника: три красныя эпохи берутся объ руку и, порхая, пляша, весело пробѣгаютъ мимо года, и онъ не знаетъ, за которою гнаться, которую ловить, — весну ли, лѣто ли, или бѣлокурую осень. Зима сидитъ одна. Она брюзгливо вырвалась изъ рукъ трехъ своихъ молодыхъ сестеръ; она сердита, она печальна: небо ничего не дало на ея долю, кромѣ горсти снѣгу. Посчастію, люди дали ей масляницу.

Масляница — розовый вѣнецъ, свадебный букетъ зимы! Виватъ, рѣзвая, ненасытная, страстная, беззаботная, насмѣшливая масляница! Она прибѣгаетъ утѣшить зиму, когда зима уже замерзла, уныла; когда уже думала умереть со скуки и съ холоду. Послушайте, пріѣхала масляница! Слышите ли, воздухъ гремитъ звуками инструментовъ! Антоній говаривалъ, уходя съ пира: *боги уходятъ!* Мы скажемъ о себѣ; *масляница идетъ!* Она пришла; она здѣсь. Дряхлая зима обвязала себѣ голову виноградною лозою: какъ она помолодѣла! Вотъ, уже прячетъ морщины свои подъ маскою; вотъ, персодѣвается прямою шутовкою. Впередъ! Огни блестятъ, мракъ рѣдѣетъ, ночь горитъ пожаромъ. Дни поселились въ жилищѣ ночей; начинается большой праздникъ. Городъ укушенъ тарантулою, — онъ бѣсится, онъ приходитъ въ изступленіе, — шумятъ, веселятся, пляшутъ! — дѣла забыты, отложены до завтра, — смѣйтесь, кружитесь, палите! — кто спрашиваетъ о дѣлахъ?.... Масляница!

Кто выдумалъ масляницу? — ужъ вѣрно не тотъ, кто Грамматику! Я желаю писать Исторію масляницы, — она слишкомъ длинна: прійдется написать Исторію всѣхъ человѣческихъ глупостей. Она вѣроятно родилась на Сѣверѣ; она дочь мороза. Человѣкъ увидѣлъ ее прячущуюся за сугробомъ снѣга; зако-податель призвалъ ее въ помощь человѣку въ самое суровое и печальное время года. Декабрь, Январь, Февраль, — какіе мѣсяцы! Снѣгъ валится,

вѣтеръ дуетъ, похороны тянутся одни за другими. Сплинъ царствуетъ со всею силою, и самоубійство измѣнически гдѣ-нибудь засѣло въ туманѣ. Какъ разсѣять общее уныніе? Призвали масляницу, — и она явилась съ жирными, румяными щеками, съ коварнымъ глазомъ, съ обнаженною грудью, не съ улыбкою на устахъ, но съ хохотомъ. Она заставила человѣка забыть о зимѣ, разогрѣла застылую кровь въ его жилахъ, схватила его за руки, и пустилась танцовать съ нимъ до обморока. По ея приказанію, потоки блеска свѣчей разбиваютъ мракъ, уносятъ его на своихъ волнахъ; земля озарилась, печаль потоплена пѣнящимся виномъ, молчаніе уступило мѣсто свое пѣсни, честной и доброй дѣвушкѣ, которая обхватила толстую руку масляницы, и держитъ ее съ удовольствіемъ. Затянемте пѣсеньку?..... Ура!!..... Очень весело! Не хочу писать Исторіи.

Лучше буду забавляться этимологіею. Корнесловіе гораздо забавнѣе. Отъ чего происходитъ слово *масляница?*.... Ну, кто можетъ знать! Я думаю, *масляница* происходитъ отъ *блиновъ*. Подушимъ немножко буквы *масляницы*: нѣтъ сомнѣнія, сама она завизжитъ, что она урожденная *блинъ*. Слѣдственно, и это доказано: пойдемъ въ маскарадъ! — J. Janin.

**ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.** *Желатина.* Г. Гаппаль въ продолженіе 70 дней дѣлалъ опыты *желатиною* надъ самимъ собою, и убѣдился, что она совсѣмъ не имѣетъ питательныхъ качествъ, — разумѣя это выраженіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется оно, когда говорятъ о веществахъ, употребляемыхъ въ пищу человѣкомъ или животными. Чтобы доказать это положеніе, Г. Гаппаль предложилъ приверженцамъ противнаго мнѣнія, осудить себя вмѣстѣ съ нимъ питаться нѣсколько времени одною желатиною, чтобы наконецъ рѣшить этотъ важный вопросъ. Но изъ академиковъ не нашлось ни одного охотника поститься.

— *Электрическія теченія въ человѣкѣ.* Опытъ одного трудолюбиваго испытателя Природы о химическихъ свойствахъ испареній тѣла и о существованіи постоянныхъ электрическихъ теченій въ человѣкѣ и другихъ органическихъ

существахъ. Относительно къ послѣднему вопросу, авторъ вывелъ изъ своихъ изысканій слѣдующій весьма замѣчательный результатъ. Кислотная внутренняя плева и щелочная наружная плева человѣческаго тѣла составляютъ какъ бы два полюса столба, котораго электрическія дѣйствія замѣтны на галванометрѣ. Такимъ образомъ, если одинъ изъ проводниковъ этого инструмента будетъ приведенъ въ сообщеніе съ слизистою плевою во рту, а другой въ соприкосновеніе съ кожею, магнитная стрѣлка начнетъ уклоняться на 15, 20 и даже 30 градусовъ, смотря по чувствительности галванометра, и направленіе ея показываетъ, что плева слизистая или щелочная принимаетъ электричество отрицательное, а плева накожная, кислотная, электричество положительное.

Независимо отъ этихъ двухъ большихъ поверхностей, представляющихъ противоположное химическое состояніе, въ тѣлѣ животнаго существуютъ другіе органы, изъ которыхъ одни можно назвать кислотными, другіе щелочными, и которые являютъ тотъ же результатъ: напримѣръ, между желудкомъ и печенью всѣхъ животныхъ существуютъ весьма сильныя электрическія теченія.

Авторъ убѣдился въ существованіи тѣхъ же самыхъ электрическихъ явленій въ растеніяхъ. Для этого онъ помѣщалъ одинъ полюсъ галванометра въ центрѣ стебля, а другой подъ кожею: эти явленія всего замѣчательнѣе и явственнѣе въ плодахъ. Плодъ можетъ быть почитаемъ за галваническій столбъ; сторона, прилежащая къ хвостику, въ проросльхъ, каковы напримѣръ яблоко и груша, являетъ электричество отрицательное, а противная сторона, то есть, сторона глазка, электричество положительное; въ плодахъ свободныхъ, какъ напримѣръ въ персикѣ и сливѣ, напротивъ. Во всякомъ случаѣ электричество всего сильнѣе обнаруживается въ этихъ двухъ пунктахъ. Дѣйствіе электричества не столь сильно, если проводники галванометра погрузить въ два какія нибудь другія мѣста; она совершенно прекращается, когда проводники прикасаются къ обоимъ бокамъ плода, въ равномъ разстояніи отъ центра и перпендикулярно къ площади, проходящей чрезъ глазокъ и ножку, pédoncule. Электрическія теченія въ растеніяхъ не могутъ про-

исходить отъ щелочнаго или кислотнаго состоянія разныхъ частей ихъ, какъ у животныхъ, потому, что сокъ плодовъ вездѣ болѣе или менѣе кислотенъ; но, по превосходнымъ опытамъ Г-на Біо, видно, что соки, проходящіе сквозь стебель въ какомъ-либо мѣстѣ плода, измѣняются; поэтому разность электрическихъ явленій въ двухъ концахъ плода надобно, можетъ-быть, приписывать разности въ химическомъ составѣ сока.

— Вотъ новыя изслѣдованія Г. Маженди. *Стукъ въ сердцѣ.* Сердце, центральный органъ обращенія крови, производитъ, какъ извѣстно, нѣкотораго рода шумъ или стукъ, который называется біеніемъ сердца. Въ обыкновенномъ состояніи здоровья, этотъ стукъ чувствителенъ только тогда, когда приложишь ухо къ груди; но въ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ, онъ дѣлается столь сильнымъ, что бываетъ слышенъ въ извѣстномъ разстояніи отъ тѣла.

Нельзя сказать, чтобы стукъ сердца былъ неизвѣстенъ физіологамъ, но они доселѣ пренебрегали имъ; нынѣ онъ возбуждаетъ сильное вниманіе тѣмъ болѣе, что опредѣленіе этого звука въ мельчайшихъ его оттѣнкахъ сдѣлалось однимъ изъ необходимѣйшихъ пособій труднаго искусства, Діагностики. Леннекъ первый изучалъ этотъ стукъ, и съ точностію описалъ его. Онъ первый показалъ намъ, что въ привычномъ спокойномъ обращеніи крови, сердце при каждомъ своемъ біеніи издаетъ два звука, послѣдовательные, но весьма раздѣльнымъ, которые, по различные своимъ физическимъ качествамъ, названы одинъ *глухимъ стукомъ*, другой *стукомъ яснымъ.* Леннекъ не ограничился описаніемъ стука, производимаго сердцемъ въ здоровомъ состояніи: онъ означилъ многія другія явленія этого рода, принадлежащія къ болѣзненному состоянію. Многочисленныя его замѣчанія по этому предмету, большею частію подтвержденныя опытомъ, заслужили одобреніе всѣхъ просвѣщенныхъ практиковъ, и создали новую отрасль Семіологіи. Совсѣмъ другое было съ идеями этого врача о механизмѣ образованія этихъ звуковъ; онѣ сдѣлались предметомъ жаркаго спора, который и теперь еще продолжается, — это доказываетъ, что

предметъ еще не достаточно изслѣдованъ. Г. Мажанди находитъ, что стукъ сердца можетъ быть объясненъ простымъ и точнымъ способомъ, и онъ старается доказать это въ запискѣ. Не приводя еще фактовъ и опытовъ, на которыхъ основывается его теорія, знаменитый физіологъ излагаетъ ипотезы, придуманныя разными писателями: такъ, напримѣръ, Леннекъ приписываетъ стукъ сердца сотрясенію, производимому сжатіемъ мускульныхъ фибръ самаго сердца. Если бы это объясненіе было справедливо, оно составляло бы весьма важное открытіе въ животной Физикѣ; внезапный короткій стукъ, произведенный сжатіемъ мускула, былъ бы явленіемъ совершенно новымъ въ Наукѣ.

Одинъ Англійскій Ученый, Докторъ Гопъ, который во время продолжительнаго пребыванія своего въ Парижѣ, познакомился съ употребленіемъ стетоскопа, первый нанесъ сильный ударъ теоріи Леннека: онъ понялъ, что, для постиженія настоящей причины стука сердца, надобно не подражать своимъ предшественникамъ, и сначала произвести опыты, а потомъ уже разсуждать и вывести заключеніе. Изысканія, произведенныя имъ съ величайшимъ стараніемъ при пособіи отличнѣйшихъ Лондонскихъ врачей и анатомистовъ, позволили ему заключить, опираясь на опыты: 1-е, что сжатіе ушковъ предшествуетъ первому стуку сердца; 2-е, что это сжатіе не сопровождается никакимъ звукомъ; 3-е, наконецъ, что второй стукъ сердца одновременъ съ расширеніемъ желудковъ этого органа. Если бъ Докторъ Гопъ продолжалъ итти по пути, по которому шелъ сначала съ такимъ успѣхомъ, онъ, безъ сомнѣнія, легко открылъ бы, какимъ образомъ производится стукъ сердца; къ несчастію онъ оставилъ экспериментальную методу, и началъ выдумывать, вмѣсто того, чтобы наблюдать.

Вотъ какимъ образомъ объясняетъ онъ механизмъ перваго стука сердца, или другими словами того, который сопровождаетъ сжатіе сердечныхъ желудковъ.

«Когда желудки сжимаются, говоритъ Г. Гопъ, частицы жидкости, находящіяся въ соприкосновеніи съ ними, получаютъ толчокъ, который сообщается отъ одной частицы другой, и порождаетъ звукъ.» Второй стукъ, или тотъ, который соотвѣтствуетъ расширенію желудковъ, произво-

дится, по словамъ Г. Гопа, механизмомъ простѣйшимъ, и слѣдственно болѣе однообразнымъ въ своихъ свойствахъ. «Когда происходитъ расширеніе желудковъ, кровь, приводимая въ движеніе по причинамъ, которыя извѣстны физіологамъ, переходитъ внезапно изъ ушковъ въ желудки, ударяется въ ихъ стѣнки, и противодѣйствіе послѣднихъ на частицы крови, вдругъ остановленныя въ ихъ движеніи границами расширенія, есть причина короткаго и яснаго звука.» Изложивъ эти различныя теоріи, Г. Мажанди переходитъ къ опытамъ, произведеннымъ имъ самимъ для опредѣленія истинной причины стука сердца. Прежде всего надлежало разрѣшить важный вопросъ: гдѣ происходятъ эти звуки, — въ самомъ-ли сердцѣ, какъ полагали всѣ врачи, отыскивавшіе причину этого явленія, — или оно имѣетъ какое другое происхожденіе? Всякому извѣстно, что сердце, вынутое изъ животнаго только-что убитаго, продолжаетъ попеременно сжиматься и разжиматься, и съ такою силою, что если сжать сердце руками, то онѣ поднимаются при каждомъ его движеніи, не будучи въ состояніи противиться этой силѣ. Между-тѣмъ сердце, подвергнутое такимъ образомъ самому внимательному наблюденію, не издаетъ ни какого звука, подобнаго стуку, производимому сердцемъ живаго животнаго. Но при этомъ опытѣ сердце пусто, или, лучше сказать, одинъ воздухъ наполняетъ пустоту его въ минуту діастола, или расширенія, и выгоняется изъ нея въ минуту систола, или сжиманія; и если бы звуки зависѣли отъ движенія, сообщаемаго крови стѣнками желудковъ, то это бы ничего не доказывало. Этого мало: сердце удалено отъ эластическихъ стѣнокъ, его окружающихъ; посему, при производствѣ этого опыта, обстоятельства менѣе благопріятствуютъ образованію звука, чѣмъ когда сердце заключено въ груди животнаго. Чтобы уничтожить это возраженіе, Г. Мажанди долженъ былъ прислушиваться къ сердцу, обнаженному въ живомъ животномъ и содержащему еще своимъ сжиманіемъ и расширеніемъ обращеніе крови.

Мы не станемъ слѣдовать за Г-мъ Мажанди во всѣхъ его опытахъ; скажемъ только, что онъ объясняетъ себѣ стукъ сердца механизмомъ весьма простымъ и сообразнымъ съ зако-

нами Акустики. Онъ думаетъ, что стукъ сердца надобно приписывать ударенію его о стѣнки груди. И дѣйствительно, при каждомъ сжиманіи сердце перемѣняетъ свое мѣсто, подвигается впередъ и ударяется своею оконечностію въ заднюю часть грудины. Этотъ ударъ о звонкое тѣло производитъ первый стукъ сердца; второй происходитъ отъ ударенія задней стороны праваго сердечнаго желудка въ тѣ же части груди. Чтобы уничтожить стукъ сердца, надобно только какимъ-нибудь образомъ уничтожить это удареніе, или отнявъ заднюю часть груди, или удаливъ отъ нея сердце.

— *Обращеніе соковъ въ растеніяхъ.* Послѣднія наблюденія Г. Біо заслуживаютъ особенное вниманіе. Посредствомъ весьма простаго прибора, Г. Біо не только удостовѣрился въ существованіи двухъ жидкостей, изъ которыхъ одна восходитъ, другая нисходитъ въ вѣтвяхъ деревъ, но и получилъ каждую изъ этихъ жидкостей отдѣльно безо всякой примѣси. Г. Біо изслѣдовалъ свойства жидкостей, и замѣтилъ, что жидкость, нисходящая изъ верхнихъ частей дерева, всегда слаще и гуще восходящей жидкости, извлеченной изъ того же мѣста въ деревѣ. Онъ не говоритъ, какая часть дерева служитъ проводникомъ этимъ жидкостямъ: восходитъ ли одна изъ нихъ въ центрѣ, а другая нисходитъ по окружности, или же обратно; или въ каждой части вѣтви дерева есть сосуды двухъ родовъ для этихъ двухъ разныхъ жидкостей. Можно также не соглашаться съ Г. Біо въ причинахъ, которымъ приписываетъ онъ большую или меньшую дѣятельность этого рода обращенія; быть-можетъ, что холодъ дѣйствуетъ при этомъ не только механически, но и производитъ, если можно такъ сказать, болѣе *жизненное* дѣйствіе. Какъ бы то ни было, но явленіе, замѣченное Г-мъ Біо, и инструментъ, которымъ онъ извлекаетъ сокъ, весьма любопытны и занимательны для Науки.

— *Вліяніе электричества на растительность.* Г. Беккерель, занимающійся опредѣленіемъ этого предмета, до окончанія труда своего, сообщилъ одинъ отдѣльный, но чрезвычайно любопытный фактъ. Г. Беккерель положилъ четыре совершенно одинаковыя луковицы въ сосудъ, наполненный водою съ тысячною частію морской соли. Двѣ изъ этихъ

луковицъ оставлены были при обыкновенныхъ условіяхъ; третья приведена въ сообщеніе съ положительнымъ полюсомъ весьма слабаго галваническаго столба, четвертая съ отрицательнымъ полюсомъ. Первыя двѣ луковицы еще мало развились, третья тоже, между-тѣмъ, какъ четвертая скоро начнетъ цвѣсть. По-этому кажется, что отрицательный полюсъ всего болѣе споспѣшествуетъ растительности. Надобно замѣтить, что это тотъ же самый полюсъ, при которомъ образуется щелочь.

**НОВОЕ АСТРОНОМИЧЕСКОЕ НАБЛЮДЕНІЕ.** Юпитеръ, самая значительная планета солнечной системы, сопровождаемая четырьмя спутниками, или лунами, и которой годъ равенъ почти двѣнадцати нашимъ годамъ, по общепринятому измѣренію Лапласа считался, поверхностью своею, въ 130 разъ, а кубическою толщею въ 1474 разъ больше нашей Земли. Нынѣ находимъ мы въ Астрономическихъ Эфемеридахъ Г. Вайта на текущій годъ (White's Ephemeris for 1854), что Профессоръ Эри (Airy), наблюдая отстояніе четвертаго Юпитерова спутника, успѣлъ опредѣлить величину этой планеты съ большею точностію, и нашелъ измѣреніе Лапласово ошибочнымъ. Юпитеръ гораздо меньше, нежели какъ думали. Поверхность его превосходитъ только отъ 322 до 323 разъ поверхность Земли, а кубическая его толща заключаетъ въ себѣ не болѣе $1048^{69}/_{100}$ земныхъ толщъ, — открытіе, чрезвычайно важное для Астрономіи!

**МОРСКІЯ ЯВЛЕНІЯ.** Въ Англійскомъ Журналѣ New Monthly-Magazine напечатано было въ теченіе прошлаго года нѣсколько отрывковъ изъ морскихъ записокъ Томъ Кринигля, которыя теперь вышли въ Лондонѣ особою книгою, подъ заглавіемъ «Воспоминанія морскаго офицера.» Прелестное это сочиненіе приписываютъ извѣстному Англійскому поэту, Вильсону. Мы приведемъ изъ него описаніе нѣсколькихъ примѣчательныхъ морскихъ явленій.

1.

То было на разсвѣтѣ. Я стоялъ на вахтѣ.

—Бурунъ! бурунъ! закричалъ караульный матросъ на мачтѣ.

— Бурунъ? повторилъ Лейтенантъ Сплинтеръ съ удивленіемъ: быть не можетъ! Ты съ ума сошелъ, Дженкинсъ!

— Бурунъ подъ носомъ! Мы сейчасъ найдемъ на него! вскричалъ боцманъ.

Лейтенантъ Сплинтеръ клялся небомъ и чортомъ, что эти люди бредятъ; по между-тѣмъ бросился на бакъ, и я побѣжалъ за нимъ. Тутъ мы увѣдѣли большіе, опѣненные, вертящіеся валы, которые били въ носъ нашего корабля.

— Что за чортъ! откуда жъ это? вскричалъ Лейтенантъ. Во всей этой части океана нѣтъ подводныхъ камней!

Между-тѣмъ кипѣніе воды распространялось вокругъ, туазовъ на сто въ діаметрѣ, словно какъ будто какія внутренніе потрясенія колебали море. Водяной холмъ шелъ передъ нами и все раздувался, по мѣрѣ движенія, съ какимъ-то страннымъ шумомъ и кипѣніемъ. Мало-по-малу онъ принялъ видъ огромной колонны, которая поднималась надъ водяной горою, вертясь, свистя, и все вытягиваясь, и почти касаясь верхушкою до облаковъ. То было зрѣлище удивительное и великолѣпное. Лучи солнца окрасили этотъ длинный кристальный столбъ, и цвѣта радуги, соединявшіеся въ немъ какъ въ призмѣ, освѣщали вершину его яркимъ блескомъ, а основаніе было какъ бы черный цоколь, стоящій на снѣгу.

— Это тромба! тромба! вскричали въ одно время офицеры и матросы.

— Готова ли носовая пушка?

— Да, Капитанъ!

— Заряжена?

— Заряжена!

— Придержись къ вѣтру..... Хорошо! Пали!

Ядро перерѣзало столбъ въ самомъ его основаніи: онъ вздрогнулъ, зашатался, и потомъ вдругъ обрушился, какъ огромная лавина, и чрезъ нѣсколько минутъ не видно уже было ни малѣйшихъ слѣдовъ этого необыкновеннаго явленія.

## 2.

Мы шли въ Ямайку; офицеры сидѣли еще за столомъ, пили, пѣли и смѣялись; четыре уже дня мы, благопріятствуемые вѣтромъ, бѣжали отъ Бермудскихъ Острововъ;

вечеръ уже спустился; море шипѣло, шумѣло, пѣнилось. вѣтеръ свѣжалъ, валы росли, воздухъ становился сырѣе, и отдаленный шумъ стихій былъ для насъ пророческимъ предвѣстіемъ бури. Мы объ этомъ и не заботились: пѣсни и хохотъ не прекращались.

Вдругъ плѣшивая голова штурмана, какъ зловѣщее фантастическое привидѣніе, просунулась въ отверзтіе непритворенной двери.

— Извините, Лейтенантъ! сказалъ онъ, обращаясь къ Г. Сплинтеру.

— Что тебѣ, Кеннеди?

— Да вотъ что, Лейтенантъ! отвѣчалъ старикъ, покачивая головою: я слышу шумъ близкаго паруса, который скользитъ по водѣ, но я ничего не вижу, и, кромѣ Г. Крингля врядъ-ли кто что разсмотритъ въ такую темную ночь.

Ну, братъ Томъ! подумалъ я: принимайся-ка за работу. Встать изъ за стола, чтобъ зѣвать на звѣзды, хорошо для влюбленнаго, а для голоднаго.....!

— Г. Кринглъ могъ бы постоять на палубѣ, пока мѣсяцъ взойдетъ; онъ скоро появится, и тогда дѣло кончено.

— Подите туда, любезный Томъ! сказалъ Лейтенантъ.

Погода была дурная: я надѣлъ старую куртку, покрылъ голову бобровою шапкою, рѣшившись защититься по возможности отъ сырости, и отправился на несносную свою вахту. Дождь сѣкъ мнѣ лице, пробивалъ платье; волны, разбиваясь о корабль, покрывали меня пѣною; удивительная фосфорность увеличивала прозрачность воды, которая все болѣе и болѣе бушевала. Утомившись продолжительнымъ напряженіемъ, зрѣніе мое ослабѣвало; я отворотился, и закрылъ на минуту рукою глаза, чтобы освѣжить ихъ. Открывъ глаза снова, я увидѣлъ передъ собою самое странное привидѣніе, какое когда либо являлось человѣку несуевѣрному: то была блѣдная, длинная фигура стараго Кеннеди, которая казалась еще блѣднѣе и страшнѣе отъ голубоватаго, мелькающаго, фосфорическаго свѣта, который игралъ тогда на лицѣ его. Я вздрогнулъ.

— Что съ тобой, Кеннеди? Отъ чего это лице твое какъ-будто освѣщено чѣмъ-то голубоватымъ?

— Я человѣкъ неученый, Г. Крингль; но не думаю, никакъ не думаю, чтобы вашиі книги объяснили вамъ это чудо. Нужды нѣтъ! глядите только себѣ, а тамъ что будетъ, то будетъ.

Пораженный удивленіемъ и — признаться сказать — страхомъ, я приподнялъ глаза, и увидѣлъ на концѣ бизань-мачты метсорическое пламя, издававшее слабый, голубоватый и мерцающій свѣтъ. Я читалъ описанія этого феномена, часто слыхалъ о немъ, но никогда не видалъ его; и хотя ученіе и разсудокъ должны бы были успокоить меня, но это неожиданное зрѣлище оледенило мое мужество.

Въ самомъ дѣлѣ было нѣчто таинственное, сверхъ-естественное въ этой шарообразной, свѣтлой массѣ, которая явилась посреди глубочайшей темноты, слѣдовала за качаніемъ корабля, подвигалась то взадъ, то впередъ, сохраняя однако жъ свою форму и разливая на экипажъ какой-то гробовой свѣтъ, отъ котораго мы всѣ казались какъ бы привидѣніями.

Центръ этого свѣтящаго шара сіялъ блескомъ, болѣе сильнымъ и яркимъ, а окружность его постепенно помрачалась такъ, что наконецъ лишилась послѣдняго своего свѣта, и смѣшалась съ темнотою окружающихъ его предметовъ.

Всѣ выбѣжали на декъ, чтобъ видѣть этотъ странный феномеиъ, и мы разсматривали его съ боязнію, отъ которой и самые смѣлые не могли защититься, какъ это надводное пламя стало медленно опускаться и остановилось на декъ-транцѣ, о который опирался боцманъ. Вдругъ, въ эту минуту всеобщаго оцѣпенѣнія, что-то живое, холодное, мохнатое, спустилось внизъ по бизань-мачтѣ и схватило меня за горло..... Я ничего не видѣлъ; могильный свѣтъ еще блестѣлъ. Неодолимый страхъ овладѣлъ мною; я покатился на декъ и чуть было не свалился въ море.

— Боже мой! Что это такое? вскричалъ я.

При этомъ крикѣ матросы прибѣжали, и холодныя руки перестали душить меня.

— Э! это Жако, проклятая большая обезьяна, которую Капитанъ такъ любитъ, сказалъ Лейтенантъ.

Посмотрите! она точно геній этого туманнаго пламени.

Я отдохнулъ тогда, приподнялъ глаза и, увидѣлъ обезьяну; она опять вскарабкалась на мачту, и, сидя тамъ, кривлялась и жестировала такъ, что дѣйствительно походила на какого-нибудь фантастическаго и злобнаго генія.

Между-тѣмъ какая-то масса, сѣроватая и величественная, принесенная вѣтромъ, захватила свѣтящій шаръ, принудила его оставить наши снасти и унесла съ собою. Я послѣдовалъ за ней глазами, погружая во мракъ проницательные мои взоры. Я видѣлъ, что метеоръ снова носится въ воздухѣ, съ тѣмъ же волненіемъ, мерцаніемъ и неподвижною колеблемостію, какъ и на вершинѣ нашей мачты. Внезапная мысль блеснула въ умѣ моемъ. Я сталъ всматриваться, и форма туманной массы, которую мы уже видѣли, разсѣяла всѣ мои сомнѣнія.

— Корабль! непріятельскій корабль подъ вѣтромъ! вскричалъ я изо всѣхъ силъ.

На кораблѣ поднялась суматоха.

## 3.

Ночь снова стемнѣла, стало мрачно, и погода сдѣлалась бурною. Мы продолжали путь свой.

— Видишь ли ты этотъ валъ, штурманъ?

— Чортъ возьми, вижу!

— Увернись! Береги корму!

Вдругъ эта огромная, катящаяся гора обрушилась на корму, проникла въ корабль, увлекая, опрокидывая одно на другое, людей, животныхъ, весла, снасти, канаты и курячьи клѣтки. Наводненный корабль нашъ, казалось, готовъ былъ тонуть, декъ покрылся бѣлою пѣною, валъ ушелъ, и со всѣхъ нашихъ нижнихъ парусовъ и снастей текла вода.

Въ этомъ хаосѣ, и я, подобно прочимъ, былъ опрокинутъ: я всталъ съ подбитымъ и распухшимъ глазомъ.

Между-тѣмъ шлюпка и боты, увлеченные валомъ, были внѣ корабля; они качались и стукались по бокамъ и сзади корабля, какъ-будто хотѣли представить морское сраженіе. Нѣсколько овецъ, сброшенныхъ въ волны, жалобно блѣяли; крики этихъ животныхъ, смѣшиваясь со стономъ волнъ и урагана, поражали слухъ нашъ однообразнымъ и зловѣщимъ шумомъ.

— Знаешь ли ты, что говорятъ намъ эти бѣдныя овцы? сказалъ штурманъ одному матросу.

Матросъ, покачавъ головою, отвѣчалъ:

— Не видать вамъ больше бараньихъ котлетъ! Не такъ ли, штурманъ?

Во время этихъ шутокъ, столь естественныхъ и обыкновенныхъ у моряковъ, море воздымалось, и мы заперли всѣ порты, приготовили насосы, работали безпрерывно; всѣ руки были въ дѣлѣ; ведра наполнялись и опоражнивались съ удивительною быстротою, и вода, наполнившая трюмъ, уменьшалась весьма медленно. Опасность была велика, но мы такъ надѣялись на доброту нашего корабля, что работали мужественно и весело. Вдругъ, въ Природѣ произошла перемѣна, внезапная и ужасная: море и небо погрузились въ глубокій мракъ, и самые смѣлые изъ насъ затрепетали, увидѣвъ угрожавшую намъ опасность. Ночь вдругъ замѣнила свѣтающій день; океанъ, недвижимый какъ смерть, принялъ черный цвѣтъ чернилъ; одна только оконечность небосклона казалась въ волненіи; вѣтеръ упалъ, и вмѣсто его наступила ужасная тишь; тучи, сбираясь, скопляясь, безпрерывно увеличиваясь, спустились, наполнили своими массами все мрачное небо, и оперлись на наши мачты, какъ бы для того, чтобъ поглотить корабль. Между-тѣмъ дождь еще не шелъ; тучи были спокойны, какъ будто геній бурь, во время этого зловѣщаго молчанія, собирался съ силами, чтобы рѣшительнѣе начать борьбу. Ни одна капля дождя не освѣжала атмосферы; ни малѣйшій шорохъ не нарушалъ этой роковой неподвижности. Природа, стихіи, все было молчаливо, безмолвно, неподвижно. О! это ожиданіе бури казалось намъ несравненно страшнѣе самой бури! Какъ ни ужасна молнія, вдругъ зажигающая небо посреди глубочайшей темноты, или роковой рокотъ грома, но въ молніи, которая зажигается и погасаетъ, въ громѣ, который грохочетъ и умолкаетъ, есть по крайней мѣрѣ жизнь, а это молчаніе, эта неподвижность—смерть. Море казалось черною, сплошною поверхностію; небо гробовымъ сводомъ, а вѣтры даже не дышали.

— Томъ! сказалъ мнѣ Сплиндеръ: госпожа Природа похожа на разбойниковъ: готовясь начать дѣло разрушенія,

она будто не рѣшается, и останавливается, какъ они передъ преступленіемъ.»

Малѣйшія наши движенія производили шумъ въ этомъ мертвомъ молчаніи; шаги наши страннымъ образомъ раздавались; голосъ командовавшаго, голосъ, повторявшій команду, казались погребальнымъ пѣніемъ, оглашающимъ ничтожество, и мы могли бъ подумать, что перенесены за предѣлы вѣковъ, за предѣлы жизни, если бы трепещущія сердца наши не пробуждали въ насъ чувства существованія.

— Посмотрите, Капитанъ! сказалъ Лейтенантъ Тринель, показывая на одно мѣсто на небѣ.

Мы всѣ вдругъ обратили глаза къ этому мѣсту. На концѣ горизонта бѣловатая линія раздѣляла на-двое черный сводъ тучъ, разстилавшійся надъ нашими головами. Эта линія расширилась, и вдругъ увеличилась; густой туманъ ослѣпилъ насъ; послышался отдаленный гулъ, и рѣдкія крупныя капли дождя, падая то на наши лица, то на декъ, показали намъ, что гроза наконецъ началась. Тутъ раздались голоса бури; громъ покатился съ ужаснымъ трескомъ; тучи задвигались, заходили, какъ-будто вытолкнутыя изъ мѣстъ своихъ, разорванныя невидимою силою, — и волны пѣнистыя, огромныя, поднялись со всѣхъ сторонъ. Вершины этихъ волнъ, отрываемыя, уносимыя вѣтромъ,—который, пробѣгая по нимъ, гналъ, увлекалъ ихъ,—сглаживались подъ этою ужасною силою: словно огромная, чугунная борона сравнивала эти глубокія борозды, и дѣлала гладкую, пѣнистую равнину изъ неровной, волнующейся поверхности океана. Снасти, желѣзныя скрѣпы наши, ломались какъ паутина, или гнулись какъ прутья олова. Канаты, веревки, уступали силѣ вѣтра, рвались и улетали. Мачты ужасно трещали, переломились какъ сухой тростникъ, и, упавъ въ море, оставили корабль нашъ безъ защиты отъ прихотей бури. Посреди ужаснаго несчастія не возможно было употребить ни какихъ средствъ спасенія. Самый маленькій парусъ былъ бы тотчасъ изорванъ. Корабль насъ не слушался, и слѣдовалъ волѣ волнъ и вѣтровъ. Всѣ люди наши были заняты: работы было на всѣхъ; надобно было качать насосы, убирать разные обломки, держать руль,—работа трудная и утомительная, которая была свыше силъ большей части изъ

насъ. Эти заботы были для насъ важнѣе, чѣмъ направленіе хода корабля. Между-тѣмъ до тѣхъ поръ никто не терялъ мужества, каждый оставался на своемъ мѣстѣ, какъ вдругъ плотникъ, старый морякъ, мужественный, опытный и хладнокровный, вышелъ наверхъ. Лице его было блѣдно; сѣдые, намокшіе его волосы носились космами по вѣтру, и въ глазахъ его написано было отчаяніе. Не говоря ни слова, онъ пошелъ прямо къ Капитану, который велѣлъ привязать себя поясомъ къ кабестану; подходя къ нему, онъ не могъ удержаться на ногахъ, и упалъ.

— Нѣтъ спасенія, Капитанъ! сказалъ онъ глухимъ голосомъ: нѣтъ спасенія! Вода насъ заливаетъ, остановить ее невозможно; мачта сильно ударилась о корму. Мы тонемъ!

4.

Еще одно явленіе: оно отнюдь не чародѣйское; всякой можетъ отгадать его причину, — но по сю пору никто не въ состояніи объяснить способа, какимъ оно происходитъ въ Природѣ. Мы заимствуемъ описаніе его изъ другаго сочиненія, вышедшаго въ прошломъ году въ Англіи. Капитанъ Овенъ, начальствовавшій надъ экспедиціею для обозрѣнія береговъ Африки, разсказываетъ слѣдующій удивительный случай съ двумя военными кораблями, — *Ливенъ*, на которомъ самъ онъ находился, и *Барракутою*, который былъ подъ его командою, но плавалъ отдѣльно (Narrative of voyages to explore the shores of Africa, Arabia and Madagascar. By Captain W. F. W. Owen. 1833). Г. Овенъ находился съ своимъ кораблемъ поблизости Портъ-Денджера, на обратномъ пути къ Мысу Доброй-Надежды, какъ ввечеру, 6 Апрѣля 1832, увидѣли они Барракуту на разстояніи не далѣе двухъ морскихъ миль, или трехъ верстъ. Онъ и всѣ его подчиненные узнали своего спутника по особенному виду, по украшеніямъ и другимъ подробностямъ этого корабля: никто не могъ сомнѣваться въ подлинности его появленія, потому, что даже видны были на палубѣ Барракуты, лица знакомыхъ имъ особъ, которыя съ любопытствомъ смотрѣли на ихъ корабль. «Мы крайне дивились, говоритъ авторъ, почему они не подаютъ намъ знаковъ, и не стараются соединиться съ нами, тогда, какъ имъ

было назначено сойтись съ нашимъ кораблемъ въ гавани Сеймонсъ-Бе, къ которой мы приближались: они, напротивъ, держали путь въ другую сторону.» Капитанъ Овенъ не обратилъ на это большаго вниманія, и продолжалъ плыть къ гавани. При закатѣ солнца они примѣтили, что Барракута спустила шлюпку на воду, для подобранія матроса, упавшаго въ море. Ночью не примѣчали они ни какихъ огней въ той сторонѣ, и потеряли сосѣда изъ виду. На слѣдующее утро, Барракуты уже не было на горизонтѣ: они вошли въ гавань, и цѣлую недѣлю съ нетерпѣніемъ ожидали ея прибытія. Но справкѣ съ путевыми журналами оказалось, что въ то время, когда они такъ хорошо видѣли Барракуту, она находилась отъ нихъ въ разстояніи слишкомъ трехъ сотъ миль (около 500 верстъ). У мореходцевъ подобное явленіе называется *корабль-призракъ*, phantom-ship, и авторъ приписываетъ его особенному роду отраженія солнечныхъ лучей. Что свѣтъ играетъ здѣсь первую, можетъ-быть, единственную роль, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, потому, что на разстояніи пяти сотъ верстъ, за выпуклостью дуги Земнаго Шара, корабль долженствовалъ бы имѣть около двадцати верстъ вышины, чтобъ можно было завидѣть только верхушку его мачты, и самой верхушкѣ еще слѣдовало бъ быть толщиною съ гору. Но по какому процессу происходитъ это невѣроятное отраженіе, такъ отчетисто сближающее съ нами предметъ, столь малый и столь отдаленный?..... За всѣмъ тѣмъ, подлинность подобныхъ явленій не подлежитъ ни какому спору. Морскія лѣтописи сохранили одинъ фактъ этого рода, еще труднѣйшій къ изъясненію. Старый сигнальщикъ гавани Св. Маврикія (Иль-де-Франсъ) имѣлъ даръ видѣть плывущіе къ ней корабли за день и за два до ихъ появленія, и съ точностью предсказывалъ ихъ прибытіе. Однажды, онъ объявилъ, что къ нимъ плыветъ корабль о *четырехъ* мачтахъ: это возбудило въ жителяхъ и мѣстномъ начальствѣ большое расположеніе къ веселости и насмѣшкамъ на счетъ пророческаго его дарованія. Спустя три дня, передъ гаванью дѣйствительно показался такой корабль, — тотъ самый, который и теперь отличается въ Англійскомъ флотѣ четырьмя своими мачтами. Когда старикъ открылъ его въ

морѣ, онъ былъ тогда по крайней мѣрѣ въ пяти стахъ верстахъ отъ берега. Должно предполагать, что сигнальщикъ зналъ мѣсто, съ котораго это оптическое явленіе было видно глазамъ; но тогда, кромѣ лучей свѣта, еще свойства мѣстности участвовали бы въ образованіи призрака. Какія же именно?..... Почему отраженные лучи переносили образъ корабля только въ одно мѣсто, не разливаясь по всему берегу? И это мѣсто еще должно было заключаться въ одной, непримѣтной точкѣ: въ противномъ случаѣ, оно легко было бы открыто другими!

**МАНУФАКТУРНАЯ ПРОМЫШЛЕНОСТЬ АНГЛІИ,** *и ея вліяніе на промышленниковъ.* Разсматривая необъятное развитіе богатства Великобританіи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, невольно чувствуешь желаніе вникнуть въ начало того, что кажется чудеснымъ. Торговлѣ ли, земледѣлію или мануфактурамъ обязана Англія своимъ богатствомъ? Всѣмъ тремъ промышленостямъ вмѣстѣ, скажутъ намъ. Но одна изъ нихъ, прибавимъ мы, участвовала въ этомъ болѣе обѣихъ другихъ, — именно: мануфактурная; она-то, создавая произведенія разнообразныя и полезныя, доставила Англійскимъ торговцамъ средства войти въ сношеніе со всѣми народами Земнаго шара, и привлечь къ Англичанамъ на рынки товаръ, котораго они прежде не знали, и который сдѣлался для нихъ источникомъ новыхъ богатствъ. Однако жъ, есть ли какой-нибудь отъ этого непосредственный барышъ тѣмъ классамъ, которые творятъ такія чудеса? — Вы увидите, что трудами пріобрѣтаютъ они бѣдность и уничиженіе!

Но что до этого себялюбивому вѣку! Народъ Великобританскій видѣлъ, что, въ пятьдесятъ лѣтъ, богатство его учетверилось, — чего же ему больше? Какъ начальникъ побѣдоноснаго войска не считаетъ заплатившихъ жизнію за побѣду, такъ Англійскій народъ ни во что не ставитъ несчастія, бѣдность, удручающія тѣхъ, которые, съ убійственною неутомимостью, безпрестанно трудятся, чтобъ увеличить благосостояніе массы. Мы покажемъ пожертвованія, которыхъ ежегодно стоитъ человѣчеству превосходство,

пріобрѣтенное Англійскимъ народомъ въ мануфактурной промышлености.

Въ послѣднее пятидесятилѣтіе, направленіе работъ въ Англіи измѣнилось совершенно. Въ 1760 году, содержаніе земледѣльцевъ къ мануфактуристамъ было, какъ 6 къ 5; а въ 1830 году, содержаніе мануфактуристовъ къ земледѣльцамъ, какъ 2 къ 1. Да и не съ такого давняго времени, а въ какія нибудь двадцать лѣтъ, произошли большія перемѣны въ порядкѣ работъ. Вотъ вѣдомость, представляющая любопытные, въ этомъ отношеніи, выводы.

| *Десятилѣтія.* | Число семей, занимавшихся въ Англіи. *Мануфактурною промышлености.* | *Земледѣліемъ.* |
|---|---|---|
| 1811 | 928,589. | 697,353 |
| 1821 | 1,118,295. | 773,732. |
| 1831 | 1.181,401. | 760,750. |

По показаніямъ Джона Маршала, съ 1821 по 1831 годъ населенность возрасла въ земледѣльческихъ округахъ одною двѣнадцатою, а въ мануфактурныхъ цѣлою четвертью,—индѣ и болѣе. Сравнимъ приращеніе населенности въ двухъ Графствахъ, принадлежащихъ обѣимъ этимъ промышленостямъ,

Сравнительное приращеніе населенности Графства земледѣльческаго и Графства мануфактурнаго.

| *Годы.* | *Норфолькъ.* (Гр. земледѣльческое) | *Ланкастеръ.* (Гр. мануфактурное) |
|---|---|---|
| 1700 | 210,000 жителей. | 166.200 жителей. |
| 1750 | 215,000 | 297,400 |
| 1801 | 273,371 | 672,731 |
| 1811 | 291,999 | 828,309 |
| 1821 | 344,368 | 1,052,859 |
| 1831 | 390,000 | 1,335,800 |

Спору нѣтъ, что съ перваго взгляда этотъ выводъ обольстителенъ, и могъ бы доставить промышлености бездну защитниковъ, но изысканія наши на немъ не остановятся: мы совершенно поднимемъ завѣсу, и, показавъ, какимъ причинамъ должно приписать это быстрое приращеніе мануфактурной населенности, обнаружимъ и пагубныя слѣдствія, происходящія для существованія ея отъ занятій, къ которымъ вынуждается она нищетою.

Въ слѣдствіе хозяйственныхъ способовъ, введенныхъ съ нѣкотораго времени и въ перевозку товаровъ и въ земледѣ-

ліе, множество поселянъ, оставшись безъ работы, принуждены были искать убѣжища у фабрикантовъ, для которыхъ, впрочемъ, и нужно было ихъ присутствіе, при чрезвычайномъ расширеніи нашихъ мануфактуръ. Если къ этому прибавимъ, что отъ всегдашняго почти соприкосновенія обоихъ половъ въ мануфактурныхъ округахъ, плодовитость значительнѣе тамъ, нежели въ земледѣльческихъ, то получимъ удовлетворительное объясненіе этого чудеснаго возрастанія. Приписывать его тому, что обыватели мануфактурныхъ округовъ живучѣе, было бъ совершенно ошибочно и противоположно всѣмъ выводамъ наблюденій и опыта, какъ видно изъ предлагаемой вѣдомости, составленной Слѣдственною Коммиссіей.

Средняя смертность въ земледѣльческихъ и мануфактурныхъ Графствахъ Великобританіи.

| *Графства земледѣльческія.* | | Жители | *Графства мануфактурныя.* | | Жители |
|---|---|---|---|---|---|
| Глосстеръ, умираетъ въ годъ | 1 | изъ 64 | Честеръ | 1 | изъ 55 |
| Герфордъ | 1 | 63 | Ланкастеръ | 1 | 55 |
| Монмутъ | 1 | 70 | Миддельсексъ | 1 | 47 |
| Суффолькъ | 1 | 67 | Стаффордширъ | 1 | 56 |
| Суссексъ | 1 | 72 | Ворвикширъ | 1 | 52 |
| Уйтсъ | 1 | 66 | Іоркширъ | 1 | 60 |
| Среднее число | | — 67. | Среднее число | | — 53. |

Но гибельное вліяніе мануфактуръ простирается не на однихъ взрослыхъ: онѣ пожинаютъ и преждевременныя жертвы. Несчастныя дѣти, которыхъ бѣдность родителей заставляетъ работать на фабрикахъ, спозаранку находятъ въ нихъ сѣмена пагубныхъ началъ, долженствующихъ причинить имъ смерть въ незрѣлыхъ лѣтахъ. Вотъ выводъ изъ наблюденій, дѣланныхъ въ Манчестерѣ надъ семью стами дѣтьми обоего пола, изъ которыхъ половина занималась на фабрикахъ.

| *Изъ 350 дѣтей, которыя не занимались на фабрикахъ, найдено:* | *Изъ 350 дѣтей, которыя занимались на фабрикахъ, найдено:* |
|---|---|
| 21 больныхъ. | 73 больныхъ. |
| 88 довольно здоровыхъ. | 134 довольно здоровыхъ. |
| 241 совершенно здоровыхъ. | 143 совершенно здоровыхъ. |

Если теперь, зная разность между смертностью въ мануфактурныхъ округахъ и въ земледѣльческихъ, прибавить, что мануфактурная населенность Англіи простирается до 6,000,000

душъ, то можно себѣ вообразить, чего стоитъ ежегодно этому классу поддержаніе успѣховъ ея промышлености. Медицинскій Комитетъ, которому поручено было изслѣдовать состояніе мануфактурныхъ округовъ въ отношеніи къ здоровью, доказалъ существованіе пятидесяти недуговъ, сопряженныхъ съ разными вѣтвями промышлености, -- недуговъ, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ другихъ сословіяхъ общества. Медицинскій Комитетъ полагаетъ, что болѣе 8,000 человѣкъ умираетъ ежегодно отъ надсады, отъ вредныхъ для здоровья жилищъ или вліянія предметовъ, надъ которыми они трудятся. Принявъ основаніемъ доказанную разность смертности между округами мануфактурными и земледѣльческими, то есть, разницу содержанія 53 къ 67, найдемъ, что Англія теряетъ въ годъ 840,000 душъ лишнихъ покойниковъ, чтобъ своими издѣліями одержать верхъ надъ прочими народами.

**БОЛЬШАЯ ВОДЯНКА,** hydrophilus. Это плотоядное насѣкомое, одаренное воинственнымъ расположеніемъ духа, снабжено страшнымъ оружіемъ, которое легко наноситъ смерть его непріятелямъ, и которое употребляетъ оно съ величайшею жестокостію. Въ Маѣ мѣсяцѣ часто видишь гнѣзда его, похожія на опрокинутое яйцо, потому что они состоятъ изъ мѣшечка въ видѣ сфероида, нѣсколько приплюснутаго, въ три четверти дюйма въ большомъ діаметрѣ и въ полдюйма въ маломъ; изъ него возвышается загнутый рогъ, длиною въ дюймъ, оканчивающійся остроконечіемъ. Вмѣсто хвоста у водянки есть два плавательныя пера, которыя чрезвычайно проворно движутся направо и налѣво, вверхъ и внизъ. Изъ этихъ перьевъ вытекаетъ бѣлая и клейкая жидкость, изъ которой насѣкомое дѣлаетъ гнѣздо свое, употребляя на то часовъ восемь. Наружная сторона яичнаго кармана состоитъ изъ клейкой матеріи, которая на воздухѣ твердѣетъ и дѣлается непромокаемою. Внутри гнѣздо выложено весьма нѣжнымъ и бѣлымъ пухомъ, которымъ яица бываютъ переложены для того, чтобъ они не стукались одно объ другое. Рогъ состоитъ изъ вещества шелковистаго, блестящаго и пористаго, и весьма походитъ на куколки бабочекъ.

При началѣ этого рога сдѣлано отверзтіе для того, чтобы личинка могла выйти, когда вылупится изъ яйца. Это отверзтіе закрыто бѣлою пленкою, чтобы вода не могла войти въ него. Гнѣздо не плаваетъ свободно по водѣ: насѣкомое обыкновенно привязываетъ его къ какому нибудь водяному растенію. Эти чрезвычайныя предосторожности, охраняютъ драгоцѣнные предметы, хранящіеся въ гнѣздѣ, отъ непріятелей водянки, пока дѣтеныши не вылупятся и не выйдутъ изъ своей колыбели.

Вылупившись изъ яйца, личинка растетъ весьма скоро, и по закону, который замѣтенъ во всѣхъ плотоядныхъ животныхъ, голова или челюсти развиваются скорѣе всѣхъ другихъ членовъ. Всѣ части личинки такъ прозрачны, что посредствомъ микроскопа, въ ней хорошо видно обращеніе жизненныхъ соковъ и всѣ движенія главныхъ артерій. Достигнувъ совершеннаго возраста, личинка имѣетъ продолговатый видъ; по бокамъ у нее видно семь паръ веселъ, посредствомъ которыхъ она весьма проворно движется въ водѣ. Эти части животнаго стоятъ внимательнаго наблюденія, и ихъ любопытно сравнить съ подобными частями у другихъ насѣкомыхъ. У личинки шесть ногъ, вооруженныхъ клещами, большая голова, крѣпкіе рожки и сильныя челюсти. Все тѣло ея желтовато-бураго цвѣта и длиною не болѣе полутора дюйма.

Докторъ Горингъ, который съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ это животное, говоритъ, что оно выказываетъ удивительный инстинктъ при нападеніи на своихъ непріятелей. Ежели тѣло его жертвы въ какомъ-либо мѣстѣ слабѣе, то водянка именно по этому мѣсту и поражаетъ ее. Вотъ какимъ образомъ она обыкновенно производитъ свои нападенія. Плывя горизонтально, водянка поднимаетъ голову такъ, что она составляетъ съ тѣломъ прямой уголъ, и такимъ образомъ даетъ насѣкомому возможность обозрѣвать все вокругъ его. Завидѣвъ добычу, водянка постепенно поднимается въ водѣ выше ея, схватываетъ ее клещами и потомъ смертельно поражаетъ своими челюстями; не выпуская, она приближаетъ ее ко рту и высасываетъ изъ нея весь сокъ. Но ежели насѣкомое, которое она преслѣдуетъ, покрыто твердою кожею или чешуею,

тогда она раздавливаетъ ее своими челюстями, и потомъ уже высасываетъ сокъ.

По приближеніи зимы, водянка вырываетъ себѣ ямку подлѣ пруда, закапывается въ нее и превращается въ куколку. При этомъ, кожа, покрывающая спину хищнаго звѣря, голова, ноги и другіе члены отпадаютъ; остается одна только куколка, которая чрезъ нѣсколько времени претерпѣваетъ послѣднее измѣненіе, и является уже въ видѣ совершеннаго насѣкомаго.

Водянка насѣкомое земноводное; лѣтомъ часто видимъ этихъ животныхъ на поверхности прудовъ, куда они выплываютъ для того, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Они плаваютъ очень хорошо; иногда для отдыха ложатся на спину и проворно вертятся. Днемъ они прячутся въ тѣни или погружаются въ воду, выходя оттуда только вечеромъ; но когда они долго оставались внѣ воды, то имъ уже трудно въ нее погружаться.

**ГРЕМУЧІЯ ЗМѢИ.** Г. Вудруфъ (Woodruff), который долгое время жилъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, напечаталъ въ Edinburgh Philosophical Journal любопытный результатъ наблюденій своихъ надъ гремучими змѣями. «Весною 1810 года, говоритъ онъ, жилъ я въ сѣверо-восточной части Штата Огаіо, гдѣ, какъ извѣстно, этихъ гадовъ весьма много. Мнѣ говорили, что въ гремучихъ змѣяхъ замѣтно большое отвращеніе отъ ясеня; многіе, весьма просвѣщенные люди увѣряли меня, сверхъ того, что тамъ, гдѣ растетъ это дерево, гремучія змѣи совсѣмъ не водятся, и что охотники и вообще всѣ, которые для удовольствія, или по необходимости, ходятъ по лѣсамъ, обыкновенно кладутъ въ сапоги, въ башмаки, или даже въ карманы, ясеневые листья, чтобы предохранить себя отъ укушенія этого рода змѣй. По увѣренію тѣхъ же людей, никогда не слыхано, чтобы человѣкъ, принявшій эту предосторожность былъ укушенъ.

«Признаюсь откровенно, что я мало этому вѣрилъ, почитая все подобныя утвержденія за дѣйствіе невѣжества и суевѣрія, и горѣлъ желаніемъ изслѣдовать собственнымъ опытомъ истину этихъ разсказовъ. Наконецъ представился

удобный къ тому случай. Г. Мареленд и Докторъ Доттонъ, которые оба жили тогда въ Полендѣ, предложили мнѣ ѣхать на охоту, и мы отправились на берега одного болота, къ которому лани приходили пить.

«Прождавъ съ часъ, мы съ чрезвычайнымъ удивленіемъ увидѣли, вмѣсто ланей, огромную гремучую змѣю, которая выползла изъ расщелинъ скалъ, окружающихъ это озеро, бросилась въ воду, и поплыла къ намъ, поднявъ голову и производя ужасный свистъ. Крики наши, или какое другое обстоятельство, остановили ее, и она почти зарылась въ песокъ, составляющій прибрежіе озера. Мы такъ были удивлены этою встрѣчею, что даже и не подумали взяться за оружіе; оно лежало на камнѣ, а мы, какъ-будто оцѣпенѣвъ, слѣдовали глазами за движеніями змѣи. Увидѣвъ, что она погрузилась въ песокъ, мы вообразили себѣ, что уже избавились отъ опасности и предались преждевременной радости, какъ вдругъ она перепрыгнула однимъ разомъ пространство, насъ раздѣлявшее. Намъ не оставалось дѣлать ничего другаго, какъ бѣжать. Благодаря неровностямъ скалы, на которой мы находились, и густому кустарнику, ее покрывавшему, мы скоро ушли отъ нашего непріятеля такъ, что онъ уже не могъ догнать насъ. Только тутъ пришло мнѣ въ голову, употребить хваленое предохранительное средство отъ укушенія гремучихъ змѣй, о которомъ говорили мнѣ въ Огаіо: я вынулъ охотничій ножъ мой и отрѣзалъ отъ стоявшаго поблизости ясеня вѣтвь, футовъ въ восемь или десять длиною, а товарищей моихъ просилъ срѣзать вѣтви какихъ-нибудь другихъ деревъ, чтобъ удостовѣриться дѣйствительно ли одинъ только ясень имѣетъ такое сильное вліяніе на гремучихъ змѣй.

«Вооружившись такимъ образомъ, мы смѣло пошли на нашу противницу, которая тщетно усиливалась выпутаться изъ кустарника. Я подошелъ къ ней шаговъ на десять; змѣя раздула шею, собралась, высунула жало, испустила звукъ, возвѣщающій обыкновенно, что она намѣревается начать нападеніе. Глаза ея горѣли; казалось, что они готовы выскочить, — такъ судорожно она ими вертѣла. Это время было благопріятно, чтобъ изслѣдовать заповѣдную силу моего талисмана. Если бъ я промедлилъ еще минуту, по-

гибель наша была бы неизбѣжна. Я тотчасъ воспользовался случаемъ и положилъ на змѣю мою ясеневую вѣтвь. Я никогда не видывалъ подобнаго превращенія. Змѣя опустила голову; глаза ея, столь живые, столь страшные, потухли и покрылись тройными своими вѣками; все тѣло ея затрепетало, и длинныя кольца ея хвоста собрались и сжались. Довольный полученнымъ успѣхомъ, я думалъ уже, что непріятель совершенно побѣжденъ и прибралъ ясеневую вѣтвь, чтобъ подойти поближе къ тому мѣсту; гдѣ змѣя лежала.

«Но освободившись отъ вліянія ясеневой вѣтви, змѣя съ гнѣвомъ поднялась; я протянулъ къ ней другую, дубовую вѣтвь: змѣя съ яростію на нее бросилась, и конечно ужалила бы меня, если бъ я не прибѣгнулъ опять къ ясеневой вѣтви, которую было оставилъ. Я нѣсколько разъ повторялъ этотъ двойной опытъ, и убѣдился, что ясень дѣйствительно имѣетъ какое-то свойство, отъ котораго змѣи цѣпенѣютъ. Я пробовалъ также ударять змѣю вѣтвію по срединѣ тѣла: это не производило въ ней совершеннаго окаменѣнія, но замѣтно было, что она находится подъ вліяніемъ тягостнаго впечатлѣнія, и старается избавиться отъ него, погружаясь головою въ песокъ. Я не хотѣлъ воспользоваться превосходствомъ моимъ надъ непріятелемъ, который удовлетворилъ моему любопытству, и такъ неоспоримо доказалъ мнѣ магнитическое вліяніе, производимое нѣкоторыми неорганическими тѣлами на существа органическія. Бросивъ на змѣю ясеневую вѣтвь, послужившую мнѣ для повѣрки опыта, и взявъ наши ружья, мы возвратились въ Полендъ, весьма довольные нашимъ походомъ, хотя цѣль нашей охоты и не была достигнута.»

**ЦЕЙЛОНСКІЙ КВАСЪ.** Г. Фербери, Цейлонскій инженеръ, пишетъ въ одномъ Журналѣ слѣдующее: «Я стрелъ дорогу между Коломбо и Триникемале, и 20 Іюля возвращался съ работниками въ городъ. Пройдя нѣсколько миль, мы вдругъ услышали трескъ, громкій какъ пистолетный выстрѣлъ. Мы смотрѣли во всѣ стороны, чтобъ открыть, откуда происходитъ этотъ непонятный звукъ, и замѣтили, что онъ произведенъ однимъ изъ стоящихъ по дорогѣ деревъ. Я подошелъ поближе, чтобъ изслѣдовать причину

этого, потому, что погода была тихая и ни почему нельзя было думать, чтобы то былъ трескъ сучьевъ, ломаемыхъ бурсю. Сначала я не замѣтилъ ничего необыкновеннаго: только нѣсколько отлѣпленныхъ кусковъ древесной коры могли объяснить мнѣ это явленіе; но скоро возбудилъ мое удивленіе фонтанъ, который вдругъ началъ бить изъ подъ коры одного дерева; онъ описывалъ дугу, футовъ 12 въ хордѣ; толщиною былъ онъ съ палецъ, и жидкость съ шумомъ падала на сухіе листья и хворостъ, лежавшіе по дорогѣ. Увидѣвъ это, работники мои съ радостію прибѣжали, потому что въ землѣ, гдѣ водяныхъ источниковъ мало, люди не пренебрегаютъ случаемъ добыть пріятное питье. Въ минуту, всѣ ихъ сосуды были наполнены. Истеченіе этой жидкости продолжалось минутъ двадцатъ, а послѣ того дерево тихо сочилось, какъ это часто бываетъ и съ другими породами. Я отвѣдалъ эту жидкость: цвѣтомъ она походила на молодое пиво, но скоро дѣлалась темнѣе и становилась слизистою. Вкусъ, въ самомъ началѣ, имѣла кисловатый и нѣсколько ѣдкій, но не противный. Изъ всѣхъ работниковъ, которые ее пили, ни одинъ не былъ боленъ, и они мнѣ говорили, что въ Цейланскихъ лѣсахъ это явленіе бываетъ довольно часто. Это дерево, называемое туземцами *Мадера-Маранъ*, весьма обыкновенно и растетъ большею частію на песчаной почвѣ или на берегу потоковъ.»

**СТРАННОЕ ЛЕЧЕНІЕ ОНѢМѢВШИХЪ.** Анатоль Брего, земледѣлецъ, живущій въ Ліелѣ (Liesle), послѣ болѣзни, отъ которой онѣмѣла сначала вся правая нога его, совершенно лишился употребленія языка. Шесть лѣтъ уже не говорилъ онъ ни слова и, повидимому, предался судьбѣ своей, какъ вдругъ получилъ употребленіе языка, возвративъ его себѣ довольно страннымъ, внѣ-медицинскимъ способомъ. Ему говорили, что многіе нѣмые вылечивались, вдыхая въ себя дымъ горящихъ старыхъ башмаковъ. Онъ рѣшился попробовать это средство, всталъ въ четыре часа утра, собралъ всю старую обувь, какую только нашелъ у себя въ домѣ, прибавилъ къ этому нѣсколько старыхъ шляпъ, шерстяныхъ чулокъ, и проч., связалъ все вмѣстѣ, положилъ въ печь,

закрылъ трубу и зажегъ; потомъ нагнулся надъ отверзтіемъ, оставленнымъ для котла, и началъ вдыхать въ себя эти вредные газы. Жена его, лежавшая еще въ постелѣ, почувствовала непріятный, удушливый запахъ, распространившійся по всему дому: она бѣжитъ въ комнату, въ которой мужъ ея лечился такимъ отчаяннымъ образомъ, и видитъ, что онъ лежитъ навзничь. При входѣ жены, Брего начинаетъ кричать: «Спасите! я погибъ! я самъ уморилъ себя!» Сосѣди, сбѣжавшіеся на крикъ, вытаскиваютъ его, почти задохшагося, изъ зловонной атмосферы, въ которой онъ былъ погруженъ. Его оттираютъ, и, послѣ сильнаго, продолжительнаго кашля и тошноты, Брего, къ удивленію всѣхъ, начинаетъ говорить. Чрезъ нѣсколько времени Брего поднялся на ноги, и побѣжалъ расказывать о своемъ счастьѣ знакомымъ и пріятелямъ. Истина этого происшествія засвидѣтельствована протоколомъ Ліельскаго мера.

**ТУРЕЦКІЯ СПЕКУЛЯЦІИ.** Нѣтъ, можетъ-быть, страны въ мірѣ, гдѣ бы человѣчество было предметомъ такихъ спекуляцій, какъ въ Турціи. На Западѣ, дѣятельность спекулянтовъ или охотниковъ биться объ закладъ находитъ себѣ пищу въ фондахъ, въ колоніяльныхъ товарахъ, въ дождѣ, въ хорошей погодѣ. На Востокѣ, кругъ оборотовъ хотя тѣснѣе, но не менѣе дѣятеленъ. Пусть у бѣдныхъ родителей много дѣтей: хороши ли они или дурны, здоровы ли сложеніемъ или нѣтъ, — все равно: тотчасъ явятся двадцать спекулянтовъ, чтобъ пустить ихъ въ оборотъ. Одинъ говоритъ: «Вашихъ мальчиковъ пристрою я въ сераль къ Султану..... продайте мнѣ ихъ, они какъ-разъ будутъ трубконосцы или ичогланы..... какая честь! какое для васъ счастіе! — Дочка у васъ молодая, прекрасная, — для нея найдется вѣрное мѣтечко въ гаремѣ у одного богатаго эфенди. — А эти бѣдныя страждущія малютки, — на что они вамъ? можетъ-быть вамъ не чѣмъ ихъ и содержать? ввѣрьте ихъ мнѣ: муэззину Акрской мечети нуженъ крикунъ сзывать правовѣрныхъ на молитву; сынъ вашъ и безъ того чуть видитъ, — ослѣпить его, — сущая бездѣлица, и онъ ужъ будетъ на хорошей дорогѣ. — А тотъ, что прячется тамъ въ уголъ: онъ едва похожъ на человѣка, — отдайте мнѣ его: самая легонькая операційка,

увѣряю васъ, — онъ будетъ такой евнухъ, что всѣ паши паши и бимбаши возьмутъ его наподхватъ! — Да скажите, не благословилъ ли васъ Пророкъ глухонѣмыми, хотя однимъ на первый случай: вы бы сейчасъ разбогатѣли, — вотъ тысяча піастровъ!» Торгъ сдаженъ въ одинъ мигъ, дѣти отобраны, бѣдная лачуга превращается въ прекрасный домъ, и отецъ этихъ дѣтей, преданныхъ въ рабство и въ уничиженіе, спокойно перебираетъ свои четки, и, потягивая дымъ изъ длиннаго чубука, медленно произноситъ: *Машаллахъ*!

«Въ продолженіе моихъ ученыхъ поисковъ, дѣланныхъ по разнымъ Турецкимъ областямъ, говоритъ докторъ Фрэнси, я бывалъ свидѣтелемъ зрѣлищъ самыхъ гнусныхъ; видалъ родителей, которые поступали съ дѣтьми безчеловѣчнѣйшимъ образомъ. А правду сказать, я отнюдь не искалъ этихъ отвратительныхъ зрѣлищъ. Предаваясь вполнѣ изученію своего предмета, я занимался только отыскиваніемъ рѣдкихъ растеній и животныхъ; но вечеромъ, когда, утомленный своими поисками, обремененный гербаріемъ, стучался я у дверей какой-нибудь деревенской избы и встрѣчалъ гостепріимство, какъ тогда избавиться отъ свѣдѣнія о звѣрскихъ жестокостяхъ, которыя происходили иногда у меня передъ глазами? Такъ, въ 1825 году, въ Караманіи, я поневолѣ былъ, въ Турецкой деревушкѣ, свидѣтелемъ одного случая, который оставилъ въ умѣ моемъ глубокое впечатлѣніе. Какой-то Аладжайскій муэззинъ, дряхлый, истощенный удовольствіемъ, одурѣвшій отъ опіума, едва могъ исправлять свою должность, состоящую, какъ извѣстно, въ томъ, чтобъ всходить, по пяти разъ въ день, на минаретъ мечети, и заунывнымъ дишкантомъ возвѣщать оттуда правовѣрнымъ часъ молитвы: надлежало сыскать ему преемника, а это было не совсѣмъ легко, потому что минаретъ былъ очень высокъ, а доходъ мечети очень невеликъ. Притомъ, для совершенно благочестиваго исправленія этой должности, надо быть слѣпымъ: этого требуетъ цѣломудріе восточныхъ дамъ, которыя большую часть дня проводятъ на плоскихъ крышахъ своихъ домовъ. Съ высокаго минарета, муэззину стоило бъ только взглянуть на завѣтныхъ красавицъ, — какой срамъ! Прозодникъ привелъ меня въ домъ кадія той деревни, который былъ отцемъ многочисленнаго

семейства, и уже давно подмѣтилъ мѣстечко этого муэззина для одного изъ сыновей своихъ, который окривѣлъ. Предложивъ мнѣ гостепріимство съ почтительнѣйшею учтивостью, онъ спросилъ, не докторъ ли я, и не могу ли сдѣлать маленькой операціи, которою его крайне одолжу. Прежде нежели взяться за дѣло, я хотѣлъ знать, въ чемъ оно состояло. Я провѣдалъ, сказалъ мнѣ кадій, что въ одну Аладжайскую мечеть нуженъ муэззинъ: вотъ у меня сынъ, — онъ окривѣлъ случайнымъ образомъ, и былъ бы хоть-куда въ эту должность; онъ знаетъ болѣе пяти сотъ стиховъ изъ Алкорана, вытвердилъ много кой-чего изъ Гафиза, и, право, чуть ли сыщешь кого способнѣе въ здѣшнемъ околоткѣ. Къ несчастію, есть одно, только одно препятствіе въ исполненіи моихъ желаній: онъ кривъ, а тутъ надо слѣпаго. Докторъ! ужъ вѣрно есть у васъ такой рецептикъ, чтобъ довести его до этого безъ большой муки: уступите-ка его мнѣ. Я отказался наотрѣзъ отъ подобнаго предложенія, но вечеромъ, ложась спать, услышалъ жалобные вопли и страшную суматоху: батюшка самъ принялся увѣчить сына. Въ Шогрѣ, въ Алепскомъ пашалыкѣ, я видѣлъ двоихъ дѣтей, отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ, нарочно одуренныхъ сильными пріемами опіума, и сами родители мучительски уродовали имъ члены, чтобъ выгодно продать ихъ Алепскому пашѣ, который былъ страстный охотникъ до уродовъ. Въ Килисѣ, въ томъ же пашалыкѣ, я прожилъ нѣсколько дней съ обществомъ скопителей, поселившихся въ одномъ каравансераѣ со мною: они прибыли изъ Завіетъ-эдъдейръ, деревни, извѣстной въ Оттоманской Имперіи лучшими операторами по этой части. Эти промышленики ходятъ по деревнямъ, и предлагаютъ свои услуги встрѣчному и поперечному. Они особенно любятъ посѣщать лачужки бѣдныхъ, и за десять, много за двадцать паръ, сдѣлаютъ операцію кому угодно. Двѣ или три пары бритвъ, да сумочка съ порошкомъ для поджиленія, — вотъ въ чемъ состоитъ весь ихъ ученый скарбъ!

«Я спрашивалъ ихъ о слѣдствіяхъ подобныхъ операцій и объ опасности, которой подвергались тѣ, кому ихъ дѣлаютъ. — Помилуйте! отвѣчали они: насъ около шестидесяти операторовъ въ одной деревнѣ, и увѣряемъ васъ, что если

операція сдѣлана вò-время, то есть, мальчикамъ отъ шести до семи лѣтъ, то, по нашимъ примѣтамъ, не умираетъ изъ нихъ и двадцатый. А за то, какое богатство разливаемъ мы здѣсь своимъ искусствомъ! Скажите сами: ну, чего стоитъ сынишка какого-нибудь арапа? Да на рынкѣ не дадутъ за него ста піастровъ! — а на холощеномъ отецъ выручитъ отъ пятнадцати до двадцати тысячъ. — Я не хотѣлъ болѣе слушать гнусныхъ объясненій, и ушелъ въ свою комнатку.»

«Проѣзжая черезъ Кавказскія Горы, путешествуя по Черкеской Области, по нѣкоторымъ странамъ Грузіи, и потомъ, приближаясь къ Анатоліи, я бывалъ свидѣтелемъ зрѣлищъ, можетъ-быть, не такъ ужасныхъ, какъ описанное выше, но не менѣе отвратительныхъ. То матери навязываютъ дочерей поставщикамъ на гаремы, то молодые люди ведутъ на продажу контрабандистамъ, промышляющимъ съ Персіею и Турціею, глухонѣмаго брата, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, и проч. и проч. Вообще, на Востокѣ, въ нижнихъ сословіяхъ, нѣтъ существа обиженнаго или одареннаго Природою до такой степени, чтобъ не быть предметомъ самыхъ прибыльныхъ оборотовъ.»

Хотя здѣсь дѣло о Турціи, но мы не можемъ не привести изъ послѣдняго сочиненія Г. Фрезера, чего-нибудь о спекуляціяхъ его пріятелей, Персіянъ. Вотъ одна изъ нихъ. «Въ городѣ Фарсѣ мнѣ случилось жить подлѣ дома одного очень богатаго и скупаго купца. Онъ всегда обнаруживалъ крайнюю бѣдность, но его враги распространяли объ немъ обидный слухъ, будто онъ чрезвычайно богатъ. Купецъ сердился, и клялся, что у него нѣтъ ни гроша. Гуляя по своей террасѣ, каждый день поутру и ввечеру, я слышалъ въ его домѣ какой-то ровный стукъ подъ такту и порой отдаленный, жалостный вопль: «Ай! ай! пощадите! ради Аллаха! *Валлахъ, билляхъ*, — клянусь жизнію вашихъ дѣтей, — клянусь именемъ святѣйшаго Алія, — нѣтъ и никогда не бывало у меня денегъ!» Періодическій возвратъ этой музыки, регулярно повторявшейся дважды въ день, наконецъ возбудилъ во мнѣ любопытство узнать, что это значитъ. Предпріятіе было довольно трудное; но я успѣлъ проникнуть тайну. Что жъ вышло? Купецъ, встревоженный распространяющимся слухомъ объ его богатствѣ,

предвидѣлъ, что правитель города скоро доберется до его кармана подъ какимъ-нибудь предлогомъ и подвергнетъ его пяты палочной банѣ, чтобъ исторгнуть побольше денегъ. Онъ рѣшился благовременно закалить свои подошвы, чтобы, въ случаѣ нужды, храбро выдержать пытку, и ежедневно послѣ завтрака и послѣ ужина вслѣть своимъ невольникамъ сѣчь себя палками по подошвамъ, постепенно увеличивая пріемы. Эти репетиціи на пятахъ новаго Митридата доходили до тысячи ударовъ во время моего пребыванія въ Фарсѣ.»

**ВОРЫ И МОШЕННИКИ ВЪ АНГЛІИ.** Воры составляютъ посреди Англійскаго общества особый народъ, говорящій своимъ языкомъ, имѣющій свои нравы, свое гражданское устройство, и занимающійся тайными ремеслами, столь же разнообразными, какъ и обыкновенныя явныя ремесла. Они раздѣляются на множество классовъ: есть грабители, разбойники, дѣлатели фальшивой монеты, мошенники; люди, ворующіе товары; другіе, которые воруютъ только часы и ридикюли; которые обкрадываютъ пьяныхъ или крестьянскія телѣжки; тѣ, которые крадутъ только якори и другія корабельныя принадлежности; тѣ, которые хранятъ украденныя вещи, пускаютъ въ обращеніе фальшивую монету, и прочая, и прочая. Каждый изъ этихъ классовъ имѣетъ свои права и преимущества, свои нравы и обычаи.

Лондонъ главное поприще, на которомъ трудятся эти художники, но они часто совершаютъ и путешествія: напримѣръ, общество мошенниковъ всякую весну отряжаетъ нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ на ярмарки, конскія скачки и другія собранія. Господа грабители имѣютъ во всѣхъ мѣстахъ Англіи своихъ корреспондентовъ, которые, за установленную бюджетомъ ихъ общества плату, даютъ имъ знать, если представляется случай кого-нибудь ограбить; тогда оно отправляетъ одного изъ своихъ членовъ, который, щегольски одѣтый, ѣдетъ обыкновенно въ каретѣ съ хорошенькой женщиной, и везетъ съ собою ящикъ инструментовъ, принадлежащихъ къ его искусству, которые стоятъ до 150 ф. ст. (3750 р.), но противъ которыхъ за то, если ими управляетъ опытная рука, не устоитъ ни какой замокъ, ни какая дверь.

Дѣлатели фальшивой монеты и люди, которые занимаются выпускомъ ея въ обращеніе, производятъ настоящую торговлю, основанную на правилахъ высочайшей честности и добросовѣстности. Желающій имѣть фальшивую монету объявляетъ фабриканту, сколько ему нужно, условливается въ цѣнѣ, и отдаетъ впередъ деньги; фабрикантъ назначаетъ, гдѣ можно будетъ получить ее, и нѣтъ примѣра, чтобы фабрикантъ когда-нибудь обманулъ покупщика своего.

Карманные воры, или мошенники, обыкновенно очень молодые люди, и общество ихъ многочисленнѣе всѣхъ прочихъ вмѣстѣ. Они большею частію сироты, незаконнорожденныя дѣти, но между ими есть и молодые люди хорошихъ фамилій, завлеченные въ общество порочными своими наклонностями. Мошенники часто перемѣняютъ мѣста своего пребыванія, и самые искуснѣйшіе изъ нихъ поступаютъ въ другіе классы.

Одинъ изъ этихъ несчастныхъ, сидя въ тюрьмѣ и готовясь къ отправленію въ Ботани-бей, написалъ письмо, въ которомъ изобразилъ жизнь свою и большей части своихъ товарищей. Оно было напечатано въ газетахъ.

«Я родился въ улицѣ Деіодъ-стритъ. Я никогда не зналъ моей матери, но товарищи отца моего разсказывали мнѣ, что она пускала въ обращеніе фальшивую монету и была сослана; другіе утверждали, что она умерла съ горя въ тюрьмѣ, но я никогда не могъ узнать этого вѣрно. Батюшка мой, когда говорили о моей матери, всегда нахмуривался, принималъ печальный видъ и не могъ утѣшиться, пока не выпьетъ рюмки вина.

«Въ нашей улицѣ, кто искуснѣе кралъ, тому болѣе удивлялись; стыдъ состоялъ только въ томъ, чтобы быть пойманнымъ. Въ концѣ улицы я часто видывалъ людей хорошо одѣтыхъ, которые проѣзжали въ великолѣпныхъ экипажахъ, и думалъ, что они счастливѣе насъ воровали.

«Я умѣлъ только воровать изъ кармановъ: меня ничему другому не учили. Но за то я занимался должностью прилежно и исправлялъ обязанность мою усердно, дѣлалъ все, что велятъ, и велъ себя честно: никогда не кралъ у отца и не обманывалъ моей хозяйки. Слышалъ я кой-что о чертяхъ, но этому не вѣрилъ, потому, что они ни одного вора не

поймали; но я съ малолѣтства ужасно боялся одного полицейскаго чиновника: этотъ проклятый человѣкъ все зналъ и все видѣлъ; меня учили остерегаться его, и я долго обманывалъ его бдительность; но наконецъ онъ поймалъ меня.

«Въ тюрьмѣ священникъ растолковалъ мнѣ, какъ бы меня надобно было воспитывать: онъ признался, что я былъ мальчикъ исправный и порядочный, что я всегда прилежно занимался своимъ дѣломъ, и слушался старшихъ; но онъ сказалъ, что если бъ я былъ по-старше, то меня бы повѣсили. За что же? Въ Лондонѣ я знаю много молодыхъ людей, которые живутъ точно такъ, какъ я.

«Когда меня судили, какой-то толстый господинъ говорилъ со мною очень милостиво, и я послалъ бы къ нему это письмо, если бъ зналъ, гдѣ онъ живетъ. Онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ открыть въ Деіодъ-стритѣ школу, въ которой мальчиковъ будутъ учить добру. Это, право, было бы хорошо, потому что, по крайней мѣрѣ, когда нашу братью поймаютъ и судятъ, мы бы не въ первый разъ слышали, что дѣлали зло.

«Говорятъ, что меня пошлютъ въ землю, гдѣ я буду жить съ дикими. Я радъ этому,— даже и не желаю возвратиться въ Англію; дикіе, по крайней мѣрѣ, научатъ меня стрѣлять, ходить на охоту, ловить рыбу, жить своимъ, а не чужимъ добромъ. Здѣсь объ этомъ и не думали, а если бъ меня не огорчала судьба остающихся здѣсь моихъ товарищей, если бы особенно я не надѣялся, что это письмо дойдетъ до толстаго господина въ парикѣ, то и не думалъ бы оправдываться, и не сталъ бы просить Джона Рудда написать это письмо. *Джонъ Вилльдъ.*»

**ПУТЕШЕСТВЕННИКИ.** Германскій естествоиспытатель, Г. Руппель, изъ Франкфурта на Майнѣ, окончивъ путешествіе въ Абиссинію, привезъ оттуда множество драгоцѣнныхъ предметовъ Естественной Исторіи. Этотъ отличный путешественникъ находится теперь въ Каирѣ, и намѣревается отправиться въ Европу. Имя Г. Руппеля уже извѣстно съ весьма выгодной стороны ученому свѣту по разнымъ сочиненіямъ и результатамъ прежнихъ его путешествій въ Сеннааръ и Кордуфанъ. Въ числѣ рѣдкихъ и замѣчатель-

ныхъ вещей, собранныхъ имъ въ это путешествіе, находятся Абиссинскія рукописи, которыя, какъ полагаютъ, относятся ко второму или третьему вѣку нашего счисленія, и золотыя монеты Абиссинскихъ Государей, современниковъ Императора Константина. Г. Рюппель занимался также опредѣленіемъ многихъ важныхъ географическихъ пунктовъ.

— Другой путешественникъ, не менѣе страстный къ Египту, Г. Буртонъ, прибылъ въ Александрію, и ожидаетъ случая отправиться въ Англію. Одиннадцать лѣтъ ѣздилъ онъ во всѣхъ направленіяхъ по разнымъ частямъ Египта, и особенно по пустынѣ, заключающейся между Ниломъ и Чермнымъ Моремъ. Въ этихъ поѣздкахъ онъ собралъ множество матеріяловъ для Наукъ. Онъ дѣлалъ изысканія по Геологіи, Конхиліологіи и Зоологіи. Онъ везетъ даже нѣсколько живыхъ животныхъ, въ томъ числѣ молодаго камелопарда и одно маленькое весьма рѣдкое животное, походящее на сурка и называемое по-Арабски *уэбаръ*.

Г. Буртонъ обращалъ также ученыя свои изысканія и на іероглифы. Извѣстно, что онъ издалъ по этой части нѣкоторые опыты, и новое изученіе предмета, конечно, доставитъ ему возможность пополнить ихъ. Надобно надѣяться, что труды Г. Буртона и другаго Англійскаго путешественника, Г. Вилькинсона, который за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ выѣхалъ изъ Египта, разольютъ новый свѣтъ на эту еще темную Науку. Г. Вилькинсонъ также глубоко изучалъ іероглифы. Мы должны прибавить, что Г-на Буртона сопровождалъ на всемъ его путешествіи искусный рисовальщикъ, Г. Гомфри, который списалъ множество іероглифовъ. Нѣкоторые изъ его рисунковъ литографированы въ Каирѣ.

**ПАГАНИНИ.** Въ Парижѣ, на театрѣ Des Variétés, играютъ теперь интермедію, La chambre de Rossini, въ которой актеръ Лери представляетъ Паганини, и представляетъ, какъ пишутъ въ Журналахъ, чрезвычайно сходно: тѣ же черные, жирные волосы, падающіе по плечамъ, тотъ же блѣдный лобъ, тѣ же безцвѣтныя губы, та же безсмысленная улыбка, тотъ же низкій поклонъ: одинмъ словомъ, Лери чрезвычайно вѣрно скопировалъ всю эту странную фигуру, невольно

возбуждающую вниманіе, — фигуру человѣка, который получалъ во Франціи по лундору за каждую ноту, извлекаемую имъ изъ скрыпки. Судьба Паганини во Франціи не менѣе странна, какъ и его фигура. Было время, когда Французы бѣгали за нимъ, рукоплескали ему, обожали, боготворили его, платили, что онъ хотѣлъ, за то, чтобы слышать, видѣть его; обогатили его въ однѣ сутки, пожертвовали ему всѣми своими музыкантами. Этого мало! Ему дѣлали честь, которая достается только великимъ людямъ, Байрону и другимъ: его клевстали, ему приписывали даже преступленія, увѣряли, что онъ отравилъ какую-то женщину. И что жъ? Все перемѣнилось. Теперь Французы увѣряютъ, что Паганини добрый и порядочный человѣкъ, хорошій *bourgeois*, какъ и другіе. Французы не хотятъ уже ни слышать, ни видѣть его; онъ въ Парижѣ, — и никто этого не знаетъ; онъ уѣхалъ, — и никто не заботится о томъ, гдѣ онъ, что онъ, что съ нимъ сдѣлалось, кого восхищаетъ онъ смычкомъ своимъ; — и отъ всей этой славы, клеветы, знаменитости, остались только алебастровая карикатура, сдѣланная художникомъ Дантаномъ, и живая каррикатура — актеръ Лери. Какъ вѣтрены люди! скажете вы. Да, это неоспоримо; но въ этомъ случаѣ вѣтренность извиняется благороднымъ побужденіемъ. Французы разлюбили, забыли Паганини съ тѣхъ поръ, какъ онъ, не смотря на усильныя просьбы разныхъ лицъ, отказался играть безденежно въ концертѣ, который Парижскіе артисты давали въ пользу разорившихся въ Парижѣ Англійскихъ актеровъ труппы Г-жи Смитсонъ, — когда онъ, Паганини, собралъ въ Англіи милліоны!

**ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.** Le curé Mérino, *Мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ.* Мелодрама! — Богъ съ нею. Мы предпочитаемъ выписать здѣсь подробности о жизни и лицѣ героя пьесы, извѣстнаго Испанскаго партизана въ рясѣ, приходскаго священника Мерино, который сражается теперь въ Испаніи за права Дона Карлоса; подробности, напечатанныя сочинителями Мелодрамы особою брошюркою для объясненія зрителямъ, что такое Мерино.

Приходскій священникъ Мерино, прозванный Пиренейскимъ разбойникомъ, происходитъ изъ семейства незначи-

тельнаго и небогатаго. Онъ отданъ былъ въ школу, но не кончивъ курса, возвратился домой и сталъ пасть стадо козъ, принадлежавшее отцу его. Между-тѣмъ въ Валловіадо умеръ приходскій священникъ, и Мерино занялъ его мѣсто; но какъ приходъ былъ бѣденъ, то онъ продолжалъ пасти козъ по буднямъ, а по Воскресеньямъ служилъ обѣдню.

Ему приписываютъ множество отвратительныхъ поступковъ съ членами его семейства. Были слухи объ его связи съ двоюродною сестрою, которая подарила его ребенкомъ, дослужившимся теперь до подполковничьяго чина; объ умореніи матери дурнымъ обхожденіемъ съ нею; о зависти къ старшему брату и посяганіи на его жизнь; о безчеловѣчномъ обращеніи съ меньшимъ братомъ, который будто былъ высѣченъ и забитъ палками до-смерти, по приказанію Мерино: сестра отъ него бѣжала. Сколько богатыхъ сюжетовъ для нынѣшней Французской Драмы! Само собою разумѣется, что всѣ эти слухи почти не заслуживаютъ довѣрія: они только показываютъ мнѣніе объ немъ его соотечественниковъ.

Мерино не болѣе пятидесяти осьми лѣтъ, говоритъ брошюрка: онъ малъ ростомъ, худощавъ, говоритъ грубымъ и громкимъ голосомъ; черты лица его чрезвычайно рѣзки; виски такъ впали, что его обыкновенно сравниваютъ со старою лошадью.

Онъ чрезвычайно здороваго сложенія, хотя и кажется хилымъ. Никто не переноситъ усталости лучше и болѣе его. Онъ не куритъ табаку, не пьетъ вина, ѣстъ мало и спитъ только *четверть часа на каждыя двадцать четыре льё* (?). Мерино не любитъ, чтобъ шайка его носила мундиръ. Онъ позволяетъ всякому одѣваться, какъ кто хочетъ. Когда онъ входитъ въ городъ, его скорѣе можно принять за разбойника, бѣжавшаго съ галеръ: такимъ *онъ кажется по своей фигурѣ и своему костюму*. Онъ жестокъ или, лучше сказать, свирѣпъ, какъ нельзя вообразить. По его приказанію при немъ разстрѣляно до пятидесяти алькадовъ. Всѣхъ плѣнныхъ, попадающихся въ его руки, казнятъ..... мы не смѣемъ сказать, какою казнью, — и черезъ сутки разстрѣливаютъ тѣхъ, которые остаются еще въ живыхъ.

Мерино удивительный невѣжда, наглъ до крайности и циникъ въ высочайшей степени; онъ ненавидитъ поповъ и монаховъ, и если бъ это было въ его власти, онъ всѣхъ бы ихъ разстрѣлялъ или зарѣзалъ. Но, при всѣхъ порокахъ, нельзя отказать ему въ геніи, хотя онъ не способенъ ни къ чему, кромѣ войны. Разбить его нѣтъ ни какой выгоды: шайки его возраждаются, какъ головы гидры; лучшіе Испанскіе Генералы разбивали, уничтожали въ прахъ солдатъ его: на другой день онъ являлся еще съ большею шайкою.

Если и не невозможно, то по крайней мѣрѣ трудно овладѣть имъ. Онъ всегда водитъ съ собою трехъ лошадей, можетъ быть прекраснѣйшихъ и наилучше выѣзженныхъ во всей Кастиліи.

Во время войны, онъ предаетъ огню и мечу все встрѣчающееся; задерживаетъ курьеровъ, и забираетъ все, что принадлежитъ правительству, противъ котораго онъ возсталъ. Если одинъ изъ солдатъ его украдетъ что-нибудь, его тотчасъ предаютъ смерти. Мерино не знаетъ ни честолюбія, ни корыстолюбія. Во время войны за независимость, онъ овладѣлъ въ Кинтанеполлѣ нѣсколькими милліонами и драгоцѣннымъ имуществомъ, принадлежавшимъ Французамъ, и роздалъ все это своимъ солдатамъ, а себѣ оставилъ только нѣсколько паръ шелковыхъ чулокъ.

Мелодрама не сходствуетъ съ этою біографіею героя, біографія героя не сходствуетъ съ Мелодрамою. Авторы содрали двѣ кожи съ одного быка, сдѣлавъ изъ характера одного и того же лица двѣ различныя картины. Въ Парижѣ лучше приняли Мелодраму, чѣмъ біографію; мы предпочитаемъ біографію Мелодрамѣ.

2. *Сынъ Нинины* Le fils de Ninon. Нинона ѣхала ночью изъ Монлери; на нее напали два разбойника и готовились ее ограбить, какъ вдругъ подоспѣлъ къ ней на помощь какой-то молодой человѣкъ. Нинона объ немъ думаетъ, Нинона ждетъ его. Входятъ разныя лица, дамы и мужчины, и между прочими и таинственный молодой человѣкъ, прекрасный юноша, такъ кстати подоспѣвшій на помощь Нинонѣ. Нинона смотритъ на прекраснаго юношу такъ нѣжно, что Г. де Ла-шатръ выходитъ изъ терпѣнія, и вызываетъ его на

дуель. Этотъ молодой человѣкъ не кто иной, какъ сынъ Ниноны и Г. де Виларсо. Нинона думаетъ, что сынъ ея умеръ; молодой Виларсо не знаетъ, что Нинона его мать. На дуэли съ Г. де Ла-шатромъ онъ получилъ рану; долго былъ безъ памяти, и, очнувшись, увидѣлъ у своего изголовья Нинону, — Нинону, которую онъ любитъ всѣми силами души своей. Нинона смотритъ на него съ нѣжностію, Нинона цѣлуетъ его. Вдругъ входитъ Г. Виларсо. Онъ вскрикиваетъ, и говоритъ на ухо — Нинонѣ: *Это сынъ вашъ!* — молодому Виларсо: *Это Нинона Ланкло!* Молодой человѣкъ, уважая добродѣтель, отвергаетъ ласки Ниноны.

Нинона вполнѣ предается новой любви своей, — любви материнской. Она хочетъ женить его и посылаетъ за дѣвицею Кателіею Рамберъ. Услышавъ это, молодой Виларсо котерый сидѣлъ тутъ же спрятавшись, выбѣгаетъ. — А! ты хочешь женить меня на другой! говоритъ онъ, и бросается, чтобъ убить Нинону. Но старый Виларсо какъ тутъ: онъ говоритъ сыну: *Это твоя мать!* Молодой Виларсо говоритъ отцу: *Это моя мать!* Отецъ говоритъ: *Да!* Сынъ разѣваетъ ротъ, распростираетъ руки, разставляетъ ноги, и поражаетъ себя кинжаломъ въ желудокъ. Нѣтъ Виларсо сына! Нинона плачетъ, Нинона бросается въ объятія Виларсо отца, Нинона смотритъ съ нѣжностію на Виларсо сына..... Занавѣсъ опускается, — Драма Г. Анселло кончилась.

Жаль, что она такъ плоха! Нинона Ланкло была однако жъ женщина необыкновенная: изъ нея можнобъ было сдѣлать что нибудь позанимательнѣе. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, вѣкѣ прекрасныхъ женщинъ и умныхъ женщинъ, ни одна изъ нихъ не занимала свѣта столько, какъ Нинона Ланкло. Она родилась почти вмѣстѣ съ семнадцатымъ вѣкомъ, и съ нимъ сошла въ могилу. Она знала старика Ришелье и молодаго человѣка Вольтера. Въ регентство Анны Австрійской она уже начинала господствовать; въ царствованіе Лудовика XIV у ней былъ настоящій Дворъ. Умомъ, прелестями и незастѣнчивымъ поведеніемъ, она заняла въ свѣтѣ мѣсто, котораго никто кромѣ ея не занималъ: она была новѣйшею Аспазіей. Лучшее общество, умнѣйшіе люди собирались у Ниноны Ланкло; знакомство въ Нинонею Ланкло почиталось честью, необходимостью для всякаго порядочнаго че-

ловѣка. Издалека пріѣзжали посмотрѣть на нее. Королева Христина была у ней въ гостяхъ, и цѣловала ея прелестныя руки. Честнѣйшіе, отличнѣйшіе люди ее любили: Г. де Курвиль, Маркизъ де Севинье, Г. де Виларсо, Маршалъ Шуазель, Шапель, Сенъ-Дерессонъ; Мольеръ читалъ ей первыя дѣйствія своего Тартюфа; двѣнадцати-лѣтнему Вольтеру она отказала въ завѣщаніе двѣ тысячи франковъ на покупку книгъ; великій Кондс у ней часто ужиналъ.

Нинона Ланкло была мученіемъ другой умной женщины, которая тоже много занимала свое время, — Г-жи Севинье. Въ письмахъ своихъ она часто упоминаетъ о Нинонѣ: то бранитъ ее, то восхищается ею; но никогда ея не презираетъ. Не мудрено: Нинона Ланкло отняла у Г-жи Севинье сначала мужа, потомъ сына, потомъ внука; но она была женщина необыкновенно ума, а Г-жа Севинье умѣла цѣнить умъ. Этого мало: Г-жа Ментенонъ, ханжа Г-жа Ментенонъ, Французская Королева Г-жа Ментенонъ, была другомъ Нинины Ланкло; онѣ неразъ сыпали на одной постелѣ: это тогда было въ модѣ между пріятельницами. Вдова Скарронъ вышла замужъ за Короля, Нинона Ланкло ни за кого не вышла; одна жила при Дворѣ, во всѣхъ безпокойствахъ, во всей скукѣ величія, и, овдовѣвъ во второй разъ, умерла въ одиночествѣ, оставленная всѣми; другая наслаждалась баснословною старостію; умерла, какъ жила, посреди друзей своихъ, девяноста лѣтъ и пяти мѣсяцевъ отъ роду, эпикурейкою до конца жизни, и оставила послѣ себя славу честнѣйшаго человѣка того времени. Она объ этомъ только и молилась Богу. «Дай Господи, чтобы я всегда была честнымъ человѣкомъ, а не честною женщиною!»

Въ тоже самое время играли въ Парижѣ Водевиль Les papillotes, въ которомъ та же женщина составляетъ сюжетъ пьесы. Водевиль былъ принятъ лучше нежели Мелодрама, хотя скоро будетъ забытъ такъ же какъ и она.

3. *Несчастія красавца.* Les malheurs d' un joli garcon. Этотъ Водевиль теперь въ большой модѣ въ Парижѣ. Герой пьесы, по званію своему, красавецъ и прикащикъ одного кофейнаго дома. Бѣдный красавецъ! Вообразите, что онъ принужденъ жениться на женщинѣ которой не любитъ, тогда какъ у него тридцать шесть любовницъ. Не вообразимо, въ

какой лабиринтъ приключеній завлекаетъ бѣднаго красавца любовь его къ прекрасному полу и *его смазливое лице.* Дядя его колотитъ палкою по спинѣ, три любовницы бьютъ его по щекамъ; онъ въ бѣдѣ за то, что не любитъ, и за то, что любитъ; онъ входитъ въ домъ въ двери, а выходитъ въ окно; удары и дѣти сыплются на него градомъ. Однимъ словомъ, злоключенія бѣднаго красавца далеко превышаютъ несчастныя приключенія Г. Пурсоньяка. Водевиль очень забавенъ.

4. *Любовные успѣхи*, комическая Опера. Les bonnes fortunes. Тоже исторія несчастнаго красавца. Г. Изидоръ, франтъ, занесенный разными приключеніями въ Флоренцію, влюбляется во всѣхъ и каждую. Онъ любитъ, его любятъ; онъ бьетъ, его бьютъ; онъ входитъ въ дверь, вылетаетъ въ окно; хочетъ увезти Маріанну, и ввозитъ тетку ея, перезрѣлую дѣву Розабеллу. Все это украшено легкою, веселою музыкою Г. Адама. Увертюра весьма хороша; куплеты съ акомпаниментомъ фагота возбуждаютъ всякой разъ восторженныя рукоплесканія: однимъ словомъ, музыка съ начала до конца заслуживаетъ большую похвалу.

5. *Мужъ Музы.* Le mari de la muse, Водевиль Баяра. Знаете, что такое Муза? Муза — женщина, которая пишетъ стихи. Знатоки въ Музахъ говорятъ, что Музы нашего времени женщины лѣтъ сорока или даже пятидесяти; что глаза у нихъ впали, волосы лѣзутъ, платье въ безпорядкѣ, башмаки спадываютъ; онѣ жалуются на все, и вѣчно жалуются на мужа, жалуются на дѣтей; жалуются, плачутъ горько, и поютъ громко. Поютъ весну, поютъ зиму, поютъ любовь. Коварная любовь! веселая весна! горькая зима! Онѣ мечтаютъ, погружаются въ сладостную задумчивость, носятся въ облакахъ, теряются въ туманной дали, готовы броситься въ объятія ничтожества! Жаль бѣдняжекъ! Впрочемъ, Муза Г. Баяра не такова: она молода и хороша; ее зовутъ Г-жа Пусè, или лучше сказать, Г. Пусè мужъ ея: Селеста Пусè и нѣкто Г. Эдуардъ очень любятъ заниматься вмѣстѣ поэзіею.

Боже мой, Боже мой! сколько этихъ Музъ на свѣтѣ! Сколько поэтическихъ признаній вытерпѣлъ человѣкъ въ свою жизнь, если человѣкъ вздумалъ быть журналистомъ! Чего же хотятъ почтенныя Музы? Почти ничего, — бездѣлки. Уто-

ленія ихъ скорбей, утѣшенія въ печали, сердца, которое бы отвѣчало біенію ихъ сердца, души, которая была бы эхомъ ихъ души, арфы, которая бы пѣла отъ ихъ дуновенія, розоваго вѣнка, который бы онѣ могли положить на свѣжую могилу какого-нибудь злополучнаго юноши, въ цвѣтѣ лѣтъ увядшаго, да еще шелковаго платья и новой шляпки. Вотъ все, чего онѣ хотятъ! Но довольно о старыхъ Музахъ. Возвратимся къ Водевилю и къ молодой Г-жѣ Пусè.

Г-жа Пусè страхъ любитъ стихи; она пишетъ стихи днемъ, пишетъ стихи ночью (ночью!); пишетъ стихи одна, пишетъ стихи съ Г. Эдуардомъ. Г-ну Пусè нравится все, что пишетъ, все что дѣлаетъ Г-жа Пусè. Однимъ словомъ, Г. Пусè такой добрый мужъ, что Г-жа Пусè чуть не начала заниматься съ Г. Эдуардомъ уже не стихами. Какъ бы то ни было, Г. Пусè даетъ вечеринку, и какую вечеринку, — литературную, — вечеринку въ стихахъ и прозѣ!.... Какія заботы! Принимать столько народу, подавать этому народу пуншъ и сладкіе пирожки! Въ заключеніе вечеринки бѣдный мужъ застаетъ Г. Эдуарда на колѣняхъ передъ Музой: они разговариваютъ ужасною прозою! Въ этотъ разъ проза Г-жи Пусè не понравилась Г-ну Пусè. Водевиль очень милъ.

**ВОДЯНОЙ ТЕАТРЪ.** Въ Парижѣ занимаются устроеніемъ новаго рода зрѣлища, которое назвали «наутическимъ театромъ». Цѣль его, представить въ величайшей точности, въ самой высокой степени оптическаго обмана, отблескъ и волненіе воды на морѣ или среди строеній, горъ и деревъ. Всѣ доселѣ употребляемыя средства декораціи не могли изобразить даже тѣни подобія воды; самая искусная кисть не производила ни какого эффекта надъ зрителемъ. Теперь придумали заставить воду представлять собственное лице свое, — воду же. Вся сцена будетъ не что иное, какъ длинный прудъ, напущенный самою чистою и прозрачною водою. Полъ, устроенный надъ прудомъ, долженствуетъ служить поприщемъ дѣйствій, происходящихъ на сушѣ, на лугахъ, въ лѣсу, въ комнатахъ, на улицѣ или на площади. Когда потребуется видъ моря или озера на сценѣ, этотъ полъ разводится наподобіе пловучаго моста, и являются

или озеро съ прелестными островами, скалами, каскадами и лодками, въ которыхъ актеры гребутъ весломъ, или безконечное море съ Этною, Везувіемъ, Теперифомъ вдали. При помощи весьма искусно устроенной перспективы, военные корабли будутъ удобно исполнять на немъ всѣ морскіе манёвры и производить жаркія сраженія. Въ случаѣ нужды извѣстный Американскій водопадъ, Ніагара, предстанетъ глазамъ въ натурѣ. Посредствомъ подводнаго механизма, на этомъ морѣ вдругъ поднимаются огромныя волны, и съ шумомъ разражаются о скалы. Подобный театръ не боится даже пожара, и, кромѣ наводненія, для зрителей не можетъ быть въ немъ ни какой другой опасности.

**СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ.** Война, вспыхнувшая по поводу статьи Г. Низара, кажется, кончилась угрозами: Г. Жапенъ, такъ жарко возставшій для защиты «юной Словесности», опять принялся надъ нею подшучивать, и только знаменитый Аристотель ульта-романтизма, риторъ новой школы, Г. Фёльндъ, еще продолжаетъ стрѣлять по обоимъ противникамъ, за свои личныя обиды. Въ первой книжкѣ Б. для Ч. помѣстили мы отрывокъ одной статьи изъ Journal de Paris, подъ заглавіемъ «Искусство литературныхъ объявленій.» Теперь оказывается, что это была статья Жапена, который вздумалъ вывести себя на сцену подъ именемъ Поручика Годара, представивъ въ Г. Проспектусѣ лице, очень близкое Г. Фельнду. Если что-нибудь любопытно въ этой полемикѣ, то слогъ Гг. Украшеній новой школы: рѣшительно, роскошь выраженій дошла до той степени, что теперь нужно до трехъ тысячъ словъ и трехъ сотъ фигуръ, одни страннѣе и безвкуснѣе другихъ, чтобъ сказать то, что прежде говорили въ пяти словахъ. Желая сохранить въ нашемъ Журналѣ, для удивленія будущихъ временъ, образецъ полемическаго слога, которымъ теперь люди воюютъ въ Словесности, выпишемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ творенія новѣйшаго Квинтиліана. Статья начинается такъ: *Et* M. Nisard n'a été qu'un soldat à la suite; non point seulement posant le pied, criant haro, frappant du ceste à l'endroit même où les lourds savans d'Édimbourg et les hargneux rhéteurs de Genève avaient mis le pied, crié

haro, frappé du ceste, toutes choses qui n'avaient rien que de fort naturel dans un homme, par qui l'art du calque et de l'imitation est tenu en si grande difficulté. D'ailleurs, sur la route, où ils avaient traîné notre jeune littérature, une corde au cou, un cierge de cire jaune à la main, pour lui faire amende honorable, ces messieurs avaient laissé sur leurs pas un si agréable parfum de souquenille et de toque doctorale, un si bon air de gourme magistrale, une si esquisse saveur collégiale, qu'on ne saurait s'étonner le moins du monde d'avoir vu s'enrégimenter après eux, tout ce que l'atelier Pankouke renfermait, en serre chaude, de sympathies extatiques pour la divinité classique, pour la pensée qui se rive à une autre pensée, pour la phrase qui s'ajuste à la phrase, pour le mot qui se cloue au mot. Mais à l'endroit où M. Nisard s'est rué en foudre de guerre, la moustache retroussée, le bâton ferré au poing, un enfant capricieux et rieur avait déjà fait courir son cerceau et siffler sa baguette; mais un gant jaune-serin avait déjà légèrement frappé les joues qu'il a meurtries, lui, de son pesant gantelet de fer; sur le sable mouvant où son lourd dextrier a enfoncé jusqu'aux jarrets ses lourds sabots, le vent n'avait pas encore effacé l'empreinte de fragiles pantoufles de verre. Aussi, quand il a vu que par la porte qu'il avait si imprudemment laissé ouverte, un athlète, bien frotté d'huile classique pour une lutte à outrance, passait après lui, enfant qui n'avait voulu que jouer à l'escrime; quand il a vu cte.

Вся статья писана тѣмъ же слогомъ. Въ какое арлекинское платье мысль должна наряжаться, чтобъ быть хорошо принятой «юной Словесностью»!.... Если только во всемъ этомъ есть хотя тѣнь мысли!

Но между-тѣмъ событія нѣкоторымъ образомъ оправдываютъ показанія Г. Низара. Примѣру Панкука послѣдовали другіе книгопродавцы, и новыя изданія Латинскихъ классиковъ уже входятъ въ число литературныхъ объявленій. У студентовъ Парижскаго Университета существуетъ обычай, заказывать исключительно для себя театральное представленіе въ праздникъ Св. Карла-Великаго: пьесы для этого избираютъ они сами, и лучшіе Парижскіе актеры способствуютъ къ ихъ увеселенію. Въ нынѣшнемъ году, въ на-

чалѣ Февраля, назначили они, по общему согласію, одну пьесу новой школы, Henri III et sa cour, и другую изъ старой Словесности, Les fausses confidences, сочиненіе Мариво. Сперва — выборъ удивилъ многихъ, потому, что въ прошлыхъ годахъ учащееся юношество въ этотъ день желало видѣть только самыя страшныя и самыя кровавыя произведенія романтизма; потомъ-удивило слѣдствіе спектакля: прославленная Драма Александра Дюма̀ была принята ими холодно; Комедія Мариво доставила пылкимъ школьникамъ источникъ самой сердечной и шумной потѣхи.

— Но къ нынѣшней Французской школѣ, которая уже потеряла свой огонь и преждевременно клонится къ старости, прибавилась одна новая черта, и со дня на день становится она рѣзче. Извѣстно, что главная мысль начальниковъ Французскаго романтизма, — мысль нелѣпая и столько же противная разсудку, сколько Религіи, правамъ и выводамъ Естественной Исторіи, — заключается въ томъ, будто супружество есть состояніе несогласное съ человѣческою природою. Гг. Бальзакъ, Мишель Ремонъ, Жаненъ, Викторъ Гюго̀, Фурье и другіе, ворочаютъ эту сумасбродную идею уже нѣсколько лѣтъ, и представляютъ ее въ различныхъ видахъ, почти при всякомъ случаѣ. Эта, достойная капустной головки, Философія начинаетъ уже приносить плоды. Она проникла въ убѣжденія прекраснаго пола, и женщины-писательницы съ каждымъ днемъ явнѣе и безстыднѣе начинаютъ возставать противъ супружества. Многочисленное общество дамъ-словесницъ издаетъ въ Парижѣ повременное сочиненіе, Journal des femmes, изъ котораго исключены мужчины: редакторы и директоры его — женщины. Этотъ Журналъ особенно отличается духомъ, враждебнымъ брачному союзу, и статьи Г-жи Дюдеванъ (Жоржъ Сандъ), одной изъ сотрудницъ, могли бъ удивлять читателя страстною своею діалектикою, если бъ не заставляли сожалѣть о сотрудницѣ и даже о народѣ, въ которомъ узы, самыя священныя и необходимыя для человѣческаго счастія, такъ гибельно начинаютъ расторгаться. Другой Журналъ въ томъ же родѣ называется La tribune des femmes: можно судить о духѣ по одному заглавію. Въ послѣдней его книжкѣ напечатана статья одной дамы, которая утверждаетъ, что по-

вая Драма, Angèle, Александра Дюма, — Драма жестокая, раздирающая, неблагопристойная до невѣроятности, — въ началѣ которой уже стоитъ на театрѣ «кровать обольщенія», — есть самое нравственное и невинное твореніе въ мірѣ. Такъ называемое «освобожденіе женскаго пола» сдѣлалось модною идеей, и овладѣло умами несмѣтнаго множества образованныхъ женщинъ. Учители обоего пола излагаютъ эту фантастическую науку публично, и аудиторіи полны разодѣтыми въ пухъ слушательницами. Мужьямъ должно быть весело!..... И Французскій романтизмъ можетъ поздравить себя съ прекраснымъ дѣломъ! Не смотря на то, по увѣренію очевидцевъ и по таблицамъ «Комитета географическихъ долготъ», люди женятся въ Парижѣ по прежнему. Родъ человѣческій неисправимъ!

— Второй выпускъ (livraison) Французскаго Конверсаціонъ-Лексикона, Encyclopédie des gens du monde, вышелъ изъ печати въ теченіе прошлаго мѣсяца.

— Также вышли въ свѣтъ томы V и VI сочиненій Г. Бальзака. Въ нихъ отличается въ особенности Романъ его Eugénie Grandet, который Издатели здѣшней Revue Etrangère перепечатываютъ въ своемъ Журналѣ. Это безспорно лучшее произведеніе моднаго автора: повѣсть простая, ясная, не безъ прелести и благопристойная; хорошо начатая и, что удивительнѣе, даже хорошо окончанная. Въ ней тоже встрѣчаются ужасныя длинноты, и слогъ не чуждъ манерности; но по крайней мѣрѣ логика, съ которою Г. Бальзакъ такъ давно въ разбранкѣ, не попрана на всякомъ шагу. Eugénie Grandet, съ нѣкоторыми оговорками не въ пользу автора, можетъ быть сравнена съ «Вакфильдскимъ Пасторомъ.» А оговорки едва ли не превышаютъ итога точекъ этого сравненія! Г. Бальзакъ все-еще боленъ натяжкою: и въ этомъ, тщательнѣе другихъ отдѣланномъ твореніи встрѣчаются мѣста, гдѣ манерность и забвеніе здраваго смысла простерты до послѣдней точки смѣшнаго и нелѣпаго. Подивитесь только портрету героини Повѣсти! Она, говоритъ сочинитель, была прелестнѣе, нежели какъ сама полагала: во-первыхъ, у нея была *огромная* голова, — чело *мужчины*, но мужчины *Юпитера*, — и *сѣрые* глаза, на которыхъ чистая ея жизнь, вся туда сбѣгавшаяся, *напечатлѣвала* свѣтъ *бьющій*; во-вторыхъ, въ

чертахъ лица ея видно было Христіанство. Каковы черты лица, что даже показываютъ вѣроисповѣданіе! И для вящшей изящности, эти черты, *нѣкогда* свѣжія и розовыя, еще огрубѣли отъ *кроткой* оспы, которая *истребила* бархатность кожи. И притомъ она была надѣлена толстымъ носомъ, цвѣтъ котораго *состоялъ въ созвучіи съ ея красными, кошенилевыми усами*, — усами *полосатыми* какъ мелко-линѣйный ситецъ, à mille raies, и отъ того полными любви и доброты. Словомъ, героиня не была *миловидная*, но она была *красавица*,—той именно красоты, которой многіе *такъ легко* не понимаютъ, а которую удивительно постигаетъ только художникъ, живописецъ. Этотъ живописецъ, всмотрѣвшись хорошенько, *вдругъ* нашелъ бы въ лицѣ красотки Г. Бальзака *врожденное* благородство, *о которомъ никто не вѣдаетъ*, — а *подъ* ея спокойнымъ челомъ (не забудьте, мужскимъ, и еще Юпитеровымъ) нашелъ бы онъ — что, вы думаете? — *цѣлый міръ любви*! — а въ очеркахъ ея глазъ, въ *привычкѣ* бровей ея, нашелъ бы еще *что-то не знаю божественное*! — Если Г. Бальзакъ понимаетъ самъ себя, то накажи меня, Богъ, такимъ же отсутствіемъ логики, какимъ наказалъ Ты его въ подобныхъ портретахъ красавицъ! Достоинство Повѣсти состоитъ все въ изображеніи нѣжныхъ чувствъ красавицы съ толстымъ, краснымъ носомъ на огромной головѣ. Любовь ея изображена прелестно.

— Наконецъ и Французскіе Академики со скуки рѣшились писать сказки; примѣру Г. Арно послѣдовалъ Г. Віенне, уже извѣстный однимъ Романомъ. Три Романа въ большой модѣ въ Парижѣ съ начала сего года — Les Francs-Taupins Библіофила Жакоба, имѣвшій уже нѣсколько изданій; Le brasseur roi Виконта Д'Арленкура, вмѣстѣ историческій Романъ среднихъ вѣковъ и современный пасквиль; и La Four de St-Ange Г-на Віенне, произведеніе, тоже не чуждое политики: въ предисловіи, авторъ жестоко мститъ тѣмъ, которые давали ему серенады на кастрюляхъ, и дѣлали изъ него каррикатуры. Venezia la bella, Романъ Г. Ройе, также пріобрѣтаетъ большія похвалы во многихъ Журналахъ: это, говорятъ, произведеніе души поэтической, чувствительной, печальной, нѣжной..... въ описательномъ родѣ. Но самый странный Романъ — La Sainte-Baume

Г-на д'Ортигъ, извѣстнаго своими музыкальными статьями. Главы, вмѣсто изложенія содержанія буквами, снабжены надписями въ нотахъ. Если читатель музыкантъ, то, прочитавъ гармоническій эпиграфъ главы, онъ можетъ знать, будетъ ли въ ней смѣяться или плакать. Такъ, напримѣръ, главѣ, гдѣ героиня Романа ожидаетъ своего любовника въ рощѣ, надписью служитъ музыка пѣсни Агаты изъ Фрейшюца. Другая глава, въ которой монахини собираются въ пещерѣ на молитву, имѣетъ девизомъ утренній гимнъ изъ Весталки Спонтини. Погребальный маршъ Бетговена, Sinfonia eroica, напечатанъ вверху послѣдней главы: какъ читатель знаетъ, что по регламенту новой школы, авторъ, — если онъ не трусъ, — долженъ, послѣднимъ почеркомъ пера, истребить свою нѣжную героиню, бѣлую и съ голубымъ глазомъ, то ему легко отгадать, что несчастная дѣва здѣсь погибнетъ. Въ самомъ дѣлѣ, маршъ не вретъ: она умерла и похоронена.

— Но самая занимательная книга и навѣрное лучшая изъ всѣхъ тѣхъ, о которыхъ здѣсь мы говорили, это Mémoires et Voyages du capitaine Basil Hall, переводъ съ Англійскаго. Всѣ критики отъ нея въ восхищеніи. Это исторія жизни одного моряка, отъ званія матроса до капитанскаго чина, — Романъ, Путешествіе и Исторія, но въ сущности Романъ. Должно по-справедливости признаться, что настоящій Романъ существуетъ только въ Англіи, какъ настоящая Комедія только во Франціи. Г-жа Сталь сказала однажды и умно, и основательно, что у Англичанъ, въ тѣлѣ, есть окошко, въ которое они всовываютъ голову, и видятъ себя, свое сердце и всѣ движенія своей души.

— Прилагаемые нами въ концѣ Смѣси списки вновь выходящимъ книгамъ во Франціи, Англіи и Германіи, назначены не столько къ удовлетворенію библіографическаго любопытства, сколько къ другой, важнѣйшей цѣли: они показываютъ духъ занятій и родъ предметовъ, къ которому умственная дѣятельность каждой изъ трехъ странъ направлена въ наше время. Предоставляя личному взгляду читателя ежемѣсячно оцѣнять по этимъ спискамъ качество ученыхъ и литературныхъ упражненій народовъ, предводительствующихъ

Европейскою образованностью, мы сообщаемъ здѣсь общую вѣдомость о книготисненіи во Франціи за 1833 годъ.

Всего, въ теченіе прошлаго года вышло тамъ 7,011 сочиненій; но въ этомъ итогѣ заключается 4,346 политическихъ брошюръ, рѣчей, пасквилей, адвокатскихъ записокъ, и проч., и 604 изданія на иностранныхъ языкахъ: слѣдственно, количество настоящихъ французскихъ книгъ ограничивается 2,061 произведеніемъ, по слѣдующему расписанію:

| | |
|---|---|
| Стихотвореній | 275 |
| Медицинскихъ, юридическихъ, по части Естественной Исторіи и Политическихъ Наукъ | 532 |
| Историческихъ, статистическихъ, и проч. | 215 |
| По предметамъ Философіи и Нравственности | 102 |
| Богословскихъ и молитвенниковъ | 235 |
| По отдѣленію Изящныхъ Искусствъ, Путешествій и проч | 170 |
| Романовъ и Повѣстей | 555 |
| Драматическихъ пьесъ | 179 |

**СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ.** Съ начала года по сіе время мы еще ждемъ Англійскихъ Журналовъ, и не можемъ сказать ничего новаго о Словесности того края, хотя въ планъ нашего изданія именно входятъ этого рода извѣстія, которыя безъ-сомнѣнія пріятны для просвѣщенныхъ читателей, и любопытны по своей новости. Въ каждой книжкѣ мы намѣрены давать объ иностранныхъ Словесностяхъ статьи, подобныя предъидущей: въ разсужденіи Французской, исправно получаемые матеріялы дозволили намъ съ самаго начала года сообщать перечень важнѣйшихъ литературныхъ происшествій, и въ первой книжкѣ мы напечатали ее подъ заглавіемъ «Важное событіе во Французской Словесности,« во второй подъ заглавіемъ «Война во Французской Словесности». Съ нынѣшней книжки, подобныя извѣстія будутъ составлять, уже подъ общимъ наименованіемъ Словесности, къ которой они относятся, постоянныя статьи Смѣси, имѣющей цѣлію и обязанностью ограбить дочиста лучшіе иностранные Журналы, пришедшіе въ теченіе мѣсяца, из-

влекая изъ нихъ все любопытное, занимательное и не слишкомъ длинное, чтобъ для многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ отмѣнить ихъ необходимость, и сберечь издержки на ихъ покупку. Объ Англійской Словесности въ этотъ разъ мы еще принуждены ограничиться новостями, доставленными изъ Лондона за Декабрь мѣсяцъ.

Въ исходѣ прошлаго года въ Англійской публикѣ дѣлали много шуму Романы — Recollections of a Chaperon, сочиненіе Леди Дакръ, и Allan Breck Г-на Больвера, автора «Пильгама» и «Евгенія Арама». Въ особенности, сочиненіе Леди Дакръ принято съ большимъ одобреніемъ читательницами и Журналами; Романъ Г. Больвера нѣкоторые критики называютъ безнравственнымъ, хотя чрезвычайно занимательнымъ. Новые два Романа Cecil Hyde и The Baboo находили то же много обожателей, равно какъ The Stoic, Повѣсть Миссъ Стенфордъ.

«Прелестное и забавное» произведеніе Г-на Китли, подъ заглавіемъ — Tales and popular fictions, their ressemblance and transmission from country to country, by *Th. Keightley*, — сколько можно судить по критическимъ его разборамъ, обѣщаетъ много удовольствія любителямъ Англійской Словесности.

Но послѣдователи системы утилитаріевъ, люди положительные, люди серебряные, ариѳметическіе, расчетливые, — однимъ словомъ, Бентамисты, съ восхищеніемъ узнаютъ о выходѣ въ свѣтъ послѣдняго творенія покойнаго Бентама. Оно имѣетъ заглавіе — Deontology, or the Science of Morality, — *Деонтологія, или Наука о обязанностяхъ и нравственности*; — и издано извѣстнымъ Докторомъ Боурингомъ. Подъ конецъ своей жизни, Бентамъ, который всѣ человѣческія занятія цѣнилъ на деньги, вздумалъ быть ариѳметическимъ Цицерономъ, или по крайней мѣрѣ доказать свѣту, что Латинское краснорѣчіе можетъ быть выражено Арабскими цифрами. Когда кто-то сказалъ у насъ недавно, что въ Европѣ скоро явятся карманныя таблицы, гдѣ всѣ наши чувствованія, страсти и помышленія будутъ расположены по алфавитному порядку, съ означеніемъ въ графѣ достоинства ихъ на рубли и копѣйки, онъ вѣрно не полагалъ, чтобы въ то самое время печаталась въ Лондонѣ

книга знаменитаго человѣка, въ которой эта шутка приведена въ дѣйствіе направду. Вотъ какъ Бентамъ опредѣляетъ порокъ: «Порокомъ называется ошибка въ счетѣ, — дурное «исчисленіе итоговъ удовольствія и страданія: это не что «иное, какъ ложная нравственная Ариѳметика, — и какъ утѣ«шительно думать, что, съ помощію настоящей цыфири, «можно рѣшить всѣ почти нравственные и отвлеченные во«просы съ точностью, не уступающею математической!»

=

# НОВЫЯ КНИГИ.

## *Французскія.*

**LA FRANCE**, description géographique, statistique et topographique, avec une carte et un dictionnaire biographique et bibliografique, par M. *Loriol*. 1 vol.

**EXPOSÉ** des principes élémentaires et raisonnés sur le meilleur système d'emprunts publics et sur le meilleur mode d'amortissemens, par *I. B. Juvigny*. 1 vol.

**TRAITÉ DE MÉTROLOGIE** ancienne et moderne, par M. *Saigey*. 1. vol.

**DE L'ÉDUCATION** des mères des familles, ou De la régénération du genre humain par les femmes, par M. *Aimé Martin*. 2 vol.

**HISTOIRE NATURELLE** de l'homme et de la femme. 1 vol.

**L'HOMME** politique et social, par M. *Vernes de Luze*. 1 vol.

**L'HOMME** considéré en grand, sour les rapports des appareils et des fonctions, par M. *Broc*. 1 vol.

**HISTOIRE ET ROMAN.** Avec l'épigraphe: Il y a toujours un peu de roman dans l'histoire, et un peu d'histoire dans le roman; par M. *Audibert*. 1 vol.

**L'ESPAGNE.** Souvenirs de 1823 et 1833, par *Adolphe de Bourgoing*. 1 vol.

**HISTOIRE PITTORESQUE DU MONT ST.-MICHEL**, par M. *Maximilien Raoul*. 1 vol. orné de 14 gravures à l'eau-forte.

---

**LE CHATEAU DE SAINT-ANGE**, roman, par M. *Viennet*. 2 vol.

**SOIRÉES D'ABBOTSFORD**, chroniques et nouvelles recueillies dans les salons de *Walter Scott*. 1 vol.

**LE COMTE DE SAINT-GERMAIN** et la marquise de Pompadour, roman nouveau, par Mr. *M****. 2 vol.

**LES MAUVAISES TÊTES**, esquises de moeurs, par M. *Perrin*. 2 vol.

**THIEL-LE-RODEUR**, roman et tableaux de genre, par *Fréderic Mercey*. 2 vol.

**LE VICOMTE DE BÉZIERS**, roman, par *Frédéric Soulié*. 2 vol.

**LA SAINTE-BAUME,** roman, par *Joseph d'Ortigue.* 2 vol.
**UN ACCÈS DE FIÈVRE,** roman, par *J. Becard.* 1 vol.
**CORPS SANS AME,** roman, par *Jules Lacroix.* 2 vol.
**UN AME EN PEINE,** roman, par M. *Amédée Kermel.* 2 vol.
**ELISA DE RIALTO,** roman, par M. *Chaudesaigues.* 1 volume (furibond).

---

PUBLICATIONS PAR SOUSCRIPTION ET PAR LIVRAISONS.

*Oeuvres complètes de Saint-Jean-Chrysostome,* Grec-latin.
*Musée religieux,* choix de plus beaux tableaux des peintres les plus célèbres.
*Gallerie des arts et de l'histoire,* composée de tableaux et statues les plus remarquables des musées de l'Europe, etc., 700 gravires.
*Classiques épistolaires,* ou choix de meilleures lettres de tous les siècles, etc.
*Le Magazine Français,* nouvelle bibliothèque des romans modernes.
*La France dramatique* au XIX siècle, collection de pièces modernes.
*Flore des jardiniers,* amateurs et manufacturiers, avec 400 figures. Idem.
*Guide pittoresque du voyageur* en France, avec 90 cartes, 70 portraits et 600 gravures.
*Encyclopédie de l'agriculture pratique,* maison rustique du dix-neuvième siècle.
*Nouveau cours complet d'Agriculture* théorétique et practique, par les membres de l'Institut de France, etc.

---

## *Англійскія.*

**HISTORY OF SOUL,** explanated in six preaches. By *Bumbleton.* 1 vol.
**THE WRITINGS OF GEORGE WASHINGTON,** being his correspondences, adresses, messages etc. By *Jared Sparks.* 2 vols.
**DEONTOLOGY,** or the Science of Morality. From the Mms. of Jeremy Bentham, arranged and edited by *Dr. Bowring.* 1 vol.
**CONVERSATIONS** of a father with his children. 1 vol.
**THE CRISIS OF ENGLAND,** its danger, etc. 1 vol.
**AN EXAMINATION** into the causes of declining reputation of the medical faculty of the University of Edinburgh. 1 vol.
**OBSERVATIONS** on fumigating and other baths. By *Green.* 1 vol.
**FLORA BATHONIENSIS,** published by *C. C. Badington.* 1 vol.
**THE RAILWAY COMPANION,** being an account of rise and progress of railway between Liverpool and Manchester. 1 vol. with lithograph. sketches.
**AN HISTORICAL AND DESCRIPTIVE ACCOUNT OF PERSIA,** from the earliest ages to the present time. By *J. B. Fraser.* 1 vol.

**VIEWS AND DESCRIPTION** of cyclopien and pelasgie remains in Greece and Italy, from dravings by the late *E. Dodwell*, and intented as a supplement to his tour in Greece. 1 vol. with 131 plates.

**NARRATIVE OF A TOUR** in North-America, Mexico and Cuba. By *B. Tudor*. 2 vols.

**NARRATIVE OF A JOURNEY** to the Falls of Cavery, with an historical and descriptive account of Neilgherry Hills. By *Lieut B. Jervis*. 1 vol.

**EXCURSIONS IN THE HOLY LAND,** Egypt, Nubia, Syria, etc. By *John Madox*. 2 vols.

**GERMAN NATION AND ORIGINE,** geographically and historically elucidated, with especial reference to the language. By *Henry Meidinger*. 1 vol.

---

**THE FREENESS AND SOVEREIGNTY OF GRACE.** By *Miss Graham*. 1 vol.

**VILLAGE WALKS.** Tales from the actual life. By the author of Sophia Linau. 1 vol.

**NINE YEARS** of an actor's life. By *R. Dyer*. 1 vol.

**ALLAN BRECK.** By the author of Subaltern. 3 vols.

**THE DOCTOR.** Sketches. 2 vols.

**TALES AND POPULAR FICTIONS,** their ressemblance and transmission from country to country. By *Thomas Keightley*. 1 vol.

**THE SKETCHES AND EXCENTRICITIES** of Colonel David Crockett, of West Tennesee. 1 vol.

---

## *Нѣмецкія.*

**HANDBUCH DER DAMPFMASCHINENLEHRE**, für Techniker u Freunde der Mechanik. Von Dr. *Ch. Bernouille*. Mit 12 Steindrucktaf. Stuttgart.

**UEBER DREI HŒCHST SELTENE PERSISCHE HANDSCHRIFTEN.** Ein Beitrag zur Literatur der orientalischen Arzneimittellehre. Von Dr. *K. Seligmann*. Wien.

**TASCHENBUCH** der Arzneimittellehre und Receptirkunde, nach dem neuesten Standpunkte dieser Wissenschaften, entworfen von *E. S. Schroff* und *K. D. Schroff*. Wien.

**DIE KRANKHEITEN DER REICHEN.** Diätetische Grundlinien für das höhere und conversationelle Leben von *L. Eleckles*. Wien.

**ABHANDLUNGEN** über Cameral- und fiscalämtliche Gegenstände, nebst einer besondern Abhandlung über Adelsanmassungen. Von Dr. *J. Linden*. Wien.

**DIE MECHANIK** in ihrer Anwendung auf Künste und Gewerbe. Gemeinverständlich dargestellt von Dr. *A. Baumgärtner*. 2te verm. u. ganz umgearb. Aufl. Mit 9 Kupfertafeln. Wien.

**ALLGEMEINE STAATSLEHRE** von *D. G. von Ekendahl.* Zweiter Theil. Neustadt a. d. O.

**DIE WUNDER DER HOMŒOPATHIE.** Eine kurze und deutliche Darstellung dieses neuen Heilverfahrens für gebildete Laien, zur gründlichen Beurtheilung der Hahnemann'schen Schriften, nebst einer kurzen pragmatischen Lebensbeschreibung dieses grossen Mannes, von einem praktischen Arzte. Leipzig.

**DIE NEUEREN ERFINDUNGEN UND VERBESSERUNGEN** in Betreff der optischen Instrumente etc. Herausgegeben von *J. A. F. Arnold.* Mit 4 Tafeln Abbildungen. Quedlinburg.

**DIE FABRIKATION DES GLASES** nach den neuesten Erfindungen und Verbesserungen. Von *Bowles* Nach dem Engl. bearbeitet und mit Zusätzen vermehrt. Mit 2 Tafeln Abbildungen. Quedlinburg.

**DIE FABRIKATION DER GLASSPIEGEL** nach den neuesten Erfindungen und Verbesserungen. Von *C. Rothenhagen.* Mit 1 Taf. Abbildungen. Quedlinburg.

**POPULAIRES PHYSIKALISCHES LEXIKON,** oder Handwörterbuch der gesammten Naturlehre für die Gebildeten aus allen Ständen, von Dr. *G O Marbach.* Ersten Bandes erste Lieferung. Mit einer Kupfertafel. Leipzig.

**THEOFRID,** oder Vorbilder des Vertrauens, der Geduld und Standhaftigkeit unter grossen Unfällen und Gefahren. Für Freunde einer bildenden Unterhaltung, besonders die Jugend aufgestellt, von *J H Lehnert.* Mit Kupfern. Berlin.

**NOVELLEN** von *A Bronikowsky.* Erster Band: der Schreibfehler und Monsieur le marquis. Leipzig.

**REIN HOMŒOPATHISCHES KOCHBUCH FUER KRANKE,** die sich homöopathisch heilen lassen. Von einem Verehrer der Homöopathik. Mit zwei Vorreden von Dr. *C. F. Schwarze.* Dresden.

**SAINT SIMON** und der Saintsimonismus. Allgemeiner Völkerbund und ewiger Friede. Von *M. Veit.* Leipzig.

---

**GRIMMENTHAL.** Romantisches Zeitbild aus dem sechzehnten Jahrhundert, von *L. Bechstein.* Hildburghausen.

**DRAMATISCHES GESPRÆCH IM REICHE DER TODTEN,** zwischen Schiller, Wieland, Iffland, Kotzebue und Göthe. In 4 Abtheilungen. Von *** *S* **. Quedlinburg.

**SATYRISCHER FRAUEN- UND MÆDCHENSPIEGEL DER HEUTIGEN WELT.** Zum Scherz und Lachen. In Kuittel- u. Rüttelversen, von *J. Spottvogel.* Quedlinburg.

**SELMA'S** Erzählungen aus der Romanenwelt des wirklichen Lebens. Herausgegeben von *J. C. Appenzeller.* Aarau.

**DIE BEGUINE.** Historischer Roman aus der Mitte des vierzehnten Jahrhunderts. Von *L. Storch.* Frankfurt a. M.

# МОДЫ.

*Парижъ. Февраль.*

На послѣднемъ балѣ при Дворѣ замѣтили прелестную прическу, которая имѣла успѣхъ совершенный подъ именемъ coiffure à la Mancini: это смѣсь пуклей и цвѣтовъ, переплетенныхъ между собою и падающихъ весьма низко по обѣимъ щекамъ. Она принята прелестнѣйшими Парижскими дамами.

— Вотъ два новые бальные наряда. Первый: платье изъ чернаго атласа, на платьѣ изъ розоваго атласа, обшитомъ высокимъ воланомъ изъ чернаго кружева; вся передняя часть юбки была видна, потому, что верхнее платье расходилось въ обѣ стороны. Корсажъ у этого платья былъ открытый и драпированный, на плечахъ два *жокея*, спускающіеся на короткій рукавъ съ тремя перехватами (sabots), обшитый внизу манжетами изъ чернаго кружева. Головная уборка состояла изъ розы, приколотой весьма низко, близъ уха; изъ-подъ этой розы выходило длинное черное перо *эспри*, сгибавшееся надъ головою. Второй: Платье изъ бѣлаго крепа; спереди юбки множество мелкихъ бантиковъ изъ розовыхъ лентъ; эти банты (noeuds) были нашиты, тремя рядами, которые нисходили изъ подъ taille en pointe до *урле*, и къ низу постепенно расширялись, образуя передникъ; рукава были совершенно покрыты маленькими бантами; а въ волосахъ два розовые банта съ обѣихъ сторонъ, въ срединѣ сплетенныхъ волосъ, загибающихся на щекахъ въ видѣ подковы. Вмѣсто рядовъ бантовъ на платьяхъ этого рода бываютъ три широкія ленты, съ бантами у корсажа и у *урле*.

Разрѣзныя платья, robes ouvertes, рѣшительно въ модѣ; эти платья разрѣзываются спереди, съ боку или въ видѣ передника, то есть, съ обѣихъ боковъ, и сдерживаются бантами или застежками, agrafes, довольно отдаленными одна отъ другой, для того, чтобъ видна была исподняя юбка. Когда платье разрѣзано только напереди, и расширяется

какъ рединготъ, вся краса заключается въ нижней юбкѣ. Онѣ дѣлаются изъ бѣлаго атласа, изъ бѣлаго вышитаго *море*, moire blanche, brodée, и даже изъ блонды.

Прекрасныя платья дѣлаются изъ атласа гранатнаго или каштановаго цвѣта. На платья неглиже, или полу-нарядныя употребляется Алжирскій атласъ; эти платья часто еще обшиваются черными блондами.

Много также дѣлаютъ разрѣзныхъ платьевъ шелковыхъ, атласныхъ, и проч. на исподней юбкѣ той же матеріи.

Платья изъ вышитаго тюля, tule brodé, весьма хороши для баловъ или для большихъ вечеровъ. Платья изъ розоваго, лимоннаго или голубаго тюля, вышитаго шелкомъ того же цвѣта, свѣжи и изящны.

Для дѣвушекъ бѣлый цвѣтъ никогда не былъ въ такой модѣ. Весьма красивы бѣлыя креповыя платья съ лентами розовыми, тафтяными или бѣлыми атласными. Талія со шнипомъ, рукава съ тремя *сабо*, безъ маншеттъ; галантерейныхъ вещей мало и цвѣты невидные.

—Тюрбановъ, попрежнему, видно болѣе, чѣмъ какихъ либо другихъ головныхъ уборокъ. Тюрбаны изъ блондоваго тюля прелестная головная уборка въ простомъ нарядѣ. Ничто не можетъ быть нѣжнѣе этого полупрозрачнаго облака, окружающаго лице. Недурная собою женщина въ тюрбанѣ кажется красавицею, а отъ красавицы въ тюрбанѣ надо съ ума сойти на-мѣстѣ. Эти тюрбаны, собственно говоря, не принадлежатъ къ всякому наряду, то есть, они не годятся на большомъ балѣ для дамы, которая танцуетъ; но они приличны съ платьемъ бархатнымъ или атласнымъ.

Ткани, употребляемыя на тюрбаны: бѣлые газы, гибкіе, прозрачные, которые, не смотря на свою легкость, мнутся не такъ скоро, какъ многія другія ткани; черные или другихъ темныхъ цвѣтовъ газы съ печатными золотыми узорами; газы нѣжныхъ оттѣнковъ, розовые или голубые, брошѐ съ серебряными узорами; потомъ богатые атласы брошѐ съ цвѣтными узорами, кашемиры, фулары всѣхъ родовъ, блонды, шелковыя кисеи, и проч. Изъ всѣхъ этихъ тканей дѣлаются прелестные тюрбаны, которые обогащаются иногда султанами, райскими птицами, каменьями и прекраснѣйшими галантерейными вещами.

— Небольшіе блондовые чепчики становятся все легче и нѣжнѣе цвѣтомъ; ленты и цвѣты употребляются *нѣжно-розоваго* и *небесно-голубаго цвѣтовъ* rose-tendre, bleu-azuré, особенно, въ большой модѣ цвѣты тѣльнаго цвѣта, couleur de chair.

— Газъ во всѣ времена составлялъ часть прекраснѣйшихъ дамскихъ костюмовъ: онъ принималъ самыя разнообразныя формы. Нынче, по прихоти вкуса, явилось новое изобрѣтеніе, и газъ, скрученный, надутый, переплетенный другимъ газомъ, образуетъ прелестное на шеѣ украшеніе, которое назвали *волнистыми боа*, boas ondés. Эти боа весьма хороши на бальныхъ платьяхъ; эта легкость, эта прозрачность, восхитительно идутъ съ крепами и шелковыми тканями.

— Самыя модныя утреннія шали — красныя или зеленыя, четвероугольныя, съ широкими бордюрами, фонъ изъ странныхъ пальмъ. Эти шали должны быть весьма длинны. Длинныя шали носятъ по вечерамъ.

Пряжки съ цилиндромъ, boucle à cylindre, которыя, посредствомъ замысловатаго механизма, доставляютъ возможность распускать понемногу кушакъ, не разрушая правильности наряда, суть предметъ драгоцѣнный для здоровья, и между-тѣмъ увеличивающій изящность костюма. Стоитъ только подавить маленькую пружину, чтобъ стянуть или распустить ленту, сколько угодно, — и это можетъ быть сдѣлано столь незамѣтно, что никто не увидитъ, что вы распускаете кушакъ. Сверхъ того, эти пряжки надолго сохраняютъ во всей ея свѣжести ленту, которую такъ портятъ скверные и опасные шпинки. Эти пряжки согласуются съ нынѣшнею модою, потому, что онѣ покрыты пластинкою, plaque, болѣе или менѣе украшенною.

— Другое важное изобрѣтеніе для дамскаго здоровья, суть механическіе корсеты, corsets hygiéniques. Они растегиваются вдругъ подавленіемъ пружины, — что очень удобно во время баловъ, гдѣ дамѣ можетъ сдѣлаться дурно отъ танцевъ, жара или ревности. Другіе этого рода корсеты, дешевле первыхъ и еще удобнѣе, сдѣланы такъ, что вы только вытаскиваете фишбеннъ, косточку, и уже свободны отъ удушливыхъ узъ. Они здоровы и послѣ бала: пріѣ-

хавши домой, раздѣваясь, не нужно даже сердиться на горничную, что она медленно васъ разстегиваетъ.

—Шляпки-капоты для гулянья дѣлаются просто, съ большими полями и съ бантами въ видѣ розетки. Бархатъ будутъ еще носить до самой весны; между-тѣмъ уже дѣлаютъ шляпки-капоты изъ Индѣйскаго бархата, velours de l'Inde, съ тафтяными лентами.

—Въ театральныхъ трубкахъ, называемыхъ jumelles, сдѣлано новое изобрѣтеніе. Прежняя, толстая и тяжелая обдѣлка, утомлявшая тѣхъ, которые употребляютъ эти трубки, оставлена; стекла вставляются нынче въ обдѣлку изъ шелка и золотыхъ проволокъ, которая чрезвычайно легка и складывается такъ, что совсѣмъ почти не занимаетъ мѣста.

—Мужскія платья снова дѣлаются по Англійской модѣ. Высокія таліи, узкія фалды, короткіе рукава. Многіе молодые франты ѣздятъ на балъ во фракахъ такого фасона, съ серебряными пуговицами, въ узкихъ панталонахъ и бархатныхъ жилетахъ.

---

*Объясненіе приложенной картинки.* Прическа головы à la ravissante. Платье креповое съ цвѣтами. Клокъ кашемировый, вышитый шелкомъ.

20
5
35
20
139

6—37
1—39

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
AP50
.B5
t.2
ch.2